

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

37 - NASHRI

**O'ZBEKISTON FANLAR AKADEMIYASI
ARXEOLOGIYA INSTITUTI**

**O'ZBEKISTON
MODDIY
MADANIYATI
TARIXI**

37 - NASHRI

A.E. Berdimurodovning umumiy tahriri ostida

Samarkand
2012

Bosh muharrir

A.E. Berdimurodov

Taxririyaat kengashi:

t.f.d., professor A.A. Abdurazzoqov, O`zR FA akademigi A.A. Asqarov,
O`zR FA akademigi Yu.F. Buryakov, t.f.d., professor M.J. Jo`raqulov,
O`zR FA akademigi O`.I. Islomov, O`zR FA akademigi E.V. Rtveladze,
t.f.d., professor R.H. Sulaymonov, t.f.d., professor T.Sh. Shirinov,
t.f.d. M.-Sh. Kdirniyazov

Muharrirlar:

t.f.n. M.H. Pardayev, t.f.n. D.K. Mirzaaxmedov,
t.f.n. V.D. Ruzanov

Taqrizchilar:

Professor R.H. Suleymanov
Tarix fanlar nomzodi A.A. Anarboyev

To`plam O`zbekiston Respublikasi Mustaqilligining 20 yilligi, xalqaro ilmiy hamkorliklarning yutuqlari, mamlakatimiz hududida o`tkazilayotgan arxeologik tadqiqotlarning eng yangi natijalariga bag`ishlangan bo`lib, tadqiqotlar paleolit davridan o`rta asrlargacha bo`lgan keng xronologik davrni qamrab oladi. Unda paliolit davri ob`yektlariga oid tosh qurollar to`plamlarining klassifikatsiyasidan tortib, turli manzilgothlar va ustaxonalar floralarigacha bo`lgan juda ko`plab masalalar qarab chiqilgan. Metallurgiya manbalarining kimyoviy xususiyatlari, qadimiy mudofaa tizimlari, tarixiy topografiya, bronza davrining antropologik materiallari, antik shaharlar va qishloqlar qoldiqlari ham tadqiq etilgan.

To`plamda siyosiy tarix muammolari, qadimiy qabrlar majmualari materiallari asosida esa mafkuraviy qarashlar, yashash manzillari me`morchiligi, an`anaviy hunarmandchilik, sun`iy sug`orish tizimlari, tangashunoslik va O`zbekistonning qadimgi va o`rta asrlar yodgorliklaridagi konservatsiya ishlari natijalari yoritilgan.

To`plam arxeologlar, tarixchilar, san`atshunoslar, O.O`.Yu. talabalari, o`lkashunoslar va barcha O`rta Osiyoning o`tmishi bilan qiziquvchilar uchun mo`ljallangan.

ISBN 978-9943-11-155-4

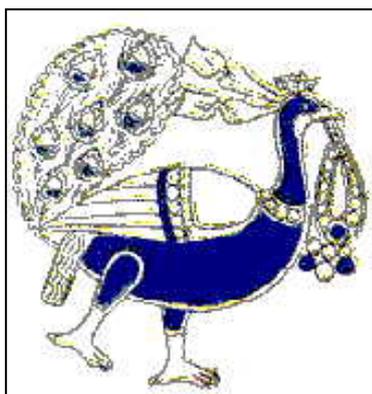
© O`zR FA Arxeologiya instituti, 2012 й.

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА**

ВЫПУСК 37

Под общей редакцией А.Э. Бердимуратова

Самарканд
2012

Главный редактор

А.Э. Бердимуратов

Редакционный совет

д.и.н., профессор А.А. Абдуразаков, академик АН РУз А.А. Аскарлов,
академик АН РУз Ю.Ф. Буряков, д.и.н., профессор М.Д. Джуракулов,
академик АН РУз У.И. Исламов, д.и.н. М.-Ш. Кдырниязов,
академик АН РУз Э.В. Ртвеладзе, д.и.н., профессор Р.Х. Сулейманов,
д.и.н., профессор Т.Ш. Ширинов.

Редакционная коллегия

к.и.н. М.Х. Пардаев, к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов,
к.и.н. В.Д. Рузанов

Рецензенты:

Проф. Р.Х. Сулейманов
кандидат исторических наук А.А. Анарбаев

Сборник посвящен 20-летию независимости Республики Узбекистан, успехам в международном сотрудничестве и новейшим результатам археологических исследований проведенных на ее территории, хронологически охватывая широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до периода средневековья. Рассматривается многочисленный спектр вопросов объектов каменного века, от классификации орудийного набора и до флоры различных стоянок и мастерских. Характеризуются химические особенности металлургических баз, древнейшей фортификации исторической топографии и антропологического материала культур эпохи бронзы, античных поселений и городов.

А также, освещаются проблемы политической истории, на основе материалов погребальных комплексов, идеологических концепций, архитектур жилищ, традиционное ремесло, система ирригации, нумизматика и результаты консервационных работ на древних и средневековых памятниках Узбекистана.

Сборник предназначен для археологов, историков, искусствоведов, студентов гуманитарных ВУЗов, краеведов и всех интересующихся прошлым народов Средней Азии.

ISBN 978-9943-11-155-4

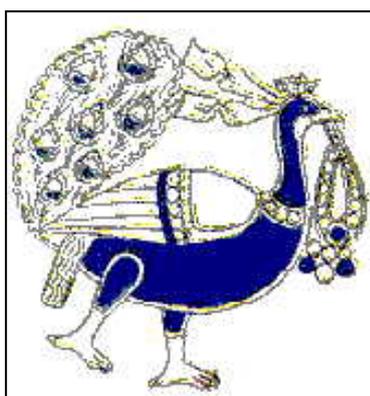
© Институт археологии АН РУз, 2012 г.

**ACADEMY OF SCIENCES OF THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY**

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN**

37 EDITION

Edited by A.E. Berdimuradov

Samarkand
2012

Editor-in-Chief
Dr. A.E. Berdimuradov

Permanent Staff:
Prof. A.A. Abdurazzakov, Academician of Uzbekistan Academy of Sciences A.A. Askarov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences Y.F. Buryakov, Prof. M.D. Djurakulov
Academician of Uzbekistan Academy of Sciences U.I. Islamov, Academician of Uzbekistan Academy
of Sciences E.V. Rtveladze, Prof. R.H. Suleymanov, Prof. T.Sh. Shirinov, Prof. M-Sh. Kdirniazov

Additional Staff:
Dr. M.H. Pardaev, Dr. D.K. Mirzaahmedov
Dr. V.D. Ruzanov

Reviewers:
Prof. R.H. Suleymanov,
Dr. A.A. Anarbaev

This publication is dedicated to the 20th anniversary of independence of the Republic of Uzbekistan. It presents the latest results of archeological investigations and covers a period from the Paleolithic to the Late Medieval Period in Uzbekistan. These reviews cover various topics such as industry in the Stone Age, crafts and trade in ancient and medieval times, topology and planning of towns and settlements, burial and cult architecture, performing arts, development of ideology, as well as issues of political history. This collection of articles is designed for archeologists, historians, scholars of other historical sciences and for all interested in history of Central Asia.

ISBN 978-9943-11-155-4

© Istitut of Archaeology Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan, 2012.

А.Э. Бердимуродов, М.Х. Пардаев

МУСТАҚИЛЛИК ЙИЛЛАРИДА ЎЗБЕК АРХЕОЛОГИЯСИНИНГ ТАРАҚҚИЁТИ

“...мана шу муътабар юртимиздаги ер ости хазиналаридан, асрлар давомида сукутга чўмиб ётган шахристонлардан топилган археологик ашёлар, ноёб тасвирлар ва ҳали очилмаган, ўз сирларини пинҳон сақлаб келаётган чўли биёбонлар, ҳеч шубҳасиз, бугун биз яшаётган тупроқда қадим-қадим замонлардан бошлаб буюк маданият ва санъат ривожланганини тасдиқлайди.”

Ислом Каримов

Архаик ва қадимги даврларда географик ва сиёсий жиҳатдан Турон, ўрта асрларда Мовароуннаҳр, Туркистон деб аталган бу озод юртда антик ва кейинги давр муаррихлари таърифлаганларидек- “қуёш ўлкаси - Хоразм”, “туғлари баланд кўтарилган - Бактрия”, “Турон замин юраги - Суғдиёна”, “минг шаҳарли Довонь-Фарғона”, “қалъа- работлар мамлакати - Уструшона” каби шарқ мамлакатлари тарихи саҳнасидан эътиборли ўрин олган давлатлар мавжуд бўлган, қизгин фаолият кўрсатган, икки азим дарё - Аму ва Сир оралиғини гулистонга, юксак маданият ва маънавият ўчоғига айлантирган аждодларимиз яшаган.

Бугунги кунда жаҳон ҳамжамиятида мустақил Ўзбекистоннинг нуфузи қай даражада ошиб бораётгани барчага аён, маълум ҳақиқат бўлса, унинг дунё ҳалқлари цивилизациясига қўшган ўлкан ҳиссаси ҳам шу даражада эътироф этилаётган оддий ҳақиқатдир. Халқимиз, бугунги ёш авлод, ҳақли тарзда шу буюк, шонли тарих, маданият билан фахрланадилар ва ўзларини ушбу маънавий мероснинг ворислари ҳисоблайдилар. Чунки, тарих- инсониятнинг ўтмиши, аждодлари ҳаёти, маданияти, маънавияти ҳақидаги хотиралардир. Кеча, бугун, келажак эса тарихий хотиранинг бир-бири билан узвий боғлиқ занжирли ҳалқаларидир. Шу сабабли, кечаги ўтмишни бугун ўрганмай туриб, эртанги келажакни яратиб бўлмайди. Зеро, бугунги куннинг қадр – қиммати, моҳияти ва салмоғи кечаги кун тарозиси орқалигина идрок этилади. Тарихдан бугунга ва келажакка хизмат қиладиган амалий хулосалар чиқарилмас экан ҳеч бир жамият ривожланмайди, олға бормади. Демак, инсониятнинг қадимги даврлардан кечаги кунгача босиб ўтган йўли, аждодларимизнинг асрлар давомида тўплаган ҳаётий тажрибалари, эслашга, чуқур, холис ўрганишга молик тарихдир.

Юртимиз, миллатимиз тарихини ўрганиш турли даврларда турли даражада, мақом ва мавқеда бўлганлиги бугун ҳеч кимга сир эмас. Хусусан, шўролар даврида иттифокдош республикалар тарихига жуда кам эътибор берилгани, бу тарихнинг андозаси бир қолипдан олингани, коммунистик мафкура ғояси билан зўрма-зўраки равишда “суғорилгани” ҳам ҳали ёдимиздан кўтарилгани йўқ. Энг ачинарлиси, тарих илмига асосан жуда катта ашёвий манба берадиган археология фанини ҳам сиёсийлаштиришга, уни коммунистик ғоялар учун хизмат қилдиришга уринишлар бўлгани ҳам ҳақиқатдир. Шунга қарамасдан, Ўзбекистон археологияси ўтган асрнинг иккинчи ярмидан ўз шаклланишини бошлади, унинг том маънодаги тараққиёти эса мустақиллик йиллари билан боғлиқ. Таъкидлаш лозимки, Ўзбекистон археологияси фанида узоқ йиллар мобайнида ўтказилган фундаментал тадқиқотлар натижаларини том маънода ўзбек халқи тарихи, унинг давлатчилиги масалалари билан боғлаш мамлакатимиз мустақилликка эришган дастлабки йиллардан бошланди.

Мустақилликнинг дастлабки даврларидан бошлаб халқимизнинг қадим ўтмиши, шонли тарихи, аждодларимиздан қолган нодир маданий меросни илмий ўрганиш, уни асраш ва ундан фойдаланиш бўйича янгича ёндашув, талаб ва вазифалар давлат микёсида кун тартибига қўйилди. Айниқса, Ўзбекистон Президенти И.А. Каримовнинг 1998-йилда республикамизнинг бир гуруҳ етакчи тарихчи, археологлари билан ўтказган учрашуви ва ушбу учрашув натижаси ўлароқ, Республика Вазирлар Маҳкамасининг “ЎЗР ФА Тарих институти фаолиятини такомиллаштириш тўғрисида” чиқарган қарори истикболда, тарихчи, археологлар томонидан ўтказиладиган тадқиқотларнинг дастури амали бўлиб хизмат қилди. Мазкур қарорнинг қадимги тарих, хусусан археологияга оид бандларидаги вазифалардан келиб чиққан ҳолда, Археология институтида “Ўзбекистонда Археология фанини ривожлантириш концепцияси” ишлаб чиқилди. Икки бўлимдан иборат ушбу концепциянинг I қисмида Ўзбекистоннинг жаҳон цивилизацияси тизимидаги аҳамиятли ўрни, дунё тамаддунига қўшган улкан ҳиссаси, эришилган археологик кашфиётлар орқали асосланди. Шунингдек, мазкур қисмда Ўзбекистон археологиясининг келгусидаги истикболли вазифалари бегиланган. Концепциянинг II қисмида қадимги даврлардан темурийлар давригача ўзбек давлатчилиги ва цивилизациясининг пайдо бўлиши, шаклланиши ҳамда ривожланиш босқичларининг асосий хусусиятлари, даврий чегаралари, тараққиёт ва инқироз замонлари, уларни ўрганишнинг асосий йўналишлари белгилаб берилди. Концепция яратилган кундан бошлаб ўзбек археологиясининг бугунги кундаги бош мақсади, халқимизнинг ўтмиши ҳақидаги ҳаққоний манзарани яратиш, унинг энг қадимги даврларидан темурийлар замонигача бўлган бой тарихини жаҳон тарихидан ажратмаган, унга қарама-қарши қўймаган ҳолда ўрганиш, Шарқ билан Ғарб ўртасидаги иқтисодий, маданий мулоқотларга катта хизмат қилган ўзбек халқининг жаҳон маданияти хазинасига қўшган ҳиссасини кўрсатиш ва Марказий Осиё халқлари маданияти, давлатчилигини шаклланишида аждодларимизнинг хизматларини аниқлашдан иборат бўлди (Ширинов, 2001, 11 с.). Бунинг натижасида, ўзбек давлатчилигининг пайдо бўлиши илдизлари, ривожланиш босқичлари, тараққиёти даражасига доир илмий тадқиқотлар амалга оширилиб салмоқли ютуқларга эришилди ва бу тадқиқотлар давом эттирилмоқда.

Мустақиллик йилларида ниҳоятда фаоллашган тадқиқотлар қўлами ва уларнинг илмий самараси туфайли, Ўзбекистон археологияси дунё илм-фани даражасига кўтарилди. Бундай натижа эса, ўз навбатида, Ўзбекистон археологияси учун дунёдаги етакчи археология марказлари билан илмий ҳамкорлик ўрнатишга, тенг ҳуқуқли асосда халқаро шартномалар тузишга замин яратди. Айни пайтда, Ўзбекистон ҳудудида – Австралия, АҚШ, Германия, Италия, Польша, Россия, Франция, Япония каби давлатларнинг археолог олимлари билан ҳамкорликда, халқаро микёсда, археологик тадқиқотлар олиб борилмоқда.

Таъкидлаш лозимки, мустақиллик Ўзбекистон қадимшунослигининг бош илмий маскани бўлган Археология институти учун жаҳон эшикларини чинакамига очиб берди. Институт Ўзбекистон ҳудудида ҳамкорликда археологик тадқиқотлар олиб бориш учун жаҳоннинг энг ривожланган мамлакатлари илмий марказлари билан шартномалар тузишга эришди, бу орқали Ўзбекистон археологияси фани том маънода дунёвий нуфузга эга бўлди, ўзбек халқи тарихини ўрганиш халқаро микёсда амалга оширила бошланди.

Бугунги кунда Франция Республикаси Илмий Тадқиқотлар Миллий Маркази (УМР-126.6) билан ҳамкорликда ташкил этилган Ўзбек-Франция-Суғдиёна халқаро экспедицияси қадимги Афросиёб ва Кўктепа шаҳар ёдгорликларида кенг микёсида археологик қазिशма ишлари олиб бормоқда.

Афросиёбда ўтказилган кўп йиллик халқаро ҳамкорлик тадқиқотлари натижасида, қадимги шаҳар ёдгорлигининг қалинлиги 7 м бўлган, 220 га.ни ўраб олган муҳофаа деворлари очиб ўрганилди, Шунингдек, бу даврда Афросиёбнинг шимолий қисмидаги 19 га.лик акрополни алоҳида девор билан ўраб олингани, қурилиш ишларида милоддан аввалги VIII-VII асрлар учун гоят хусусиятли бўлган гуваляксимон ғиштлардан фойдаланилгани аниқланди. Моддий маданият намуналарининг таҳлили Афросиёб шаҳар ёдгорлигининг дастлабки даврлари аҳолиси кўп асрлик, Кўктепа ва Саразмдаги аждодлардан авлодларга ўтиб келган суғорма дехқончилик анъаналарини давом эттирганликларини кўрсатди (Исамиддинов, 2007, 19-20 с.).

Афросиёбнинг муҳофаа деворлари ундан деярли икки аср аввал бунёд этилган Кўктепа муҳофаа деворлари тизимидан анча қудратли ва мукамал бўлган. Бунинг сабабини мутахассислар, улуғ давлатчилик сиёсати орқали қўшни халқларни забт этишга катта аҳамият берган Ахомонийлар салтанатининг истилоси хавфи билан боғлайдилар (Грене, Рахманов, 2007, 21-23 с.).

Ушбу тадқиқотлар натижасида, Турон ўлкасида Аҳомонийлар истилосидан аввалги тарихий даврлардаёқ урбанистик жараёнлар фаол тарзда амалга ошгани ўз исботини топди. Шундай қилиб, Самарқанднинг 2500 йил аввал бунёд этилган қадимий деворлари остидан унданда қадимийроқ мудофаа деворлари топилди ва шаҳарнинг ёши 2750 йилдан кам эмаслиги исботланиб бу тарихий сана 2007 йилда халқаро миқёсда, ЮНЕСКО раҳнамолигида нишонланди.

Ҳозирги кунларда ушбу шаҳар худудида илк ислом даврига оид маҳобатли сарой қолдиқлари, қорахонийлар даврига оид ўта ноёб деворий суратлар билан зийнатланган сарой харобалари очиб ўрганилмоқда.

Ўзбекистон-Франция-Суғдиёна археологик экспедицияси томонидан ўрганилаётган Кўктепа ёдгорлиги Самарқанд вилояти Челак шаҳри яқинида жойлашган. Бу ёдгорликда олиб борилган қазишмалар натижасида, Кўктепа Суғдиёна худудидаги энг қадимги шаҳарлардан бирининг харобалари эканлиги аниқланди. Бу ёдгорликда маҳобатли шаҳар мудофаа деворлари, мухташам сарой қолдиқлари ва шаҳар марказида қад ростлаган улкан оташпараствлар ибодатхонасининг харобалари очилди. 1998-йилда Кўктепа шаҳар ёдгорлигининг арк қисмидан яна бир ноёб топилма Саклар даврига оид аёл кишининг қабри ва ундан 250 га яқин тилла тақинчоқлар – тиллакош, тилла тугмачалар, кумуш кўзгу, ярим қимматбаҳо тошлар ва шишадан ясалган мунчоқлар каби осори – атиқаларнинг топилиши катта илмий, оламшумул воқеяликка айланди. “Сак маликаси хазинаси” номи билан илмий муомалага кирган ушбу топилмалар фан нуқтаи – назаридан ўрганилди ва амалдаги қонунларга биноан республикамизнинг марказий музейларида намойиш қилинди. Кўктепа шаҳар ёдгорлигини ўрганиш натижасида, милоддан аввалги X-IX асрларга оид атрофи айланма девор билан мудофааланган қалъа – кўрғоннинг хусусиятлари ва ундан милодий эрадан аввалги II-I асрларга тааллуқли хазинанинг топилиши ўзбек археологларининг мустақиллик йилларидаги энг йирик кашфиётларидан бири сифатида фан тарихи саҳифаларидан ўрин олди.

Франция Республикаси Илмий Тадқиқотлар Миллий Марказининг УМР-126-9 гуруҳи билан тузилган Ўзбекистон-Франция-Бақтрия халқаро экспедицияси Сурхондарё вилоятида тадқиқотлар олиб бормоқда. Халқаро экспедициянинг асосий тадқиқот макони Ўрта Осиёнинг қадим ва ўрта асрлардаги сиёсий, иқтисодий ва маданий марказларидан бири Тармита-Термизнинг тарихий ўрни Эски Термиз шаҳри харобалари ўрнида бўлиб, бу ерда ўтказилган тадқиқотлар натижасида, шаҳарнинг қадимий ядроси, шаҳристоннинг шарқий қисмида милодий эрадан аввалги I минг йиллик ўрталарида шакллангани аниқланди. Тадқиқотлардан маълум бўлишича, милоддан, аввалги III-II асрларда Термиз йирик сиёсий, иқтисодий жиҳатдан кучли ва Юнон-Бақтрия давлатининг шимолий сарҳадларидаги “форпост” шаҳарга айланган. Шаҳарнинг энг гуллаб – яшнаган даври Кушонлар салтанати даврига тўғри келади. Бу даврда Термизнинг умумий майдони 350 га.га етади, унинг фортификация тизимлари мукамалликни касб этади. Дарё порти фаолият кўрсатади, шаҳарнинг маданий таъсири Амударёнинг қуйи оқимидаги Хоразм сарҳадларига қадар етиб боради (Пидаев, Лериш, 2001 с. 122-125). Айнан, мана шундай тадқиқотларнинг натижаси сифатида 2001 йилда Термиз шаҳрининг 2500 йиллик юбилеи жаҳон миқёсида ўтказилди ва бу тарихий сана дунё илмий жамоатчилиги томонидан эътироф этилди.

Ўзбекистон-Германия халқаро экспедицияси томонидан Жарқўтонда ўтказилган тадқиқотлар Сополли маданияти аҳолисини маънавий ҳаётида нафақат оташпараствлик, балки бошқа диний тасаввурлар, хусусан зоолатрик, аждодлар руҳига сиғиниш каби илоҳий тушунчалар ҳам бўлганлигини кўрсатди. Қазишмалар давомида Жарқўтон қатламларидан топилган сигир, туя, бургут, илон каби жониворларнинг ҳайкалчалари ва уларнинг таҳлили Жарқўтон аҳолисида зоолатрик тасаввурларни шаклланганлигини яққол кўрсатади.

Жарқўтондан ноёб топилма – вафот этган кишининг бюст-ҳайкалчаси ва ҳомиладор аёлнинг корин бўшлиғидаги эгизак, энди туғиладиган фарзандлар (эмбрион) нинг тасвири қадимги шарқ халқларининг ўлим ва қайта туғилиш-“ҳаёт чархпалаги” ҳақидаги фалсафасининг рамзий маъносини ифодалайди (Шайдуллаев, 2009, 27-28 с.).

Маълумки ёзув маданияти намуналарини ёки унинг илк белгиларини у ёки бу қадимий ёдгорликлардан топилиши бу маконда илк цивилизациянинг асосий белгилари мавжудлигидан дарак беради. Жарқўтондан топилган 47 та сопол идиш парчаларида пиктографик белгилар қайд этилган (Чориев, Шайдуллаев, Аннаев, 2007, 96 с.). Бу топилмалар ва таҳлиллар Жарқўтонда бронза даврида юксак маданият ва маънавиятга эга жамоалар яшаганлигини яна бир бор исботлади

Италиянинг Рим Университети олимлари билан Бухоро воҳасида, шаҳар ҳокимлари-бухорхудотларнинг қароргоҳи-машҳур Варахша яқинидаги Учқулоҳ ёдгорлигида қазилма ишлари олиб борилмоқда. Қазилмалар натижасида, сўнгги антик даврдан илк ўрта асрларга ўтиш даврида бунёд этилган ва фаолият кўрсатган Учқулоҳ кўшкнинг мушофаа тизимлари, марказий иморатларининг меъморчилик усуллари ўрганилди. Ёдгорликнинг марказий иморатлари хоналаридан деворий суратларнинг қолдиқларини топилиши диққатга сазовордир. Деворий суратлар қолдиқларининг дастлабки таҳлилларига кўра, бу ерда аксарият ҳолларда туя, от каби жониворларининг ўзаро қураши тасвирланган. Суратлар асосан скифларнинг ҳайвонлар тасвири усулида (звериний стиль) ишланган. Деворий суратлар Марказий Сўғд ранг-тасвир санъати намуналаридан бир мунча қадимироқ бўлиб, улар асосан V аср, қисман VI аср билан даврланади. Уч қулоҳ ёдгорлиги Варахша шаҳри мушофаа тизими занжиридаги қалъа кўрғонлардан бири бўлиб, у ва унинг атрофидаги қишлоқ маконлари кўчманчи чорвадор халқларнинг талончилик юришларига биринчилардан бўлиб қаршилиқ кўрсатганлари ҳамкорлик тадқиқотлари давомида аниқланди.

2000-йилдан буён Ўзбекистон-Италия халқаро қўшма экспедицияси Самарқанд вилоятидаги Қофирқалъа ёдгорлигида қазилмалар олиб борилмоқда. Дарғом каналининг чап қирғоғида жойлашган, арк, шаҳристон ва рабоддан иборат, умумий майдони 16 га.ни ташкил қиладиган ушбу ёдгорликдаги тадқиқотлар яхши натижалар берди. Бу ердан 500 га яқин буллаларнинг топилиши Қофирқалъанинг Самарқанд Сўғдида тутган муҳим аҳамиятини яққол кўрсатиб турибди. Бу буллалар Самарқандга Тоҳаристон, Бухоро, Тошкент, Панжикент ва Хуросондан юборилган хатларга урилган сўғич муҳрлар бўлиб, топилмалар Самарқанднинг илк ўрта асрлардаги сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқаларини ўрганишда муҳим аҳамиятга моликдир.

2005-йилдан бошлаб Ўзбекистон-Япония халқаро қўшма экспедицияси Самарқанд вилояти Пахтачи туманидаги Добусия шаҳарчасида тадқиқотлар олиб борилмоқда. Тадқиқотлар натижасида Добусиянинг рабод қисми бундан 2200 йиллар илгари барпо қилинганлиги исботланди. Арк, шаҳристон ва рабоддан иборат бўлган Добусияда тадқиқотлар давом эттирилиб ҳозирда шаҳар ёдгорлигининг арк қисмида қазилмалар олиб борилмоқда Аркнинг марказидаги қазилмалар натижасида, қадимги даврларда X асрларгача бўлган маданий қатламлар очилди. Қазилмалар пайтида топилган тангалар, шиша ва сопол идишлар ҳақиқатан ҳам Добусия Буюк Ипак йўли тизимида муҳим рол ўйнаган шаҳарлардан бири бўлганлигини кўрсатмоқда

Япониянинг Сока Университети олимлари билан ҳамкорликда Эски Термиздаги Қоратепа Будда ибодатхонаси харобаларида олиб борилаётган археологик тадқиқотлар Термиз шаҳри буддавийлик динининг Ўрта Осиёдаги маркази бўлганлигини исботлабгина қолмасдан, балки жаҳон буддавийлиги тарихини ўрганишда ҳам бекиёс аҳамиятга эгадир. Тадқиқотлар натижасида, бир қатор илоҳий ҳайкаллар, марказий “ступа,” кхароштий ва брахма ёзув намуналарини топилиши ва бу ноёб топилмаларнинг илмий таҳлили Кушонлар даврида Қоратепа ўрнида марказлашган Будда ибодатхонаси фаолият кўрсатганини, ибодатхонада Будда таълимотини Шарқ ва Узоқ Шарқ мамлакатларига тарқатувчи миссионерлар тайёрлангани ҳақидаги дастлабки фикрларга асос бўлди.

АҚШнинг Калифорния Университети билан тузилган халқаро қўшма экспедиция Шаҳрисабз яқинидаги Сангиртепа, Подаятоқтепа ва Узунқир ёдгорликларида тадқиқотлар олиб борди. Натижада, Сангиртепанинг 3 га. га яқин марказий қисми милодий эрадан аввалги X-IX асрларда айланма мушофаа деворлари билан ўраб олингани, Аҳомонийлар истибдодининг дастлабки даврида бу ерда ёпиқ усулдаги ибодатхона фаолият кўрсатгани, кейинчалик, бу иншоот очик усулдаги сиғиниш мажмуасига айлантирилгани аниқланди. Милодий эранинг IV-V асрларида Сангиртепа моддий – маданиятида кўчманчи чорвадорлар маданияти таъсири устувор бўлганлиги, Сўғд учун ҳозирча энг кўҳна ва оригинал усулда ишланган тўрт оёқли остоннинг топилиши, шубҳасиз, экспедициянинг муваффақиятли иш олиб борганини тасдиқлайди. Сангиртепа ёдгорликлар мажмуаси бу ҳудудда бундан 2700 йил аввал шаклланган қадимий шаҳарнинг бизгача етиб келган харобалари бўлиб, ушбу қазилмалар натижалари Шаҳрисабз шаҳрининг 2700 йиллик юбилеи учун илмий асос қилиб олинди.

АҚШнинг Миссури штатидаги Вашингтон Университети билан тузилган навбатдаги халқаро экспедиция Ўзбекистоннинг марказий қисми Жиззах вилоятида қидирув ишларини ўтказмоқда. Ўзбекистон-АҚШ-Уструшона халқаро экспедициясининг мақсади бронза ва илк темир даври кўчманчи чорвадор қабилаларининг манзилгоҳларини топиш ва уларни илмий жиҳатдан мукамал

ўрганишдир. Айни пайтда, Зомин воҳасида ўтказилган қидирув тадқиқотлари муваффақиятли натижаларни бермоқда.

Россиянинг Эрмитаж музейи билан ҳамкорликда тузилган экспедиция эса Бухоро вилоятидаги Пойкент шаҳар харобаларида иш олиб бормоқда. Ҳозирги Қорақўл туманида жойлашган бу кичик шаҳарча араблар истилосига қадар Марказий Осиёнинг энг йирик савдо манзилларидан бири бўлган. Пойкентлик савдогарлар бир томони Рум (Византия) ва бир томони Хитой билан савдо-сотик ишлари олиб борганлар. Бу ердан топилаётган моддий маданият намуналари ҳам айнан шундан далолат бермоқда.

Польшанинг Варшава Университети олимлари билан Қизилқум чўлларидаги неолит даври манзилгоҳларида олиб борилаётган тадқиқотлар натижасида, бу чўллар бир пайтлар одамларнинг яшашлари учун қулай манзиллар бўлганлигини ва бу ерларда ҳам одамлар яшаганликларини исботлади.

Россия Фанлар Академияси Сибирь бўлими Археология ва этнография институти билан ҳамкорликда тузилган экспедиция Ўзбекистоннинг тош даври ёдгорликларида кенг миқёсда археологик қазилма ишлари олиб бормоқда. Бу экспедиция томонидан Тошкент воҳасидаги Оби-Раҳмат ғоридан ҳозирги замонавий одамнинг энг қадимий қолдиқлари топилди. Бу йирик кашфиёт натижасида замонавий одамнинг Ўзбекистон ҳудудида бундан 40-45 минг йил илгари пайдо бўлганлиги исботланди.

Ўзбекистон мустақиллиги йилларида тузилган ушбу халқаро экспедициялар фаолияти туфайли Ўзбекистоннинг қадимий маданиятини ўрганиш борасида муҳим илмий кашфиётлар амалга оширилган ва Ўзбекистон ҳудуди қадимги шарқ цивилизациясининг энг кўҳна марказларидан бири, унинг ажралмас таркибий қисми бўлганлигини, бу ҳудудда яшаётган ўзбек халқи қадимий тарих, улкан бир цивилизациянинг меросхўри эканлигини бутун дунёга янада кенгрок маълум қилдилар.

Археология институти илмий жамоаси Ўзбекистон мустақиллигининг 20 йиллиги шодиёналарини ғоят кўтаринки руҳда ўтказилган тадқиқотларнинг самарали натижалари билан қарши олмақдалар ўтган 20 йил давомида институт ходимлари томонидан 1800 дан ортиқ илмий мақола, 65 та монография ва тўпламлар, 22 та рисола нашрдан чиқарилди. Жумладан, ўтган йиллар мобайнида институт ходимларининг МДХ ва узоқ хорижда 300 дан ортиқ илмий мақоласи, 11 та монографияси жаҳоннинг нуфузли нашриётларида чоп этилди. Ушбу ишларда институтнинг бир гуруҳ етакчи олимлари К.А. Абдуллаев, А.А. Анорбоев, Г.И. Богомоллов, А.А. Грицина, Б.Х. Матбабаев, Ж.К. Мирзааҳмедов, Ш.Р. Пидаев, М.Х. Исамиддинов қабилар айниқса самарали фаолият кўрсатдилар.

Бундай халқаро ҳамкорликлар ёш ўзбек археолог олимларининг илмий фаолиятлари учун ҳам жуда катта аҳамиятга эга бўлмоқда. Шу кунгача институтнинг 3 та ёш олими Германиянинг нуфузли Гумбольдт фонди стипендиясига, 2 та ходим Япониянинг Хираяма стипендиясига, 6 та ходим Германиянинг ДААД фонди стипендиясига, 2 та ходим Франциянинг Дидро фонди стипендиясига, 1 та ходим Италиянинг Шарқий Христианлик институти грантига, 1 та ходим Грециянинг Александр Онасис грантига сазовор бўлдилар.

Бугунги ўзбек археология мактаби муваффақиятларининг асосий тамал-тошини қўйган Ўзбекистон Фанлар Академияси Археология институтида мазкур маскан ташкил этилгандан буён шу кунларгача юқори даражада, соф илмий муҳит ҳукмронлик қилиб келганлиги ва бу масканда замонавий ибора билан айтганда “жаҳон стандартлари” даражасида тадқиқот ишлари олиб бораётган юқори малакали мутахассисларнинг жамланганлиги натижасидир.

Ўзбек археологиясининг ҳозирги кундаги бош илмий йўналиши ва мақсади мамлакатимиз ҳудудида шаклланган кўҳна маданият, Қадимги Шарқ маданиятининг ажралмас таркибий қисми эканлигини исботлаган ҳолда, бу маданият тарихининг ўнлаб қирраларини тинимсиз тадқиқ қилиш, Ўзбекистон мустақиллиги берган чексиз имкониятлар шарофати билан бу ҳудудда яшаётган миллатлар ва элатларнинг ота мерос, илмий, маданий бойлиги бўлган қадимий тарихнинг ҳаққоний манзарасини қайта, холис яратиш йўлидаги тинимсиз изланишлардан иборатдир.

Ўзбекистон археологияси ҳозирги пайтда миллат манфаати, унинг маданий-маънавий ҳаёти, мустақиллик ғоялари талаб ва истакларидан келиб чиққан ҳолда фаолият юритмоқда, фанга хизмат қилмоқда. Ватанимиз мустақилликга эришгандан сўнг, белгили таваллуд ёшлари нишонланган Аҳмад ал-Фарғоний, имом Мотурудий, имом ал-Бухорий, Бурҳониддин Марғиноний, соҳибқирон Амир Темур, Мирзо Улуғбек каби улуғ салафларимиз яшаб ўтган давр маданияти тараққиётини

ўрганишда, Самарқанд, Бухоро, Қарши, Шахрисабз, Хива, Термиз, Тошкент Марғилон сингари қадимий шаҳарларимизнинг муборак тарихий саналарини расман аниқлашда, ўзбек археологиясининг хизматлари беқиёс бўлди (Ширинов, Бердимуродов, Пардаев, 2010, 5-15 с.). Ушбу юбилей тантаналарини БМТнинг махсус бўлими ЮНЕСКО шафелиги остида ўтказилиши, сўнгги деярли 20 йил давомида мамлакатимизда олиб борилган археология фани изланишларининг нақадар серқирра ва сермахсул бўлганлигидан далолат беради. Бунга қадим тарихимизни ҳар томонлама, чуқур ўрганиш учун давлатимиз ва юртбошимиз томонидан кўрсатилаётган ғамхўрлик, яратилган шарт-шароитлар асосий тамал-тоши бўлганлигини ва ана шу омиллар сабабли Ўзбекистон археологияси ривожланиб дунёга юз тутгани ва танилганлигини алоҳида таъкидлашга бурчлимиз.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Грене Ф., Рахманов Ш.** Новые данные о дате первой системы фортификации Афрасиаба (середина или вторая половина VI в. до н.э.) // Самарқанд шаҳрининг умумбашарий маданият тараққиётида тутган ўрни. Тошкент–Самарқанд, 2007.
- Шайдуллаев Ш.Б.** Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии) // Автореф. докт. ист. наук. Самарқанд, 2009.
- Исамиддинов М.Х.** К вопросу о возникновении древнего города на Афрасиабе // Самарқанд шаҳрининг умумбашарий маданият тараққиётида тутган ўрни. Тошкент–Самарқанд, 2007.
- Пидаев Ш.Р., Лериш П.** Древний и средневековый Термез в свете новейших археологических открытий // Термиз шаҳрининг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. Тошкент-Термиз, 2001.
- Ширинов Т.Ш.** Ўзбекистонда археология фанининг ривожлантириш концепцияси // ИМКУ. Вып.32. Ташкент, 2001.
- Ширинов Т.Ш., Бердимуродов А.Э., Пардаев М.Х.** Ўзбекистонда археология фанининг шаклланиши ва ривожланиши тарихидан // Археология Узбекистана. №1. Самарқанд, 2010.
- Чориев З.Ў., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж.** Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва тараққиёти. Тошкент, 2007.

А.Г. Мухаммадиев

ДОДЕКАТЫМ II И КУЛЬБУЛАК – ИДЕЯ О МИКРОЛИТИЗАЦИИ И РАННЕЙ ГЕОМЕТРИЗАЦИИ

Известно, что в последние годы возрос интерес к изучению микролитизации и геометризации, которые обсуждаются в концептуальных работах или в исследованиях, посвященных отдельным проблемам палеолита.

Фактологическая база, полученная в результате исследования, в Евразии и Африке, позволяет охарактеризовать феномен микролитизации и геометризации, в рамках позднего палеолита, как отдельное явление или процесс геометризации последующих этапов развития микролитизации (Григорьев, 1983; Thinking Small, 2002; Borzias, Chirica, 2006).

В отличие от остальных регионов на территории Средней Азии процесс микролитизации рассматривался в рамках мезолита, так как геометризация считается основным характерным признаком для этого времени. Однако в результате недавних раскопочных работ, на памятниках Додекатым II и Кульбулак, появилась новая точка зрения о микролитизации и ранней геометризации на территории Средней Азии (См. приложение № 1). Также на основе этого были предложены более ранние истоки генезиса мезолита (Деревянко и др., 2008. С. 11).

Насколько обоснована идея о микролитизации и ранней геометризации, может ли она внести ясность в проблему позднепалеолитических памятников и генезису мезолита Средней Азии? Являются ли рассматриваемые индустрии памятников позднепалеолитическими или относятся к мезолиту? По этой причине необходимо: пересмотреть в совокупности мнения и концепции по позднему палеолиту и мезолиту Средней Азии; сопоставить индустрии памятников Додекатым и Кульбулак с остальными индустриями – как среднеазиатскими, так и остальными регионами в контексте микролитизации и геометризации.

Позднепалеолитические памятники с ранней геометризацией

Додекатым II. Первый памятник в Средней Азии, с ранней геометризацией – Додекатым II, был выявлен в 2005 г. К.И. Милютиним и В.С. Славинским, участниками Среднеазиатского археологического отряда. Он расположен на бровке

второй трассы среднего течения р. Пальтау Бостандыкского района Ташкентской области (Кривошапкин и др., 2007. С. 19, рис. 1).

Геологические наблюдения на территории долины и памятника были проведены И.С. Новиковым на основе геологического разреза примыкающего к раскопу. По его заключению, в процессе сложения террас основную роль играли многократные селевые отложения горного аллювия и отдельные селевые отложения пачки валунов (руслевая фация) чередующиеся с маломощными глинами, соответствующие периодам между ними. Время формирования валунной пачки соответствует времени формирования V-й террасы по Чаткальской шкале (поздний плейстоцен, голодностепский комплекс). Верхняя трехметровая часть разреза состоит из лессово-почвенного покрова. Она оторвана хронологически от формирования нижней части (валунной) разреза, интервал – неизвестен (Отчет..., 2007. С. 32-34. Табл. № 1).

На памятнике было предварительно отмечено восемь культурных слоев. В ходе последующих исследований они были уточнены и доведены до пяти, из которых 3 слой позже был разделен на два – 3а и 3б.

К сожалению, новосибирскими коллегами не дана привязка культурных слоев к геологическим отложениям, что позволило бы понять их выделение. Нам кажется, что последнее имеет условный характер, поскольку проследить четкую границу между первым и вторым слоями невозможно. Верхний уровень второго слоя определен по концентрациям находок, которые, в основном лежат в контакте с первым слоем. Часть материала из них зафиксирована как находки первого слоя, так как на этом уровне между ними нет прослоек, а отложения по составу и структуре однородны (рис. 2).

В процессе раскопочных работ, после снятия культурного слоя 3а, поверхность нижележащего слоя образовывала четко изменяемый микро-рельеф с резкими поднятиями и понижениями (рис. 3). На этом уровне отложения были смешаны в результате аккумулятивных процессов.

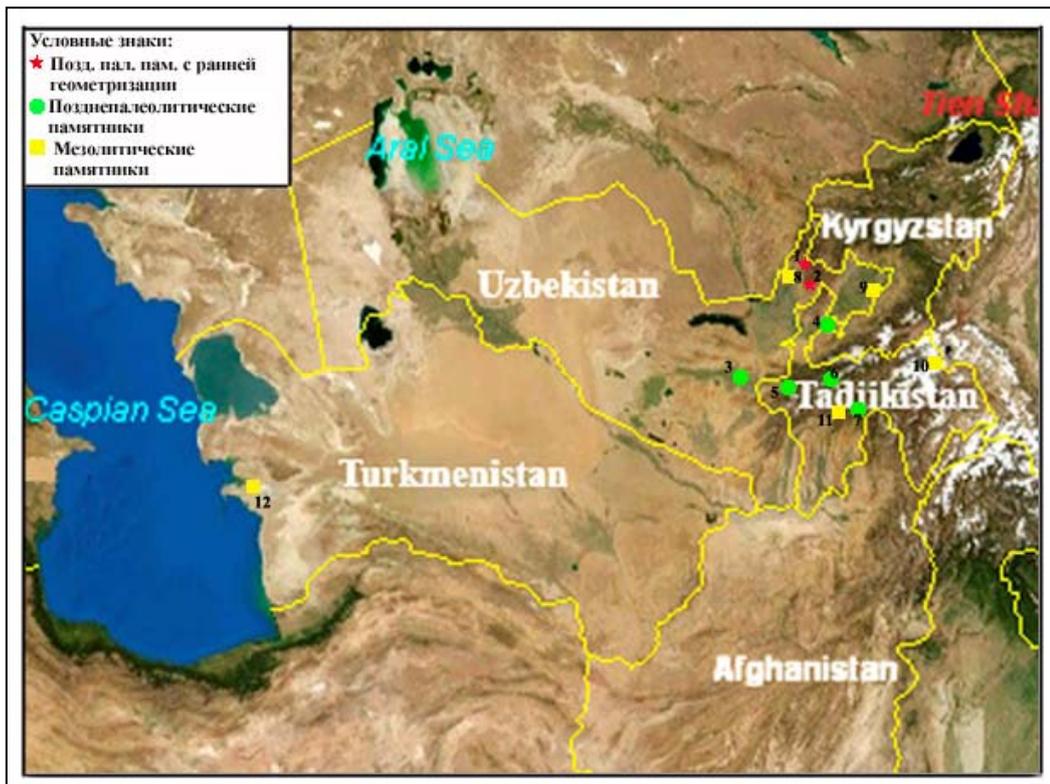

Рис. 1. Карта расположения позднепалеолитических и мезолитических памятников Средней Азии: 1-Додекатъм-II; 2-Кульбулак; 3-Самаркандская стоянка; 4-Ходжа-Гор; 5-Харкуш; 6-Оджук 6; 7-Шугноу; 8-Кушилиши; 9-Обишир 1-5; 10-Оишхона; 11-Туткаул; 12-Джебел, Дам-Дам-Чаима 1-2.

Слой 3а дал очень скудный материал, в основном мелкие чешуйчатые сколы (больше 90%). Вероятно, часть материала также попала сюда из второго слоя, в результате процесса их смешивания.

Четвертый слой определяется по структуре и по цвету отложения. Прослеживаются следы ожелезнения и окисления. Следы окисления в виде прослойки разделяет четвертый слой на две части. Его невозможно привязать ко второй прослойке окисления, указанной в таблице из-за несовпадения уровня залегания. Пятый слой отделен от четвертого толщиной рассыпчатого гранита, местами мощностью 20-35 см.

В цифровых указаниях уровня культурных горизонтов все нижележащие от второго слоя привязываются переотложенной частью лессового покрова, отмеченной геологами (Отчет..., 2007. С. 32-34).

По методам AMS датирования получены даты для 4-го культурного слоя, 23-21 тыс. л. до н.э. (Деревянко и др., 2008. С. 11). Но при учете результатов датировки надо обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, на территории раскопа по линии север-юг, в квадратах К-11-13 существует печь более позднего времени, которая не упоминается ни в отчетах, ни публикациях (рис. 4).

В данный момент время существования и функциональное назначение печи не установлены. Обжиг проколов, прослеживаемый на стенке и на потолке печи, свидетельствует, о том, что здесь была достаточно высокая температура. Верхняя часть печи в указанных квадратах лежит на уровне 4-го культурного слоя, из которого были взяты образцы для датировки. Угольный образец – AA69073 локализуется именно на участке границы печи ($x=90, y=25, h=263$) и, следовательно, не имеет отношения к культурному слою. Во-вторых, культурный горизонт имеет следы ожелезнения и окисления. Процесс окисления вполне мог повлиять на структуру кости, что и привело к его очень плохой сохранности. Следовательно, получить каких-либо весомых результатов для датировки по костным останкам невозможно и, видимо, по этой причине остаются неопубликованными результаты повторного исследования костных анализов, проведенные специалистами из Радиоуглеродной лаборатории Института Вейсмана (2006 г.).

Индустрия памятника. Облик индустрии однородный и послойно мало отличим. Различия прослеживаются лишь в количестве типов изделий, но из-за малого участка раскопа пока преждевременно говорить об этом.

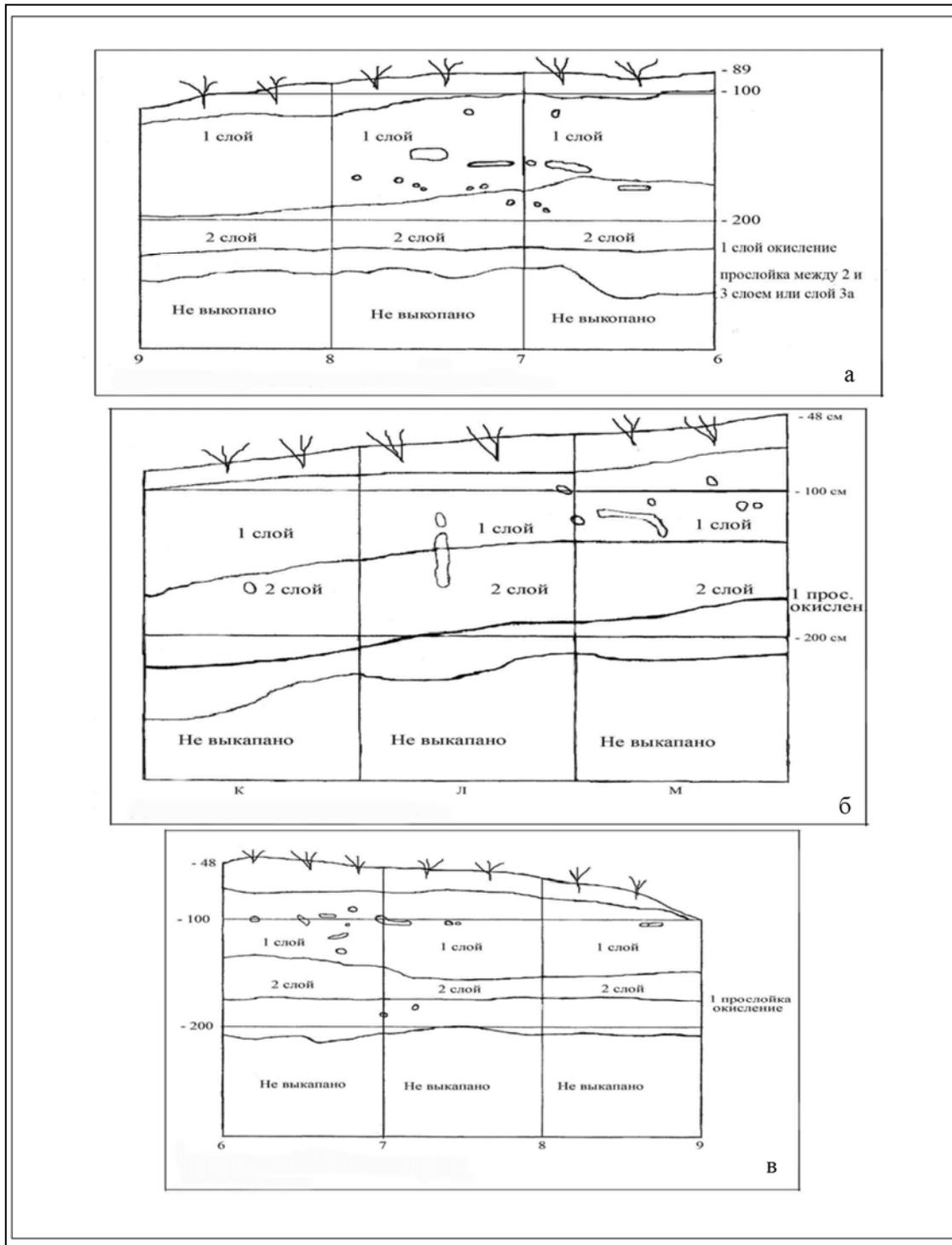

Рис. 2. а) ДДТ-II. Северо-западная стенка раскопа; б) ДДТ-II. Северная стенка раскопа; в) ДДТ-II. Юго-восточная стенка раскопа.

Среди нуклеусов выделяются призматические, торцовые, кареноидные, клиновидные (для пластинок и микропластинок), а также подпризматические (одноплощадочные и двуплощадочные с расщеплением во встречном направлении для пластинок и пластинчатых отщепов) виды. Присутствуют нуклеусы с бессистемным характером расщепления. Одним из свойственных признаков нуклеусов является использование в

качестве ударной площадки вентральной части отщепы или естественной площадки излома. Фас расщепления нуклеусов имеет по бокам дополнительную обработку – параллельные снятию фронта скалывания, со стороны ударной площадки. Обработка обеспечивала выпуклость площади расщепления. Часто контрфронт имел сужение, которое обеспечивало закрепление нуклеуса. Попадают нуклеусы со смежными пло-

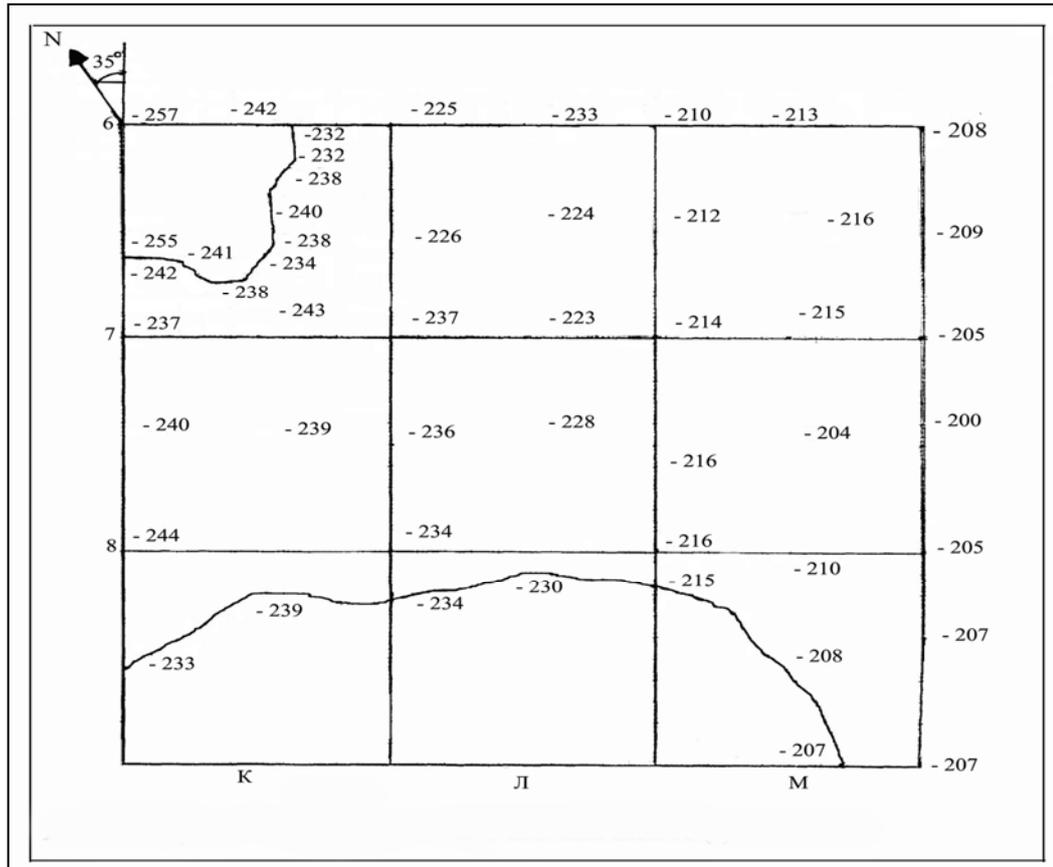

Рис. 3. Поверхность 3-го геологического слоя или слой 3б (?)

щадками, на которых скалывание велось вращением. Необходимо отметить, что в процессе расщепления из одного нуклеуса получали различные типы заготовок: от отщепов до микропластин. В одном случае показан нуклеус, на котором прослеживались следы расщепления при помощи отжимной техники. Характерным показателем для заготовок со всех слоев является сочетание отщепов разной величины с пластинчатыми и микропластинчатыми изделиями, и периодическое увеличение количества пластинчатых изделий, начиная с 4 слоя.

Орудийный набор комплекса в основном представлен концевыми скребками на отщепе и пластинках, долото-видными и шиповидными орудиями, проколками; в малом количестве, почти в единичных экземплярах, присутствуют резец, нож, стамеска, зубчатые, а также комбинированные орудия. Наряду с этим основную категорию орудий составляют пластинки с притупленным краем. Орудия,

заготовкой для которых служил микроинвентарь, представлены микропластинками с притуплением, микроостриями, сегментами, треугольниками и ногтевидными скребками (Таб. № 1).

В индустрии по изготовлению орудий прослеживаются определенные закономерности по изготовлению орудий. Обработка ретушью всегда имеет дорсальный характер, вентральная ретушь

Рис. 4. Западная стенка раскопа и квадрат К-11. Печь.

Таблица № 1. Тип-лист орудий памятника Додекатым-II

Наименование изделия	Культурные слои				
	2	3	4	5	Итого
Остроконечник	3	–	–	–	3
Зубчатое орудие	–	–	1	–	1
Скребло одинарный	–	–	–	1	1
Стамеска	1	–	1	–	2
Однолезвийные долотовидные	1	–	5	–	6
Двулезвийное долотовидное орудие	1	–	–	–	1
Орудия с подтеской	–	1	–	–	1
Шиловидные орудия	5	–	3	–	8
Скребок с шипом	–	–	1	–	1
Скребок высокой формы с шипом	1	–	–	–	1
Скребок – долото	–	–	1	–	1
Концевые скребки на отщепях	2	1	7	1	11
Концевые скребки на пластинах	2	–	3	–	5
Двойной концевой скребок на отщепе	1	–	–	–	1
Ногтевидные скребки	3	–	2	–	5
Проколки	7	–	8	–	15
Сверла	–	1	–	–	1
Нож	–	1	–	–	1
Резец многофасеточный	2	–	1	–	3
Микроострие	5	–	2	–	7
Треугольники и их фрагменты	31	3	1	–	35
Сегмент	1	–	–	–	1
Вкладыши	4	1	1	–	6
Наконечник	1	–	–	–	1
Пластинки и их фрагменты с притуплением	2	–	1	–	3
Микропластинки и их фрагменты с притуплением	14	–	–	2	16
Пластины с ретушью	11	–	4	2	17
Тронкированные пластины	–	–	1	–	1
Пластинки с ретушью	6	–	–	–	6
Тронкированные пластинки	2	–	1	–	3
Микропластинки с ретушью	–	1	4	1	6
Микропластинки с ретушью утилизации	2	–	12	–	14
Отщепы с ретушью	5	1	–	1	7
Отщепы с ретушью утилизации	–	–	6	–	6
Обломок орудий	–	–	–	1	1
Итого	113	10	66	9	198

составляет 3% от общего числа. Микропластинки с притуплением обработаны ретушью по правому краю со стороны дорсала. Треугольники изготовлены из фрагментов пластинок и микропластинок. Они как и микропластинки имеют обработку ретушью по продольному краю и основанию, со стороны дорсала. Другой продольный край чаще имеет следы ретуши при использовании.

Среди коллекции также встречаются типы изделий – предметы со скошенным концом. Они показаны сериями, в основном, среди подъемного материала и двумя экземплярами в слое

(верхняя часть второго слоя и по низу первого). Они изготовлены на микропластинках прямого профиля удлиненной пропорции. Их отличительной чертой от треугольников является то, что обычно левый продольный край имеет ретушь со стороны дорсала и дистальный конец скошен к левому краю. В одном случае продольный край изделия имел обработку в виде зазубрений.

Наряду с последними по этому же уровню обнаружена удлиненная ножевидная пластинка. Она слегка изогнута в профиле и обработана по продольному краю регулярной крутой зубчатой ретушью. На дистальной части по левому про-

дольному краю имеется выемка в виде резцового скола.

В целом индустрия памятника демонстрируется в совокупности как сочетание микроинвентаря с массивными отщепами и грубопризматическими пластинами.

Кульбулак. Памятник находится вблизи г. Ангрена, у к. Аблик, открыт О.М. Ростовцевым в 1962 г. и исследован последовательно М.Р. Касымовым, Т.Ю. Гречкиной, У.И. Исламовым и Н.К. Анисюткиным (Касымов, 1990; Касымов и др., 1995. С. 7-24; Анисюткин, 1995). С 2007 г. проводятся новые раскопочные работы (У.И. Исламов, А.П. Деревянко, Д. Флас), которые являются вторым ключевым моментом в постановке вопроса о ранней геометризации.

Значение памятника для изучения позднего палеолита Средней Азии бесспорно, однако, мнения вокруг интерпретации слоев, полярно различаются друг от друга (Касымов, 1990; Ранов и др., 1973. С. 92-94; Анисюткин и др., 1995. С. 7-12). Так по М.Р. Касымову, памятник содержит 49 инситуных культурных слоев. В то время как В.А. Ранов и А.С. Несмеянов отрицают инситуность культурных слоев, хотя среди них и выделяли непотревоженным 3-слой. Участниками

узбекско-русской экспедиции 3 культурный слой считался инситуным или частично сдвинутым, а второй культурный слой оценен как потревоженный (Анисюткин и др., 1995. С. 7-12). По результатам последних исследований 3-слой является переотложенным, а материал из второго слоя не подвергался смещению (Деревянко и др. С. 12).

Необходимо отметить, что имеются несоответствия и в заключениях по выделению культурных слоев. М.Р. Касымов отмечал, что все позднепалеолитические слои вытянуты по оси юго-запад-северо-восток, но из них вышележащий второй слой расположен юго-западней, чем третий. И в третьем шурфе был выявлен лишь 3-й позднепалеолитический слой (Касымов, 1992. С. 67; 434; рис. 18; 28, 29, 30). Однако в раскопе, заложенном новосибирскими коллегами, были обнаружены второй и третий культурный слой, хотя он располагался к северо-востоку от шурфа 3.

Еще более мозаичным является вопрос хронологии. Занимаемая позиция первого исследователя по поводу возраста позднепалеолитических слоев не ясна. Имея в виду то, что М.Р. Касымовым был упомянут переход от мустье к верхнему

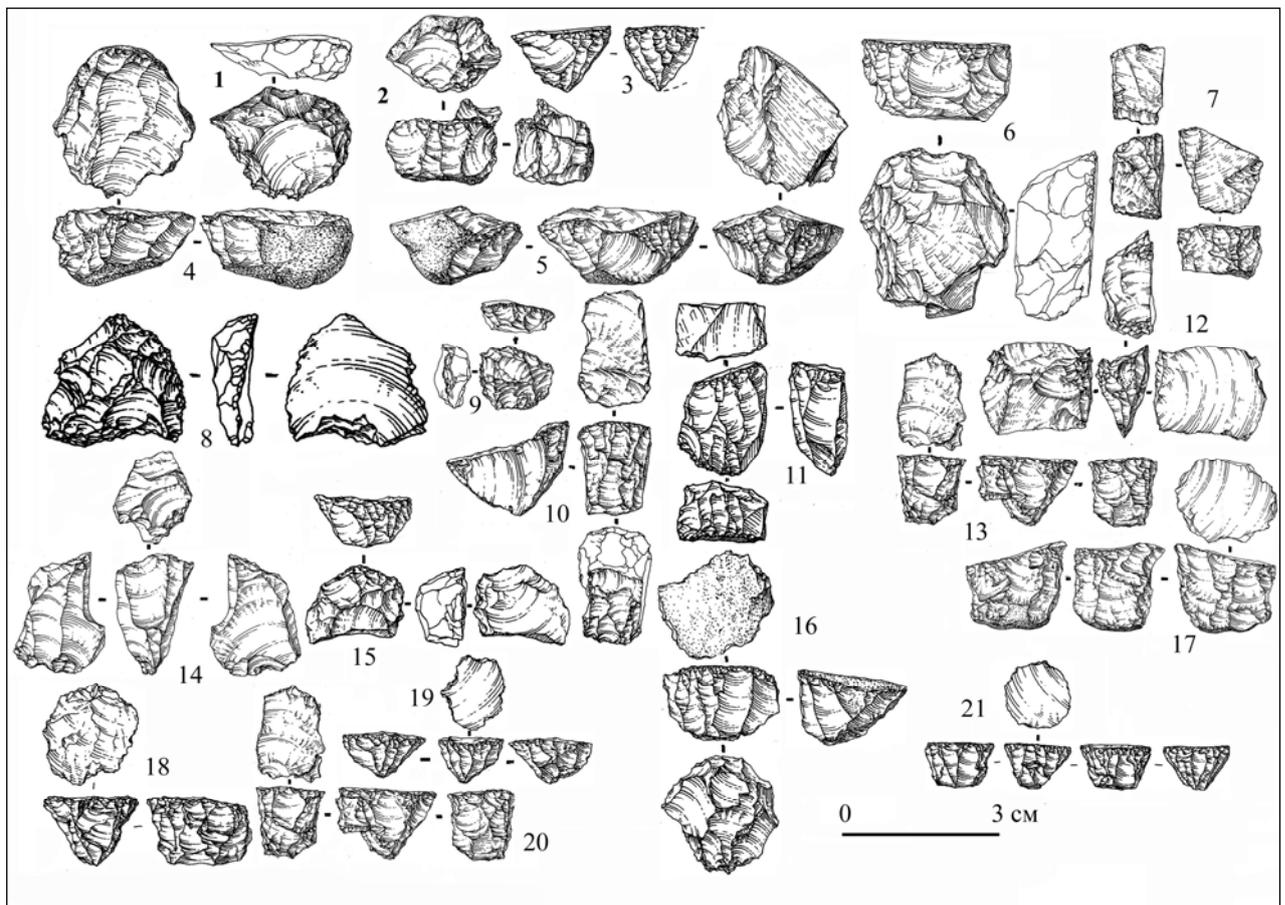

Рис. 5. Додекатым II. Нуклеусы.

палеолиту, можно предположить, что была предложена первая половина позднего палеолита. Хотя он сам отмечает зарождение верхнепалеолитических признаков еще в мустьерских слоях (11в, 5-4) и что, в составе коллекции наряду с мустьерскими изделиями встречаются позднепалеолитические (Касымов, 1990. С. 206; 226; 262-274). Последние прослежены также участниками узбекско-российской экспедиции, т.е. коллекция 4-слоя представлена исключительно мустьерскими изделиями, тогда как в 5-слое наряду с ними встречаются изделия с позднепалеолитическими элементами, и в том числе найден единичный раклет (Анисюткин и др., 1995. С. 10-12). По результатам последних исследований датировка предложена второй половиной позднего палеолита, совпадающая с мнением Б.К. Сайфуллаева, основанном на наличии микроскребок сравнительно мелкого размера и ногтевидных форм в третьем слое, определяемый концом позднего палеолита (Сайфуллаев и др., 2006. С. 43-44).

Индустрия. Каменная индустрия памятника стала объектом анализа для первых исследователей непосредственно изучавших его и для других, которые затрагивали вопросы генезиса культур, культурной принадлежности, хронологии и т.д.

В общей совокупности, как отмечает М.Р. Касымов, индустрия верхнепалеолитических слоев представлена, прежде всего, наличием изменений в системе первичного расщепления, характеризующимся изменением в технике обработки, технологии раскалывания, появлением и количественным преобладанием позднепалеолитических – новых типов нуклеусов. Отмечается и появление новых типов в орудийном наборе, хотя сохраняется традиционная обработка по их оформлению (Касымов, 1992. Таб. № 2).

Материалы из позднепалеолитических слоев стоянки, найденные в разные годы, вторично были исследованы Б.К. Сайфуллаевым (Сайфуллаев и др., 2006). Несмотря на частичность коллекции, они позволили исследователю подготовить подробный тип-лист изделий памятника. А для количественно-статистического анализа первичной и вторичной техники, материала было недостаточно. Так, по М.Р. Касымову дисковидные нуклеусы уменьшаются из 3-го к 1 слою, а Б.К. Сайфуллаев отмечает их уменьшение от 1 к 3 слою. Приведем количественные соотношения их снизу вверх по М.Р. Касымову: 17/8/7; а по Б.К. Сайфуллаеву: 3/3/6. В категории конусовидных нуклеусов выделено М.Р. Касымовым в 3 слое 112 экз., во 2 слое—42 экз., и в 1 слое—54 экз. нуклеусов. В подсчете Б.К. Сайфуллаева их в общем

счете всего лишь 16 экз. Именно появление торцовых нуклеусов во втором слое, как новый признак, специально упоминается М.Р. Касымовым, а в таблице Б.К. Сайфуллаева отсутствуют. Наоборот, в первом слое они представлены в количестве 10 экз., а в третьем слое – 8 экз.

Необходимо отметить, что в работах обоих исследователей большое количество скребков прослеживаются в первом слое. Но в описаниях характера их изготовления опять появляются противоречия. Первый исследователь упоминает, что в третьем слое появляются ногтевидные формы с выпуклым лезвием, а во втором слое они становятся еще более тонкими (Касымов, 1990. С. 276. Табл. № 5. С. 289; 283; 290). Второй исследователь утверждает, что по оформлению скребки третьего слоя имеют более совершенный вид (Сайфуллаев и др., 2006. С. 41-42, табл. № 2; 43).

Новыми работами были подтверждены, в той или иной степени, уже отмеченные признаки характерной индустрии памятника, только с той разницей в процентно-количественных соотношениях, которая, возможно, объясняется малой площадью вскрытых участков. Коллекция относится, в основном, ко второму слою и имеет ярко выраженную микропластинчатую технику. Доля мустьерских элементов в первичной системе расщепления и в наборе орудий почти не заметна. Обнаружен единственный экземпляр треугольного микролита или треугольника, по оформлению аналогичный треугольникам, найденным на стоянке Додекатым–II (Отчет..., 2007. С. 64).

Позднепалеолитические памятники Средней Азии

Среди известных позднепалеолитических памятников Средней Азии имеются объекты, хронологически близкие Додекатым II или относящиеся к финальному этапу верхнего палеолита. Из них только два имеют абсолютную датировку: Оджук-6 и Шугноу, расположенные на территории Таджикистана. Остальные памятники датировались по данным геологии, палеозоологии, по типологии и т.д. (прил. № 1).

Данные по индустрии памятника Оджук-6, 3-слой которого синхронен памятнику Додекатым II, не представлены исследователем (Радилювский и др., 1991). Но поблизости были обнаружены еще несколько пунктов с подъемными материалами – Оджук 1-5, соответствующих по возрасту верхнему слою памятника, определяемые мезолитическим периодом.

Судя по материалам, собранным на этих пунктах, как первичное сырье, использовались кремнистые породы, горный хрусталь, кварц, а также

Приложение № 1. Периодизация позднепалеолитических памятников Средней Азии

№	Памятник	Методы датирования	Образец	Датировка	Источник
1	Шугноу, слой 1	По радиоуглероду		10070±500 тыс. л. до н.э.	В.А. Ранов и др., 2005
2	Ходжа-Гор	По типологии		Эпипалеолит	С.А. Несмеянов и др., 1961
3	Харкуш	По данным педологии		12-11 тыс.л.	В.А. Ранов и др., 2005
4	Кульбулак	По типологии		Финальный этап позднего палеолита	Б.К. Сайфуллаев и др., 2006
5	Самаркандская стоянка	По типологии		Финальный этап позднего палеолита	Г.Ф. Коробкова, 1972
6	Оджук-6, слой 3	По радиоуглероду		21900±800 тыс. л.	В.В. Радилиловский и др., 1991
7	Додекатым II, слой 4	AMS	AA69073; уголь	23,800±190 тыс. л.	
			AA69074; уголь	21,850±180 тыс. л.	
			AA69075; кость	23,600±330 тыс. л.	

разные вулканические метаморфозные соединения. Нуклеусы представлены торцовыми, коническими и подпризматическими формами. Среди заготовок преобладают отщепы среднего и мелкого размера, пластинчатость менее выразительная, хотя встречаются микропластинки и орудия из них. Орудийный состав состоит из скребков, долотовидных орудий, проколов, а также имеются изделия с ретушью и резцовыми сколами (Радилиловский и др., 1982. С. 212-224).

Остальные памятники относятся к финальному этапу позднего палеолита. В индустриях всех памятников техника первичного расщепления показана призматическими нуклеусами. Кроме Ходжа-Гора, прослеживается присутствие и преобладание кареноидных, а также, в малом количестве примесь дисковидных форм. В Самаркандской стоянке имеются клиновидные и торцовые типы, встречающиеся и в коллекции Харкуша.

Орудийный набор памятников показан концевыми скребками на отщепах и на пластинах, ногтевидными формами, долотовидными орудиями и ножами. В малом количестве имеются проколки, развертки, сверло и острия. Индустрия Самаркандской стоянки и Шугноу сближается присутствием скребков с носиком, преобладанием скребки, а также в малом количестве резцов. Выемчатые формы изделий прослеживаются на Самаркандской стоянке и на Харкуше. Наряду с этим имеются ретушированные пластинчатые

изделия и отщепы (Ранов, 1972. С. 203; Ранов и др., 2005. С. 69-72; Коробкова, 1972. С. 157-168; Окладников, 1958. С. 64-67).

Из приведенных данных видно, что индустрия всех памятников, кроме первого, сходна в общих чертах. Сходство прослеживается, в основном, по типам нуклеусов высокой формы, концевым и ногтевидным скребкам. Присутствие вышеперечисленных типов изделий, в основном скребков ногтевидных форм, позволили исследователям определить их возраст в пределах финальной поры позднего палеолита (Ранов и др., 2005. С. 69-72; Коробкова, 1972. С. 157-168).

Обсуждение

Вышеперечисленные факты показывают, что памятники с ранней геометризацией не имеют места среди остальных памятников Средней Азии. Хотя их датировка более поздняя, чем Додекатым II.

Исследователи памятников с ранней геометризацией сопоставляют индустрию Додекатым II с Кульбулаком и Самаркандской стоянкой, и определили присутствие сходных черт в кареноидных нуклеусах и концевых скребках. Но, в отличии от Додекатыма II, в Кульбулаке выявлены мустьерские и зубчато-выемчатые элементы (Касымов, 1990. С. 274-297; Анисюткин и др., 1995. С. 10; Сайфуллаев и др., 2006. С. 43, табл. № 6).

Идея о ранней геометризации отчасти опирается на процесс микролизации, прослеживаемый

на территории Евразии. Точнее, предполагаются аналогии отдельных категорий инвентаря от мелкопластинчатых индустрий Сибири до граветийских стоянок Европы (Отчеты..., 2005-2006).

Хронологически близкими Додекатым II являются памятники раннесартанского времени (25-18 тыс. л. до н.э.) Западно-Сибирской равнины. В.Н. Зинин, чтобы определить место памятников раннесартанского времени, не поддающиеся хронологическому членению и установить аналогии между ними, основывается на редких и специфических формах изделий или способах обработки, встречаемых на памятниках Шестаково (слой 8-5). Как он отмечает, аналогичные типы изделий различных сочетаний прослеживаются в материалах раннесартанских памятников Сибири и хронологически близких им стоянок Урала и Поволжья. В этом плане пластинчатая индустрия Ачинской стоянки сближается со стоянкой Шестаково, Мальты, и памятниками Енисея. Прослеживается и сходство Томской стоянки с Шестаково (Зинин, 2005. С. 332-355).

Но перечисленные признаки, объединяющие памятники раннесартанского времени, а также хронологически близкие им стоянки Урала и Поволжья служат в пользу отличия при сравнении с памятниками Додекатым II. Эти признаки на Додекатым II вообще отсутствуют или являются не редкими, а демонстрируются в качественном и количественном плане. А также присутствие изделия «геометрических» очертаний в индустрии Шикаевка II, включенного в круг памятников раннесартанского времени, отделяет его от остальных индустрий Сибири. Хотя употребление термина «геометрические изделия» к образцам, присутствующим в индустрии Шикаевка II является условным и сопоставление их с геометризацией, прослеживаемой на памятнике Додекатым II, невозможно. Здесь достаточно упомянуть одну характеристику А.П. Окладникова, который отметил, что «к востоку от Урала до сих пор не обнаружено ни одного кремневого изделия геометрических очертаний, ни одной трапеции или треугольника» (Окладников, 1966. С. 222-223). И сейчас ситуация далеко не изменилась.

Памятники граветтской культуры тоже имеют больше отличий, чем сходства. Ранняя геометризация встречается в Центральной и Восточной Европе в памятниках Зверженц, Павлов, Корпач и Риписени-Извор, Тринка Изворул, Лука в виде сегментов или сегментовидных острий, которые датируются 25-23 тыс. л. до н.э. Также на памятнике Молодова V обнаружены трапециевидные острия, пластины, ретушированные с поперечными краями; удлиненные прямоугольники и четы-

рехугольники, обработанные косо по бокам или по продольным краям крутой ретушью (Грегорева, 1983. С. 55-61, рис. 1; Borziac et al., 2006. P. 5-34, рис. 3, 5, 6, 7. Табл. №1; Zwyns, 2004. P. 471-493). Судя по рисункам и по описанию, форма и стиль обработки геометрических изделий имеет случайный характер. Для них заготовкой являлись крупные пластины и пластинки, микролитизация изделий обеспечивалась после вторичной обработки, но и при этом их размеры не доходили до той величины, которая свойственна мезолитическим изделиям, при том, что их количество было незначительным. Эта традиция продолжается до конца позднего палеолита.

Также как и здесь, в эпипалеолитических памятниках Ближнего Востока, таких как Зарзи (12000±400 тыс. л. до н.э.), Шанидар (слой-B, 14 350 тыс. л. до н.э.) и Пелигавр (Wahida G., 1999. P. 181-208), геометризация не систематизирована.

Попробуем обсудить понятия геометризации в связи с проблемой появления и развития процесса микролитизации. Понятие микролитизации вещь скользкая, которая при сопоставлении процессов по отдельным регионам имеет условный характер.

Микролитизация практиковалась на Ближнем Востоке и в Европе, где при помощи резцовой обработки и притупляющей ретуши модифицировалась первичная форма и размер заготовок. А в Восточной Азии, микролитические изделия получались способом первичного расщепления. Микропластинчатые заготовки не имели каких-либо других устойчивых приемов по вторичной обработке изделий вплоть до мезолита.

Как считают исследователи, истоки этих процессов связаны с экологическими, экономическими и хозяйственными, а также поведенческими факторами. Так, микролитизация отражает в себе адаптационное приспособление человека к экологической нише и связана с приобретением ресурсов и подвижностью.

Микролитизация уменьшала риск при производстве заготовок и орудий, а уменьшение размеров производимых изделий привело к экономии сырья. Последнее привело к увеличению количества заготовок и орудий и вместе с тем микролитизация давала удобство транспортировки изделий человеку при его большой мобильности. Другим преимуществом микролитических орудий являлось универсальное и эффективное их использование, а также легкость их восстановления или ремонта (Robert G. Elston and Steven L. Kuhn, 2002).

Для территории Средней Азии не разработаны междисциплинарные аспекты (экономические, экологические, хозяйственные или поведенческие причины или воздействие), которые повлекли за собой процессы микролизации. Но независимо от того, какие именно факторы являлись основными, появление и развитие микролизации характеризуются как явления эволюции. Поэтому она должна отразить весь процесс зарождения и поэтапные пути развития. Здесь не имеет значения автохтонность или аллохтонность происхождения культур, потому что, если генезис культур имеет автохтонный корень происхождения, то он должен предъяснить последующие пути развития на местной культуре позднего времени. Если аллохтон, то должны проследиваться пути миграции. В хронологических рамках, принятых для Додекатым II невозможно объяснить или связать микролизацию и геометризацию с автохтонными или аллохтонными культурами.

Если считать, что процессы, прослеживаемые в других регионах, повлекшие за собой микролизацию, были свойственны и для Средней Азии, то необходимо принять и его последствия, т.е. изготовление орудий в большом количестве, а также легкость их восстановления, вероятно, тоже служили бы факторами для стандартизации. И, в конечном итоге, типы отдельных микроорудий должны были преобладать по количеству над остальными типами изделий. Прослеживаемые изменения в материальной культуре, представляли собой, в значительной мере, непрерывность, и, следовательно, укреплялись, становясь традиционными. Изделия, отражающие в себе повторение одних и тех же приемов технологии, в конечном результате становятся признаками определенной культуры. Подвижность должна была служить для распространения этих признаков культур, по меньшей степени, в пределах одного географического региона, поскольку технические навыки, посредственно или непосредственно (прямая миграция или диффузия идей), должны были быстро распространяться. Однако признаки микролизации, выявленные на памятнике Додекатым II не имеют широкого распространения даже в эпоху мезолита.

Трудно объяснить локальность или замкнутость и, более того, хронологическую оторванность культуры микролизации и геометризации на памятнике Додекатым II. Необходимо учесть также недостаточность качественного сырья в Средней Азии, где широкое распространение микролизации могла бы обеспечить уменьшение риска при производстве заготовок и сэкономить сырье. Даже при доступности качественного сы-

рья или ресурсов не произошел бы отказ от нововведения.

Понятие микролизации сложилось в Средней Азии в связи с изучением более поздних эпох. В свое время А.П. Окладников микролитическую культуру характеризовал как культуру, содержащую в индустрии геометрические типы орудий и технику затупливания краев. Отмечая культуры с отсутствием последних к востоку от Урала, он включил их в группу с не микролитическими признаками (Окладников, 1966. С. 222-223). Формозов под термином микролитический понимал индустрию, содержащую в коллекции изделия из правильных ножевидных пластин, независимо от присутствия или отсутствия геометрических форм или технику затупливания (Формозов, 1959. С. 47-59). Точка зрения А.П. Окладникова принята и разработана в дальнейшем В.А. Рановым (Ранов, 1985. С. 95-97). Странником второй точки зрения является А.В. Виноградов, считавший, что микролитические индустрии представлены орудиями, изготовленными сечением пластинчатых заготовок, а геометрические микролиты являются отражением более развитых микролитических культур (Виноградов, 1968. С. 157-161).

Из вышеприведенного следует, что понятие микролизации или микролитические культуры характеризуются индустриями мезолитических эпох. Здесь учитывается именно присутствие или отсутствие геометрических изделий и техники затупливания края. В связи с данным уточнением генезиса микролитических индустрий, мезолит Средней Азии разделен на две историко-культурные области: мезолитическая – связанная с культурами ближневосточного типа; эпипалеолитическая – входящая в сибирско-монгольскую историко-культурную область. Ф. Бруне в своих исследованиях, акцентируя внимание на присутствии отжимной техники расщепления, объединил обе культуры в одну, названную мезолитической. Технические признаки (затупливание края, отжимная техника), которые обеспечивали на территории сопредельных стран микролизации изделий, не свойственны позднепалеолитическим памятникам Средней Азии. Также как и притупляющая ретушь, пластинки и микропластинки с притуплением не характерны позднепалеолитическим памятникам. Этот вопрос очень остро дискутируется среди ученых и считается свойственным мезолитическим памятникам (Жуков, 1984. С. 98-103; Ранов, 1985. С. 88-102; Виноградов, 1979. С. 51-62). Иногда при определении хронологических или культурных особенностей мезолитических памятников учитывается присут-

ствие изделий с притуплением или соотношением их количества (Джуракулов и др., 1991. С. 80-101).

Присутствие отжимной техники является признаком миграции или диффузии идей с севера. Самая ранняя дата использования отжимной техники в Средней Азии и близлежащих территориях показаны мезолитическими памятниками. Процесс прослеживается на памятнике стоянка Тельмана (Северный Казахстан) – 11-10 тыс. л. до н.э., и стоянке Ошхона (Таджикистан) – 10-9 тыс. л. до н.э. (Brunet, 2002. Р. 9-24).

Геометрические типы изделий являются основными признаками для определения возраста и генезиса памятников. Ранний этап геометрических типов связан с появлением трапецие-прямоугольников и трапеции ассиметричной пропорции (Марков, 1966. С. 104-125; Ранов и др., 2005. С. 87-94). Треугольники раннего мезолита были грубыми и удлинённо-высокими и появляются после трапеции. Они показаны материалами Дам-Дам-Чашма II и некоторыми памятниками Таджикистана (Марков, 1966. С. 104-125; Коробкова, 1989. С. 149-174). Материалы Дам-Дам-Чашма II аналогичны треугольникам из памятников Кавказа и Ближнего Востока. Следовательно, хронологические анализы, полученные из Кавказа и Ближнего Востока (Brunet, 2002. Р. 14), а также геологические данные Прибалханья (Белова, 1998. С. 24-35), где расположен памятник Дам-Дам-Чашма II, не позволяют удревнить их возраст более чем 14 тыс. л. Появление их на территории Таджикистана объясняется миграциями или диффузиями идей, связанных также с культурами ближневосточного типа (Ранов и др., 2005. С. 87-94).

В действительности индустрию Додекатым II, в плане непрерывности развития и типологии, можно сопоставить с памятниками мезолитического и неолитического периодов. Треугольники Додекатым II по размеру и по обработке близки к изделиям финального мезолита и раннего неолита. От общей массы треугольников, отделяется только один, своей более удлинённой пропорцией (длина 32 мм) как «макро-треугольник». Размеры остальных треугольников варьируют в пределах 1-2 см. Они находят аналогии на памятниках Средней Азии: в материалах Кушилиш (треугольники «кушилишского типа»), Бозсу 1 и Бозсу 2, расположенных территориально близко к Додекатым II (Исламов, 1982. С. 81, рис. 21, б). В очень широком хронологическом и территориальном диапазоне эти же треугольники встречаются на памятниках Кызылкум, в Ургуте (Самарканд), а также Замича-

таш (Szymczak et al., 2006. Р. 30).

Ножевидные пластинки с выемкой на дистальном конце (резцы на ножевидных пластинках) находят свою аналогию с подобными изделиями Джебела и памятников кельтеминарских культур. Изделия, определенные А.П. Окладниковым как предметы со скошенным концом (не исключено, что часть из них является треугольниками) также сопоставимы с ассиметричными треугольниками удлинённо-низкой пропорции. (Окладников, 1956. Рис. 82, 3; 84, 11; 94, 5).

Кроме того, прослеживаются сходства и по первичному расщеплению Кушилиша с Додекатым II. Например, на обоих памятниках показаны процессы расщепления на нуклеусах различных типов заготовок: от отщепы до микропластинок. Иногда сходства показаны в отдельных типах нуклеусов. Так в коллекции Додекатым II встречаются торцовые нуклеусы с клиновидным фасом скалывания. Аналогичные нуклеусы были определены У.И. Исламовым на памятнике Кушилиш, как клиновидные нуклеусы с торцовым скалыванием (Исламов, 1982. С. 79; 85. Рис. 22, 5). В отдельных типах орудий (скребки с шипом, концевые скребки с высоким рабочим краем) прослеживается аналогия с Обиширом (Исламов, 1980. Табл. XIII, 6, 16. Табл. XIX, 8. Табл. XI, 18. Табл. X, 3).

На Додекатым II одним экз. показан нуклеус, имевший отжимную технику расщепления, а также технику расщепления при помощи мягкого и твердого отбойника. Вероятно, это нововведение еще находилось на начальном этапе развития. Присутствие отжимной техники расщепления и его начального этапа развития показывает, что нижнюю границу памятника можно определить ранним мезолитом. Но памятник Ошхона, где показана самая ранняя дата отжимной техники для Средней Азии по C^{14} , имеет две датировки – 10-9 и 8 тыс. л. до н.э. Исследователь памятника считает более правильной позднюю датировку (Ранов, 1985. С. 98). Типологический облик индустрии Додекатым II, тоже показывает более поздней этап развития и наталкивает на мысль, что возраст памятника не более чем 8 тыс. л. до н.э. С другой стороны, аналогии изделий с неолитических памятников не исключают, что верхняя граница памятника определяется пределами позднего мезолита.

Для уточнения относительной датировки Додекатым II, определенное значение имеют аналогии с индустрией Кушилиш, и мнения по определению его возраста. По заключению одного из исследователей возраст памятника Кушилиш определен в пределах раннего мезолита (Исла-

мов, 1980. С. 115-141), в то время как предложена и датировка концом мезолита (Коробкова, 1989. С. 159). Однако малочисленность его материалов в то время не позволила получить более полное представление о характере данной индустрии. В результате, с установлением аналогии Додекатым II и Кушилиш, и при детальном сопоставлении их индустрий с остальными памятниками, можно определить относительный возраст памятника в пределах 8-6 тыс. л. до н.э.

Заключение

Вышеприведенные данные позволяют заключить, что точка зрения о микролизации и ранней геометризации, не имеет под собой никакого основания. Во-первых, памятник Додекатым II нуждается в дополнительном анализе по датировке. Во-вторых, хотя в отдельности процесс микролизации и геометризации прослеживается в других регионах на памятниках более раннего этапа каменного века, правильнее было бы сопоставить индустрии в совокупности, охарактеризовав пути их эволюции, предъявленные с непрерывностью развития культуры региона, а также освещаая факторы, которые повлекли за собой микролизацию и геометризацию.

Возникает также вопрос: почему эти факторы действуют в пределах одного географического региона, точнее только на одном памятнике?

Взяв только один из факторов – экологический, повлекший за собой микролизацию и геометризацию, сложно оппонировать вопросу, почему климатические изменения, являющиеся столь глобальными явлениями, не повлияли на индустрию остальных памятников. Если считать, что эти факторы могли иметь точку прикосновения, то они воздействовали бы на процесс микролизации и геометризации комплексно. Тогда необъяснимость отсутствия последствий этих процессов представляется основной проблемой. Также, как можно объяснить хронологическую оторванность индустрии памятника?

В действительности для верхнего слоя Кульбулак приемлемы датировки в пределах конца позднего палеолита. Аналогии Додекатым II, с памятниками мезолитического и неолитического времени, в технико-типологической, а также в плане непрерывности развития индустрии позволяют датировать его эпохой мезолита.

Исходя из этого, вопрос генезиса индустрии Додекатым II остается открытым, поскольку фактологическая база, в настоящее время, не позволяет конкретизировать его генезис. Предварительно можно ли не сказать, что истоки культурогенеза индустрии Додекатым II имеют местное происхождение, представляющие собой дальнейшее развитие более ранних культур мезолита.

Использованная литература:

- Абрамова З.А.* Поздней палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.
- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О.* Новые исследования палеолита в Ахангаране (Узбекистан). С-Пб., 1995.
- Белова Л.А.* Пути развития Прибалхана в постхвалынское время // Культурные ценности. № 4. С-Пб., 1996.
- Виноградов А.В.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968
- Виноградов А.В.* Исследование памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979.
- Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХАЭ. Т. XIII. М., 1981.
- Григорьева Г.В.* Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на русской равнине // КСИА. № 173. М., 1983.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д.* Страницы истории древней культуры Узбекистана // Ўзбекистон пойтахти. Тошкент 2200 ёшда. Ташкент, 2009.
- Джуракулов М.Д.* История изучения каменного века Средней Азии // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 1966
- Джуракулов М.Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Джуракулов М.Д., Коробкова Г.Ф.* Новые данные о комплексном изучении материалов Самаркандской стоянки // ИМКУ. № 32. Ташкент, 2001.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.* Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Самарканд, 1991.
- Жуков В.А.* Новая культура каменного века на восточном Памире // Памироведение. Вып. 1. Душанбе, 1984.
- Зинин В.Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Новосибирск, 2005.
- Исламов У.И.* Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом // ОНУ. № 7. Ташкент, 1970.
- Исламов У.И.* Обиширская культура. Ташкент, 1980.
- Касымов М.Р.* Проблема палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак) // Дисс.... докт. ист. наук. Ташкент, 1990.
- Коробкова Г.Ф.* Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки // МИА. № 185. Л., 1972.
- Коробкова Г.Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М., 1989.

- Кривошапкин А.И., Милютин К.И., Новиков И.С., Исламов У. И., Мухаммадиев А. Г.** Новые верхнепалеолитические стоянки в бассейне реки Пальтау // ИМКУ. № 35. Самарканд, 2007.
- Марков Г.Е.** Грот Дам-Дам-Чашме 2 в восточном Прикаспии // СА. № 2. М., 1966.
- Несмеянов С.А., Ранов В.А.** О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходже-Горе // АРТ. № IX. Душанбе, 1961.
- Окладников А.П.** Исследования памятников каменного века Таджикистана // МИА. № 66. М., 1958.
- Окладников А.П.** К вопросу о мезолите и эпилеполите в Азиатской части СССР. Л., 1966.
- Отчет.** Полевые исследования стоянок Оби-Рахмат и Додекатым-II в 2005-2006 гг. Научный архив ИА АН РУз. Ф-7. О.1. Д.165.
- Радилюловский В.В., Новиков В.П.** Стоянки каменного века в долине р. Оджук (Варзобское ущелье) // АРТ. № 22. 1982.
- Ранов В.А.** Самаркандская стоянка и ее место в каменном веке Средней Азии // Изв. АН ТаджССР. № 4 (58). Душанбе, 1969.
- Ранов В.А.** Шугноу - многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.) // АРТ. № 10. М., 1973.
- Ранов В.А.** Стоянка Огзи-Кичик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология: поиски и находки. Душанбе, 1980.
- Ранов В.А.** Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985.
- Ранов В.А.** Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Новосибирск, 1988.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р.** Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе, 2005.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.** Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане // СА. № 2. М., 1971.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А.** Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Сайфуллаев Б.К.** Палеолит долины реки Зарафшан и северо-восточных Кызылкумов // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Сайфуллаев Б.К., Хушваков Н.О., Курбанбаев И.М.** О позднем палеолите Узбекистана // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд, 2006.
- У истоков** древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
- Формозов А. А.** Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. № 2. 1959.
- Borziac I., Chirica V.** Considera referitoare evoluția paleoliticului final și epipaleoliticului în spațiul dintre Nistru și Carpații Orientali (aspecte paleoecologice și tehnico-tipologice) // Revista Arheologică. Vol. 2. № 1-2. Chișinău, 2006.
- Brunet F.** Asie Centrale: vers une redéfinition des complexes de la fin du Pléistocène et des débuts de l'Holocène // Paléorient. Vol. 28. № 2. 2002.
- Szymczak K., Khudzhazarov M.** Exploring the Neolithic of the Kyzyl-kums // Ayakagitma "The Site" and other collections. Warsaw, 2006.
- Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization**, Editors: Robert G. Elston and Steven L. Kuhn // Archeological Papers of American Anthropological Association. № 12. 2002.
- Wahida G.** The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic: 181-208. Oxbow Books, 1999.
- Zwyns N.** La problématique de l'Aurignacien tardif dans la zone des steppes nord-pontiques // L'anthropologie. 108 (2004).

Б.К. Сайфуллаев, О.Т. Эргашев, Н.О. Хушваков, М. Бердикулов

БИФАСЫ ЛИСТОВИДНОЙ ФОРМЫ КУКАЯЗСКИХ (1-8) МАСТЕРСКИХ

Термин «листовидный бифас» для обозначения солютрейских бифасиально обработанных предметов впервые был введен А. Шейниером (А. Cheynier): «термин, посвященный «лавровому листу», действительно хорош, для обозначения этих красивых предметов Солютрейской индустрии, но тем не менее он не подходит ко всем его формам, поэтому мы предпочитаем этим изделиям общее название «листовидные бифасы» (Cheynier, 1949).

Г. Келли (Н. Kelley) опубликовавший ашельские бифасы листовидной формы не смог не заметить их форму и частую обработку при помощи плоской ретуши и исходя из этого принял термин «листовидный бифас» (Kelley, 1960).

Представленные предметы относительно тонкие и узкие, разнообразных силуэтов, в скором времени были названы листовидными предметами, листовидными бифасами или листовидными острями (Brézillon, 1983).

В настоящее время часто встречаются выражения: "бифасиально листовидный предмет" или "листовидное острие", применяемое к солютрейским предметам, либо тонким бифасам типа Селета.

В наборе индустрий Кукаязских мастерских обнаружено 57 экз. бифасов, большинство из которых имеют листовидную форму. Самое большое количество бифасов оказались в коллекции Кукаяз 6 (17 экз.) и Кукаяз 2 (16 экз.). Последующие места в этом отношении занимают пункты Кукаяз 8 (12 экз.), Кукаяз 4 (5 экз.) и Кукаяз 5 (3 экз.). По два бифаса обнаружены в пунктах Кукаяз 2 и 7. Сырьевой состав этих изделий—исключительно кварцит озерного происхождения, за исключением одного частично обработанного бифаса из коричневого кремня (рис. 17). В мастерской Кукаяз 3 бифасов не обнаружено.

В коллекции *Кукаяз 1* обнаружено всего *два* экземпляра бифасов. Первый из них (85x54x16

мм) является дистальным фрагментом бифаса листовидной формы. Он обработан при помощи плоско проникающих бифасиальных сколов и с левого латерала дополнительно регулирован плоской ретушью, а с правого - анкошами. Поэтому по форме его левый латераль зигзагообразный, а правый латераль ровный и в целом не имеет симметрии (рис. 1). Второй экземпляр из бифасов коллекции является дистальным фрагментом (74x61x13 мм), также ассиметричен и обработан с помощью плоско проникающих сколов. Края изделия зигзагообразные (рис. 2).

В коллекции мастерской *Кукаяз 2* обнаружено 16 экземпляров изящно выполненных бифасов, изготовленных из кварцита озерного происхождения, листовидных форм. Изделия можно разделить на целые - 3, частично обработанные - 2 и фрагменты бифасов - 11.

Целые бифасы - 3 экз. Первый - размерами 114x45x23 мм, обработан при помощи плоских проникающих и бифасиальных снятий, имеет удлиненную листовидную форму. Он имеет двойную патинизацию, один из фасов менее патинизирован, чем другой. Середина бифаса двусторонне выпуклая, имеются следы неудачных попыток исправления этих дефектов, образовавшихся в центре изделия. Края орудия зигзагообразные и изделие имеет почти симметричную форму (рис. 3). Второй экземпляр размерами 125x52x21 мм, изготовлен на одном из первичных сколов, который на одном из фасов частично сохраняет остатки натечной поверхности. Бифас обработан с одного фаса с помощью плоских проникающих снятий, а на втором фасе имеются следы полукрутых сколов, которые не всегда доходили до середины изделия. В продольном сечении бифас имеет почти симметричную форму, но края зигзагообразные (рис. 4). Третий экземпляр из целых бифасов является миниатюрным - его размеры 70x35x10 мм. Он обработан с помощью пло-

1 - Старший научный сотрудник Института археологии АН РУз.; 2 - Аспирант кафедры археологии исторического факультета СамГУ.; 3 - Директор Шахрисабзского музея истории материальной культуры им. А. Темура.; 4 - Студент II курса исторического факультета СамГУ.

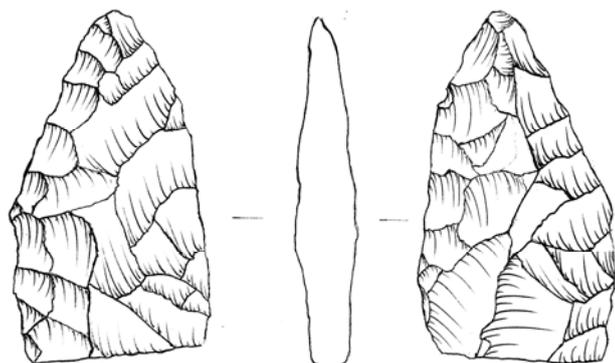

Рис. 1

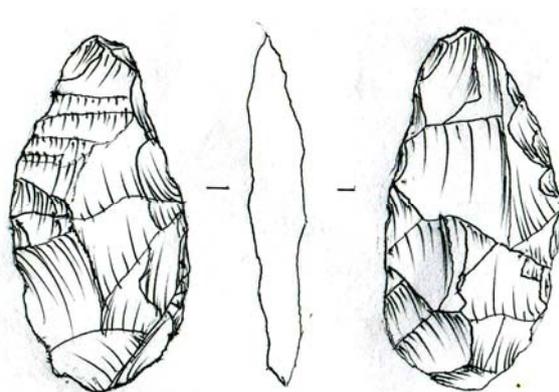

Рис. 5

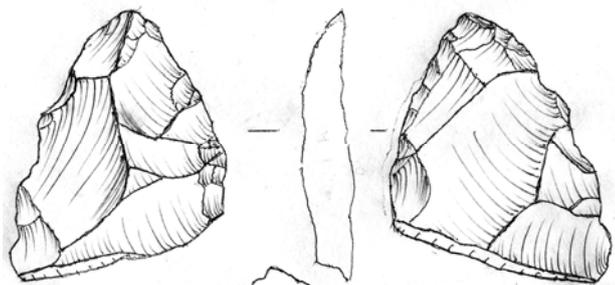

Рис. 2

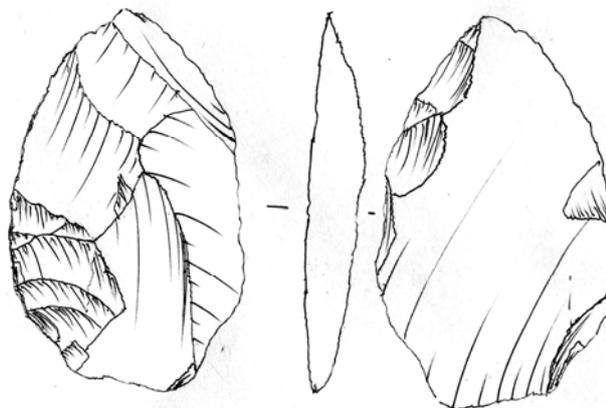

Рис. 6

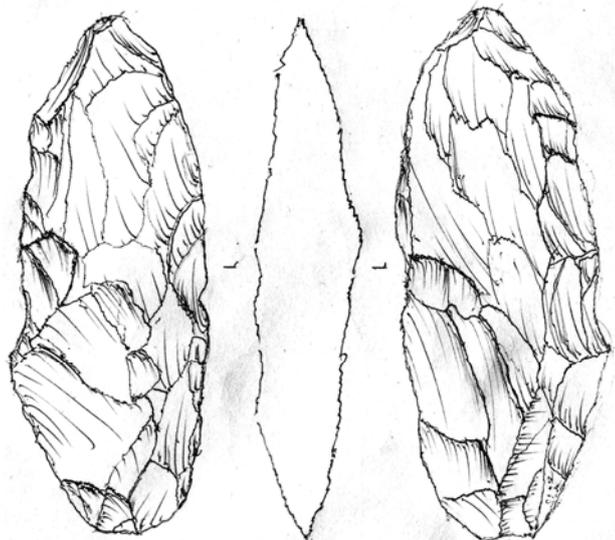

Рис. 3

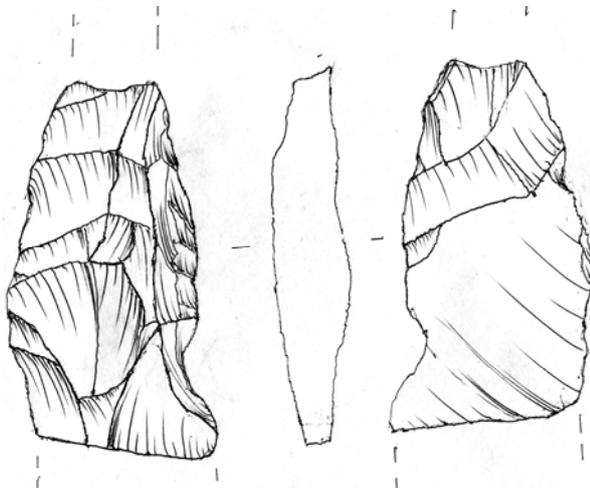

Рис. 7

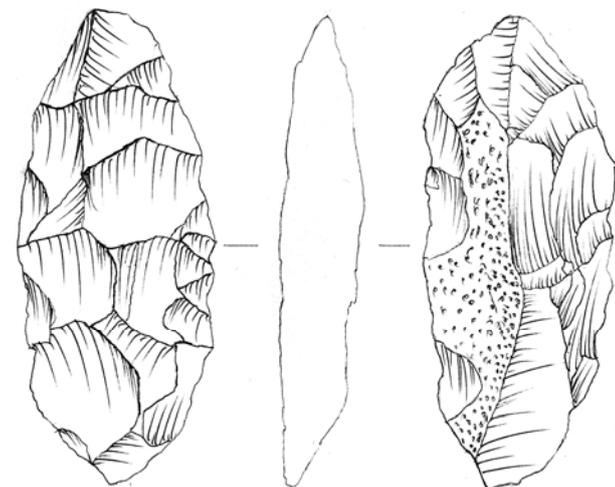

Рис. 4

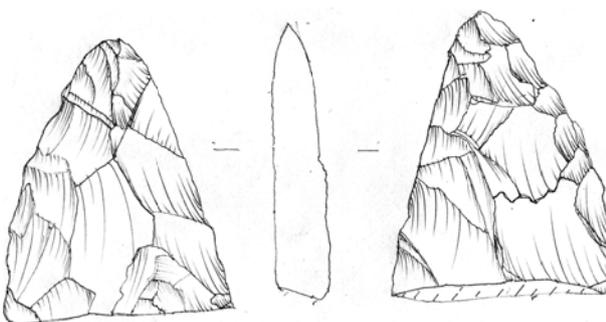

Рис. 8

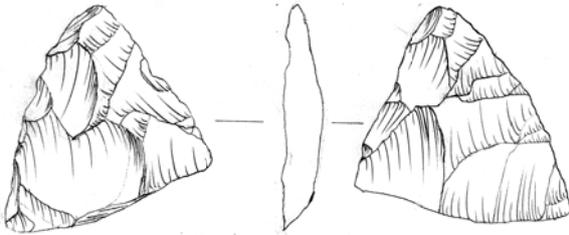

Рис. 9

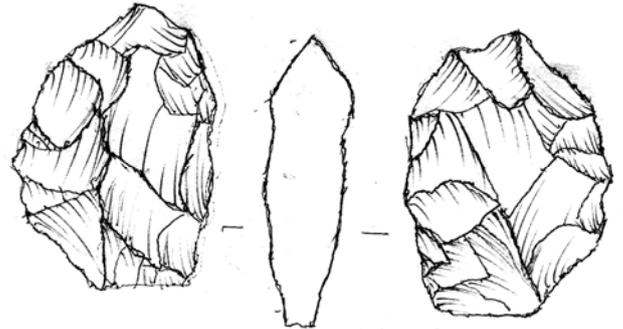

Рис. 14

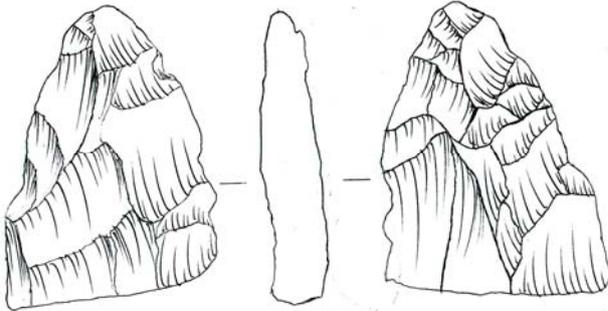

Рис. 10

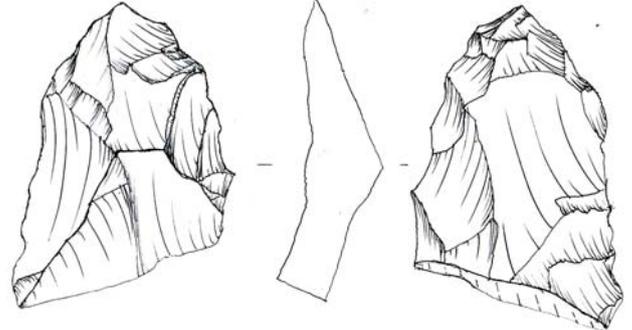

Рис. 15

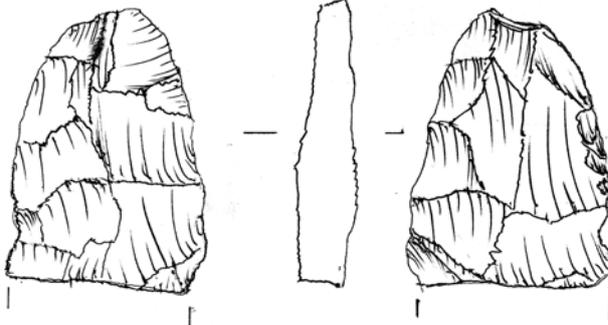

Рис. 11

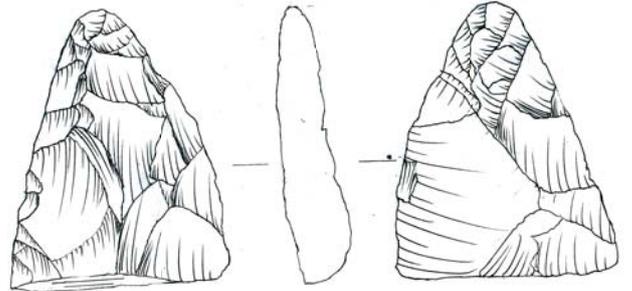

Рис. 16

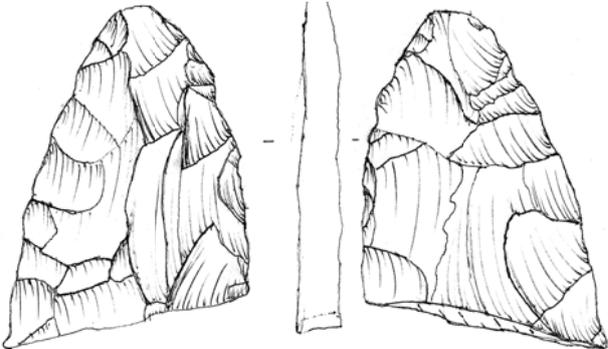

Рис. 12

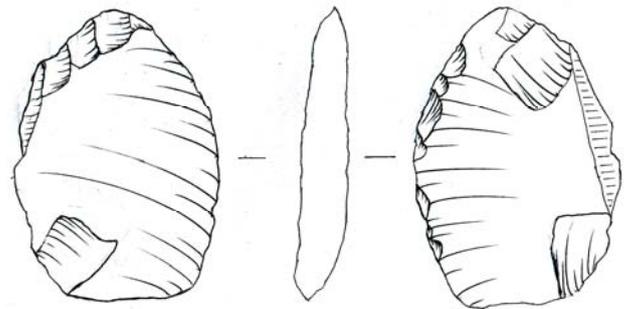

Рис. 17

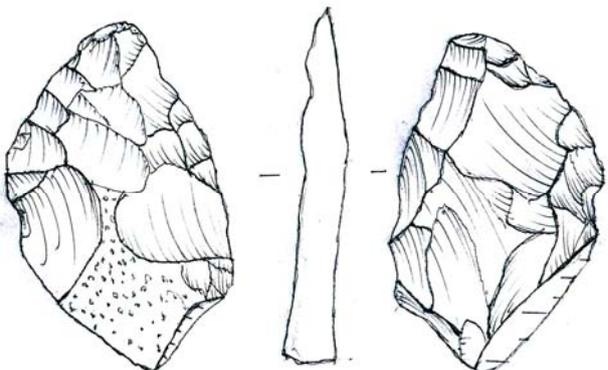

Рис. 13

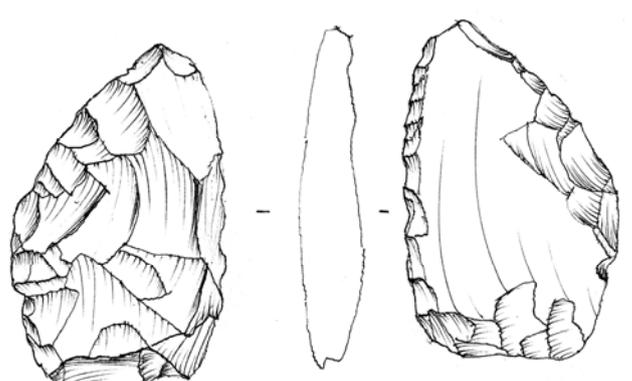

Рис. 18

ских и бифасиальных снятий. Края зигзагообразные и имеют асимметричную листовидную форму (рис. 5).

Бифасы с частичной обработкой - 2 экз.

Первый обработан на отщепе с фасетированной, вогнутой и сильно скошенной ударной площадкой. На дорсале отщепе имеются следы негативов встречных и ортогональных сколов и частично сохранилась вентральная поверхность отщепе-нуклеуса. Исходя из этого, заготовкой для изготовления данного бифаса послужил отщеп типа комбева. Затем с помощью частичных боковых бифасиальных снятий изделию придана симметричная листовидная форма. Его размеры 92x65x14 мм (рис. 6). Второй экземпляр из частично обработанных бифасов также оформлен на отщепе. Его размеры 110x64x24 мм. Обе конечности этого изделия сломаны. Со стороны дорсала отщепе заготовки имеются следы негативов перекрывающихся снятий и на этом фазе поверхность изделия посередине выпуклая. На второй вентральной поверхности отщепе заготовки имеются следы негативов частичных и плоских снятий. В этой части бифаса сохранилась большая необработанная поверхность и часть S-образного шарнира. Он не имеет какой-либо формы (рис. 7).

Фрагменты бифасов - 11 экз. Самую большую долю среди бифасов коллекции Кукаяз 2 составляют их фрагменты. Кроме того, все эти фрагменты являются кончиками бифасов. Это может объяснено тем, что самой слабой частью подобных предметов являются тонкие конечности, которые часто ломались при обработке и утилизации. Один из них размерами 101x84x20 мм обработан с помощью плоских проникающих сколов бифасиально и имеет симметричную листовидную форму (рис. 8). Второй экземпляр из этой категории размерами 80x77x12 мм является одним из самых тонких фрагментов бифасов коллекции. Он обработан при помощи плоских проникающих бифасиальных сколов и имеет почти симметричную листовидную форму (рис. 9). Третий фрагмент бифаса коллекции имеет размеры 81x62x17 мм. Он также обработан с помощью проникающих бифасиальных скалываний, края зигзагообразные. Изделие имеет двойную патинизацию, сколы на одном фазе менее патинизированы, чем на другом, имеет симметричную листовидную форму (рис. 10). Четвертый фрагмент бифаса в наборе индустрии Кукаяз 2 размерами 65x48x15 мм также обработан с помощью проникающих бифасиальных сколов. Он также имеет двойную патинизацию, один

из его фасов менее патинизирован, чем другой. Кончик фрагмента сломан и края изделия зигзагообразные и имеют асимметричную форму (рис. 11).

Кукаяз 4. Бифасы - 5 экз. Так же как и в других Кукаязских комплексах в наборе индустрии Кукаяз 4 имеется серия бифасов. Первый из них размерами 113x80x15 мм является дистальным фрагментом бифаса листовидной формы и имеет четкую симметрию. Обработан он с помощью плоских проникающих сколов. Края изделия зигзагообразные (рис. 12). Второй экземпляр является также дистальным фрагментом бифаса листовидной формы. Он симметричный и обработан с помощью бифасиальных плоских проникающих сколов. Края изделия зигзагообразные, размеры 89x55x13 мм, а один из его фасов частично покрыт известковым налетом (рис. 13). Третий экземпляр является миниатюрным медиальным фрагментом листовидного бифаса размерами 57x40x16 мм. Дисталь и проксималь изделия усеченные. Обработан он с помощью плоских проникающих сколов, края зигзагообразные, форма асимметричная (рис. 14).

Кукаяз 5. Бифасы - 3 экз. В коллекции Кукаяз 5 обнаружено всего три экземпляров бифасов. Два экземпляра из них являются фрагментами и два частично обработанными бифасами.

Фрагменты бифасов - 2 экз. Первый фрагмент размерами 134x86x33 мм, обработан с помощью двусторонних плоско проникающих и перекрывающихся скалываний. Этот бифас оформлен на крупном отщепе, о чем свидетельствует частично сохранившаяся вентральная поверхность на одном из фасов изделия. Он не имеет симметрии, видимо, изделие сломалось в процессе выделки, края зигзагообразные (рис. 15). Второе изделие размерами 100x82x22 мм также обработано с помощью бифасиальных плоско-проникающих скалываний, края зигзагообразные. Он является дистальным фрагментом бифаса и не имеет симметрии (рис. 16).

Частично обработанные бифасы - 1 экз.

Он имеет размеры 84x60x13 мм, оформлен на отщепе типа комбева из коричневого кремня с S-образным шарниром. Изделие обработано частично с помощью плоско-проникающих скалываний и боковых ретушированных. Отщеп частично сохраняет фасетированную ударную площадку. Форма бифаса овальная и симметричная (рис. 17).

Кукаяз 6. Бифасы - 17 экз. Бифасов в индустрии

стрии Кукаяз 6 всего 17 экз. Среди них целые - 3 экз., фрагменты - 11 экз. и частичные - 3 экз.

Целые бифасы - 3 экз. Первый бифас коллекции Кукаяз 6 имеет размеры 100x62x18 мм, изготовлен на отщепе, вентральная часть которого сохранилась частично. Он обработан с помощью двусторонне проникающих скальваний, не имеет симметрии, а кончик изделия был снят с помощью двух противоположащих чередующейся анкошей. Ударная площадка отщепы заготовки была усечена в процессе обработки (рис. 18). Второй экземпляр размерами 94x9x32 мм, имеет симметричную сердцевидную форму. Он оформлен на отщепе с S-образным шарниром. Вентральная часть изделия обработана частично, а дорсаль заготовки полностью перекрыт проникающими сколами. Кроме того, изделие регулировано с помощью мелких выемчатых ретушей со стороны вентрала отщепы заготовки. Форма изделия асимметричная (рис. 19). Третий экземпляр изготовлен на отщепе с биполярными следами негативов на дорсале. На дорсале изделия имеются негативы боковых полукрутых снятий, придающие ей треугольную форму заготовки. Со стороны вентрала отщеп был утончен с помощью плоских проникающих снятий. Эти снятия были осуществлены частично со стороны ударной площадки отщепы заготовки. Он имеет подтреугольную форму размерами 84x50x30 мм (рис. 20).

Бифасов с частичной обработкой в коллекции всего 3 экз. Первый размерами 118x54x26 мм изготовлен на отщепе с помощью двусторонних проникающих сколов, но частично. Большая часть дорсала имеет естественную натечную поверхность, а на противоположной стороне сохранилась часть вентрала отщепы заготовки. Ударная площадка отщепы заготовки усечена в процессе обработки (рис. 21). Второй экземпляр имеет округлую форму размерами 121x67x27 мм. Дорсаль отщепы заготовки полностью перекрыт негативами плоских проникающих сколов. Но вентраль изделия обработан частично с помощью проникающих сколов и сохранена большая часть вентрала заготовки. Ударная площадка отщепы линейная (рис. 22).

Фрагменты бифасов - 12 экз. Самую большую часть среди бифасов в коллекции Кукаяз 6 составляют фрагменты. Первый размерами 107x75x27 мм также является дистальным фрагментом бифаса листовидной формы. Он обработан с двух фасов с помощью проникающих сколов, края зигзагообразные и имеют

почти симметричную форму (рис. 23). Второй экземпляр размерами 53x45x15 мм является дистальным фрагментом бифаса листовидной формы и является симметричным. Обработан с помощью бифасиальных плоско-проникающих сколов с регулированными краями при помощи боковых ретушей. Острие изделия овальное и симметричное (рис. 24). Третий экземпляр также относится к дистальным фрагментам бифасов листовидной формы, но только кончик изделия не доработан. Изделие не имеет симметрии, края зигзагообразные, размеры 100x62x24 мм (рис. 25).

Кукаяз 7. Бифасы - 2 экз. Первый оформлен на отщепе типа комбева, размерами 81x56x15 мм. Ударная площадка отщепы покрыта известковым натечком, на дорсале имеются негативы униполярных снятий. Затем, при помощи боковых бифасиальных негативов оформлена форма бифаса, выделен кончик. Изделие можно отнести к бифасам с частичной обработкой и оно не имеет симметрии (рис. 26). Вторым также является бифасом с частичной обработкой. Его размеры 118x135x40 мм. Изделие оформлено на отщепе массивного облика, дорсаль имеет следы негативов ортогонального снятия. На левом дистальном углу отщепы с помощью двусторонних снятий выделен кончик. Ударная площадка и часть дорсала отщепы покрыта известковым натечком. Форма изделия асимметричная (рис. 27).

Кукаяз 8. Бифасы - 12 экз. В коллекции Кукаяз 8 обнаружено 12 экземпляров бифасов листовидной формы, среди которых 4 экз. целых и 8 экз. фрагментов.

Первый из целых бифасов размерами 153x60x30 мм имеет двойную патинизацию. Он асимметричен, с одного фаса обработан с помощью плоско-проникающих, с другого полукрутыми раскальваниями, а с двух сторон частичными ретушами. Края изделия зигзагообразные, в поперечном сечении середина выпуклая и по форме асимметрична (рис. 28). Второй бифас миниатюрный, видимо, оставлен из-за дефекта сырья. Он имеет размеры 76x43x10 мм, асимметричен и обработан с помощью бифасиальных плоско-проникающих скальваний. Края изделия также зигзагообразные (рис. 29).

Третий бифас является частично обработанным. Заготовкой послужил отщеп, у которого сохранилась фасетированная ударная площадка. Он обработан частично с помощью двусторонних боковых снятий. Негативы на дорсале отщепы-заготовки униполярные, форма изде-

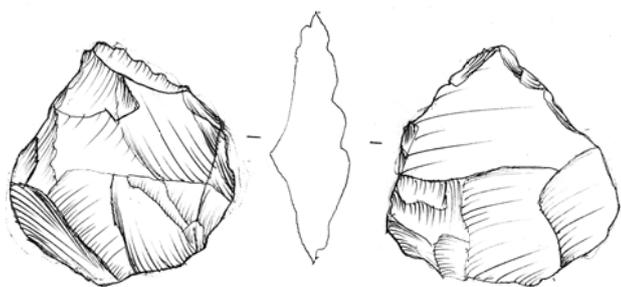

Рис. 19

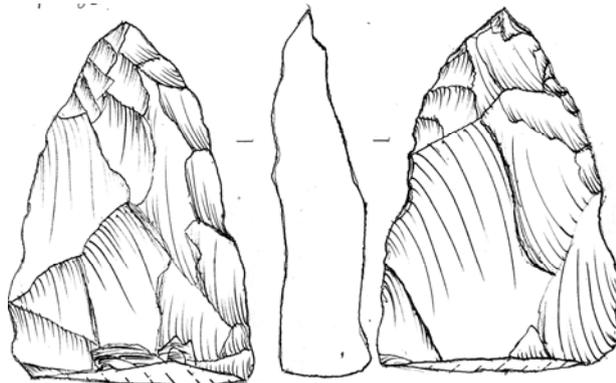

Рис. 23

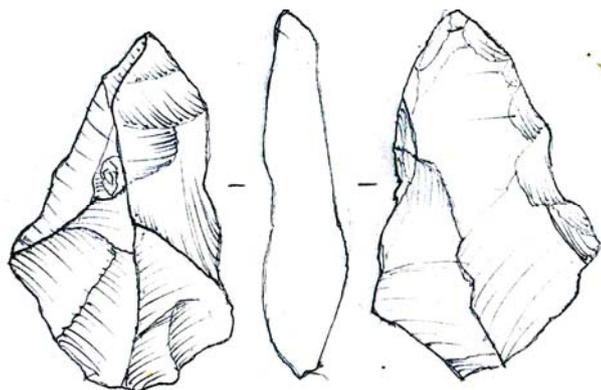

Рис. 20

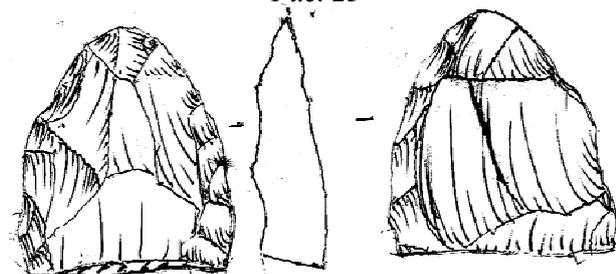

Рис. 24

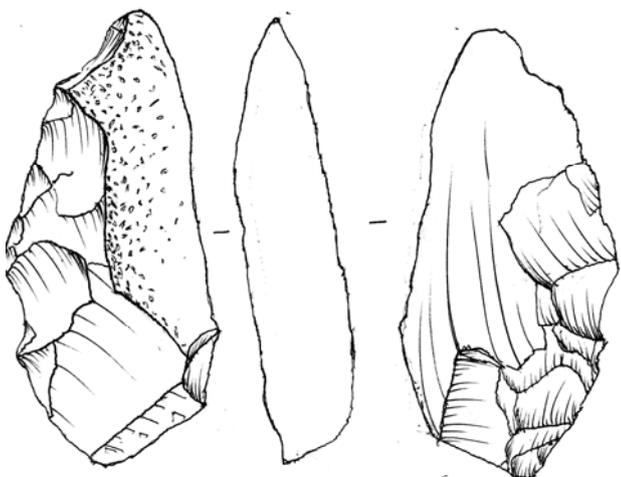

Рис. 21

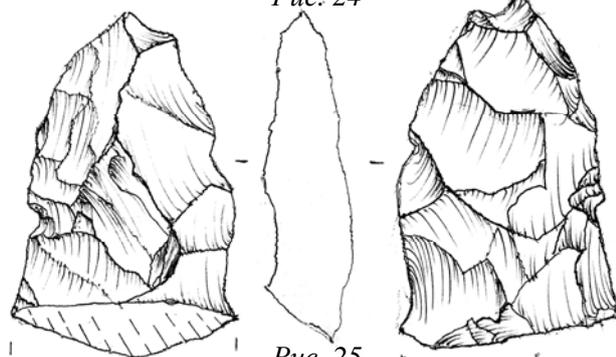

Рис. 25

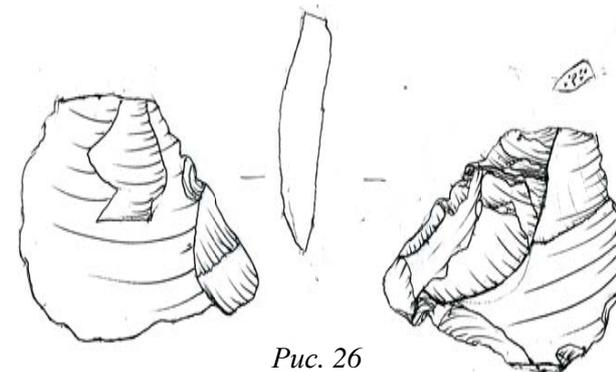

Рис. 26

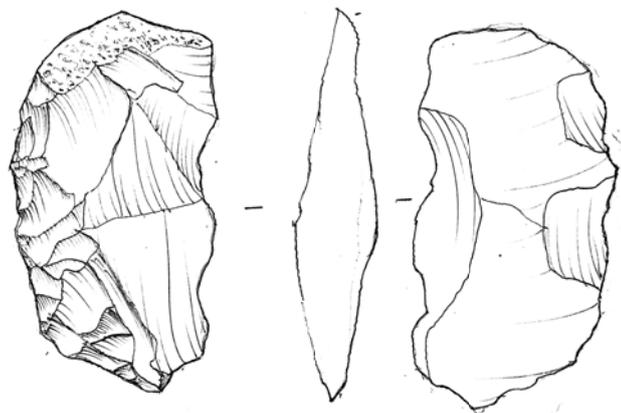

Рис. 22

Рис. 27

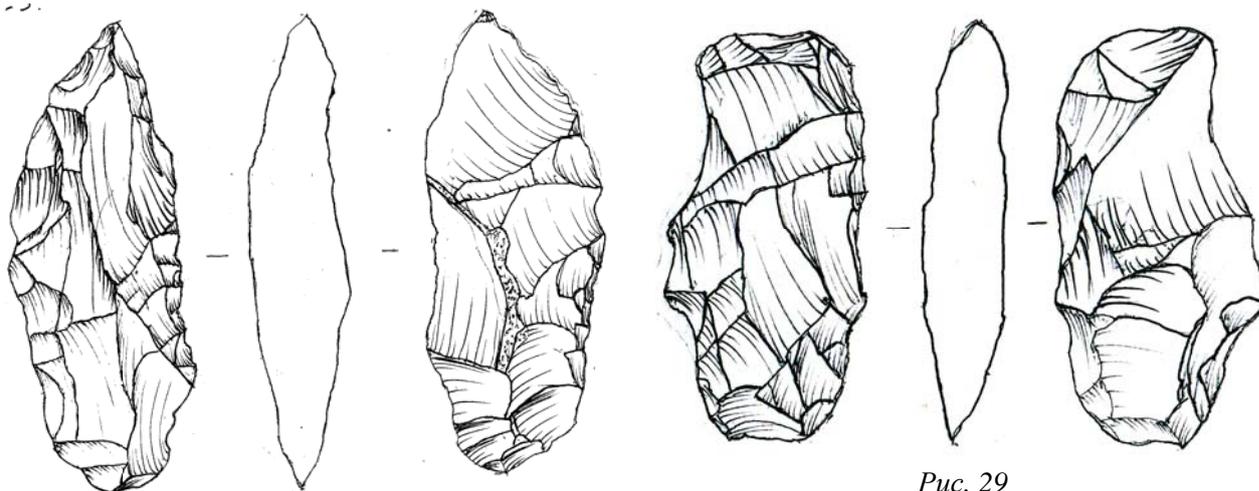

Рис. 28

Рис. 29

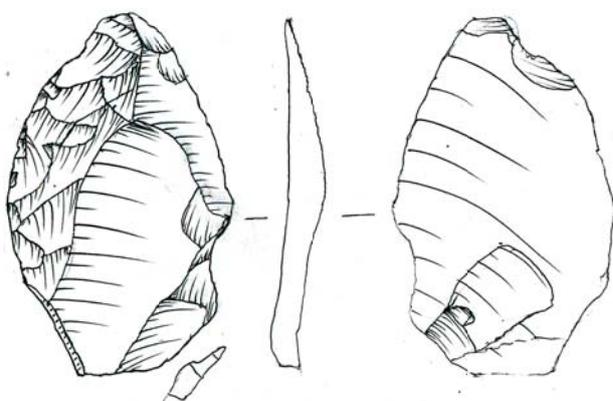

Рис. 30

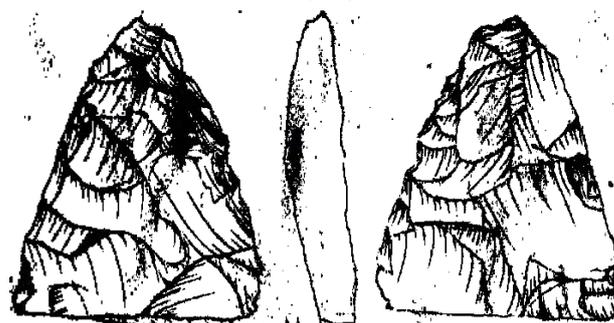

Рис. 31

лия ассиметричная и листовидная, размерами 110x70x12 мм (рис. 30).

Четвертый экземпляр является дистальным фрагментом листовидного бифаса размерами 95x78x18 мм. Он имеет четкую симметричную листовидную форму и обработан с помощью бифасиальных плоско-проникающих скалываний, а также дополнительно отретуширован (рис. 31).

Как видно из таблицы №1, среди листовидных бифасов в коллекциях Кукаязских комплексов подавляющее большинство составляют

их фрагменты. Это может объясняться тем, что эти пункты являются мастерскими, где сломанные и не удавшиеся бифасы были оставлены на месте их обработки. Кроме того, Кукаязские пункты можно отнести к числу специализированных мастерских не только для расщепления реберчатых пластин и выделки зубчатого компонента каменных орудий, но и для изготовления бифасов листовидной формы.

Что касается их утилизации, то в литературе много примеров того, что они могли быть использованы в качестве остроконечников, металлических орудий. Но предполагается в основном, что они использовались в качестве ножа (Bordes F., 1969).

В виде аналогий с материалами Кукаязских

Таблица №1. Количество и состояние бифасов Кукаязских (1-8) комплексов.

Состояние:	Целые	Частичные	Фрагменты	Всего:
Комплексы:				
Кукаяз-1	0	0	2	2
Кукаяз-2	3	2	11	16
Кукаяз-4	0	0	5	5
Кукаяз-5	0	1	2	3
Кукаяз-6	3	3	11	17
Кукаяз-7	0	2	0	2
Кукаяз-8	4	0	8	12
Всего:	10	8	39	57

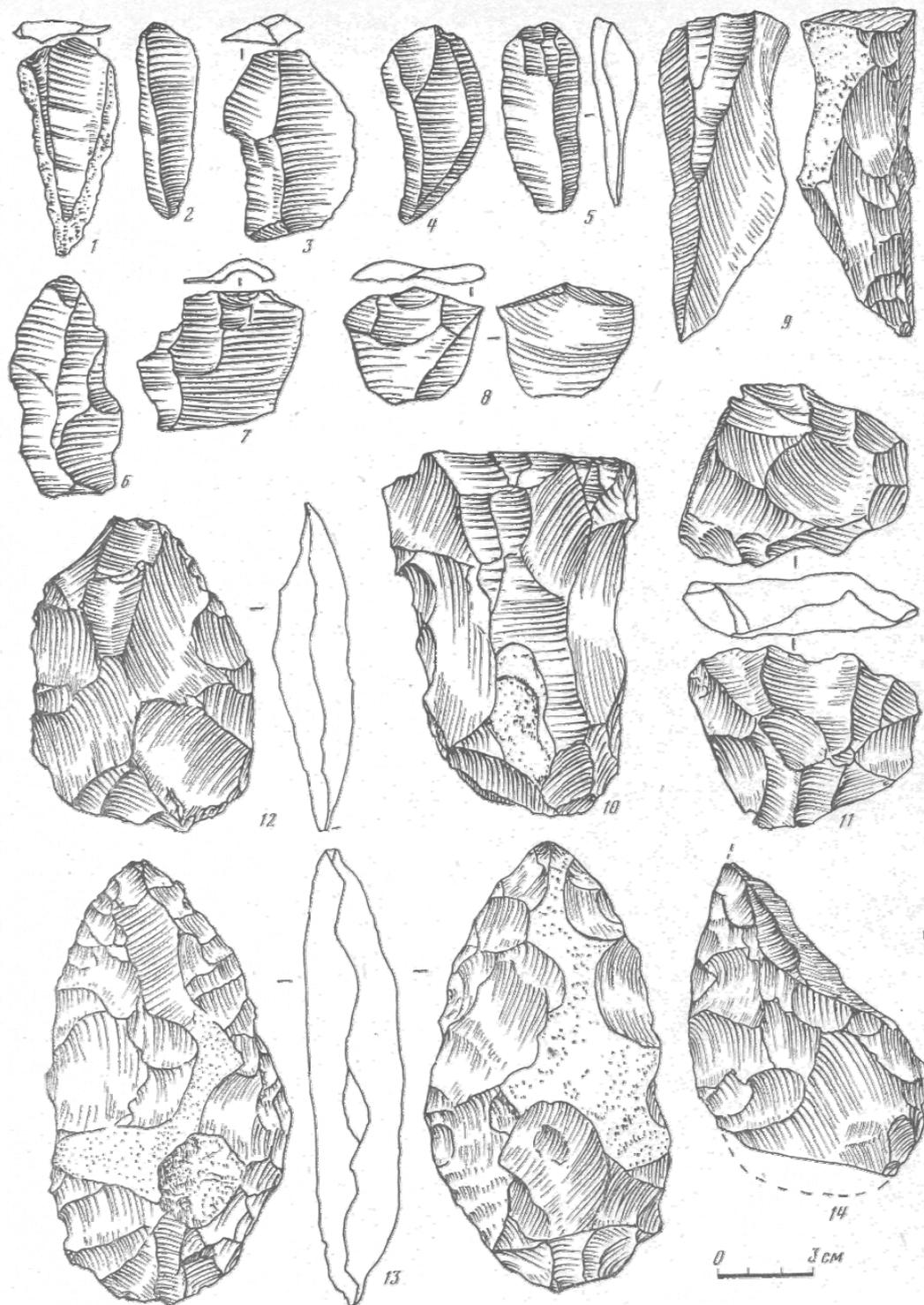

Рис. 32. Местонахождение Есен 2 (юго-восточный Устюрт). Изделия из камня (по А.В. Виноградову).

мастерских можно привести те тонкие бифасы, найденные в наборе индустрии Есен 2 на территории Устюрта (рис. 32). Как известно, материалы Есен 2 с разными специалистами были датированы разными этапами эпохи палеолита (Бижанов, 1981, 1988; Виноградов, 1981; Сайфуллаев, 2003).

Учитывая близкую схожесть листовидных

бифасов (рис. 32, 11, 12, 13, 14), а также нуклеусов типа «ком сливочного масла» (рис. 32, 10) и соответствующих им сколов (рис. 32, 9) мы считаем, что материалы поверхностного залегания мастерской Есен 2 должны быть передатированы эпохой энеолита. Кроме того, мастерскую Есен 2 можно отнести к числу специализированных мастерских данной эпохи, как и

Таблица №2. Формы листовидных бифасов Кукаязских (1-8) мастерских.

Пункты	Формы			Симметричные	Асимметричные	Всего
	Листовидные	Овальные	Треугольные			
К-1	2	0	0	0	2	2
Кз-2	14	2	0	6	10	16
К-4	5	0	0	2	3	5
К-5	2	1	0	1	2	3
Кз-6	12	3	2	7	10	17
К-7	2	0	0	1	1	2
К-8	11	1	0	4	8	12
Всего:	48	7	2	21	36	57

Кукаязские мастерские, куда первобытные мастера приходили изготавливать реберчатые пластины и листовидные бифасы.

В таблице №2 приведен количественный подсчет форм всех бифасов Кукаязских комплексов. Как видно из таблицы, большинство из бифасов Кукаязских мастерских состоит из листовидных форм бифасов (84,2%). Но среди них имеются бифасы овальной (12,3%) и треугольной (3,5%) формы, большинство из которых находятся на начальных стадиях обработки.

Бифасы коллекций Кукаязских мастерских также делятся на симметричные (36,8%) и асимметричные (63,2%) изделия. Большинство из симметричных экземпляров является дис-

симальными фрагментами бифасов. Среди асимметричных экземпляров большинство является частичными бифасами.

Относительно датировки бифасов листовидной формы Кукаязских мастерских, то они являются определяющими типами в типологии. Впервые появившиеся в палеолите листовидные бифасы или листовидные острия исчезают в последующие эпохи, затем снова появляются в конце неолита и широкое распространение получают в энеолите.

Таким образом, на территории Кызылкумов обнаружены вторые, после Есен 2, специализированные мастерские Кукаяз 1-8, возможно, относящиеся к эпохе энеолита.

Использованная литература:

- Бижанов Е.* Палеолит Устюрта // Вестник КФАН УзССР. №2, 1988.
- Бижанов Е.* Новые памятники каменного века Чурукского массива (северо-восточный Устюрт) // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
- Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // ТХАЭ. Т. XIII. М., 1981.
- Сайфуллаев Б.К.* Палеолит долины реки Зарафшана и Северо-Восточных Кызылкумов // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Bordes F.* Les chasseurs. In La France au temps des Mammouths // Collection Ages d'or et réalité. Hachette, 1969.
- Brézillon M.* La dénomination des objets de pierre taillée // CNRS. IVe supplément à «Gallia Préhistoire» 1983.
- Cheyrier A.* Badegoule, station solutréenne et proto-magdalénienne // AIPH. mémoire 232, 230 p., 114 fig. 1949.
- Jean-Luc Piel-Desruisseaux.* Outils Ptéhistorique. Du galet taillé au bistouri d'obsidienne // 4e édition. Dunod. Paris, 2002.
- Kelley H.* Biface acheuléen de forme foliacée. B.S.P.F., t. 57, 1960. 8 fig.
- Smith P.* Le Solutréen en France // Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mémoire n⁵. Imp. Selmas, Bordeaux. 1966. 83 fig. tableaux.

А.Р. Ботиров, Н.Ў. Холматов

ОЧИЛҒОР МАКОНИ ВА УНИНГ ФАУНАСИ

Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида кишилиқ тарихи тош асри жамоалари моддий маданиятини ўрганиш ўтган асрнинг 60-йиллари иккинчи ярмидан эътиборан Самарқанд давлат университети археология экспедицияси ходимлари томонидан бошланган. Тадқиқотлар натижаси сифатида неолит ёдгорликлари «Сазоғон маданияти» номи билан Ўзбекистон археологияси фанига киритилган (Джуракулов, Холматов, 1991). Кейинги икки ўн йил мобайнида мазкур ҳудудда амалга оширилган археологик тадқиқотлар натижалари янада сермахсул бўлди. Нафақат неолит, балки мезолит ва ҳатто палеолит даври жамоаларига тегишли ёдгорликлар кашф этилди (Олмабулоқ - палеолит; Замичатош, Қоракамар, Очилғор макони пастки маданий қатлами-мезолит; Жангал 1, Тепакул 3, 4, 5; Лолаб, Очилғор макони юқори маданий қатлами - неолит). Энг муҳими тадқиқотлар жараёнида ибтидоий жамоалар нафақат йирик сойлар ён қайирларини, балки шу сойлар ҳавзасидаги дараларда жойлашган ғор, унгурларни ўзларига макон қилиб яшаганликлари аниқланди (Холматов, 2006. 24-29 б.). Ёдгорликлар тадқиқотида қўлга киритилган маълумотлар, археологик манбаларга янгича ёндашув Сазоғон маданиятининг тевақатрофдаги неолит даври маданиятлари тизимида тутган ўрнини аниқлаш имконини бермоқда. Хусусан, ёдгорликлар стратиграфияси, маданий қатлам масалалари ойдинлашмоқда, шу асосда уларнинг хронологияси, тарихий даврлаштирилишини ишлаб чиқиш, моддий маданиятининг ўзига хос хусусиятларини аниқлаш, культурогенез, дастлабки ишлаб чиқариш иқтисодиёти куртаклари каби долзарб масалалар ечимини топишга эришилмоқда. Шундай қизиқарли материаллар бераётган ва ҳозирги кунда тадқиқот ишлари давом этаётган ёдгорлик Очилғор макони ҳисобланади.

Очилғор макони Сазоғонсой ён дарасида жойлашган бўлиб, Самарқанд давлат университети археологик гуруҳи ходимлари томонидан 2004-йилдан эътиборан тадқиқ этилиб келин-

моқда (Холматов, 2006а. 220-225 б.; Холматов, 2010. 37-49 б.). Ҳаммаси бўлиб 64 метр квадрат майдон сатҳида 10 сантиметрли горизонт асосида 2,2 метргача бўлган қалинликда маданий қатлам ўрганилди. Тадқиқот жараёнида ғорнинг геологик жойлашиш ҳолати, стратиграфияси макон маданий қатламларини классификациялаш муаммоларига доир маълумотлар ва қизиқарли археологик материаллар қўлга киритилди. Макон 13 та стратиграфик қатламга эга эканлиги аниқланди (Холматов, Крахмаль, 2008. 19-24 б.).

Мазкур тадқиқотимиз Очилғор макони ва унинг фаунасига бағишланади. Очилғор макони фаунасининг қатламлар бўйича топилиши ва улар мазмунини таҳлил этишдан олдин қазил жараёнида квадратлар сатҳида горизонтлар бўйича қайд этилган ўчоқлар, суяк уюмлари ҳамда тош қуроллари комплекси, сополлар ва уларнинг стратиграфик қатламларга боғлиқлиги тўғрисида маълумот беришни ўринли деб ҳисоблаймиз. Хусусан, К-5 ҳамда К-6 ва К-7 квадратлар чегараси доирасида 0,6-0,8 м горизонтда иккита ўчоқ қолдиғи, И-6 ва И-7 квадратлар чегараси доирасида мазкур горизонтдан диаметри 40-60 м бўлган ва қалинлиги 20-25 см ташкил этувчи, фақат йирик шохли ҳайвонлар танасига дахлдор бўлган суяклар уюми қайд этилди. Шунингдек, оралиғи 1 м чамаси қўшни К-6, Л-6 ва К-7, Л-7 квадратлар чегараси доирасида шу горизонтдан ҳам суяклар уюми чиқди. Кейинги суяк уюмларининг квадратлардан топилиши қуйидагича: Ж-3 квадратдан 2 та суяк уюми ўчоқ билан боғлиқ ҳолда; Е-4, Ё-4 ва Е-5, Ё-5 квадратлар чегара доирасида; Д-5 квадратда; Д-6 квадратда; Ё-6, Ж-6 ва Ё-7, Ж-7 квадратлар чегара доирасида (2010 йилги). Ҳайвон суяклари уюми масаласига келганимизда суяклар тана тузилиши бўйича эмас, балки тартибсиз ҳолда ётибди. Суяк уюмларининг жойланиши ва ҳолати, археологик топилмаларнинг квадратлар горизонтлари бўйича топилиши ва шу ўринда тош қуролларнинг горизонтлар бўйича тарқалиши ҳамда уларнинг типологик таҳлили тўғриси-

да ўз тадқиқотларимизда дастлабки фикрларимизни келтирганмиз (Холматов, 2010. 42-47 б.).

Бу маълумотларга кўра, макон тош қуроллари 2 та комплексга ажратилган: 1-комплекс қуроллари топилган горизонтларда неолит сопол буюм парчалари, суяк уюмлари, ўчоқ қолдиқлари мавжуд (0,7-1,4 метр горизонтлар). 2-комплекс тош қуроллари топилган горизонтлардан сопол буюм парчалари, суяк уюмлари қайд этилмади (1,4-2,0 метр горизонтлар).

Маконнинг 1-ва 2-тош қуроллари маданий комплексининг стратиграфик қатламларга боғлиқлиги масаласига келганимизда 1-тош қуроллари маданий комплекси, неолит сопол буюмлари парчалари, ўчоқ қолдиқлари, суяк уюмлари, юпқа харсанг тошлардан айлана шаклда терилган қурилмалар, 7-стратиграфик қатлам пастки қисми, 8, 9, 10, 11-стратиграфик қатлам юқори қисми, 2-тош қуроллари маданий комплекси эса 11-стратиграфик қатлам пастки қисми, 12, 13-стратиграфик қатламларга тўғри келишининг гувоҳи бўлди.

Очилғор маконининг горизонтлар бўйича тадқиқотида қўлга киритилган ҳайвон суяклари илмий таҳлили масаласига тўхталганимизда, қуйидаги дастлабки хулосаларни келтиришимиз мумкин. Таъкидлаш жоизки, Ўрта Осиё миқёсида қўпгина мезолит, неолит ёдгорликларида маданий қатлам аралашиб кетганлиги ёки қисман сақланганлиги туфайли қўлга киритилган археологик ашёлар уларнинг моддий маданиятига объектив баҳо беришни қийинлаштиради. Ўша давр палеоэкологик ҳолатини тиклаш, жамоалар хўжалик машғулотларини билишимизда ҳайвон суякларининг маданий қатламдан топилиши ва уларнинг сақланиш ҳолати муҳим аҳамият касб этади. Бугунги кунда Ўрта Зарафшон миқёсида қўплаб мезолит, неолит даврига оид ёдгорликлар ўрганилган бўлсада лекин фаунаси тадқиқ этилган ёдгорликлар

саноклидир. Булар жумласига Учтут, Сазоғон 2, Замичатош каби ёдгорликларнигина киритиш мумкин (Ботиров, 1985. 40-44 б.; Ботиров, 1987; Ботиров, 1966. 3-10 б.; Ботиров, 1997. 25-28 б.).

Сазоғон 2 неолит макони фаунаси Б.Х. Ботиров томонидан тадқиқ этилган. Таҳлил натижаларининг кўрсатишича, уларнинг кўпчилиги майда ва йирик шохли ҳайвонлар ҳамда от, эшак, туя, ит каби хонакилаштирилган ҳайвонларга тегишлидир. Шунингдек, суяк қолдиқларининг маълум қисми нисбатан кичик ёввойи турдаги сут эмизувчилар, хусусан, қулон, жайрон, бухоро бугуси каби ёввойи ҳайвонларга мансублиги аниқланган (Джуракулов, Холматов, 1991. 102-106 б.).

Шу нуқтаи назардан, Очилғор манзилгоҳидан топилган ҳайвон суяклари қолдиқлари илмий тадқиқоти қизиқарли натижалар бериши мумкин. Очилғор маконининг турли қатламларидан жами 74 турга мансуб 1095 та ҳайвон суяк қолдиқлари топиб ўрганилди (жадвал-1). Ушбу статистикадан кўриниб турибдики, суяк қолдиқлари сон жиҳатдан ҳам, турлар хилма-хиллиги жиҳатидан ҳам ажралиб турмайди. Унинг аҳамияти стратиграфик жиҳатдан (*in situ*) аҳамиятли деб айтсак тўғри бўлади.

Тадқиқот жараёнида қўлга киритилган суяк қолдиқлари горизонтлар бўйича шартли равишда учта қатламга ажратилди: устки (0,0-0,9 м); ўрта (1,0-1,5 м) ва пастки (1,5-2,2 м) қатламлар. Суяклар топилишининг асосий салмоғи устки ва ўрта қатламларга тўғри келади. Пастки қатламда эса уларнинг сони нисбатан камроқ. Суяк қолдиқларининг тофономик ҳолати ҳам қисман фарқ қилади. Юқори қатламдан топилган суякларнинг сақланиш ҳолати нисбатан яхши. Булар кўпроқ калта суяклар-бармоқлар, ошиқлар, узун оёқ суякларининг устки ва пастки қисмларидан иборат бўлиб, уларнинг солиштирма вазни нисбатан камроқ, ранги эса оқишсимон кўнғир тус-

1-жадвал. Очилғор манзилгоҳи маданий қатламларидан топилган ҳайвон суяк қолдиқларининг қатламлар бўйича жойлашиши, сони ва миқдори

№	Турлар	қатламлар (м)			
		0,0-0,9	1,0-1,5	1,5-2,2	Жами
1	Товушқон	-	2/1	-	2/1
2	Тулки	-	1/1	-	1/1
3	Қулон	11/5	-	-	11/5
4	Тўнғиз	-	2/1	-	2/1
5	Ёввойи қўй	4/2	-	-	4/2
6	Ибтидоий хўкиз-тур	-	1/1	73/2	74/3
7	Эшак	9/3	-	-	9/3
8	Майда шохли ҳайвонлар	594/28	232/10	120/9	946/47
9	Йирик шохли ҳайвонлар	29/6	14/4	3/1	46/11
	Жами	647/44	252/18	196/12	1095/74

дадир. Хайвон турлари жиҳатидан майда ва йирик шохли хайвонларнинг тана суяк қолдиқлари кўпчиликни ташкил этади.

Устки ва ўрта қатлам суяклари тўп-тўп уюмлар кўриниши ҳолатида бўлиб, улар асосан ўчоқлар атрофида жойлашган. Пастки қатламдан (1,5-2,2 м) топилган суяклар эса сон жиҳатдан камроқ. Суяк қолдиқларининг сақланиш ҳолати ёмон ва уларнинг кўпчилиги майдаланиб кетган. Суяклар ранги кўнғир тусда, ўртача фоцилизациялашган, шунингдек уларнинг юзасида ишлов берилганлик ёки кемирувчилар томонидан қолдирилган излар ҳамда оловда куйганлиги ҳолатлари кузатилмайди. Масалан, *Bos primiparus* - ибтидоий хўкиз-турга тегишли тана суяклари уюмида қовурғалар, метапоций бўлақлари, майдаланган жағ ва калла суяк, тос суяк бўлақлари, бутун ҳолатдаги астрагал, тирсак суяги бўлаги, бош чаноғининг энса қисми, кўз соққаси, танглай, шунингдек, майдаланган суякларни кўриш мумкин. Жағларда тишлар ёки уларнинг бўлақлари учрамади.

2008-йилги қазилар ишлари пайтида 2-ўчоқ ёнидан майда шохли хайвонларга оид 1 та хайвонга тааллуқли 17 та тана аъзолари суякларини-калла, елка, ошиқ, биллак, пясть, панжа суякларини, умуртқалар ва қовурға бўлақлари ўрганилди. Суяклар анатомик ҳолатда, бутун, калла суягининг мия чаноғи сақланган, бет қисми йўқ. Бўғинлар ва суяклараро шовларнинг ҳолати суякларни 3-6 ойлик хайвонга мансуб эканлигидан дарак бермоқда. Бўйин умуртқалари ва тўш суякларини айтмаганда суяклар хайвон танасининг туш қисмига тегишли. Мия чаноғи ва елка суягининг юқори эпифизида қисман куйганлик аломатлари кузатилади. Скелет суяклар уюмининг ҳолатига кўра, бирон-бир удум-ритуал ҳолат билан боғлиқликни тахмин қилса бўлади. Очил ғоридан топилган суяк ашёларининг тофонмияси, сақланиши ва тузилиши улар қадимги одамларнинг озик-овқат чиқиндилари эканлигидан дарак беради.

Очил ғор манзилгоҳидан топилган хайвон суяк ашёлари орасида кўпроқ илмий муҳокамага молик бўлгани ибтидоий хўкиз-турга мансубларидир. Экологик-морфологик ўрганишлар хўкиз-тур асосан сой бўйи тўқайзорлари ҳамда очик ландшафтли чўл ва даштларда яшаганлигини кўрсатмоқда.

Ибтидоий хўкиз-турга оид археопалеозоологик ашёлар Ўрта Осиё микёсида пастки ва ўрта плейстоцен даври нуқтаи назаридан Сел-Унгур, Кўлбулоқ, Омон-Кўтон, Оби-Рахмат, Кўтирбулоқ маконлари тадқиқотида кўлга киритилган. Голоцен даври топилмалари эса неолит даврига

оид Соё-Сайод, Тутқовул, Учтут, Учаши-131, Джангал-1 ҳамда кейинги тараккиёт босқичларига мансуб Анов, Сополлитепа, Джаркўтон ва Таллашгантепа-1 каби археологик ёдгорликлардан топиб аниқланган.

Суяк ашёларини даврлар билан ўрганиш ибтидоий хўкиз - турнинг қадимги одамлар хўжалигида тутган ўрни ҳонаки хайвонларнинг пайдо бўлиши билан ўз аҳамиятини йўқотиб борганини кўрсатади. Масалан, турнинг суяк қолдиқлари Тутқовулда 9,9%, Учтутда 4,7%, Джангал 1 да 4,7%, Сополлитепа, Жаркўтон ва Таллашгантепа – 1 да 1-3% ни ташкил қилади. Аммо, Учаши-131 да у 48,83%, Очилғор маконида 13,42% ни ташкил этади. Бу ҳолат хайвон яшайдиган жойнинг географияси ва экологиясига ҳам боғлиқлигини эътиборга олишликни тақозо қилади. Бундан ташқари даврнинг ўтиши билан ибтидоий турнинг морфометрик ўлчамлари нисбатан кичрайганлигини (майдалашгани) ҳам айтиб ўтиш керак.

Ўрта плейстоцен даври қатламларидан топилган турга тегишли астрагал суягининг ташқи узунлиги 91,0-96,0 см, ўртача 94 см, голоцен давридагиларда эса 78-91,3 ни ўртача 85,1 мм.ни ташкил этади. Очил ғордан топилган астрагал 4,5-5,0x9,5 см ўлчамга эга. Бундан кўриниб турибдики плейстоцен астрагалларининг энг кичик ўлчамдагиси голоцен даври астрагалларининг энг максимум ўлчамига тенг экан.

Ибтидоий хўкиз турининг Ўрта Осиё ва Қозоғистонда голоцен даврида кенг микёсда тарқалганлиги тўғрисида маълумотларни қоя тош расмларида ҳам кузатиш мумкин (Мариковский, 1973; Кабилов, 1971. 410-411 б.; Кабилов, 1976. 235 б.).

Юқорида қайд этилган маълумотлар мезолит ва неолит даврига оид Очилғор манзилгоҳининг палеоэкологик ҳолатларини ёритишда голоцен даврида иқлимнинг (оби-ҳавонинг) нисбатан иликлашиб бораётганлигини (аридизация), мезофил хайвонлар сони ва ареалини қисқариб, ксерофил хайвон турларининг кўпайиб борганлиги тенденциясини тасдиқлайди.

Энди тўғридан-тўғри Очилғор манзилгоҳидан топилган хайвон суяк қолдиқлари тўғрисида фикр билдирадиган бўлсак, манзилгоҳ юқорида зикр этганимиздек турлар хилма-хиллиги ва уларнинг кўп сонлилиги билан бошқа ёдгорликлардан ажралиб турмайди. Бунга асосланиб ёдгорлик ибтидоий одамларнинг доимий яшайдиган макони бўлиши билан биргаликда, бу жойда ўзига хос удумий эътиқодларни амалга оширадиган, муқаддас жойи ҳам бўлган деган маънодаги фикрни келтириш мумкин. Шу боис ов

қилинадиган ҳайвон турлари сони камроқ.

Ўрта Зарафшон воҳаси неолит даврига оид маконлар тадқиқотида қўлга киритилган ҳайвон суяклари қолдиқлари таҳлили улар камида 20 турдан кам бўлмаган ёввойи ов ҳайвонларга ва 6 турга оид хонаки ҳайвонларга мансублигини кўрсатди. Очилғор макони маданий қатламларидан ҳам ёввойи ва хонакилашган ҳайвон суяклари қолдиқлари топилди. Бу суяк қолдиқлари эшак, майда шохли ҳайвонлар (қўй, эчки) ва йирик шохли ҳайвонларга тегишли. Уларнинг сони юқори қатламда кўпроқ пастки қатламларга борган сари эса камайиб боради (1-жадвал). Мутахассисларнинг таъкидлашича, Ўрта Осиё миқёсида баъзи бир хонаки ҳайвон турлари неолит даврига қадар бўлган тарихий таракқиёт босқичларида ҳам учрайди (Ботиров, 1978. 20-30 б.; Цалкин, 1956. 220-б.). Бугунги кунга келиб ушбу хулосаларнинг тўғрилигини тасдиқловчи янги ашёвий маълумотлар сони ортиб бормоқда. Жумладан:

- Маданий қатлами ва фаунистик топилмалари бор манзилгоҳларнинг (улар 10 га яқин) ҳаммасида хонаки ҳайвонларга оид суяк қолдиқларининг топилганлиги.

- Шу даврга оид қоятош расмларда хонаки ҳайвонлар тасвирларининг мавжудлиги (Зараут-камар, Сармишсой).

- Маконлар маданий қатламларидан хўжалик ишларида хусусан, ҳайвон териси, жунига ишлов бериш функциясини бажарувчи тош қуролларнинг топилганлиги.

- Топилган ҳайвон суяк қолдиқларининг тофономик ва морфометрик кўрсаткичларининг ўзига хослиги.

- Антропоген омилларнинг кучайиши натижасида тош даври учун хос асосий ов ҳайвонларининг таркалиш ҳудудини, турлар сонини ва миқдорининг нисбатан камайганлиги.

Таъкидлаш жоизки, шу кунга қадар ўтказилган тадқиқотларда хонаки ҳайвонлар маълум ҳудудларда туб жойли хонакилашган ҳайвонлар бўлганми ёки улар мазкур жойларга хонакилашган ҳолда бошқа ҳудудлардан келтирилганми деган масала ҳали тўлиқ ўз илмий ечимини топмаган, баҳсли ҳисобланади. Юқорида зикр этилган назарий билимларимизга, илмий кузатувларимизга келгуси тадқиқотлар давомида қўлга киритиладиган янги маълумотлар аниқлик киритади ва уларни тўлдирди.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Батиров Б.Х.** Костные остатки млекопитающих из стоянки Сазаган 2 // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Сборник научных трудов СамГУ. Самарканд, 1985.
- Батиров А.Р.** Промысловая терриофауна Узбекистана в голоцене // Автореф. дисс... канд. биол. наук. Киев, 1987.
- Ботиров А.Р.** Ўрта Зарафшон воҳасида жойлашган Замичатош неолит манзилгоҳи қадимги ҳайвонот дунёсига доир // Ўзбек миллий маданият тарихи. Самарканд, 1997.
- Батиров Б.Х.** Фауна млекопитающих из пещеры Мачай // Труды СамГУ, нов. сер. Вып. 351. Самарканд, 1978.
- Джурракулов М.Д., Холматов Н.У.** Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
- Кабиров Д.К.** Древние наскальные изображения Каратау // АО. М., 1970.
- Кабиров Д.К.** Сармишсойнинг қоя тошларидаги расмлар. Тошкент, 1976.
- Мариковский П.И.** Животный мир. Способы и объекты охоты по материалам наскальных рисунков Семиречья // Труды заповедников Казахстана. Т.3. Алма-ата, 1973.
- Холматов Н.Ў.** Қоратепа тош даври жамоалари моддий маданияти (Ўрта Зарафшон) // ЎММТ. 35-сон. Тошкент, 2006.
- Холматов Н.Ў.** Очилғор макони тадқиқотлари // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар-2004-2005. Тошкент, 2006а.
- Холматов Н.Ў.** Очилғор макони тадқиқотининг дастлабки натижалари хусусида // Ўзбекистон археологияси. №1. Тошкент, 2010.
- Холматов Н.У., Крахмаль К.А.** К проблеме классификации культурных отложений пещерной стоянки Очилгор // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Цалкин В.И.** Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А.П. Окладниковым // Труды ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад, 1956.

В.Д. Рузанов

ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАЛЛА МОГИЛЬНИКА МУМИНАБАД

Первобытную металлообработку степных племён Центрального Согда характеризуют материалы нескольких могильников и отдельных погребений, а также единичные случайные находки. Из них лишь металл могильников Чакка и Муминабад спектрально проанализирован. Результаты спектроаналитических исследований некоторых изделий муминабадского комплекса уже рассматривались в печати и по ним были сделаны выводы металлургического характера. Так, Д.В. Наумов (1972), опубликовавший анализы 14 изделий, справедливо указал на широкое использование местными литейщиками оловянных бронз. Вместе с ними употреблялись сложные оловянно-мышьяково-сурьмяные сплавы. Исследователь отметил химическую близость металла Муминабада с металлическим инвентарём Вуадильского могильника, а также с изделиями из поселений Чуст и Дальверзин, предполагив, что причиной послужило использование довольно длительное время единого рудного источника, не уточнив при этом его местоположение (Наумов, 1972. С. 112). Краткую металлургическую характеристику муминабадского комплекса по результатам анализов 22 предметов дала в своей книге Н.А. Аванесова (1991). Исследовательница несколько по-иному описала типы сплавов и связь металла Муминабада с комплексами других памятников. Кроме высокооловянных бронз, Н.А. Аванесова выделила новый сурьмяно-мышьяковый сплав, из которого был изготовлен бисер, находящийся типологические и химические аналогии в украшениях из могильников Северной Киргизии и Северного Казахстана (Аванесова, 1991. С. 80). Наблюдаемое сходство, пишет она, может быть связано либо с изобретением новой рецептуры сплава и вместе с ней техники литья, либо с единым источником сырья. Из-за ограниченности данных о геохимии среднеазиатских месторождений, рудный источник в её исследовании остался не определённым. По мнению Н.А. Аванесовой, связь устанавливается также между муминабадским комплексом и металлом могильника Чакка. Последняя работа, посвя-

щённая металлургической характеристике изделий муминабадских племён, носит тезисный характер (Рузанов, 1995). В ней показаны особенности рецептуры сплава и металлургические аналогии металла Муминабада, выявленные в памятниках Средней Азии.

Известные сегодня новые аналитически материалы, полученные при изучении металла племён бассейна р. Заравшан и сопредельных районов, а также статистико-математическая обработка результатов анализа дополнили и расширили наше представление о металлообработке эпохи бронзы племён не только Согда, но и других культурно-исторических областей Средней Азии. Эти же данные заставляют внести коррективы в ряд выводов, сделанных ранее учёными, по согдийскому, в том числе муминабадскому металлообрабатывающему производству. Всё это мы постараемся отразить в настоящей статье, посвящённой металлообработке племён, оставивших могильник Муминабад.

Могильник Муминабад расположен в одноимённом селении в Ургутском районе Самаркандской области. Памятник открыт случайно рабочим М. Ташевым, раскопавшим одно из пяти, обнаруженных здесь погребений. В 1964 г. одно погребение обследовал Д.Л. Лев, а в 1966 г. исследование памятника закончил А.А. Аскарков. Учёные датируют могильник Муминабад по-разному. Д.Л. Лев (1966) отнёс его к середине II тыс. до н.э. Позднее А.А. Аскарков (1966, 1970) омолодил и сузил дату памятника до XII-XI вв. до н.э. Е.Е. Кузьмина (1966), опубликовавшая металлический комплекс одного погребения, датирует его в широком пределе – второй половиной II тыс. до н.э. Н.А. Аванесова (1991) относит Муминабад к федоровскому времени – XIII-XI вв. до н.э.

Металлический инвентарь из могильника Муминабад представлен украшениями и включает браслеты, изготовленные из желобчатой пластины, серьги с растробом, височные кольца, бусы, в том числе бисер, и зеркала с ручкой-петелькой. Нами изучен химический состав металла 21 изде-

Таблица 1. Могильник Муминабад

Шифр лабор.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
23590	Осн.	>10,0	0,04	0,03	0,04	0,1	1,5	1,0	1,0	0,05	0,05	-
23591	Осн.	>10,0	0,07	0,01	0,04	0,1	1,5	0,7	0,65	0,05	0,02	-
23592	Осн.	>10,0	0,05	0,01	0,04	0,2	1,5	0,7	0,003	0,03	0,02	-
23593	Осн.	>10,0	0,1	0,08	0,07	0,1	1,5	0,7	0,001	0,03	0,02	-
23594	Осн.	>10,0	1,0	0,01	0,15	0,1	1,5	1,5	0,003	0,05	0,05	<0,001
23595	Осн.	>10,0	0,1	0,01	0,07	0,1	1,5	0,7	0,001	0,05	0,02	-
23596	Осн.	8,0	0,09	0,01	0,04	0,1	1,5	0,7	<0,001	0,05	0,02	<0,001
23597	Осн.	>10,0	0,15	0,03	0,15	0,1	1,0	0,7	<0,001	0,02	0,02	0,005
23598	Осн.	9,0	0,04	0,03	0,04	0,1	1,0	0,7	0,75	0,05	0,02	<0,001
23599	Осн.	6,0	0,04	0,01	0,04	0,1	1,0	0,45	0,01	0,05	0,02	<0,001
23600	Осн.	>10,0	0,5	0,01	0,5	>0,2	3,5	2,2	0,005	0,05	0,02	<0,001
23601	Осн.	>10,0	1,0	0,01	1,5	>0,2	3,0	>10,0	0,005	0,03	0,02	<0,001
23602	Осн.	>10,0	0,1	0,01	0,04	0,1	0,9	0,4	0,01	0,02	0,02	<0,001
23603	Осн.	>10,0	0,1	0,08	0,04	0,1	1,5	0,7	0,01	0,05	0,02	0,02
23604	Осн.	>10,0	0,1	0,01	0,15	0,1	0,9	0,4	0,003	0,03	0,02	<0,001
23605	Осн.	>10,0	0,1	0,03	0,08	0,1	0,9	0,45	0,003	0,005	0,02	-
23606	Осн.	>10,0	0,05	0,01	0,04	0,1	2,0	0,7	0,001	0,03	0,02	-
23607	Осн.	5,0	0,15	0,03	0,08	0,1	0,9	0,7	0,01	0,005	0,005	-
23608	Осн.	>10,0	0,1	0,01	0,04	0,1	1,0	0,4	0,01	0,05	0,02	0,002
23609	Осн.	>10,0	0,9	0,01	1,5	0,2	3,5	5,0	0,01	0,05	0,02	-
23610	Осн.	>10,0	0,1	0,01	0,04	0,1	0,9	0,45	0,003	0,05	0,02	0,001

Примечание. Изделия анал.23600, 23601, 23609 относятся к группе ВЗ II, остальные предметы составляют группу ЧК III. Браслеты: ан.23590,п.2, рис. 1,1; ан.23591,п.2, рис.1,2; ан.23592,п.2, рис. 1,3; ан.23593,п.2, рис.1,4; ан.23594,п.2, рис.1,5; ан.23595, п.2, рис.1,6; ан.23598,23599,п.2. Бусы и пронизи: ан.23600,п.3, рис.1,7; ан.23601,п.4; ан.23602,п.4, рис.1,8; ан.23603, п.3, рис.1,9; ан.23604-23608,п.3; ан.23609,п.2. Подвеска: ан.23597,п.3, рис.1,10. Зеркало: ан.23610,п.2, рис.1,11. «ан» - анализ, «п» - погребение.

лия из погребений 2, 3, 4 (таблица 1). В их числе 9 браслетов, одна серьга с раструбом, одно зеркало, 7 бусин и 3 экземпляра бисера (рис.1).

По данным спектрального анализа 14 предметов изготовлены из высокооловянной (олова более 10%), два – из среднеоловянной (олова 8% и 9%), два – из низкооловянной (олова 5% и 6%) бронзы, три – из сложного сплава с высоким оловом (олова более 10%), повышенной концентрацией мышьяка (мышьяка 2,2%, 5% и более 10%) и сурьмы (сурьмы 3% и 3,5%). Содержания остальных примесей - цинка, висмута, серебра, никеля и кобальта небольшие и колеблются в пределах тысячных-первых десятых долей процента. Такая же ситуация отмечается в металле ряда изделий со свинцом. Лишь в четырёх из них выявлена повышенная концентрация данной примеси (свинца 0,5%, 0,9% и 1%).

В химическом плане гистограммы и корреляционные графики концентраций примесей к меди Муминабада (рис. 2) приводят нас к следующим выводам. Комплекс из 18 предметов, выделенных нами в группу ЧК III (чаткало-кураминская), сделаны из металла одного источника. Одинаковое содержание примесей в 14 изделиях свиде-

тельствует о том, что они отлиты из одного слитка меди. Несколько повышенную концентрацию свинца в одном изделии этой химической группы можно объяснить ликвацией, т.е. неравномерным распределением данной примеси в меди, что весьма часто наблюдается в древних бронзах. В группу входят низкооловянные, среднеоловянные и высокооловянные бронзы, указывающие на то, что медный слиток употребляли неоднократно. Оставшиеся три изделия (анал. 23600, 23601, 23609), отлитые из сложного оловянно-мышьяково-сурьмяного сплава, составляющие химико-металлургическую группу ВЗ II (верхнезарафшанская) (рис. 2), отличаются повышенным свинцом, висмутом, сурьмой и мышьяком и они, скорее всего, представляют новый рудный источник.

Установленная химическая характеристика свидетельствует о том, что в рудном источнике металла Муминабада ведущими примесями являются медь, сурьма, мышьяк и, возможно, олово, а в оловянной лигатуре такими примесями служили олово, сурьма, мышьяк, висмут и свинец. Содержание остальных элементов-примесей небольшое - сотые, редко десятые доли процента.

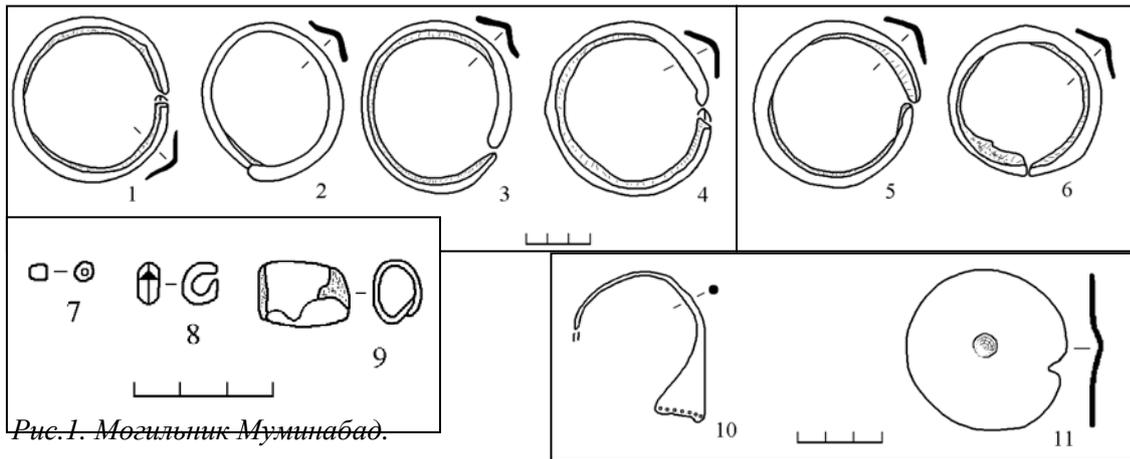

Рис.1. Могильник Муминабад.

Исключение составляют три браслета (анал. 23590, 23591, 23598), в которых железо присутствует в заметном количестве (железа 0,65%, 0,75%, более 1%), в то время как в других изделиях комплекса его содержание низкое (тысячные – сотые доли процента). Это различие, веро-

ятно, вызвано применением разных методов выплавки металла. Также обращает на себя внимание взаимосвязь олова с сурьмой и мышьяком. Как известно, сурьмяные и мышьяковые минералы не сохраняются в россыпных оловянных рудах. Поэтому в случае с муминабадским метал-

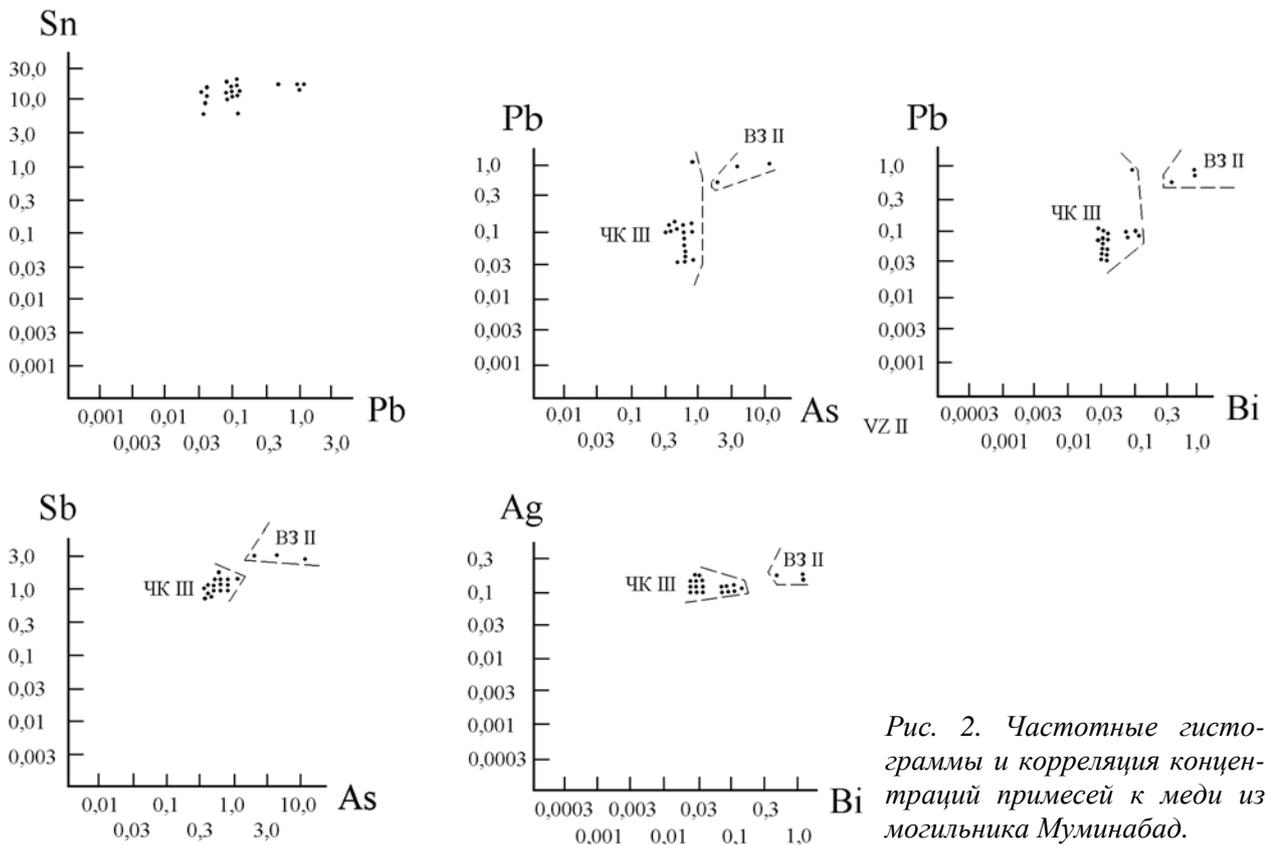
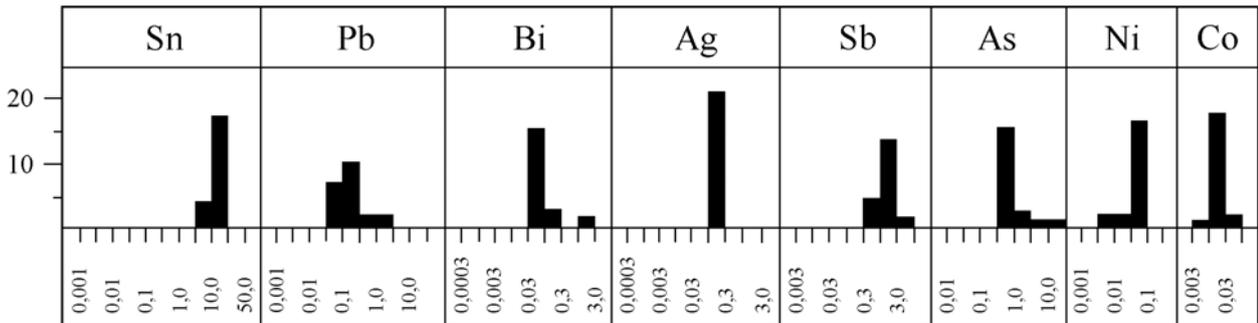

Рис. 2. Частотные гистограммы и корреляция концентраций примесей к меди из могильника Муминабад.

лом использование подобных рудопроявлений можно исключить. Следовательно, при выплавке олова применялись коренные сульфидно-касситеритовые руды. Судя по геологическим данным, в горах северо-западной части Зарафшанского хребта, вблизи которых находится могильник Муминабад, месторождений такого типа нет. Всё это позволяет сделать вывод о том, что муминабадские литейщики использовали импортный металл.

Аналогии металлу из Муминабада с добавками олова, сурьмы и мышьяка можно указать среди материалов памятников разных культур. В Средней Азии такие сплавы выявлены на северо-востоке в комплексах чувстской (Дальверзин) и бургулюкской (период Бургулюк I) культур с лепной расписной керамикой, а также на юге среди украшений древневосточных племён – в сапаллинской культуре (молалинский период) и могильнике Тандырйул (Рузанов, 1980, 1982, 2004; Аскарлов, Рузанов, 1990). Правда, доля таких многокомпонентных сплавов в их коллекциях мала. В большем количестве они представлены в материалах степных племён – могильниках Дашти-Козы, Кумсай и кайраккумской культуры (Рузанов, 1982; 1994; 2001; Равич, 2004). Особенно широко оловянно-сурьяно-мышьяковые и оловянно-сурьяно-мышьяково-свинцовые бронзы использовались в верховьях р. Заравшан Северном Таджикистане (Дашти-Козы), где их доля достигает 50,7% коллекции изделий. Правда, следует указать, что основная масса предметов, отлитых из оловянно-сурьяно-мышьяковых бронз, в которые иногда добавляли свинец, состоит из украшений в виде бисера, реже бус.

Опираясь на данные картографического анализа можно указать, что центр производства сложных сплавов находился в верховьях Заравшана и был сформирован даштикозинскими мастерами. Именно здесь открыты полиметалличе-

ские месторождения, содержащие медь, олово, сурьму, мышьяк, свинец, серебро (Литвиненко и др., 1994). Многие из них несут следы древних разработок и остатки металлургического производства. Начало разработок некоторых полиметаллических рудопроявлений восходит к первой половине II тыс. до н.э. В это время данные рудные источники эксплуатировали рудокопы-металлурги андроновских племён (Alimov und an. 1998; Cierny. 2002), что подтверждает наш вывод о наличии собственного металлургического производства у местных племён в эпоху поздней бронзы.

Другой источник сырья, который представляет группа ЧК III, был характерен для металлургического очага земледельческих племён чувстской (Дальверзин) и бургулюкской (комплекс Бургулюк I) культур фергано-ташкентского региона (Рузанов, 1980; 1982; Рузанов, Лушпенко, 2000). Кроме того, таким металлом часто пользовались литейщики степных популяций верхнего бассейна р. Зарафшан (Дашти-Козы) и Гиссарской долины (Кумсай), а также мастера земледельческих племён Гиссарского (Тандырйул) и Дангаринского (Кангурттут) районов Таджикистана.¹ В меньшей степени бронзы группы ЧК III употребляли литейщики сапаллинской культуры (Бустан 6, 7) на юге Узбекистана (Аскарлов, Рузанов, 1990).

На вопрос какое место занимал муминабадский металл в коллекциях памятников второй половины II тыс. до н.э. и какой была активность внешних производственных связей этой группы степного населения мы получим ответ, проведя расчёты критерия химической и типологической близости (R).² Для сопоставлений мы привлекли материалы памятников степного и древневосточного типов, а также культур с лепной расписной керамикой (табл. 2, рис. 3).

Таблица 2. Степень типологической и химической близости между металлом могильника Муминабад и некоторых памятников Средней Азии эпохи поздней бронзы.

Памятник	Критерии	
	Типологический	Химический
М. Муминабад	-	-
М. Кумсай	0,7	0,97
М. Тандырйул	0,16	0,95
К. Бургулюк	10,07	0,91
П. Дальверзин	0,12	0,88
М. Дашти-Козы	0,8	0,87
М. Бустан	1,7	0,87
П. Кангурттут	-	0,76
М. Чакка	0,38	0,53

Примечание. П – поселение, М – могильник, К – комплекс. Значение критерия варьирует от 0 до 1.

По морфологии изделий выделяют-ся две группы памятников с разными типологическими показателями. В первую группу входят могильники Дашти-Козы (0,8) и Кумсай (0,7), чьи металлические комплексы оказались типологически близкими муминабадскому металлу. Столь высокие значения говорят о наличии этнокультурной и хронологической близости Муминабада с этими памятниками. Вторая группа, состоящая из памятников степного (Чакка), древневосточного (Тандыр-йул, Кангурттут, Бустан 1-7) типа и культур с лепной расписной керамикой (Дальверзин, Бургулюк 1), имеет либо незначительное типологическое сходство (0,07-0,38), либо его вовсе нет.³

Совершенно иная картина рисуется при анализе данных критерия сходства коллекций вышеупомянутых памятников по химическим показателям. Металлические комплексы большинства из них оказались химически сходными инвентарю Муминабада. Особенно большая близость муминабадского металла проявляется с материалами Кумсай (0,97), Тандыр-йула (0,95) и Бургулюка 1 (0,91). Немного ниже эта степень между Муминабадом, с одной стороны, и, с другой, - Дальверзином (0,88), Дашти-Козы (0,87) и Бустаном 1-7 (0,82). Такие показатели свидетельствуют о том, что металлургические связи муминабадцев с населением, оставившим данные памятники, были очень тесными. Менее значимые связи имел Муминабад с племенами Кангурттута и особенно Чакки. Степень их химического сходства металла оказалась не столь высокой (соответственно, 0,76 и 0,53).

Итак, основываясь на химической характеристике изученного металла, в муминабадском комплексе можно выделить бинарные оловянные бронзы и многокомпонентные оловянно-мышьяково-сурьмяные сплавы. Первый тип бронзы в свою очередь подразделяется на три вида: низкооловянные, среднеоловянные и высокооловянные. Для приготовления этих сплавов использовалось сырьё двух рудных источников. Первый рудный источник (группа ЧК III) находится в Чаткало-Кураминских горах в Северном Узбекистане, второй источник (группа ВЗ II) рас-

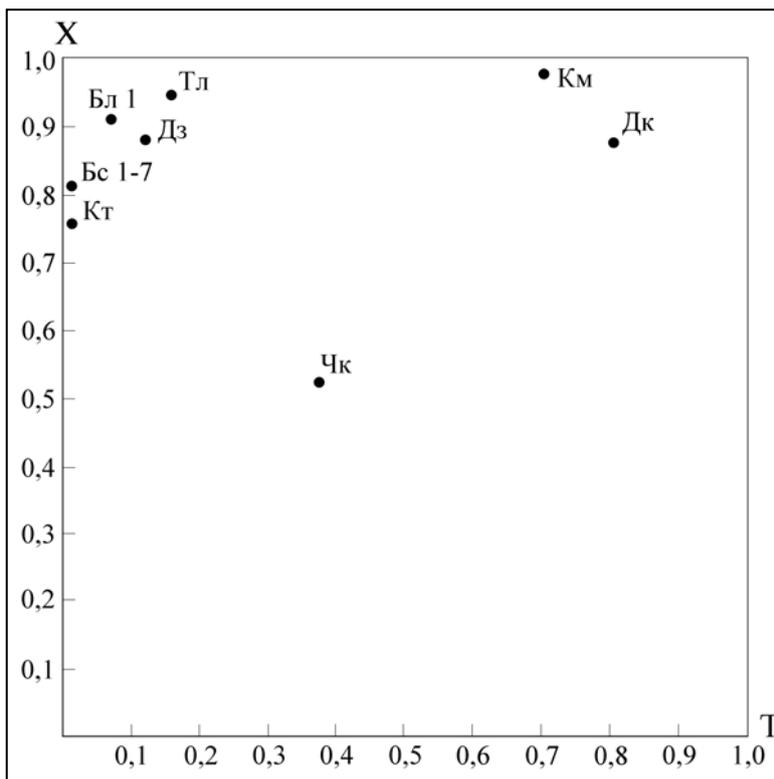

Рис. 3. Взаимосвязь критериев химической (X) и типологической (T) близости металла могильника Муминабад и памятников эпохи поздней бронзы Средней Азии.

Условные обозначения: ДК – Дашти-Козы; КМ – Кумсай; ЧК – Чакка; Тл – Тандыр-йул; Кт – Кангурттут; Бс 1-7 – Бустан 1-7; Дз – Дальверзин; Бл 1 – Бургулюк 1.

полагается в горах верхнего бассейна р. Зарафшан Северного Таджикистана. Появление меди и олова у муминабадских литейщиков обусловлено тесными связями с металлургическими центрами, функционировавшими в этих районах. Не исключается вероятность, что муминабадцы являлись посредниками в передаче какой-то части металла северного происхождения населению Юго-Западного Таджикистана и Южного Узбекистана.

В заключении отметим, что спектральные анализы муминабадского металла суживают абсолютную дату памятника. Установленный факт использования одного и того же слитка меди для изготовления большинства изделий погребального комплекса могильника указывает на весьма короткий отрезок времени употребления предметов. Исходя из этого, некрополь Муминабад можно датировать только одним столетием в тех хронологических пределах, которые были приведены в начале статьи.

Сноски

¹ Вышеупомянутые химические группы выделены в металле могильников Кумсай, Кангурттут, а также поселения Кангурттут при статистико-графической обработке данных, опубликованных И.Г. Равич (2004, табл. 1).

² Расчёты критерия близости проводились по формуле, предложенной Е.Н. Черных (1970) для металла культур Евразии.

³ Отмеченное в таблице 2 нулевое значение критерия типологической близости между металлом Муминабада и бустанской группы памятников условно. Это связано с тем, что у нас нет точных данных о количестве бисера в погребальном инвентаре муминабадского могильника и, кстати, других памятников степных племён. Поэтому при подсчёте критерия типологической близости этот вид украшений не учитывался. Поскольку в одном из погребений Бустана было найдено такое украшение, то с его учётом значение критерия типологической близости металла бустанской группы к Муминабаду было бы положительным. Правда, следует указать, что эта степень сходства маленькая.

Использованная литература

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР /По металлическим изделиям/. Ташкент, 1991.
- Аскарлов А.А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Аскарлов А.А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. Вып. 122. М., 1970.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д.* Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М., 1966.
- Лев Д.Н.* Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. Вып. 108. М., 1966.
- Литвиненко К.И., Радилловский В.В., Якубов Ю.Я.* Древнее горнорудное производство бассейна реки Заравшан // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии - к 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994.
- Наумов Д.В.* Химический состав металлических украшений Муминабадского могильника // Тр. СамГУ. Новая серия. Вып. 218. Самарканд, 1972.
- Равич И.Г.* Особенности состава и технологии изготовления металлических изделий, найденных на поселении Кангурттут // Виноградова Н.М. «Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы». М., 2004.
- Рузанов В.Д.* К вопросу о металлообработке у племен чувшской культуры // СА. №4. М., 1980.
- Рузанов В.Д.* История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс... канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.
- Рузанов В.Д.* Древняя металлургия Таджикистана // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии – к 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994.
- Рузанов В.Д.* Новые данные о металле могильника Муминабад // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств: Тез. докл. Межд. науч. конф., посвященной 65-летию д.и.н. А.А. Абдуразакова. Самарканд, 1995.
- Рузанов В.Д.* О металле памятников эпохи бронзы верхнего бассейна Заравшана // Зарафшон вохаси ва унинг тарихдаги урни. Самарканд, 2001.
- Рузанов В.Д.* Спектральный анализ металлических изделий из могильника Тандыр-йул // Виноградова Н.М. «Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы». М., 2004.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н.* Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.
- Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjkov Yu., Cierny Y., Yakubov Y., Lutz Y., Parzinger H., Pernicka E., Radililovski V., Ruzanov V., Syrinov T., Starshinin D., Weisgerber Y.* Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasiien // Eurasia Antiqua. – Band 4. – Berlin, 1998.
- Cierny J.* Bronze age tin mines in Central Asia. - Kargaly International Field Symposium – 2002: Earliest stages of mining and metallurgy in northern part of Eurasia: Kargaly complex. Proceedings of Symposium. М., 2002.

Б.М. Абдуллаев

**ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ФЕРГАНЫ
В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИНЬЦЗЯНЕ**
(поздняя бронза и раннежелезный век)¹

В настоящее время большинство исследователей согласны с мнением, что в историческом развитии многих кочевых племен происходили сложные процессы их оседания в определенных регионах и, тем не менее, они длительное время поддерживали кровнородственные отношения с кочевыми племенами в силу общих истоков происхождения (Аскарлов, Альбаум, 1979; Литвинский, 1981; Briant, 1982; Кошеленко, 1985). Последнее, все же, не привело к отказу осевшими кочевниками от строительства оборонительных сооружений. Однако происхождение этих укрепленных поселений не подвергалось тщательному изучению, хотя временные, а в некоторых случаях постоянные переходы к оседлости у кочевых племен происходило вплоть до позднего средневековья.

В данной статье предлагаются новые результаты сравнительного анализа оборонительных сооружений Ферганы с сопредельным Синьцзяном. Известно, что носители чустской земледельческой культуры имели скотоводческо-кочевые корни (Заднепровский, Аскарлов, 1976. С. 30; Джуракулов, Аванесова, 1983. С. 40-41). В то же время, нашими исследованиями выделены два этапа (чустский и эйлатанский) в формировании архаичной фортификации Ферганы (Абдуллаев, 2007. С. 18). Необходимо отметить, что целью данной работы является выявление истоков некоторых элементов военного зодчества у кочевников, перешедших к оседлому образу жизни, а также что и насколько менялся у них в период возведения укрепленных сооружений, поскольку в Фергане эти процессы происходили несколько раньше (XII-IV вв. до н.э.), чем в Синьцзяне (VI-V вв. до н.э.).

В 1996 г. французской археологической миссией под руководством Корин Дебэн-Франкфор в Синьцзяне было исследовано городище Джумбулаккум эпохи раннего железа и датированного приблизительно VI-V вв. до н.э. Городище, площадью 7-8 га, имело трапециевидную форму планировки и располагалось у древнего побережья р. Керия в бассейне Та-

рим. Результаты раскопок дали возможность исследователям сделать следующие выводы по укреплению городища и характерным особенностям данной культуры (Debain-Francfort C., Idrisse A., 2005. P. 120-128, fig. 2):

- городище обнесено со всех сторон валом из утрамбованного грунта (4-5 м толщиной), облицованного с внешней стороны кладкой из сырцового кирпича (66x40x11 см), уложенных ложком в один ряд и имевших наклон в 10-15° в сторону вала²;

- с внутренней стороны вал был армирован стволами тополя, вбитых попарно через каждые 45-60 см и переплетенных между собой ветками тамариска;

- южные ворота являлись главными, они фланкированы мощным бастионом и имеют тамбурную систему входа, состоявшую из коридора, длиной более 15 м, с двумя или более воротами (рис. 1);

- жилые дома внутри городища не примыкали к оборонительной стене;

- вне города имелся некрополь;

- весь комплекс керамики состоит из сероглиняных сосудов.

По типологии Джумбулаккум соответствует древним городам (средних размеров) Ферганской долины, где исследовано несколько городищ периода поздней бронзы (чустская культура XII-VII вв. до н.э.): Дальверзин (24 га), Аш-калтепа (13 га), Чуст (4 га) и эпохи раннего железа (эйлатанская культура VI-III вв. до н.э.) – городище Эйлатан (20 га).

Необходимо также отметить, что, несмотря на оседлость этих городов, ферганские носители земледельческой культуры в отличие от населения Джумбулаккум, широко использовали расписную керамику. Тем не менее, в фортификации этих культур просматриваются некоторые параллели, которые будут приведены ниже.

По своей планировке и строительному материалу городище Джумбулаккум сопоставимо с Дальверзином. Строительство оборонительных стен с использованием утрамбованного грунта

Рис. 1. Городище Джумбулаккум. Тамбурная система входа (по Т. Фурнэ).

и последующей облицовкой сырцовыми кирпичами в Дальверзине зафиксировано частично и, в основном, для раннего периода (Абдуллаев, 2007. С. 10). Однако реконструкция оборонительной стены Джумбулак, подготовленная французскими коллегами, является, на наш взгляд, не совсем точной. Так сооружение стен на основе плетеного каркаса с глиняной обмазкой является традиционной и для современности этого региона, уходящее своими корнями в древние времена, где главным преимуществом являлась простота и легкость возведения конструкции. Последнее хорошо описано и проиллюстрировано в вышеприведенной книге, охватившей историко-этнографические наблюдения с древнейших времен до современности (Debain-Francfort C., Idrisse A., 2005. P. 34-47, fig. 1-7; p. 56-63, fig. 1-3, 8-16). Необходимо отметить, что подобная традиция имела место и у среднеазиатских кочевых племен, переходивших к оседлому образу жизни в XI-VII вв. до н.э. (Массон, 2006. С. 110-111).

Характерно, что вал из утрамбованного грунта не прочен и, под воздействием атмосферных осадков, имеет свойство сползать в ров, поэтому облицовка его с кладкой из сырцовых кирпичей является нормальным эволюционным процессом в строительном деле древ-

них зодчих. Известно, что подобная кладка требует применения определенных строительных методов, как кладка сырцовых кирпичей в связке. Однако, в представленной авторами книге фотография этой кладки в основании оборонительной стены городища Джумбулаккум не имела какой-либо связки. Последнее отрицает возможность возведения облицовочной кладки более чем на 3 м по высоте, оконтурившей грунтовый вал на половину (до его гребня!), поскольку это могло оказаться очень громоздким и непрочным. Мы полагаем, что на кладку возлагалась лишь роль ограничителя вала со стороны рва.

Изучение этой строительной традиции, позволяет привести другой вариант реконструкции оборонительных стен городища Джумбулаккум (рис. 2). Склон с внешней стороны вала, просматриваемый по фотографии (Debain-Francfort C., Idrisse A., 2005. P. 121, 126), дает возможность предположить, что крепостная стена была усилена глубоким рвом³ с приблизительной глубиной и шириной соответственно в 3 и 4 м. Уже это предварительное сооружение являлось в фортификационном плане достаточно внушительным, представляя преграду общей высотой более 6 м. Возведение же плетеного каркаса на гребне вала, с последующей

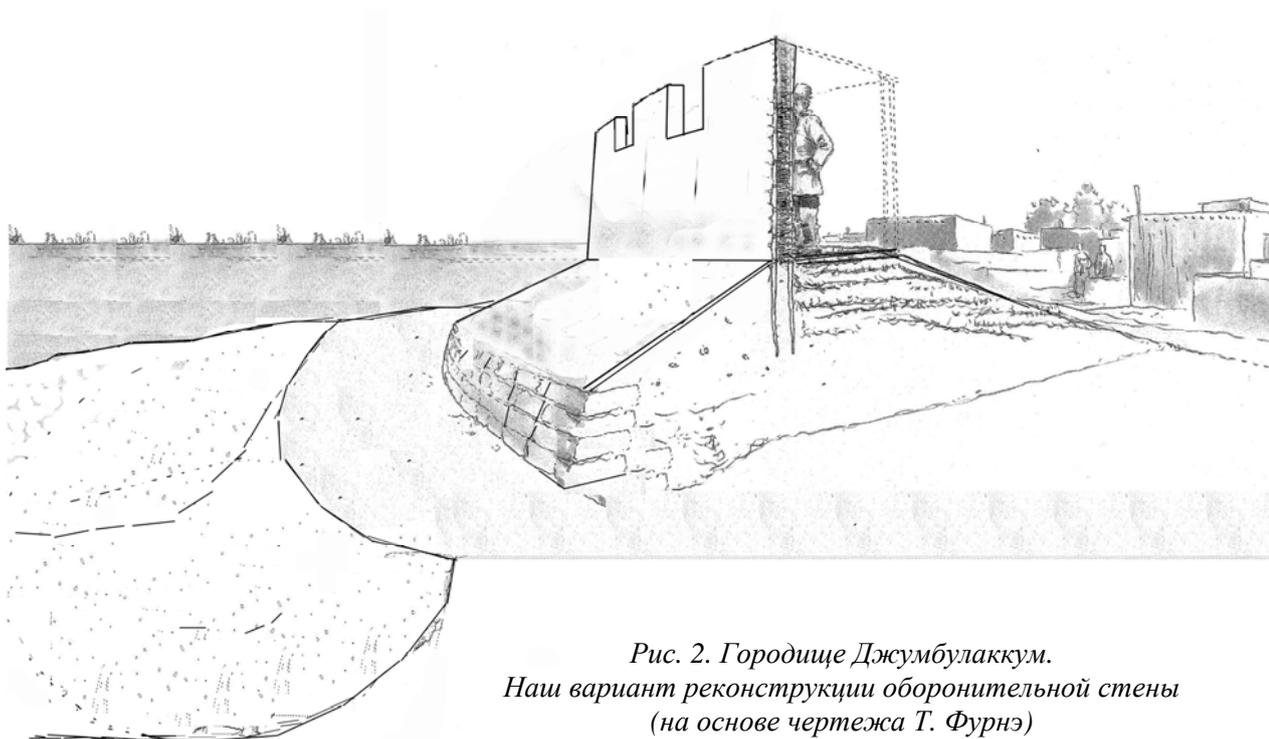

Рис. 2. Городище Джумбулаккум.
 Наш вариант реконструкции оборонительной стены
 (на основе чертежа Т. Фурнэ)

глиняной обмазкой, придавало сооружению неприступный вид. Стволы тополя, вбитые попарно через каждые 45-60 см и переплетенные между собой ветками тamarиска, наряду с увеличением общей высоты, делали стену устойчивой против стрел и ядер пращей нападающих, а глиняная штукатурка защищала ее от возгорания. В то же время, эта конструкция позволяла создавать бойницы или парапеты на определенной высоте стены, что намного усиливало оборону городища, давая возможность защитникам вести прицельную стрельбу из луков по всей его периферии. При такой реконструкции оборонительные стены имели бы коническое основание высотой более 2,5 м и вертикальную стену такой же высоты с бойницами на его гребне.

В процессе исследования данного вопроса, выявлено, что подобные строительные традиции наблюдаются у кочевых культур. К примеру, кочевые племена Восточной Европы возводили оборонительные стены своих поселений в виде вертикально поставленных в ряд бревен, которые закреплялись утрамбованным грунтом (рис. 3). По своей сути эта традиция своеобразно сохранилась и в Восточном Туркестане, лишь с тем отличием, что, исходя из местных условий, здесь вместо бревен использовали древесно-веточный каркас с двусторонней саманной обмазкой.

Пока для исследуемых периодов в Фергане археологически не зафиксированы оборони-

тельные сооружения из утрамбованного грунта, «армированного древесиной». В целом, для строительства оборонительных сооружений использовался материал из лёсса и его производных – гувалья, сырцового кирпича и пахсы.

Трапециевидная форма планировки у городищ Джумбулаккум и Дальверзин (рис. 4) имеет внешнее сходство, но различный исторический процесс их формирования. Последние наши исследования (Абдуллаев, 2010. С. 63-64; 2010а. С. 28) позволяют заключить, что первоначально на месте цитадели городища Дальверзин было возведено укрепленное поселение (по всем канонам кочевого зодчества) из радиально расположенных помещений вокруг площади около 2 га. Впоследствии вблизи этого поселения начали застраивать новые поселенцы, нуждавшиеся в защите, косвенно подтверждаемые результатами археологических исследований.

В отличие от городища Дальверзин, оборонительные стены Джумбулаккума были возведены уже в начале формирования поселения, на что указывает наличие пространства между оборонительной стеной и жилыми кварталами внутри городища. Подобная ситуация археологически зафиксирована на городище Эйлтан, что сближает историю развития фортификации этих достаточно различных городищ. Более того, Эйлтан, находясь во второй фазе развития архаичной фортификации Ферганы (Абдуллаев, 2007. С. 17-19), имел прямоугольную

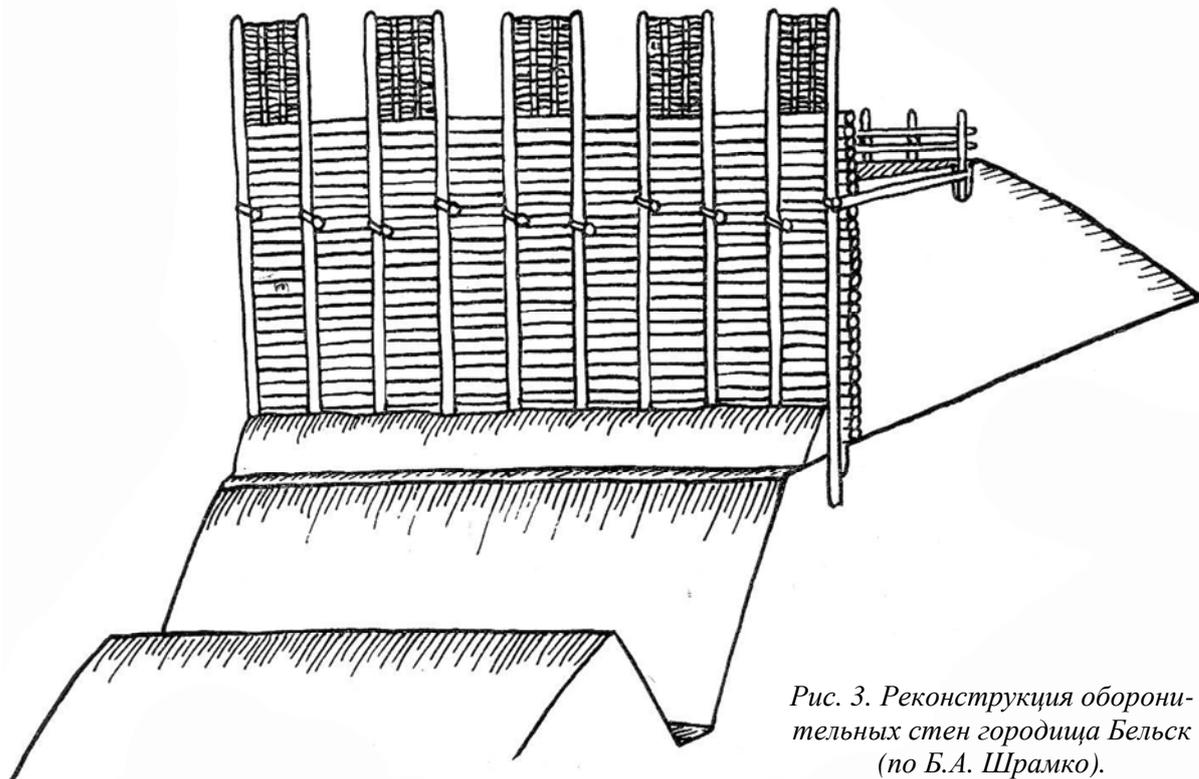

Рис. 3. Реконструкция оборонительных стен городища Бельск (по Б.А. Шрамко).

форму планировки с монолитными оборонительными стенами, фланкированными через каждые 55-60 м квадратными глухими башнями. Однако, несмотря на явные отличия, жители Эйлатана и Джумбулаккума имели схожие обычаи – хоронить умерших в некрополе, расположенном вне города. Отметим, что чустцы имели традицию хоронить умерших, обычно, в черте города – под стенами и полами домов.

Наиболее важным элементом в фортификации Джумбулаккум является наличие тамбурной системы входа в городище, расположенной под защитой мощного бастиона (рис. 1). Последнее подтверждает мнение о возникновении фланговой обороны на ранних этапах урбанизации, где хорошо прослеживается процесс возникновения и развития этого явления от Дальверзина и Чуста к Эйлатану (Абдуллаев, 2005. С. 137).

Характерно, что бастионообразное сооружение на Чусте имело функцию защиты ворот на северо-западе основной оборонительной стены с левой стороны предполагаемых главных, а на Джумбулаккум бастион фланкировал ворота с правой стороны. Последнее было основано, вероятно, на военном опыте жителей городища, поскольку, в случае штурма ворот, неприятельские войска оказывались незащищенным правым боком перед прицельным огнем защитников. Такая система, но со своеобразным эф-

фектом обороны ворот, хорошо изучена в парфянской античной фортификации (Пугаченкова, 1958. С. 34-35; Кошеленко, 1963. С. 64).

Необходимо отметить, что при всей мощности оборонительных стен древних городищ Ферганы, пока еще археологически не выявлены привратные сооружения с тамбурной системой входа⁴, подобной Джумбулаккумской. Синьцзянские материалы по этому важнейшему узлу обороны представлены наилучшим образом.

Бастион, возведенный на основе утрамбованного грунта «армированного древесиной», с внешней стороны имел двойную облицовку из сырцового кирпича, суммарная толщина которых составляла по плану 4 м и более. Ширина облицовочной кирпичной кладки по фронту составляла более 18 м (Debain-Francfort С., Idrisse A., 2005. P. 124), что делало неуязвимым самое слабое звено в древнейшей фортификации не только против кочевнических орд, но и против стенобитных машин⁵.

Оборона прохода в городище усиливалась наличием тамбурной системы входа с двумя или более воротами, расположенными в коридоре длиной более 15 м. Данное сооружение отвечало всем требованиям фортификации и было рассчитано на длительную осаду. Поскольку после прорыва внешних ворот штурмующим пришлось бы одолевать вторые воро-

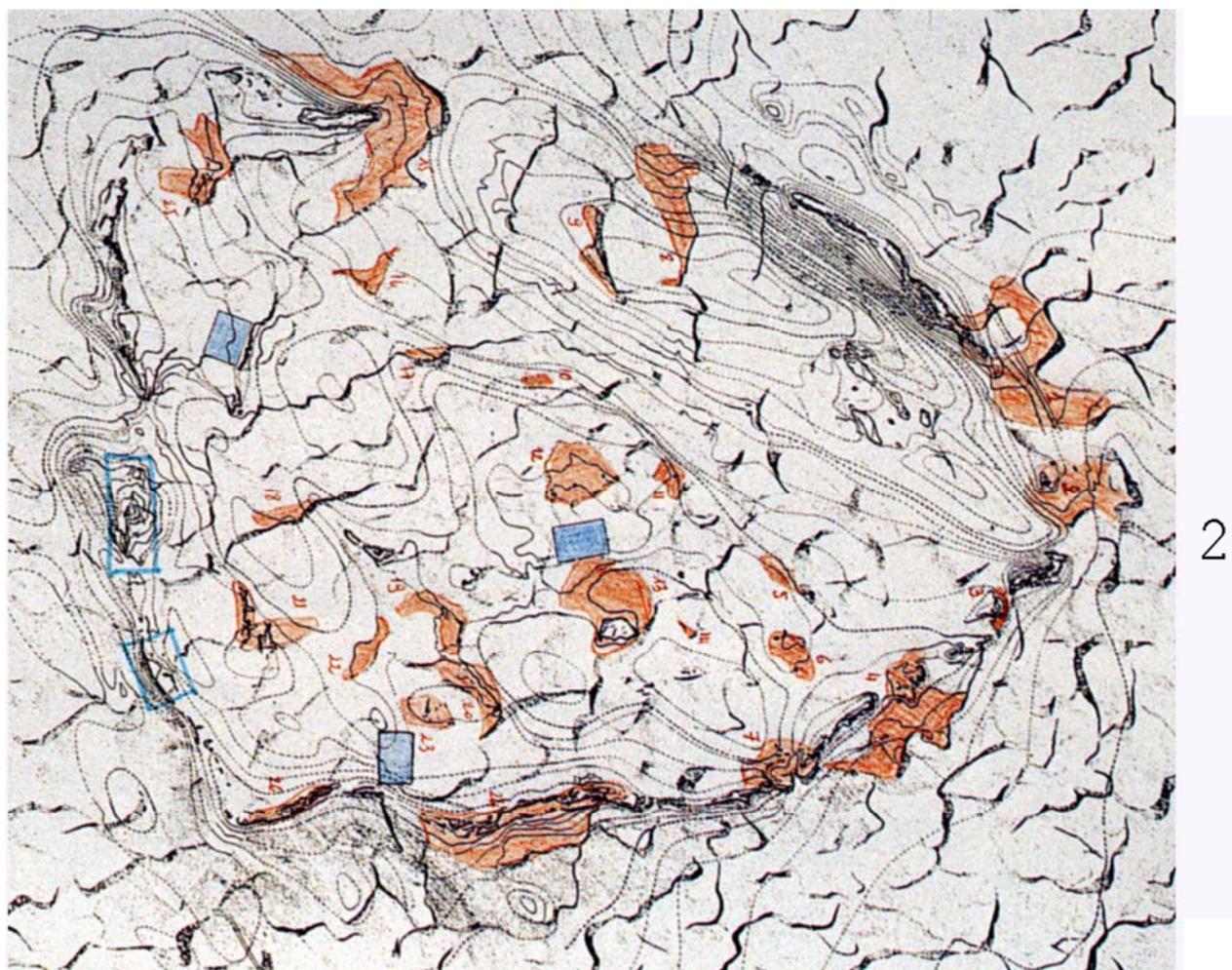
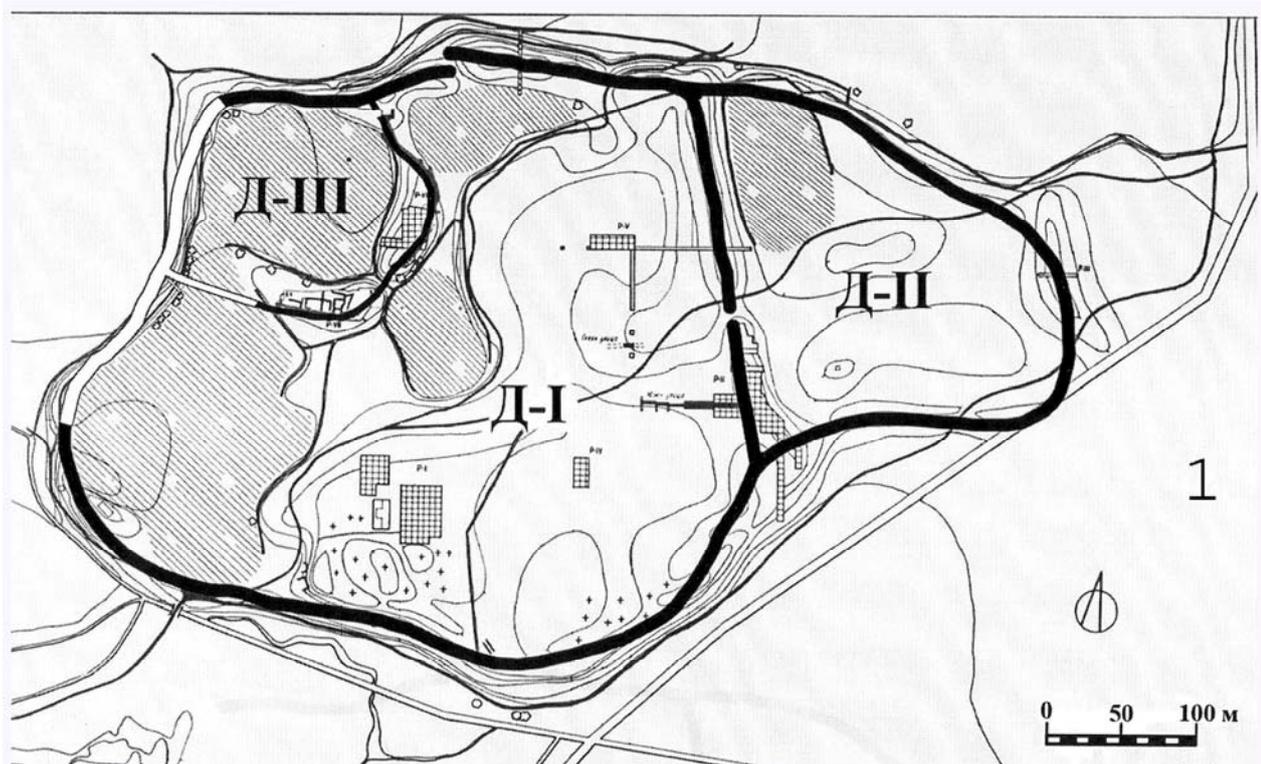

Рис. 4. Сопоставление планов городищ Дальверзин (1) и Джумбулаккум (2).

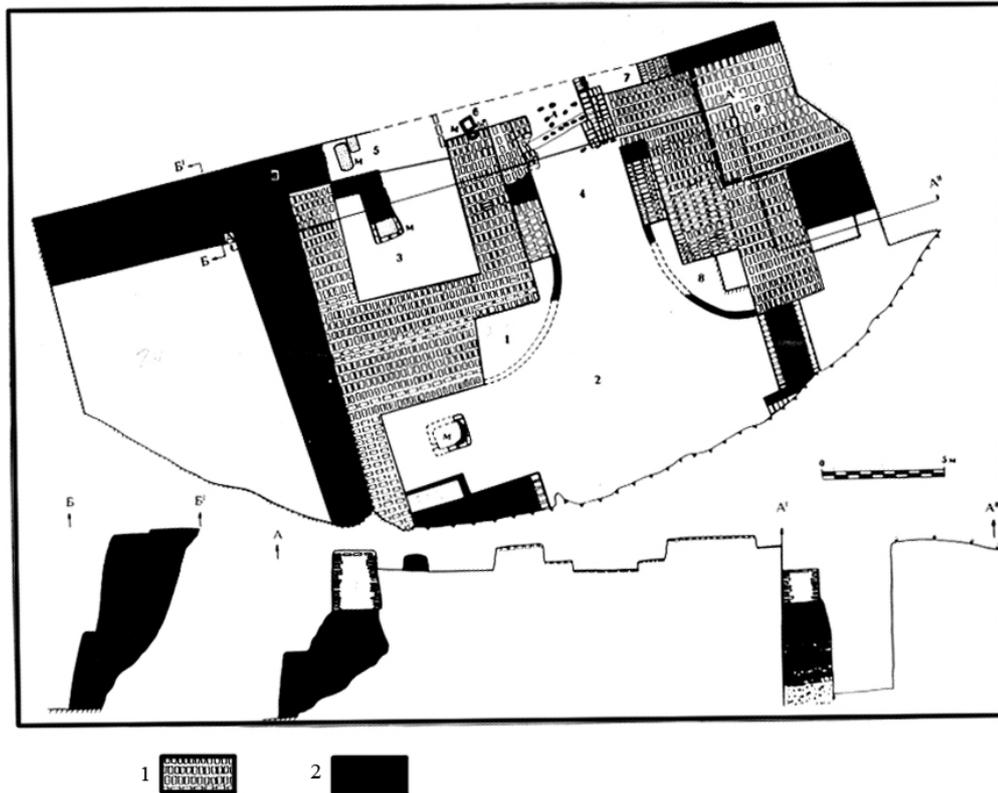

Рис. 5. План привратного сооружения античного (2) и средневекового (1) города Кува (по Б.Х. Матбабаеву)

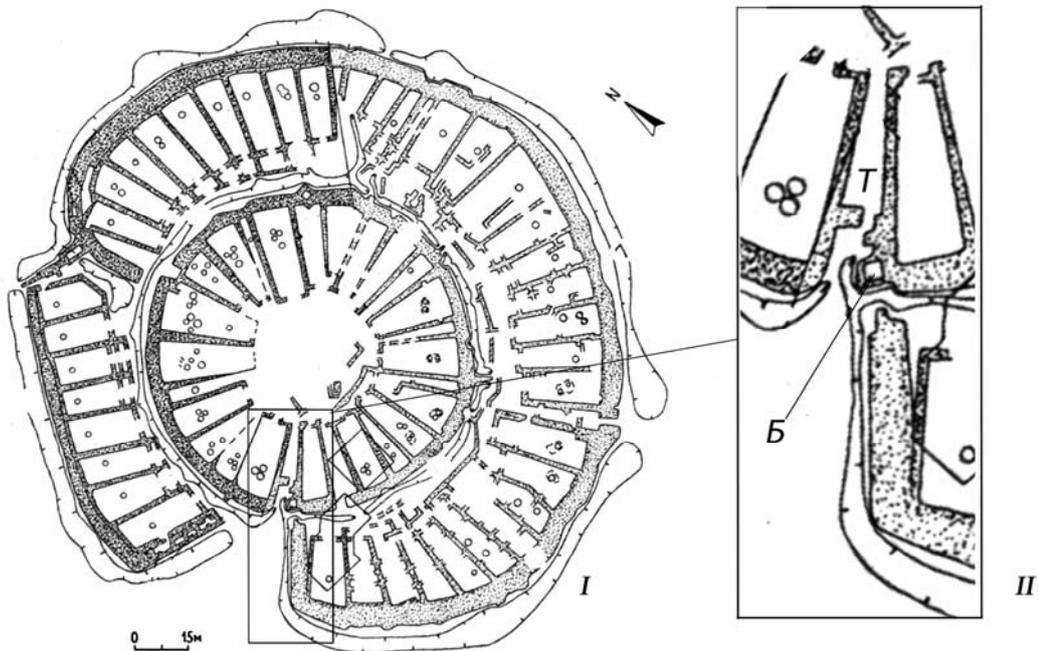

Рис. 6. Городище Аркаим. План городища (I) и танбурной (II) системы (по Г.Б. Зданович)

та, но уже без достаточного пространства и под градом стрел защитников.

По сути, джумбулаккумулятивная танбурная система входа представляла собой начало форми-

рования привратных сооружений с лабиринтами, расцвет которых археологически зафиксирован в памятниках античного Хорезма (Khozhaniyazov, 2006, fig. 85). В Фергане танбурная

система исследована на цитадели городища Арктепа II-IV вв. (Горбунова, 1994, рис. 3) и на стенах средневекового городища Кува⁶ (рис. 5).

Довольно интересной представляется интерпретация о возможных вариантах появления привратных сооружений с тамбурной системой входа на городище Джумбулаккум. Дело в том, что подобные системы не зафиксированы на памятниках земледельческого юга Средней Азии синхронных или предыдущих по времени, чем раннежелезный век. Однако, при сравнении с известным городищем Аркаим (рис. б), представленной кочевой культурой, сразу бросается в глаза тамбурная система, состоящая из коридора длиной более 15 м с внешними и внутренними воротами, фланкированными башнями (Зданович, 1997. С. 49-50).

Таким образом, сравнительный анализ материалов по фортификации Ферганы и Синьцзяна показывает, что городище Джумбулаккум появилось в результате процесса оседания кочевых племен. Следовательно, при исследовании истории формирования укрепленных поселений, городищ Ферганы и Средней Азии в целом, необходимо, наряду с земледельческими цивилизациями Древнего Востока, учитывать и влияние кочевых традиций на разви-

тие градостроительной культуры контактных зон, особенно на ее начальном этапе. Поскольку оседавшие кочевые племена, во-первых, имели лишь свои навыки строительства укреплений, а, во-вторых, они лучше, чем земледельцы, были знакомы с военными возможностями номадов. Тем не менее, градостроительная культура кочевых цивилизаций, в основном, не нашла своего развития. Однако длительный оседлый образ жизни носителей чувской культуры дал мощный импульс развитию строительного зодчества, что привело к появлению трехчастного города Дальверзин с его четкой фортификационной системой, непревзойденной другими одновременными городами земледельцев юга Средней Азии, имевших влияние цивилизаций Древнего Востока. Последнее показывает, что в развитии градостроительной культуры, несмотря на присутствие кочевых традиций при возведении оборонительных сооружений оседавшими номадами контактных зон, самое важное значение имело длительное развитие земледелия и оседлого образа жизни. Из приведенных фактов следует, что градостроительная культура в Ферганской долине на начальном этапе имела своеобразный эволюционный путь развития, отличающая ее от других историко-культурных регионов Средней Азии.

Примечания

¹ Исследование проведено при финансовой помощи Международного фонда Дидро (Maison des Sciences de l'Homme).

² Поскольку иллюстрации оборонительного вала городища Джумбулаккум были представлены в другой нашей статье (Абдуллаев, 2010. С. 62-63), то здесь мы ограничимся лишь его описанием.

³ Известно, что в древности, при возведении вала или крепостных стен в Средней Азии, грунт брали перед внешней линией сооружения (Воронина, 1964. С. 43). Однако на современном этапе археологических исследований достаточно материалов по истории рвов, так что можно говорить о более раннем их появлении, связанных с сооружением древних курганов (Gimbutas, 1977. PP. 39-43; Lebedynsky, 2004. PP. 63-73; более подробный анализ данных материалов см.: Абдуллаев, 2010а. С. 62-63).

⁴ Однако при предварительном изучении происхождения цитадели Дальверзина эпохи поздней бронзы нами отмечено ее тождественное сходство с округлыми городищами кочевых культур (Абдуллаев, 2010а. 28-бет). Последнее позволяет предположить, что в цитадели Дальверзина так же, как и на кочевых городищах имелась тамбурная система входа, но это является задачей последующих исследований.

⁵ По письменным источникам известно о появлении камнеметных орудий в Китае, начиная с VIII в. до н.э. (Школяр, 1980. С. 28).

⁶ Отметим, что в плане и разрезе раскопа исследователями отмечены и античные строительные горизонты (рис. 7, 2) под основанием этого сооружения, но еще не изучены (Матбабоев, 1999. С. 123-150).

Использованная литература

- Абдуллаев Б.М.** Некоторые итоги изучения древнейшей фортификации Ферганы // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.
- Абдуллаев Б.М.** Цитадели в оборонительной системе древней Ферганы // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований. Самарканд-Бишкек, 2006. Вып.3.
- Абдуллаев Б.М.** Возникновение и этапы развития фортификации Ферганы в древности и средневековье (кон. II тыс. до н.э. - нач. II тыс. н.э.) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 2007.
- Абдуллаев Б.М.** Об элементах кочевой культуры в фортификационных сооружениях Ферганы // Цивилиза-

- ции и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд-Ташкент, 2010.
- Абдуллаев Б.М.* Қадимги Фарғона мудофаа иншоотларида кўчманчилар маданияти излари // Ўрта Осиёнинг қадим ва ўрта аср шаҳар маданияти аънаналари. Тошкент, 2010а.
- Аскарлов А.А.* Бронзовый век Южного Узбекистана // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1976.
- Аскарлов А.А., Альбаум Л.И.* Поселение Кучук-тепа. Ташкент, 1979.
- Горбунова Н.Г.* Поселение Арк-тепе в южной Фергане // РА. № 4. 1994.
- Гуревич Л.Л.* О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации. ТД региональной конференции. Наманган, 1989.
- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А.* Историография эпохи бронзы Средней Азии // Учебное пособие. Самарканд, 1983.
- Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. М., 1962.
- Зданович Г.Б.* Аркаим - культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. № 2. 1997.
- Кошеленко Г.А.* Парфянская фортификация // СА. № 2. 1963.
- Кошеленко Г.А.* Средняя Азия. Заключение // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: «Наука», 1985.
- Литвинский Б.А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- Массон В.М.* Культурогенез древней Центральной Азии. С-Пб., 2006.
- Матбобоев Б.Х.* Кувада 1998 йили олиб борилган археологик ишлар хисоботи // Архив ИА АН РУз. Ф.8. 0.1. Д. 170. Самарканд, 1999.
- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ПЮТАКЭ. № 6. М., 1958.
- Спришевский В.И.* Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана // СА. № 3. 1972.
- Школяр С.А.* Китайская доогнестрельная артиллерия. М., Наука, 1980.
- Debain-Francfort C., Idrisse A.* Keriya, mémoires d'un fleuve. Paris, 2005.
- Gimbutas M.* Varna: A sensationally rich cemetery of the Karanovo civilization, about 4500 B.C., 1977 Expedition 19, №4: 39-46.
- Khozhaniyazov G.* The military architecture of ancient Chorasmia (6th century B.C. – 4th century A.D.). Sydney, Persika 7, 2006.
- Lebedynsky I.* Les cimériens. Les premiers nomades des steppes européennes IXe-VIIIe siècle av. J.-C. Paris, 2004.
- Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge; Paris, 1982.

М. Хўжаназаров, А. Холматов

ҚОРАҚИЯСОЙ ҚОЯТОШ СУРАТЛАРИ ТАДҚИҚОТЛАРИГА ДОИР

Ватанимиз худуди қадимги маданият марказларидан бири ҳисобланади. Буни мамлакатимиз худудидида қайд этилган археологик ёдгорликларнинг сероблиги ҳам исботлаб турибди. Бу маданий ёдгорликлар кўҳна цивилизациямизнинг жонли гувоҳлари бўлиб, улар ўз мазмуни, моҳияти билан халқимиз ўтмиш маданияти ва бой маданий меросини ўрганишда ўзига хос тарихий манба ҳисобланади. Ана шундай ёдгорликлардан бири Нурота тоғ тизмаси жанубий ён бағрида, Иштихон тумани худудига қарашли, Тўсинсой сув омборининг жанубий-ғарбий қисмидаги Қорақиясой қишлоғи атрофида жойлашган қоятош расмларидир.

Бу ёдгорлик 1987 йили археолог М. Хўжаназаров томонидан аниқланган ва қисман ўрганилган (Хўжаназаров, Кондрикова, 1992. С. 45). Қорақиясойда олиб борилган илмий қидирув изланишлари шуни кўрсатдики, бу ерда тошга чизилган тасвирлар жуда кўплаб мавжуд бўлиб, улар бир бирларидан ишланиш техникаси, услуби, мазмуни, ҳажмининг катта-кичиклиги ва сақланиш даражаси билан фарқ қилади. Қоятош расмлари орасидаги бу фарқлар тасодифий бўлмасдан, балки уларнинг турли даврларда ишланганлигидан далолат беради.

Қорақиясой қоятош расмларини даврлаштиришда бир қанча омилларни ҳисобга олиш зарур. Улардан бири расмлар сиртини куёш нури ва бошқа табиий ҳодисалар таъсирида қорайишини ўрганиш услуби ҳисобланади. Маълумки, тоғ тошлари сирти темир ва марганец кимёвий бирикмалари таъсирида жуда нозик парда билан қопланади ва улар куёшда оч қўнғир, жигарранг ҳамда қорамтир товланади. Бундан ташқари улар шамол, қор ва ёмғир, иссиқ ва совуқ таъсирида ўзгаради. Шунинг учун, тош сатҳидаги баъзи тасвирларни дарҳол пайқаб, ажратиб олиш бирмунча мушкулдир. Демак, жуда қорайиб кетган расмлар нисбатан қадимги ҳисобланади. Бундай табиий қопламаларни ўрганиш, суратларни қиёсий ўрганишда муҳим аҳамиятга эгадир. Айниқса, бир хил табиий шароитда турган тошлар сиртига иккита сурат солинган бўлсаю, улар бир меъёردа парда билан қопланмаган бўлса бу тасвирларни турли даврларда ишланган, деб айтиш мумкин. Лекин улар бир-биридан неча йил

олдин ёки кейин ишланганлигини аниқ айтиш қийин.

Қоятош расмларини даврлаштиришдаги муҳим омиллардан яна бири тасвирларнинг ишланиш услуби ва техникасини ўрганиш билан боғлиқдир. Санъат тарихидан маълумки, қадимги одамлар табиатдаги барча нарсани ўз ҳолича, яъни қандай кўришса шу ҳолда чизиб қолдиришга ҳаракат қилишган. Даврлар ўтиши билан бу аниқлик ҳолати соддалашиб боради (Қабиров, 1976. С. 32). Демак, турли даврларда чизилган расмларнинг ишланиш услублари ҳам ўзгариб борган. Бундай ҳолатни Қорақиясой қоятош расмларининг чизилиш услублари ва техникиси устида олиб борилган кузатишларимиз ҳам тасдиқлади. Бундан ташқари, бир расм устидан иккинчисининг чизилиши ҳам расмларнинг турли даврларда ишланганлигидан далолат беради. Қоятош тасвирларининг хронологик чегарасини аниқлашда археологик топилмалар ва санъат асарлари ҳам муҳим аҳамиятга эгадир.

1987-йилги илмий тадқиқотлар натижасида Қорақиясой қоятош расмларини М. Хўжаназаров тўртта тарихий даврга, яъни жез, сак-скиф, илк ва кейинги ўрта асрларга тааллуқли деган фикрни билдирган (Хўжаназаров, Кондрикова, 1992. С. 45). Биринчи икки давр расмлари уриб чўкичлаш техникаси асосида ишланган бўлиб, соя кўринишидаги контур ҳамда нафис нақшли услубда чизилган. Илк ва ўрта аср даври қоятош расмларининг кўпчилиги ўткир қуролда кесиш ёки тирнаш техникасида ишланган. Бу давр расмлари орасида оддий схематик услуб кенг қўлланилган.

Қорақиясой қоятош расмлари устида олиб борилган кейинги илмий тадқиқот ишлари натижалари шуни кўрсатадики, улар орасида эр. авв. 1 минг йилликгача бўлган даврда ишланган қадимий расмлар кўпчиликни ташкил этади. Бу расмлар орасида одам, ибтидоий буқа, кийик, қулон, жайрон, тоғ эчкиси, мушуксимонлар оиласига мансуб йиртқичлар (қоплон, леопард, гепард), ит, бўри ва бошқа шу каби ҳайвонлар тасвири учрайди. Ундан ташқари қояларда геометрик ромб шаклидаги белгилар, содда ва мураккаб ёй тасвирлари мавжуддир. Бу даврга мансуб бўлган расмларнинг сирти куёш нури, шамол,

ёгингарчилик ва хилма хил табиат ҳодисалари натижасида тошнинг табиий сирти каби қорайиб, куйиб, униқиб кетган, нураган, емирилиб, дарз кетган ва бирмунча силликлашган. Шунинг учун тош сатҳидаги тасвирларни дарҳол пайқаш ёки ажратиб олиш мушкул. Қоятош расмларидаги бу каби табиий ўзгаришлар тасвирнинг қадимийлигидан далолат беради (Кабиров, 1976. С. 32).

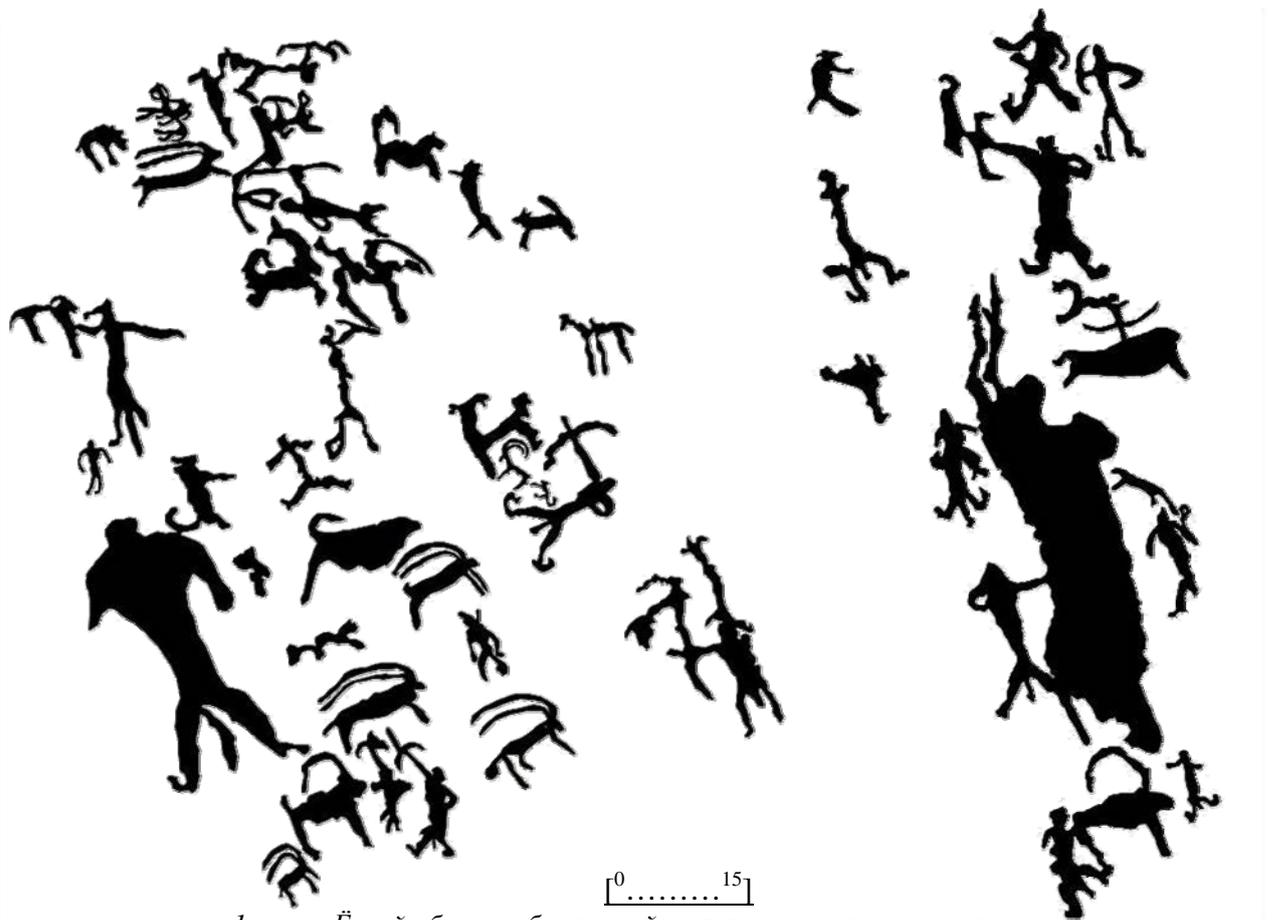
Бронза даври тасвирларининг ўзига хос хусусиятларидан яна бири нақшдор-безакли услуб бўлиб, бу кейинги давр тасвирлари ишланиш услубларида кузатилмайди.

Қорақиясой қоятош расмларининг қадимий қатлами кейинги даврлар тасвирларидан ўзининг мазмуни жиҳатидан жуда бойлиги билан ҳам ажралиб туради. Қоятошларда ибтидоий даврнинг иқтисодий ҳаёти билан боғлиқ баъзи ҳодисалар, жонли манзаралар кўплаб учрайди. Булар орасида, алоҳида-алоҳида тасвирланган мушуксимонлар оиласига мансуб йиртқичлар, одамлар ҳамда ибтидоий буқа, тоғ эчкиси, йиртқич ҳайвонларнинг ов қилиниш саҳналари ифода этилган манзаралар, аynиқса, диққатга сазовордир (1-расм). Юқорида айtilганидек, ибтидоий буқа, гепард, леопардларнинг расмлари ва уларни ов қилиш ифода этилган манзара

тасвирлари фақатгина Қорақиясойда эмас балки, республикамизнинг Буқантоғ, Сармишсой, Ёмбошсой, Суратлисой ва яна бошқа қоятош ёдгорликларида ҳам учрайди (Кабиров, 1974. С. 13; шу муаллиф, 1976. С. 32; Кондрикова, Хужаназаров, 1992. С. 22-26; Формозов, 1969. С. 72). Мутахассисларнинг фикрича, мазкур жойлардаги қоятош расмларининг аксарияти мил. авв. 7-4 ва 3-2 минг йилликларда ишланган.

Қорақиясойдан ва юқорида номлари зикр этилган жойлардан топилган ибтидоий буқа, бизон, гепард, леопард, тоғ эчкиси ва уларни ов қилиш саҳналари ифода этилган расмлар чизилиш услублари жиҳатидан бир-бирига яқин, айримлари эса айнан ўхшашдир. Расмлар орасидаги бу ўхшашлик тасодифий ҳодиса бўлмай, уларнинг бир даврда ишланганлигидан далолат беради. Шундай экан, Қорақиясойдаги бу ҳайвон тасвирлари ҳам мил. авв. 3-2 минг йилликларда ишланган бўлиши мумкин.

Қорақиясойнинг қадимий қатламига мансуб расмларнинг хронологик санасини аниқлашда баъзи археологик материаллар ҳам муҳим аҳамиятга эга ҳисобланади. Шу ўринда Марказий Осиёнинг жануби ва Яқин Шарқдаги мил. авв. 3-2 минг йилликларга оид ёдгорликларнинг маданий қатламларидан топилган сопол ва мар-

1-расм. Ёввойи буқа ва бошқа ҳайвонларни ов қилиш манзараси

мар тошдан ишланган ҳайвон ҳайкалчалари ва сопол идишлар сиртига нозик қилиб ишланган расмлар ҳам диққатга сазовордир (Кабиров, 1976. С. 33-35).

Хусусан, Жанубий Туркменистон ва Яқин Шарқнинг илк деҳқончилик билан шуғулланган қадимги қабиалари қолдирган рангли сопол идишларнинг ички ва ташқи деворлари қоплон, барс, гепард, леопард каби ҳайвон тасвирлари билан безатилган. Танаси тангасимон холлар билан қопланган барс, қоплонларнинг расмлари Қоратепанинг рангли сопол идишларида ҳам мавжуддир (Сарианиди, 1961. Табл. 9).

Шунга яқин услубдаги йиртқич ҳайвон расмлари Қорақиясой қояларидан бирига маҳорат билан ишланган (2-расм). Услуб жиҳатидан Қорақиясойдаги бу йиртқич ҳайвонлар тасвирига ўхшаш расмлар мил.авв. IV-III минг йилликларга оид бўлган Олд Осиёдаги Загрос, Сиалк III, Сузиана I ва Тали-Бақун A дан топилган сопол идишларнинг ички ва ташқи деворлари тасвирлари орасида ҳам учрайди.

Қорақиясой қоятош расмлари орасида бронза даврига оид кўплаб ромб шаклидаги белгилар ҳам мавжуд. Бу каби ромб шаклидаги белгиларни бошқа расмлар билан биргаликда ёки яқка ҳолда чизилганини кузатиш мумкин. Ромб шаклидаги белгилар нафис нақшли, соя-контур услубларида уриб, чўкичлаб чизилган. Уларнинг усти жуда қорайиб кетган ва мох лишайниклар билан қопланган. Худди шунга ўхшаш услубда чизилган ромб шаклидаги тасвирлар бу ердан унча узоқ булмаган Ёнбошсой қоятош ёдгорлиги расмлари орасида ҳам жуда кўплаб учрайди. Бу тасвирлар мил. авв. 2 минг йиллик ва 1 минг йиллик бошларига оид бўлиши мумкинлиги айтиб ўтилган (Кондрикова, Хужаназаров, 1992. С. 22-26).

Шуни алоҳида таъкидлаш керакки, Қорақиясой қоятош ёдгорлигидаги баъзи бир уриб чўкичлаб ишланган ромб шаклидаги белгилар устидан табиий бўёк, яъни қизил оҳра билан чизиб чиқилган. Бундай услубда чизилган тасвирлар Ватанимиз худудидаги бошқа ёдгорликларда учрамаслиги билан характерлидир.

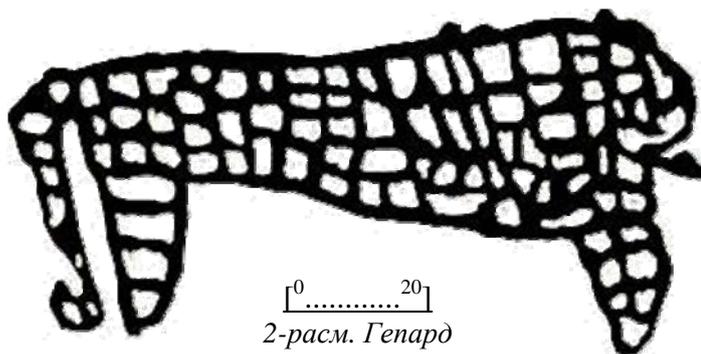
Қорақиясой қоятош расмлари орасида юкорида қайд қилганимиздек сак-скиф даври расмлари ҳам учрайди. Бу расмлар, Қорақиясойнинг қадимги – мил. авв. 3-2 минг йилликларда яратилган тасвирлардан фарқ қилади. Фарқлар аввало расмларининг тури, чизилиш техникаси, услуби ва қояларда ифода этилган хилма-хил манзараларда яққол кўзга ташланади. Бу даврга мансуб бўлган тасвирларнинг асосини одам, от, туя, тоғ эч-

киси, архар, жайрон, сайғоқ, тўнғиз, бўри, тулки, ит сингари ҳайвонлар ташкил этади. Ундан ташқари, қопқон, мураккаб ва содда ўқ-ёйлар, ўқдон ва бошқа бир қанча тушунарсиз белги тасвирлари учрайди.

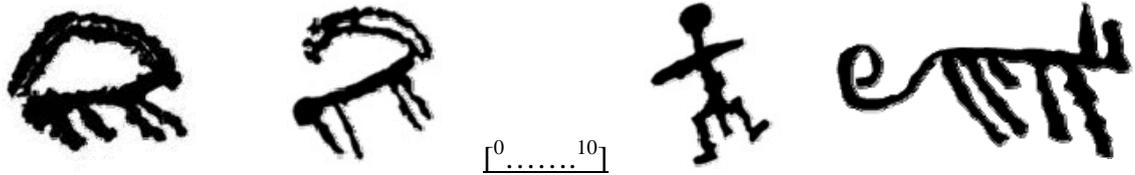
Сак-скиф даври расмлари қадимги даврга оид тасвирларга нисбатан кичик кўринишда ишланган. Қадимги тасвирларда нақшдор-безакли, соя ва контур услублари кўпчиликни ташкил қилса, сак-скиф даври расмлари учун эса соя тарзидаги услуб устунликка эгадир.

Сак-скиф даври расмларининг ишланган вақтини аниқлаш билан бирга уларнинг чизилиш техникасини ўрганиш ҳам кўплаб маълумотларни бериши мумкин. Кузатиш ва амалий тажриба ишлари шуни кўрсатадики, бу давр расмлари қандайдир қаттиқ қурол ёрдамида уриб-чўкичлаш ва кесиш, тирнаш техникаси воситасида ишланган. Тош сиртида қолдирилган асбоб излари нуқтасимон, чўзинчок, учбурчак ва ноаниқ шаклда бўлиб, диаметри, эни, узунлиги ҳамда чуқурлиги 0,5-1,5 мм.дан ошмайди. Бундай кўринишдаги излар расмларнинг аксарияти темир ва пўлат асбоблар ёрдамида ишланганлигидан далолат беради. Чунки, расмлар ва уларнинг майда қисмлари ҳам ўта нозиклик билан ишланган. Бинобарин, бундай расмларни, асосан жез, темир ва пўлатдан ясалган асбоблар ёрдамда чизилиш мумкин.

Қорақиясой қояларида яна бир гуруҳ тасвирлар мавжуд бўлиб, улар бронза ва сак-скиф даври расмларидан тубдан фарқ қилади. Бу тасвирлар куёш нурида унчалик қораймаган, баъзи холларда умуман оч қўнғир тусда товланади. Улар илгаригиларидан кўра кўполроқ қилиб ишланган ҳамда қуролларнинг излари расм чегараларидан четга чиққан. Бу давр тасвирлари ўзининг ишланиш услуби жиҳатидан ҳам аввалги расмлардан фарқ қилади. Агар қадимий суратларнинг аксарияти соя, контур ва нақшдор-безакли услубда ишланган бўлса, кейинги давр тасвирларининг кўпчилиги эса оддий – схематик тарзда, дағал қилиб ишланган. Кейинги давр расмларининг асосини тоғ эчкиларининг тасвирлари

2-расм. Гепард

3-расм. Одам, тоғ эчкилари, ит

ташқил этади. Бундан ташқари қояларга яна кўплаб схематик услубда ишланган одам, от, эшак, буқа, ит, рўзғор буюмлари, чолғу асбоблари ҳамда араб ёзувлари чизилгандир (3-расм).

Баъзи жойларда сак-скиф даври расмлари устидан кейинги давр тасвирлари ишланган бўлиб, натижада икки қатламли расмлар вужудга келган. Қадимги тасвирлар устидан сўнгги давр суратларининг кесиби ўтиши катта амалий аҳамиятга эгадир. Чунки, икки қатламли қоятош расмларининг юқори қатламидаги тасвирлар кейинги даврга мансублиги яққол кўзга ташланиб туради.

Қорақиясойдаги кейинги давр расмларининг қайси вақтда ишланганлигини аниқлашда Марказий Осиёда жойлашган, Қозоғистон, Қирғизистон, Тожикистон, Жанубий Сибир ва бошқа худудлардаги милодий VII-VIII асрларда ишланган қоятош расмлари муҳим аҳамиятга эгадир. Қиёсий ўрганишлар натижасида мазкур жойлардаги расмлар билан Қорақиясой тасвирлари орасида бир-бирига ўхшашлик ва умумийлик борлиги аниқланди.

Қорақиясойдаги каби оддий, схематик услубда ишланган тоғ эчкиларининг тасвирлари Зарафшон дарёсининг юқори оқидамида, Тошкент

воҳасидаги Кўксув, Чотқол, Теракли, Бошқизилсой, Жартош, Тутлисой, Терсахон, дараларида ҳамда Сармишсой қоятош расмлари орасида учрайди. Бу тасвирлар эрамининг I минг йиллиги иккинчи ярмида ишлангандир.

Эрамининг I минг йиллигида ёки VI-VIII асрларда ишланган тоғ эчкиларининг тасвирлари Ленинобод вилоятининг Ашт туманида, Қуруқсой ва Шайдонсой дараларида (Ранов, 1960. С. 121-142), Қирғизистоннинг Саймалитош ёдгорлигида (Бернштам, 1952. С. 60-66), Қозоғистондаги Тамғалитош дарасида (Максимова, 1958. С. 110) ҳамда Иртиш дарёсининг юқори қисмида (Черников, 1947. С. 235-280) ва яна бошқа кўп жойларда учрайди. Бу тасвирлар билан Қорақиясойнинг илк ва ўрта аср даври қоятош расмлари орасидаги ўзаро ўхшашликлар уларнинг бир даврда, яъни милодий V-XVII асрларда ишланган деб айтишга имкон беради.

Юқоридаги маълумотлардан келиб чиқиб, айтишимиз мумкинки, Қорақиясой расмлари қадимги халқларимиздан қолган муҳим тарихий манба ва нафис санъат асарларидир. Уларни бизгача етиб келган ҳолатдагидек қилиб сақлашни таъминлаш ва ҳар томонлама ўрганиш бизнинг асосий вазифамиздир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Бернштам А.Н.** Наскальные изображения Саймалыташ // СЭ. № 2. М., 1952.
- Кабиров Дж.** Исследование наскальных изображений в Узбекистане // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1974.
- Кабиров Ж.** Сармишсойнинг қоятошларидаги расмлар. Тошкент, 1976.
- Кондрикова М., Хужсаназаров М.** Наскальные изображения Янбашая // Ўзбекистон қадимда ва ўрта асрларда // Самарқанд, 1992.
- Максимова А.Г.** Наскальные изображения ущелья Тамгалы // ВАН Каз. 1958. №9.
- Ранов В.А.** Новые наскальные изображения в Кураминском хребте // Труды Ин-та истории АН Таджикистана. Душанбе, 1960.
- Сарианиди В.И.** Энеолитическое население Геоксюр // Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1961.
- Хужсаназаров М., Кондрикова М.** Новые наскальные рисунки Тусинсая // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Тезисы докладов научно-теоретической конференции. Самарқанд, 15-16 декабря. Самарқанд, 1992.
- Формозов А.А.** Очерки по первобытному искусству. М., «Наука», 1969.
- Черников С.С.** Наскальные изображения верховий Иртыша // СА, № 9. М., 1947.

Ж. Люилье, М. Исамиддинов, К. Рапэн

РАННЕЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СЕВЕРНОГО СОГДА: ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Лепная расписная керамика раннежелезного века (вторая половина второго тысячелетия до н.э.) уже давно известна на территории центрального Согда, в частности, благодаря отдельным редким находкам на городище Афрасиаб (Туребеков, 1979). Однако, поселение Коктепе, расположенное в 30 км к северу от г. Самарканда, стало первым археологическим памятником, ясно показавшим стратифицированные уровни этого периода. Исследования, начатые в 1994 г. МАФУз (Самарканда), позволили установить, что городище Коктепе было заселено с начала раннежелезного века (так называемый период Коктепе I, КТ-I) вплоть до начала эллинистического периода (Rapin, 2007;

Исамиддинов, 2002). Начиная с первого года работ на Коктепе, керамика типа Яз I была обнаружена во всех раскопах произведенных на этом памятнике, как в переотложенном состоянии в верхних слоях, так и, в основном, в ямах. С 2002-2003 гг. И.Д. Иваницким были выявлены слои раннежелезного века на раскопе № 4 (северо-западная платформа; рис. 1, А), содержащие остатки жилого строения (Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003).

В 2006 и 2008 гг. исследование этих уровней было расширено в процессе проведения работ на нескольких других раскопах, в частности, на территории северо-западной (рис. 1, А) и юго-восточной платформ (рис. 1, В). Жи-

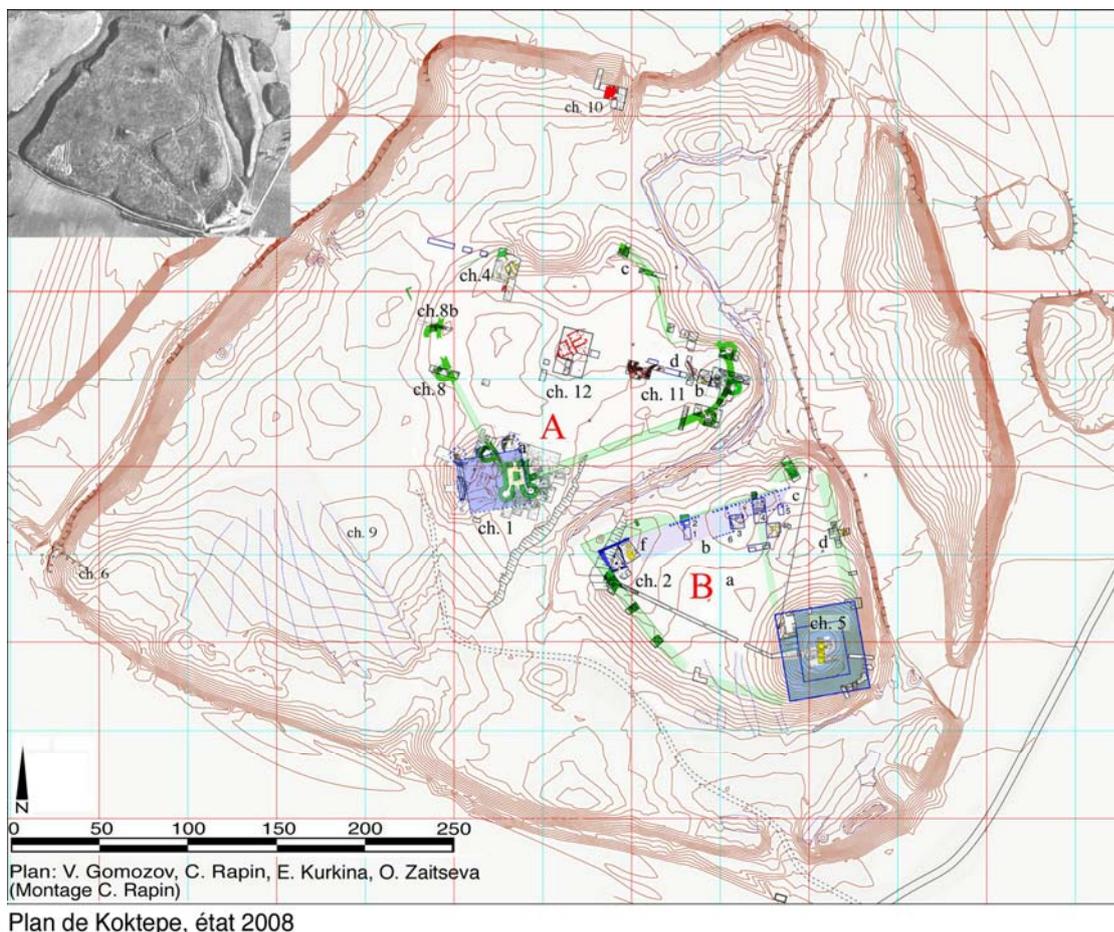

Рис. 1.

лое помещение, аналогичное дому, выявленному на раскопе № 4, было обнаружено в северо-восточной части раскопа №2. Эти постройки, сооруженные из пахсы, включают в себя помещения, открывающиеся в осевой коридор с обеих сторон. В северо-западной части раскопа №2 этот уровень включал в себя большую яму с «нишей» в южном обрезе ямы и обширное понижение, которое можно рассматривать как двор. Выявленная в раскопе №11 часть вогнутой стены, по всей видимости, принадлежащей зданию округлой формы, которое также можно отнести к раннежелезному веку. Эта конструкция была в значительной степени разрушена обширной ямой, заполнение которой включало в себя большое количество золы и многочисленный керамический комплекс.

Вместе с тем, подчеркнем, что именно в течении археологических сезонов двух последних лет на раскопе №4 в слое толщиной до 5 м был выявлен крупный однородный ансамбль, который позволил прояснить стратиграфию периода КТ-I.

Стратиграфия раскопа № 4

Непосредственным результатом этих работ стало то, что впервые на городище Коктепа были стратиграфически зафиксированы несколько последовательных фаз обживания городища в рамках периода КТ-I. Центральная часть раскопываемой зоны содержала пандусное понижение высотой 20-30 см в направлении Ю-ЮВ. Различные обнаруженные здесь этапы обживания и запустения возможно сгруппировать в три большие фазы обживания с промежуточными моментами запустения (табл.).

I) Первая фаза обживания насчитывает два этапа:

I.1. Первый этап характеризуется наличием серии ям, открытых в материковом слое. Только у шести из обнаруженных ям были выявлены четкие контуры (рис. 2, К-Р). Их средний диаметр составляет от 1 до 2 метров. Они были врезаны

очень близко друг от друга и вероятно датируются почти одним и тем же временем. Только самая большая из них, уходящая под западную бровку раскопа (рис. 2, К; рис. 4), была частично раскопана. Её глубина составляет 3 м, в то время как её диаметр был, возможно, более 3 м. Заполнение ямы состоит из пяти слоев, из которых один очень толстый, темный, зольный.

I.2. Тонкий рыхлый слой отделяет этот комплекс от второго строительного периода, который характеризуется наличием глинобитной стены, ориентированной С-СЗ/Ю-ЮВ. Толщина стены составляет 20-30 см, длина её раскопанной части не превышает 3,50 м (рис. 2, М1). Эта стена частично перекрывает большую яму К предыдущего этапа. Кладка из сырцового плоско-выпуклого кирпича, вероятно следующей ориентации В-З, была обнаружена к востоку от глинобитной стены в зондаже размером 80x80 см (рис. 2, М2). Там же было расчищено отверстие от столба. Однако, из-за небольших размеров зондажа, нам не удалось уточнить конструктивную взаимосвязь этих элементов с

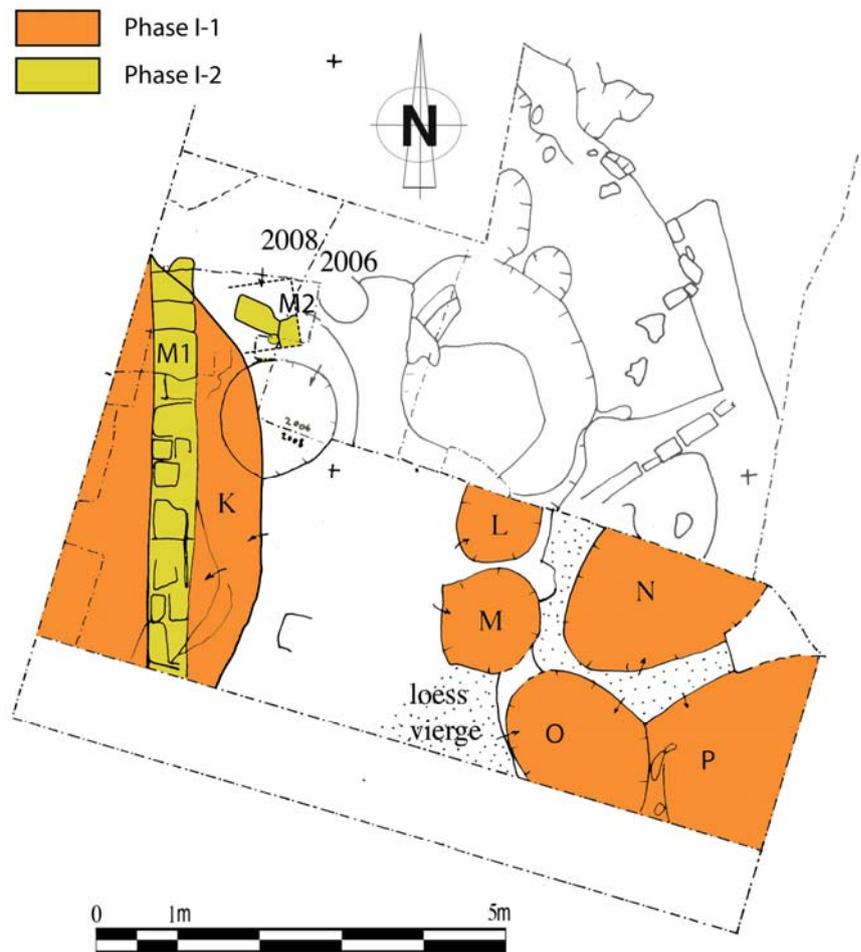

Рис. 2

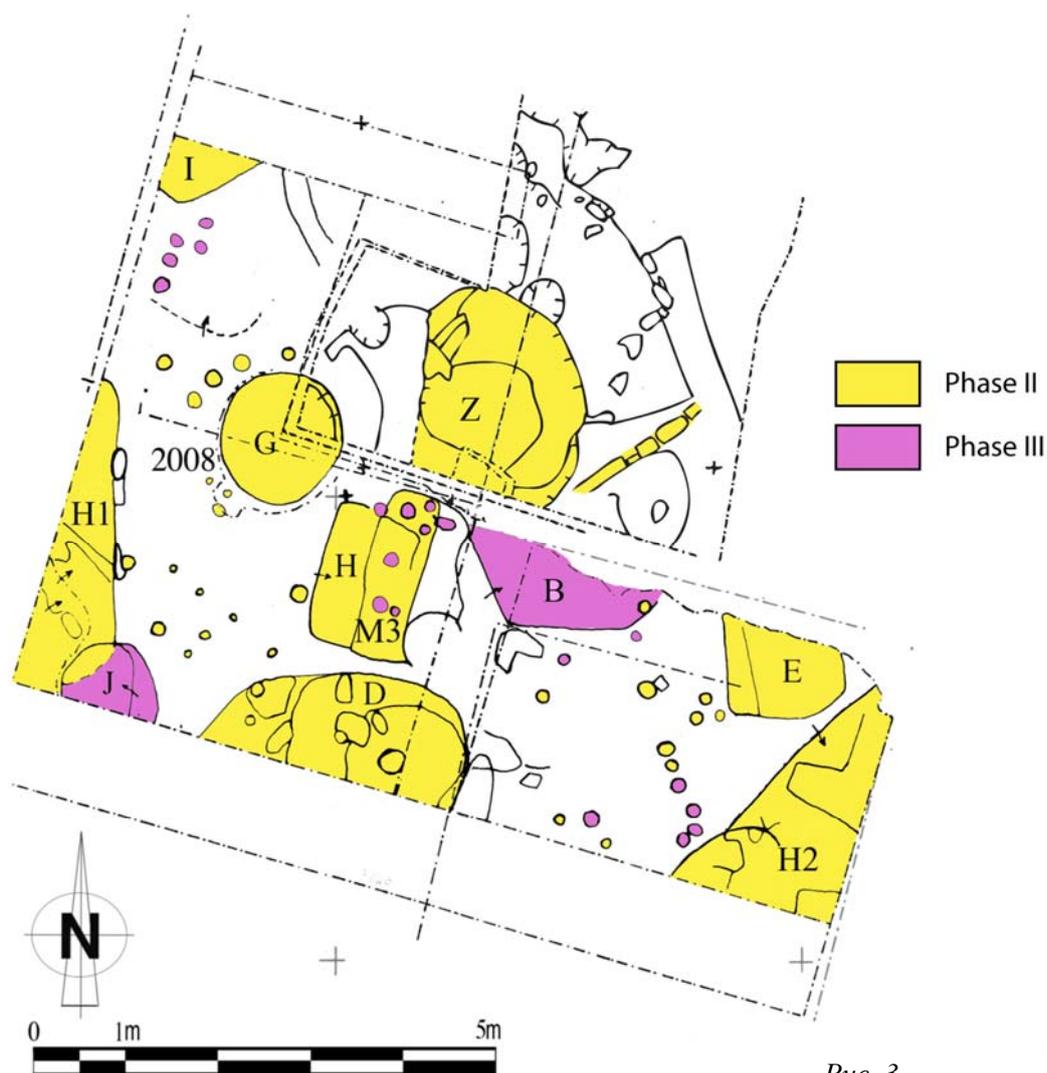
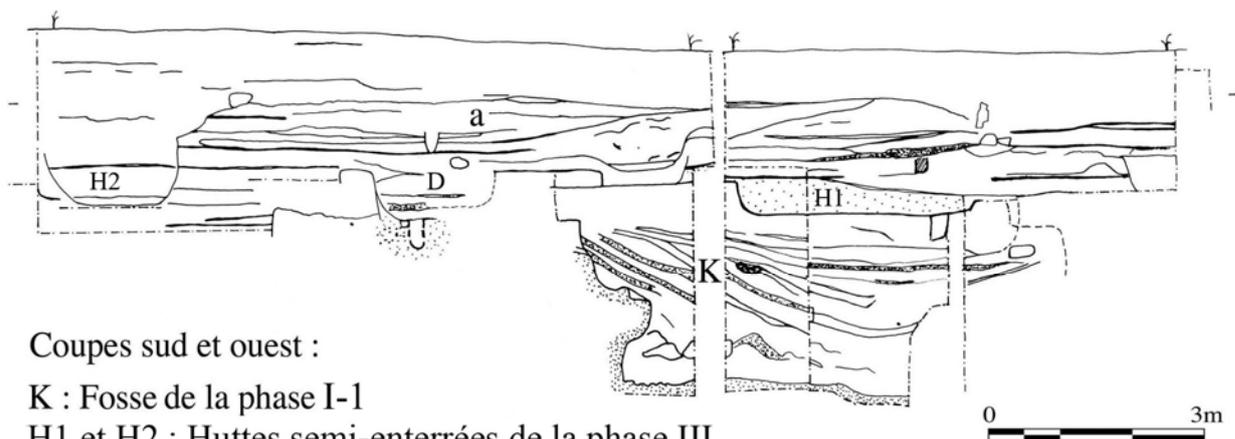

Рис. 3

пахсовой стеной. В восточной половине раскопа на том же уровне был выделен плотный утопанный пол толщиной 2-3 см.

II) За этой первой фазой обживания прослеживается **фаза запустения**, характеризующаяся разрушением пахсовой стены M1 и последующим размывом водой. Раскопки первоначально выявили наличие рыхлого слоя толщиной 20-25 см, лишенного архитектурных остатков, но насыщенного керамическим материалом. Этот слой был перекрыт утопанным полом 8-9 см толщиной, который частично состоял из обломков кирпичей или пахсы, происходящих из некоей неопределенной архитектурной структуры, находящейся за пределами раскопа. Стена M1 составляет не более как часть этой структуры. Все элементы были покрыты натеками, говорящими о полном запустении зоны. Восточная часть зондажа не включала в себя обломков кирпича и была представлена рыхлым слоем, что позволяет предположить, что здесь нами раскапывалось открытое пространство.

III) **Вторая фаза обживания** характеризуется рядом архитектурных перепланировок. Единственная выявленная кладка, ориентированная по направлению С-Ю, представлена небольшой пахсовой стенкой, сохранившиеся остатки которой размерами 180x80 см не превышают высоты 45 см (рис. 3, M3); с ней связана яма фундамента, находящаяся с восточной стороны стенки (рис. 3, H). Функциональное назначение этого элемента не установлено. С восточной и западной стороны от стенки выделено пять больших ям (рис. 3, D, E, G, I). Ямы с западной стороны вырыты в плотном завально-натечном слое, оставшимся от предыдущего периода запустения. С восточной стороны ямы были вырыты на поверхности открытого помещения. Некоторые из этих ям были открыты нами. Одна из них, глубиной 2,50 м и диаметром 1,50 м (рис. 3, G), была вырыта частично в лессе и частично в заполнении большой ямы этапа I.1; вместе с тем она также прорезала стену M1 этапа обживания I.2. На дне ямы, вдоль

Coupes sud et ouest :

K : Fosse de la phase I-1

H1 et H2 : Huttes semi-enterrées de la phase III

D : Fosse de la phase II

a : Niveau du sol de la phase II (“aire sacrée”)

Рис. 4

её стенки, были размещены камни различных размеров.

Другая яма, раскопанная в 2006 г. (рис. 3, Z), характеризуется большими по сравнению со средними размерами 3,50x2,50 м и глубиной до 1,50 м. На стенках ямы сохранились следы землеройного инструмента типа кирки, с плоскими и заостренными концами. Вероятно, первоначально яма была вырыта с целью добычи лесса для строительства, но впоследствии скорее всего использовалась как хранилище продуктов, на что указывают находки зерен злаковых растений на дне ямы. Как и все остальные ямы, она была использована впоследствии как мусорная.

В том же слое были расчищены днища двух полуземлянок, уходящих под западную и южную бровки раскопа, что не позволило выявить их реальные размеры (рис. 3, H1 и H2; рис. 4). Полуземлянки, имевшие прямоугольную форму, уходили в землю на 20-30 см; их реальная высота осталась не выясненной.

Помимо вышеперечисленных элементов на поверхности этого уровня имеется так же большое количество лунок от столбов различного диаметра, глубиной от 10 до 30 см, бывших элементами каких-то хозяйственных или ремесленных принадлежностей (рис. 3). Эти отверстия располагаются по всей площади раскопа, без всякой видимой связи с полуземлянками, ямами или стенкой.

Несмотря на иную ориентацию, все эти структуры, по-видимому, синхронны жилому помещению, выявленному в 2002-2003 гг. (рис. 5) в северо-западной части этого же раскопа (Исамиддинов, Иваницкий, Хасанов, 2003).

IV) Пол этой основной фазы обживания (III) местами перекрыт то слоем земли 8-9 см толщиной, содержащим обломки кирпичей и цементированным натеками, то слоем рыхлой земли. Эти слои представляют собой период запустения, характеризующийся разрушением стенки M2. Они синхронны периоду разрушения расположенного рядом жилища в северо-восточной части раскопа.

V) Последний уровень полов, залегающий в 175 см от дневной поверхности, плотный и однородный, сформировался на подушке вышеупомянутых архитектурных остатков, отложившихся в ходе предыдущего периода запустения (IV). Он послужил основой для **третьего и последнего периода обживания**, на что указывают отверстия от столбов в полу, которые нередко спускаются вплоть до верхней части стен предыдущего периода (III) (рис. 3; рис. 5). Этот последний период представлен так же слоем обгорелой земли с золой и углями и двумя небольшими ямами (рис. 3, B, J).

VI) За третьим периодом обживания наступает последний этап запустения, характеризующийся разнородными слоями, включающими в себя натеки во многих местах. На некоторых участках толстый слой рыхлой земли, расположенный уклоном в направлении Ю-ЮВ, содержит значительное количество золы, углей и вкрапления обгорелых комьев земли (до 15-20 см в диаметре). Местами были встречены целые кирпичи и их обломки, которые происходят из неопределенной архитектурной структуры, синхронной вышеотмеченным отверстиям от столбов. Этот слой завала перекрыт рыхлым гумусным слоем серо-коричневого цвета, толщиной около 10-15 см. Несмотря на отсутствие

в этом слое архитектурных остатков, обилие лепной керамики указывает на принадлежность этого слоя периоду КТ-I. Слой в 25-30 см толщины, содержащий смешанный керамический материал (с включением станковой керамики), отделяет этот слой от уровней периода КТ-II, т.е. от уровней монументального двора.

Материальная культура: характеристика и типология.

Уровни КТ-I дают два основных типа материалов, важных для характеристики культуры лепной-расписной керамики в Согде.

А) Предметы, связанные с металлургическим производством:

В одной из ям фазы III был обнаружен небольшой комплекс литейных форм из песчаника, предназначенных для отливки изделий из меди или бронзы. Наиболее примечательной является фрагментированная нижняя часть каменной формы для отливки ножей, с ясно видимыми следами литейного канала и пазами для скрепления с верхней частью формы. В ходе раскопок были обнаружены так же еще два фрагмента литейных форм, из которых один принадлежал форме для отливки овального предмета небольших размеров, а другой служил для отливки предметов неустановленной формы. Заполнение ямы включало также фрагмент литейного ковша со следами бронзы и два фрагмента шлака. В ходе расчистки заполнения отмечались следы металлических окислов. На различных уровнях второго этапа обживания (фаза III) были обнаружены отдельные фрагменты металлических предметов. Несмотря на ограниченное количество, эти артефакты, изготовление и употребление которых, скорее

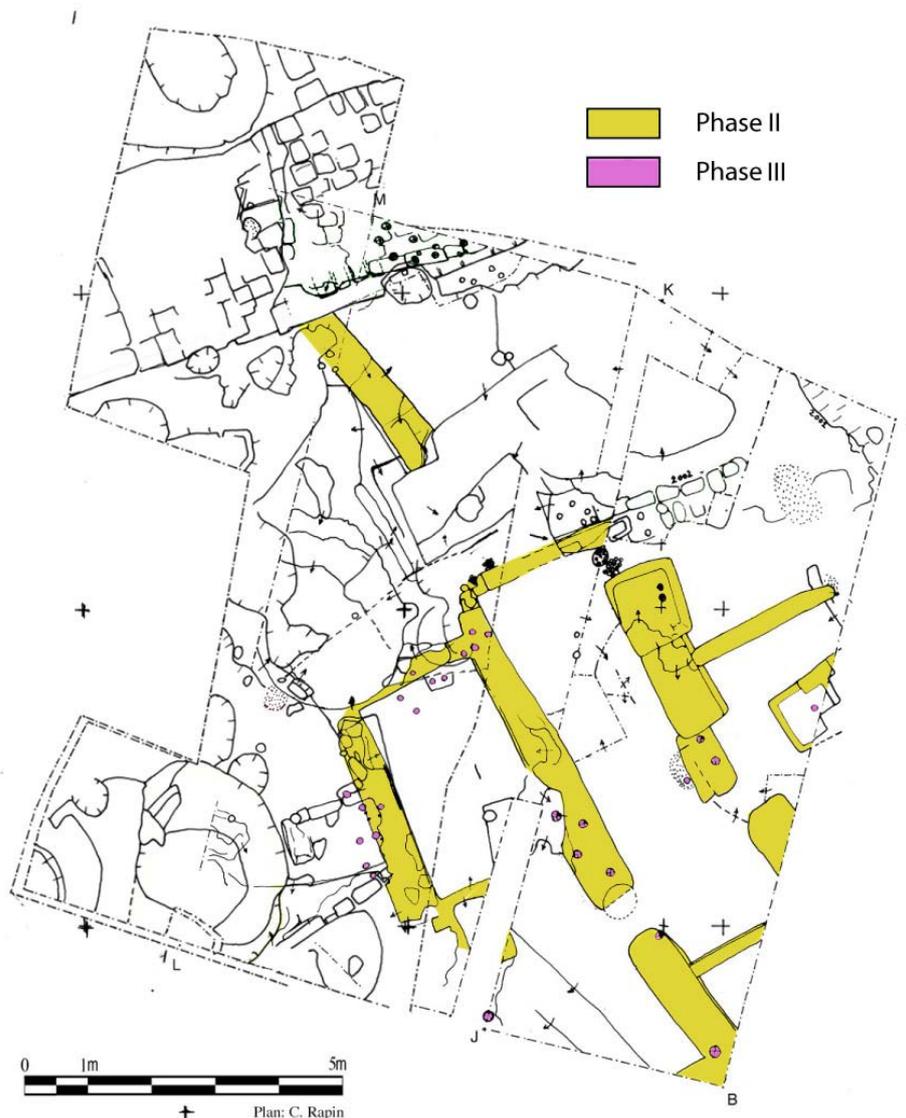

Рис. 5

всего, было ограничено домашним контекстом, являются на сегодняшний день единственными в своем роде, позволяющими характеризовать металлургическую продукцию раннежелезного века Согда.

В) Керамический комплекс:

Керамика, которая составляет основную часть находок, выявленных в ходе археологических работ, представлена фрагментами керамики исключительно лепного производства. Исследования на раскопе № 4 не только подтвердили предложенное ранее атрибутивное подобной керамики (Lyonnet, 2007; Lyonnet (dir.), в печати), но так же впервые показали наличие двух керамических комплексов в период КТ-I.

Наиболее ранний комплекс был выделен в уровнях, соответствующих двум первым стратиграфическим этапам (фазы I и II).

Самыми распространенными являются открытые сосуды, чьи стенки имеют различные формы: полусферические с утонченными или слегка уплощенными венчиками (рис. 6: 1-4); прямые с утонченными и уплощенными венчиками (рис. 6: 5-6, 9); прямые конические с утонченными или слегка отогнутыми венчиками (рис. 6: 7-8, 10) или же миниатюрные открытые вазы с полусферическими стенками.

У закрытых ваз имеются или вертикальные (рис. 6: 12, 13, 15) или слегка отогнутые борты (рис. 6: 11, 14, 16), скругленный венчик, утонченный или иногда утолщенный и, крайне редко, со слегка выделенной гранью (рис. 6: 17). Закрытые вазы со слегка отогнутым венчиком, иногда декорированы горизонтальным налепом, прямо на венчике, или же непосредственно под ним или округлым налепом на плечике (рис. 7: 9-10). В археологическом комплексе присутствуют также подставки и жаровни.

Большую часть этого комплекса составляют сосуды из тонкоотмученного теста с мелкими растительными или минеральными примесями. Тесто сосудов имеет окраску от розовато-бежевого до красного цвета, следы от обжига в виде пятен более темного оттенка. У закрытых ваз иногда заметны следы валиков и трещины от сушки. Стенки открытых ваз почти всегда заглажены или даже залощены с обеих сторон.

Роспись коричнево-красная, редко встречающаяся; в тех случаях, когда она присутствует, она отчетливая и сложная, «мазки тряпкой» редки. Декоративный набор, в основном, представлен треугольниками (рис. 7: 4) или горизонтальными, диагональными или пересекающимися полосами (рис. 7: 1, 2, 6-8). Открытые вазы наиболее многочисленны среди этой категории расписной посуды.

Имеется также группа сосудов из более грубого теста, диаметр примесей в котором достигает 3 мм. Эта малочисленная группа включает в себя сосуды закрытых форм, аналогичные по типу сосудам закрытых форм из тонкоотмученного теста, и крышки. Часть из них почернела внутри, что указывает на их принадлежность к кухонной посуде. Котлы в данном комплексе не обнаружены, так же крайне редки фрагменты сосудов, сформированных на матерчатом шаблоне.

Второй комплекс был выявлен в уровнях, соответствующих четырем последним стратиграфическим этапам (фазы с III по VI). Он характеризуется наличием тех же открытых и закрытых форм, что присутствуют в первом комплексе (рис. 8: 8-14), но с добавлением но-

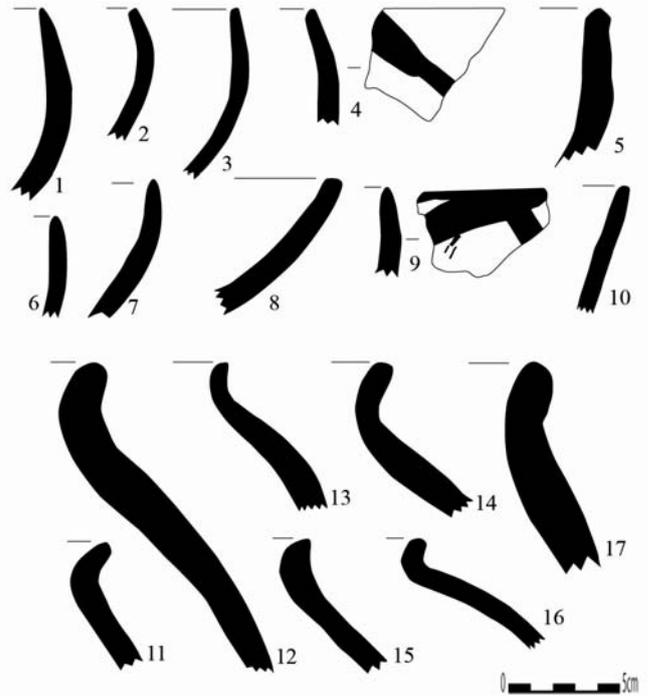

Рис. 6

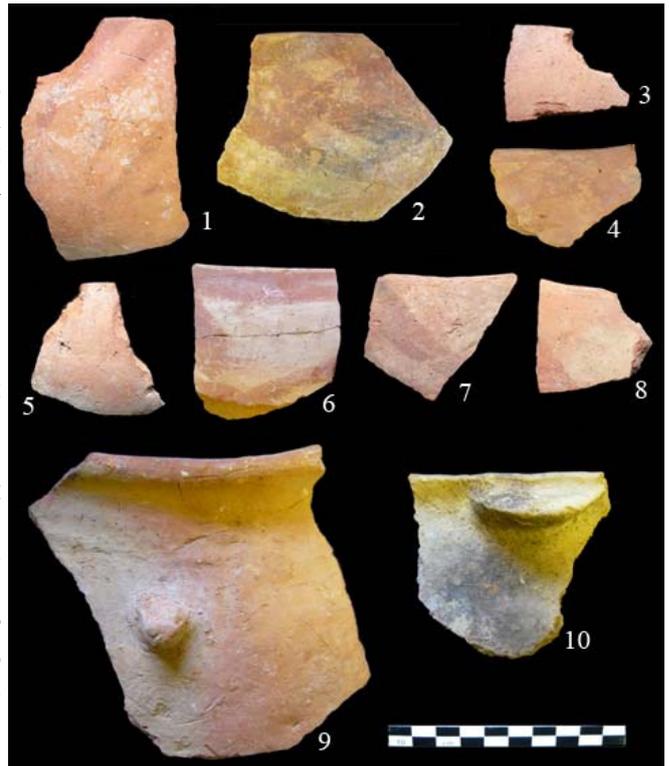

Рис. 7

вых вариаций. Так, здесь можно видеть росписи того же типа, но с количественным увеличением «мазков тряпкой». Обнаруживается так же большее число фрагментов сосудов с отпечатками матерчатого шаблона и, что наиболее важно, появляются котлы. Последние в основном имеют прямые или слегка отогнутые стенки и утолщенный венчик (рис. 8: 15-16, 20, 22);

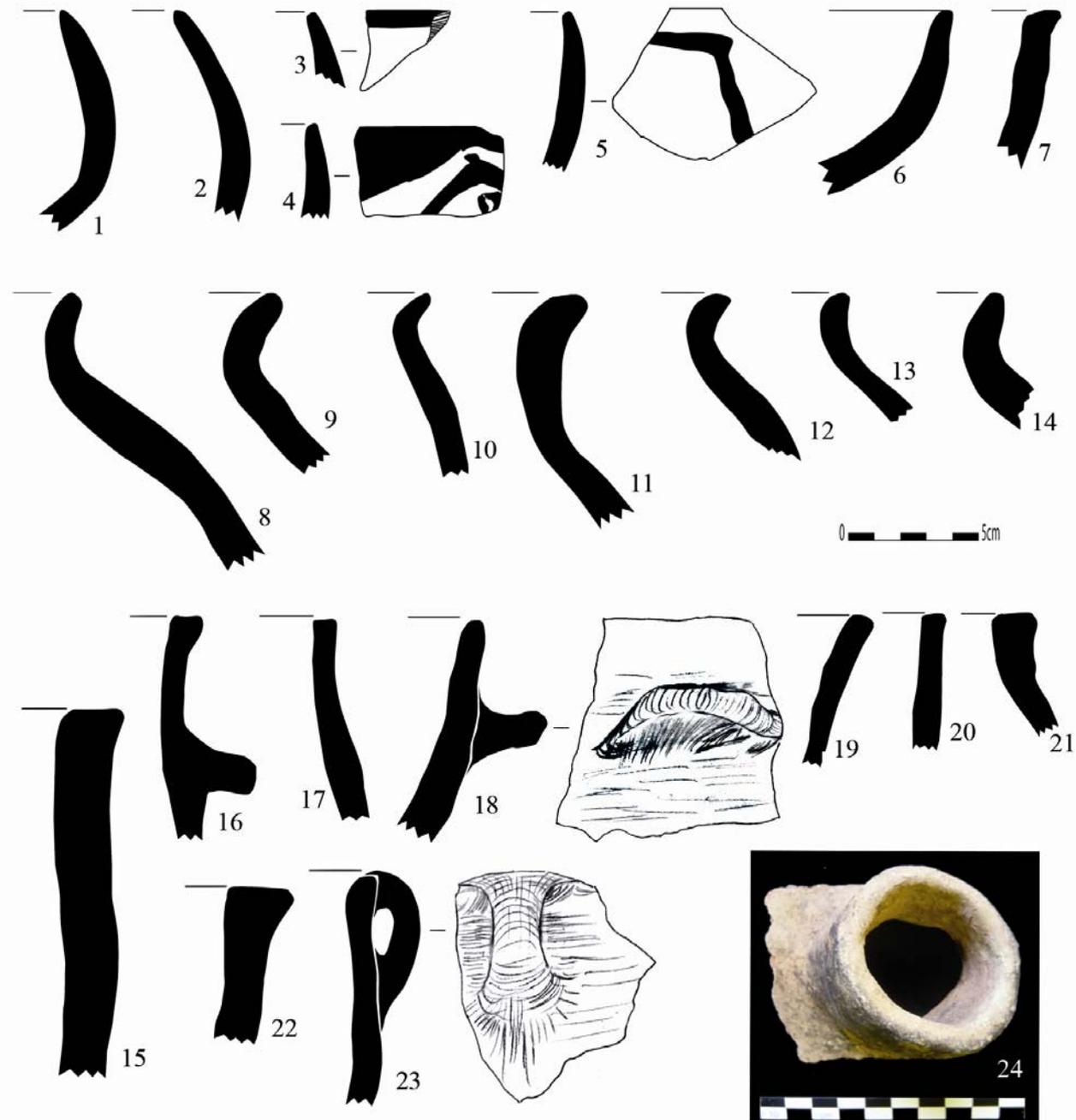

Рис. 8

однако ряд котлов имеет неутолщенный, уплощенный или вытянутый венчик (рис. 8, 18, 19, 23). Некоторые из них также имеют более или менее выделенную горловину, венчик может быть утолщенным, но не во всех случаях (рис. 8: 17, 21). На некоторых котлах присутствуют горизонтальные или дугообразные налепы в виде ручки или простые вертикальные ручки, начинающиеся прямо на венчике сосуда. Тесто сосудов более грубое по сравнению с керамикой фаз I-II, с крупной растительно-минеральной примесью.

Археологическими работами в СЗ части раскопа № 2 (рис. 1, В) было установлено при-

сутствие под уровнями КТ-II-III аналогичного керамического комплекса, включавшего в себя так же сосуды с трубчатым сливом «бургулюкского» типа (рис. 8: 24). Ниже этого комплекса встречены уровни, содержавшие керамику, похожую на керамику первого комплекса.

На основе анализа рассмотренного керамического материала представляется возможным сгруппировать три фазы обживания периода КТ-I в рамках двух больших субпериодов КТ-Ia и КТ-Ib (табл.):

- **первый субпериод КТ-Ia** характеризуется значительной фазой обживания, разделяющийся на два последовательных этапа (подфазы I.1,

Сравнительная таблица периодизации раннежелезного века.

Характер занятости	Фазы	Стратиграфия	Керамический комплекс	Субпериоды
Фаза обживания	I.1	Ямы	Комплекс 1	Коктепе Ia
	I.2	Пахсовая стена, кладка из плоско-выпуклых кирпичей, пол		
Фаза запустения	II	Запустение	Комплекс 2	Коктепе Ib
Фаза обживания	III	Стенка из пахсы, полуземлянки, ямы		
Фаза запустения	IV	Запустение		
Фаза обживания	V	Отверстия от столбов, обгорелый уровень		
Фаза запустения	VI	Запустение, переход к КТ-II		

I.2). Первый из них характеризуется комплексом ям, а второй определяется пахсовой архитектурой. Вслед за этими этапами обживания начинается период запустения (фаза II). Керамика этого субпериода в целом хорошего качества, с небольшой долей присутствия грубых форм;

- **второй субпериод КТ-Ib** включает в себя две основные фазы обживания. Первая (фаза III) характеризуется наличием полуземлянок, пахсовой архитектуры и больших ям. После периода запустения (фаза IV) начинается новый период обживания (фаза V) с наличием архитектурных конструкций с применением столбов. Керамика этого субпериода продолжает традиции предыдущего периода с появлением новых форм, в частности, при изготовлении котлов.

Этот период может быть датирован с большей точностью с привлечением радиоуглеродного анализа, проведенного параллельно в лаборатории CNRS в Жиф-сюр-Иветт и в лаборатории BetaAnalytic в Майами. Восемь проанализированных проб, калиброванных на 2 сигмы, дают дату для КТ-I между XIII в. и первой половиной VIII в. до н.э. Вместе с тем отметим, что отобранные для анализа образцы не соответствуют начальному этапу обживания и не могут быть приняты как определяющие абсолютный «возраст» городища.

Позиционирование Коктепе в археологическом контексте в пределах Согда и на территории, соответствующей современному Узбекистану в целом

На сегодняшний день с Коктепе в пределах центрального Согда в рассмотренном контексте может быть сопоставлен только один памятник – Джам-53, расположенный в долине

Зарафшана, в 60 км на Ю-З от Самарканда (Бердимуратов и др., 2006). Его обживание, начавшееся, по всей вероятности, в раннежелезном веке, продолжалось на протяжении всего этого периода. Несмотря на то, что археологические исследования не вскрыли на этом городище непеременных слоев типа КТ-I, здесь был идентифицирован коктепинский керамический комплекс. Вместе с тем отметим, что несмотря на то, что керамический материал Джама представлен в основном лепной керамикой, лишь малая его часть морфологически связана с формами лепной керамики периода КТ I², а именно чаши с полусферическими стенками и слегка утонченным венчиком (рис. 9: 8-9), а также закрытые вазы с приподнятым или расширяющимся венчиком (рис. 9: 1-6), иногда с дугообразными налечами, или с оруглыми налечами на плече (рис. 9: 7, 10). Закрытые формы, как представляется, имели более широкое распространение. Тесто довольно грубое, с включением минеральных отощителей средних размеров, с блестками слюды естественного происхождения, которая известна по образцам станковой керамики последующих периодов, хотя и в меньшем количестве. Толщина стенок, как правило, однородная, хотя следов тонкой отделки не отмечено. Некоторые из этих сосудов, особенно закрытых форм, сохранили коричнево-красную роспись по бежевому тесту, с темноватыми пятнами обжига. Кроме того, большое количество черепков содержит белые конкреции на поверхности, возможно скрывающие следы иного декора. Идентифицированные формы сходны с формами, известными по материалам Коктепе (см. рис. 6: 1-4, 6-8, 11-17; рис. 8: 1-5, 8-14), что свидетельствует о принадлежности Джама к той же

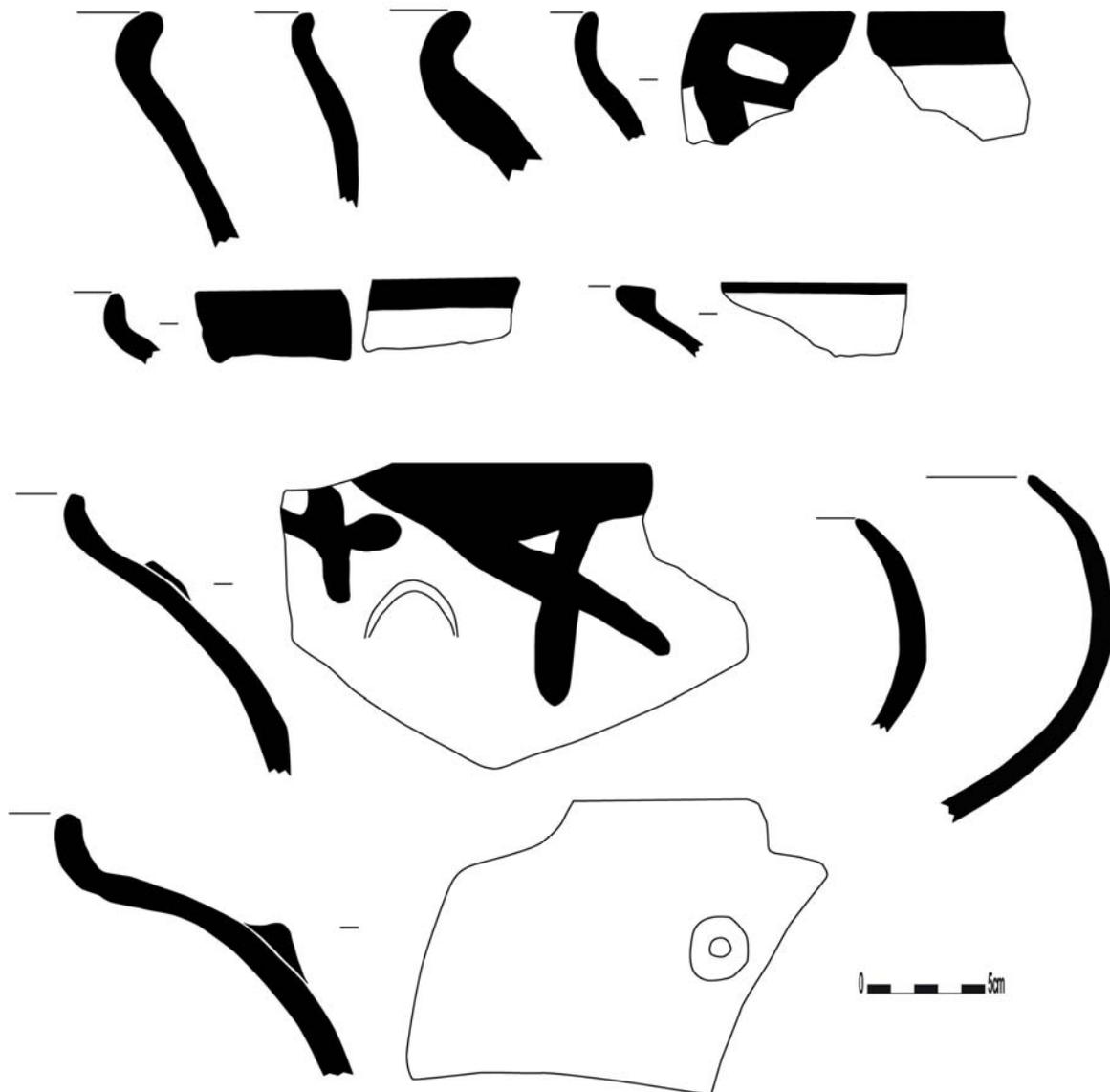

Рис. 9

культурной общности, однако малочисленность материала не позволяет сделать более точные выводы относительно периодизации данного памятника.

О наличие слоев эпохи раннежелезного века зафиксировано еще в нескольких небольших памятниках левобережья Зарафшана. Однако материалы этих памятников еще не опубликованы.

Материальную культуру периода Коктепе-I иногда относят к Бургулюкской культуре, выявленной, в основном, в Ташкентском оазисе на памятниках Туябугуза и Шаштепа (Дуке, 1982; Филанович, 1983). Керамика Туябугуза, как и других рассматриваемых здесь памятников раннежелезного века, лепная, с формировкой сосудов валиками или же на матерчатом шаблоне. Наиболее распространенными фор-

мами являются открытые вазы с полусферическими стенками, с прямым, или, чаще всего, с утонченным или слегка отогнутым венчиком. Так же отмечаются закрытые вазы с горловиной, с отогнутым венчиком или с полусферическим туловом и прямым венчиком; на них иногда отмечается налп, горизонтальная ручка и клювовидный слив. Тесто розовато-бежевое или серое, достаточно тонкоотмученное, с минеральным отощителем. На открытых и, гораздо реже, на закрытых вазах отмечаются следы внутреннего и внешнего лощения. Часто встречаются розовые или серые пятна от обжига. Часть из этих сосудов имеет красно-бордовую роспись с одной или обеих сторон геометрического мотива или «мазки тряпкой». Орнамент прост: линии и штрихи, широкие коричневые полосы и точки; внутреннее про-

странство образованных из этих элементов фигур почти всегда заполнено. Встречаются также котлы с горловиной и отогнутым/вытянутым венчиком; иногда они имеют трубчатый слив, горизонтальный налеп. Тесто этих котлов грубое, с минеральными отошителями и шамотом; роспись на них встречается крайне редко. Были найдены также и крышки котлов.

Керамические формы бургулюкской культуры достаточно близки керамическим формам Коктепе (Lhuillier, 2006). Особенно это сходство отмечается в открытых (рис. 6: 1-7) и закрытых формах (рис. 6: 8-14; рис. 8, 11-17), а также в закрытых формах с налепом (рис. 6: 16, 18) и котлах (рис. 8: 24). Наблюдается так же сходство в росписи, в частности, в простоте декора, в преобладании полностью закрашенных элементов орнамента и отсутствии узоров (в частности, параллельных насечек), заполняющих контуры орнаментальных фигур. Вместе с тем, наличие котлов и сосудов закрытых форм с трубчатым сливом находит параллели в

керамическом комплексе второго этапа КТ-I. Это последнее обстоятельство дает возможность синхронизировать два комплекса, которые вероятно были двумя вариантами единой культуры.

Таким образом, памятник Коктепе позволяет идентифицировать два хронологических этапа раннежелезного века. Наиболее древний комплекс (КТ-Ia) включает в себя высококачественную керамику, в то время как заключительный комплекс (КТ-Ib) характеризуется более грубой керамикой, в том числе и наличием котлов. Следует отметить, что эти два комплекса керамики Коктепе, идентифицированные лишь на небольшой площади, могли быть взаимопроницаемыми. В связи с этим, вышеизложенные положения носят гипотетический характер и должны быть проверены в сравнении с другими памятниками Согда и более того в рамках всей Средней Азии, в целом, с учетом особенностей развития каждого региона.

Примечания

¹ Авторы благодарят за перевод статьи с французского на русский Жюли Раевски и Анвара Атаходжаева, а также Светлану Горшенину за корректуру.

² Авторы приносят свою благодарность А. Бердимуратову и Б. Ронделли за предоставленную возможность изучить этот керамический материал.

Использованная литература

- Бердимуратов А.Э., Черосетти Б. [Cerasetti], Рахманов Ш.А., Ронделли Б.** Новый пункт культуры лепной расписной керамики в Зарафшанской долине // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. 2006.
- Дуке Х.И.** Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
- Филанович М.** Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
- Исамиддинов М.Х., Иваницкий И.Д., Хасанов М.Х.** Раскопки в северной части «культового комплекса» и в «резиденции правителя» городища Коктепе // Археологические исследования в Узбекистане 2002 год. Ташкент, 2003.
- Турбеков М.** Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на западном фесе Афрасиаба // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. 1979.
- Исамиддинов М.Х.** Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент. 2002.
- Lhuillier J.** *La culture de Burguljuk et ses implications chrono-culturelles dans le contexte centrasiatique de l'âge du Fer ancien (autour du Ier millénaire av. J.-C.)*, Mémoire de Master 2, 2005-2006, Université Paris I Panthéon-Sorbonne, sous la direction de S. Cleuziou et H.-P. Francfort (манускрипт). 2006.
- Lyonnet B.** Sogdiane, Chach et Fergana a la fin de l'âge du Bronze et a l'âge du Fer. Questions autour de la céramique // *The Role of Margilan City in the History of World Civilization*. Actes du colloque du jubilé de Margilan, Ouzbekistan, 2007. P.67-71.
- Lyonnet B.** (sous la direction de), *Céramiques de Sogdiane (18e s. av. n. u. – 12e s. de n.è.). Matériel des fouilles franco-ouzbek à Afrasiab (ancienne Samarcande) et Koktepe, 1989-2008* (в печати).
- Rapin C.** Nomads and the Shaping of Central Asia : from the early Iron Age to the Kushan period, *After Alexander: Central Asia Before Islam*, 23-25 Juin 2004, Themes in the History and Archaeology of Western Central Asia, *Proceedings of the British Academy* 133: 29-72. 2007

ИЗУЧЕНИЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ САНГИРТЕПА

Сангиртепа находится на территории селения Кумиртепа Китабского района Кашкадарьинской области¹. В результате археологических работ прослежены четыре строительных периода, охватывающие отрезок времени от раннего железного века до Ахеменидов. После непродолжительного периода запустения на этом месте был сооружен замок IV-V вв. Замок по своей круглой планировке, технике кладки и сопровождающему материалу находит аналогии в Джеты-асарской культуре. На руинах замка открыты четыре погребения. Сопровождающие материалы и обряд захоронения подтверждают тесные связи с Присырдарьинскими кочевыми народами². В одном из отсеков обводного коридора около башни в завале были обнаружены, лежащие в беспорядке человеческие кости. Вместе с антропологическими материалами найден уникальный оссуарий на ножках, который является пока самым ранним среди оссуариев такого типа на территории

Согда³. Для антропологического изучения пригодными оказались материалы, относящиеся к 11 индивидуумам. Результаты анализа следующие. Столь большое количество очищенных человеческих костей говорит о наличии науса на месте башни. Возможно, башни Хорезма, где обнаружены оссуарии, прототипы наусов Пенджикента. На некрополе Пенджикента ранний наус (V-VI вв.) был двухэтажным⁴.

Мужские черепа (табл. 1).

Череп 3 принадлежит мужчине 45-50 лет. Череп крупных размеров с довольно сильно выраженным наружным рельефом. Черепная коробка искусственно деформирована в области заднего отрезка сагиттального шва. Она известна как затылочно-теменная деформация и была широко распространена по всей Средней Азии среди городского, сельского и полукочевого населения. Черепная коробка сфероидной формы, продольный диаметр малых размеров, а поперечный – имеет максимальные значения.

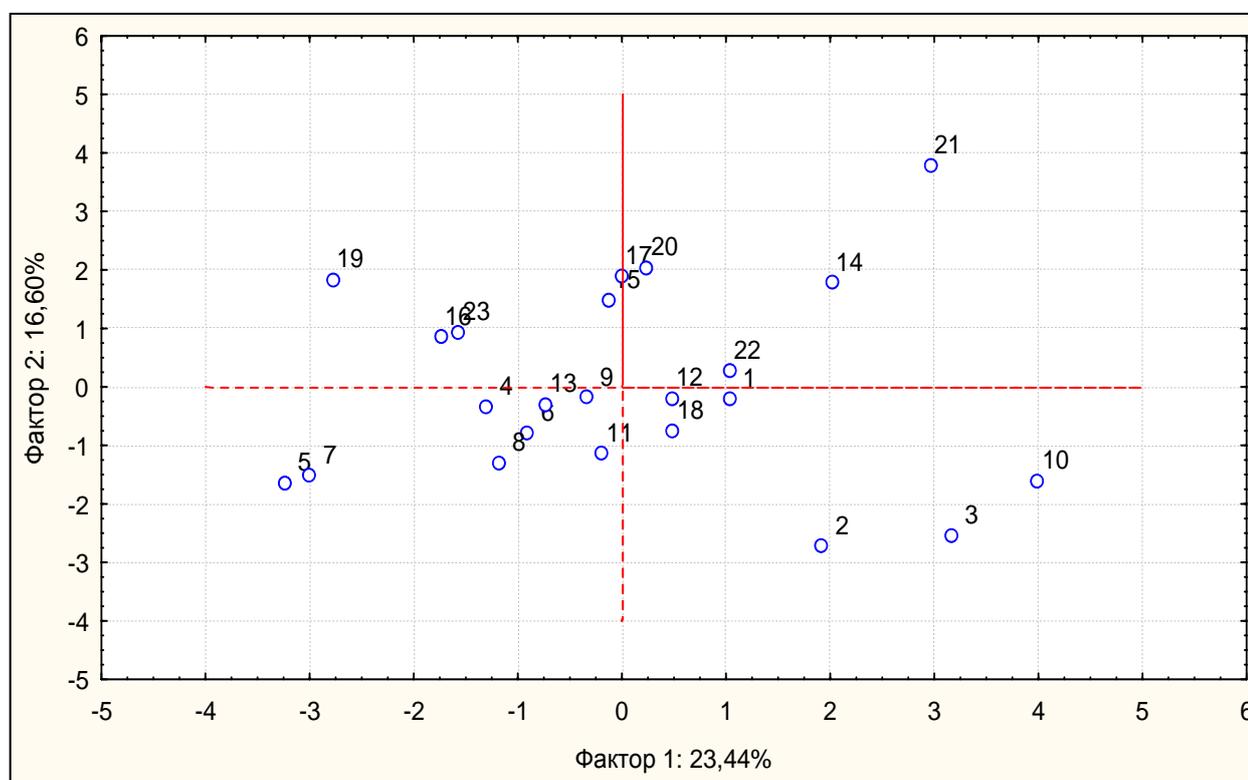

Рис. 1. Распределение мужских средневековых серий из Средней Азии в плоскости ГК I и ГК II. (Нумерация памятников – табл. 2).

Череп гипербрахикранный, что, вероятнее всего, является следствием искусственной деформации. Лоб широкий, средненаклонный, сильно профилирован в горизонтальной плоскости. Лицевая часть ортогнатная, широкая и средневысокая, по указателю мезопрозопная, сильно профилирована в горизонтальной плоскости. Нос средней ширины и высоты, по указателю мезоринный. Орбиты широкие, средневысокие и по указателю хамеконхные. Нижняя челюсть массивная, судя по угловой и мышечковой ширине, широкая. Череп европеоидный с комплексом признаков северного варианта расы Среднеазиатского междуречья.

Череп №8. Мужской череп 35-40 лет, не крупный, средних размеров с выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами, сосцевидным отростком и наружным затылочным бугром. Лицевая часть узкая и сравнительно высокая, лептопрозопная. Судя по назомаллярному углу, лицо сильно профилировано в горизонтальной плоскости. Нос широкий. Нижний край грушевидного отверстия сглаженный. Глубина клыковой ямки средняя. Череп характеризуется европеоидными особенностями. Он может быть отнесен к восточносредиземноморской расе с переходными чертами к расе Среднеазиатского междуречья, что характерно для населения центральных и южных областей Средней Азии эпохи поздней античности и раннего средневековья.

Череп № 6. Череп хорошей сохранности без нижней челюсти. Он принадлежит мужчине 40-50 лет со слабо выраженной затылочно-теменной деформацией. Череп овоидный, мезокранный с большими размерами горизонтальных и высотных диаметров мозговой коробки. Лоб прямой, сильно профилирован в горизонтальной плоскости, широкий со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, мезопрозопное при средней его ширине и высоте. Нос высокий и широкий, по указателю мезоринный. Угол выступа носа большой. Переносье и носовые кости, судя по дакриальному и симотическому указателям, резко выступающие. Орбиты широкие и средневысокие, по указателю хамеконхные. По морфологическим особенностям может быть отнесен к представителям восточносредиземноморской расы с переходными чертами к расе Среднеазиатского междуречья.

Женские черепа (табл. 2).

Череп №1 принадлежит женщине 30-40 лет. Череп сфероидной формы, брахикранный со слабой затылочно-теменной деформацией.

Лоб средней ширины и сильно профилирован в горизонтальной плоскости со слабо выраженным наружным рельефом. Лицо узкое, сильно профилировано в нижней ее части. Нос узкий. Орбиты средней ширины и высоты. Тип европеоидный.

Череп №5 принадлежит женщине 19-22 лет. Черепная коробка со следами затылочно-теменной деформации, сфероидной формы со слабо выраженным наружным рельефом. Лоб средней ширины и сильно профилирован в горизонтальной плоскости. Лицо визуально ортогнатное, средне широкое и высокое, по указателю лептопрозопное. Нос мезоринный. Глазницы средней высоты и широкие. Тип европеоидный.

Череп №7 принадлежит женщине 25-35 лет. Череп брахикранный, крупных размеров со слабо выраженным наружным рельефом, деформирован в затылочно-теменной области. Лоб очень широкий. Лицо широкое и высокое, по указателю мезопрозопное. Нос широкий. Орбиты средней высоты.

Череп №2 принадлежит женщине 25-30 лет. Череп плохой сохранности. Черепная коробка сфероидной формы с затылочно-теменной деформацией. Лоб очень широкий, плоский.

Челюсть №2 принадлежит женщине 20-25 лет. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти небольших размеров.

Нижняя челюсть, изолированная, принадлежит женщине 20-25 лет (в мешочке). Мышечковая и бигониальная ширина, а также наименьшая ширина ветви нижней челюсти исключительно малых размеров.

Череп №4 принадлежит ребенку 10-12 лет предположительно мужского пола. Единственное, что можно отметить, черепная коробка исключительно широкая, ультрабрахикранный. Не исключается затылочно-теменная деформация.

Верхняя челюсть принадлежит ребенку 2-4 лет.

Затылочная кость принадлежит ребенку 9-12 лет (Inf. II).

Фрагменты черепа принадлежат ребенку около 4 лет.

Измерения длинных костей:

(Femur) Бедренные кости (наибольшая длина) = 465 мм. **Рост (прижизненная длина тела) по методике Ролле – 172,0 см; по Л. Мануври – 169,7 см; по К. Пирсону и А. Ли – 169,6 см.**

(Femur) Левая бедренная кость = 420 мм.

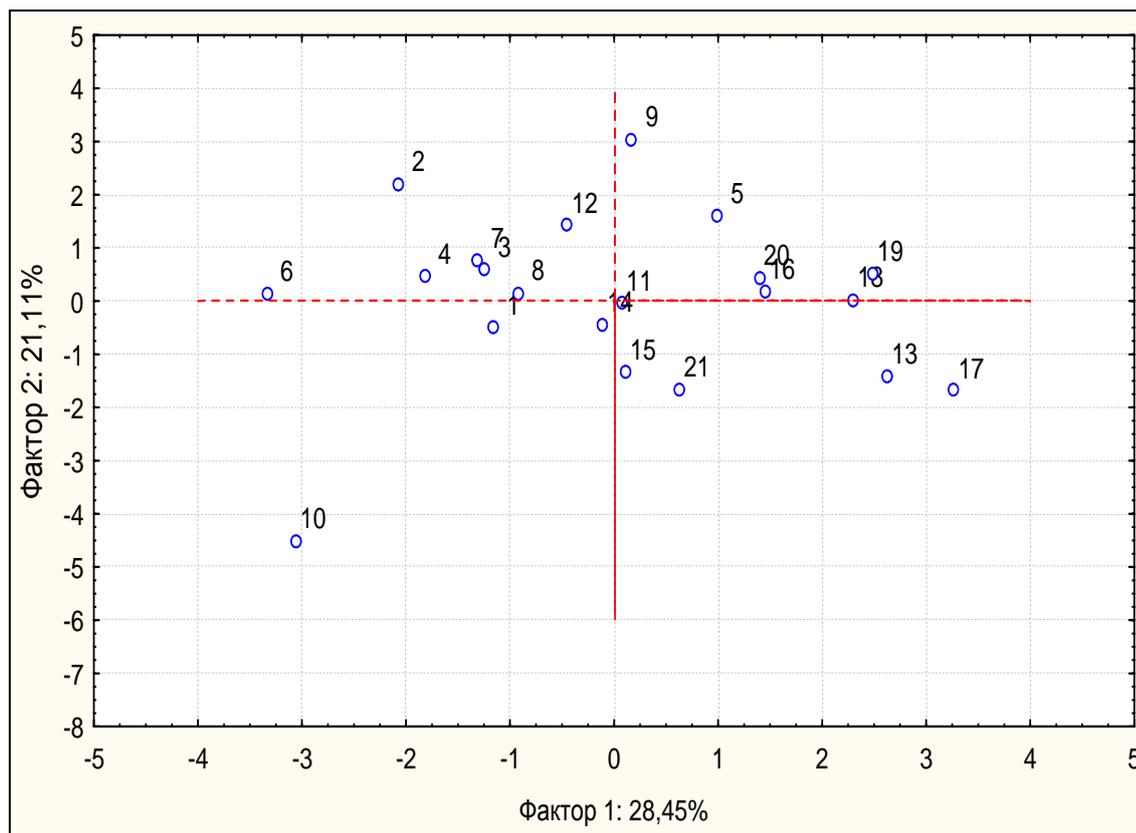

Рис. 2. Распределение женских средневековых серий из Средней Азии в плоскости ГК I и ГК II. (Нумерация памятников – табл. 5).

Рост: 156,0; 156,8; 152,6 см.

(Femur) Правая бедренная = 400 мм. **Рост: 150,0; 152,8; 148,8 см.**

(Humerus) Левая плечевая (наибольшая длина) = 320 мм. **Рост: 163,0; 165,4; 162,0 см.**

На представленных костях следов травм и переломов не обнаружено. Видимых следов дефектов костной пластины также нет.

Межгрупповой анализ черепов из Сангиртепа со средневековыми краниологическими сериями Средней Азии был проведен по следующему набору признаков: продольный диаметр (1 - № признака по Мартину), поперечный диаметр (8), высотный диаметр (17), скуловая ширина (45), верхняя высота лица (48), высота (52) и ширина орбиты от максиллофронтале

Таблица 3. Факторные нагрузки для мужских средневековых серий из Средней Азии в плоскости ГК I и ГК II.

№ по Мартину	Признаки	ГК 1	ГК 2
1	Продольный диаметр	-0,514004	0,240308
8	Поперечный диаметр	0,281205	-0,328472
17	Высотный диаметр от ba	-0,694828	-0,146393
45	Скуловой диаметр	-0,211558	-0,579006
48	Верхнелицевой диаметр	-0,683958	-0,447107
55	Высота носа	-0,358885	-0,763085
54	Ширина носа	-0,353365	-0,494670
51	Ширина орбиты от mf	-0,547840	-0,167579
52	Высота орбиты	-0,216146	-0,625388
77	Назомаллярный угол	0,178372	-0,346844
<ZM	Зигомаксиллярный угол	0,513898	-0,337681
SC	Симотическая хорда	-0,661905	0,456292
SS	Симотическая высота	-0,598622	0,414782
DC	Дакриальная хорда	-0,426970	0,072099
DS	Дакриальная высота	-0,493129	0,081149
75(1)	Угол выступания носа	-0,541562	0,246040
	Доля в общей дисперсии, %	23,44	16,6

Таблица 4. Индивидуальные размеры и указатели женских черепов из Сангиртепа

№ по Мар-тину	Происхождение	Череп №1 ST-08-/3- /016	Череп №5	Череп №7 ST- 08/3/024	Череп №2	Целюсть	изол. № н/ ч	Череп № 4	n	x	s
	Признаки										
1	Продольный диаметр	165	183	183	183				3	177,0	10,39
8	Поперечный диаметр	136	154	154					2	145,0	12,73
8\1	Черепной указатель	82,4	84,2	84,2				ультра	2	83,3	
17	Высогный диаметр от ba	144							1	144,0	
17\1	Высогно-продольный указатель	87,3							1	87,3	
17\8	Высогно-поперечный указатель	105,9							1	105,9	
9	Наим. лобный диаметр	92	93	99	101				4	96,3	4,43
10	Наиб. лобный диаметр	127	130	126	134				4	129,3	3,59
9\10	Лобный указатель	72,4							1	72,4	
40	Длина основания черепа	90							1	90,0	
11	Ширина основания черепа	111			119				2	115,0	
12	Ширина затылка	112							1	112,0	
45	Скуловой диаметр	114	123	128					3	121,7	7,09
48	Верхнеллцевой диаметр		69	69					2	69,0	
48\45	Верхнеллцевой указатель		56,1	53,9					2	55,0	1,56
43	Верхняя ширина лица	97	98						2	97,5	0,71
46	Средняя ширина лица	88	89						2	88,5	0,71
55	Высота носа		53	47					2	50,0	4,24
54	Ширина носа	22	24	28					3	24,7	3,06
54\55	Носовой указатель		45,3	59,6					2	52,5	10,11
51	Ширина орбиты от mf	39	43	41					3	41,0	2,00
52	Высота орбиты	33	35	33					3	33,7	1,15
52\51	Орбитный указатель от mf	84,6	81,4	80,5					3	82,2	2,17
20	Ушная высота	115							1	115,0	
	Указатель поперечного изгиба лба	24,2	20,4	20,6	11,1				4	19,1	5,60
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	128	136	135	155				4	138,5	11,56
	Назоярный указатель		18,3						1	18,3	
77	Назоярный угол		140						1	140,0	
	Зигмаксиллярный указатель	21,2	24,2						2	22,7	2,12
<ZM	Зигмаксиллярный угол	134	128						2	131,0	
	Глубина клыковой ямки, мм	5,5	2,5	4,1					3	4,0	

Форма черепной коробки	сфероид	сфероид	сфероид	сфероид	сфероид	сфероид 100%	
Надпереносье	2	2	1	2		4	1,8
Надбровные дуги	1	1	1	1		4	1,0
Наружный затылочный бугор	0	2		1		3	1,0
Сосцевидный отросток	1	1	1	2		4	1,3
Нижний край грушевидного отверстия	s.pr.	f.pr	ant			1	3,0
Передненосовая ось	1	2	3	2		4	1,8
Деформация : степень						4	100%
	Заг-тем	Заг-тем	Заг-тем	Заг-тем			
71a Наим. ширина ветви нижней челюсти					32	29	30,5
66 Бигониальная ширина						87	87,0
65 Мыщелковая ширина						105	105,0

Таблица 5. Межгрупповой анализ женских средневековых серий из Средней Азии

№ п/п	Серии /признаки	1	8	17	45	48	55	54	51	52	77	<ZM	75(1)
1	Сангиртепа	177,00	145,00	144,00	121,70	69,00	50,00	24,70	41,00	33,70	140,00	131,00	26,00
2	Куюкала, VI-VIII вв. (общая)	170,80	140,20	132,50	128,10	71,00	52,20	26,10	41,30	34,10	140,60	132,60	22,50
3	Миздахкан, VII-VIII вв. (р.2006)	171,00	136,70	137,00	127,50	70,70	51,30	26,70	40,50	33,00	142,00	127,00	24,30
4	Миздахкан, VII-VIII вв. (сум.)	173,30	134,40	134,20	125,70	69,30	52,40	25,50	42,40	34,70	139,80	127,80	27,10
5	Миздахкан, VII-VIII вв. (недеф.)	176,40	143,10	132,30	128,40	67,10	49,20	24,60	42,10	32,50	143,30	128,60	28,50
6	Миздахкан, VII-VIII вв. (деф.)	172,00	131,80	134,80	125,20	70,10	51,70	26,00	42,60	38,60	138,50	127,70	26,00
7	Токкала, VII-VIII вв.(сум)	174,70	142,90	131,60	125,60	69,90	51,40	25,20	42,70	35,00	140,30	125,80	27,20
8	Токкала, вт.пол. VIII-X вв.(недеф.)	174,00	136,90	132,60	127,00	67,80	51,10	25,00	42,40	34,70	137,10	126,10	26,60
9	Токкала, вт.пол. VIII-X вв.(деф.)	164,70	155,50	133,00	131,80	68,60	51,40	23,60	42,80	34,40	140,70	128,00	28,20
10	Кубатау, V-VIII вв.	170,30	136,00	140,00	121,00	75,00	51,50	23,00	41,60	35,50	124,00	123,00	26,00
11	Калалыгыр, II-III вв.	175,80	141,00	130,70	126,10	68,80	51,80	24,90	40,70	33,10	140,90	123,50	25,50
12	Беркуткала, VIII-X вв.	177,50	146,50	136,50	130,00	70,00	52,00	25,20	42,70	33,30	140,00	127,00	33,70
13	Наринджанбаба, IX-XI вв.	173,00	140,70	134,50	124,50	68,40	47,30	23,80	39,00	30,80	138,30	126,00	31,00
14	Древний Мерв, V-VIII вв.	173,00	137,80	137,00	125,80	69,40	50,50	23,90	40,70	34,10	142,10	126,30	27,20
15	Байрамали, IV-VI вв.	177,40	135,60	131,30	123,40	69,70	50,70	24,60	41,10	33,00	138,00	124,10	30,40
16	Кафыркала, VI вв.	172,00	140,00	131,50	129,50	68,00	48,50	24,00	40,30	33,20	139,00	126,10	27,20
17	Пенджикент, наусы, VII-VIII вв.	173,00	137,50	135,00	126,90	63,70	46,70	22,50	38,90	33,30	139,00	124,00	27,20
18	Дашти Урдакон, VII-VIII вв.	171,10	141,90	132,50	124,30	65,60	47,30	24,70	40,10	32,10	141,30	126,80	29,40
19	Қахқаха II, VII-IX вв.	168,90	139,30	131,70	128,70	65,90	47,10	23,50	40,70	33,00	141,50	126,80	29,40
20	Қарши, V-VI вв.	172,00	140,00	131,50	131,30	68,00	48,50	24,00	40,30	33,20	138,80	126,10	25,60
21	Ангрен, V-VI вв.	175,50	133,30	135,50	126,90	68,00	47,00	25,00	41,10	32,50	134,50	124,70	26,00

Таблица 6. Факторные нагрузки для женских средневековых серий из Средней Азии в плоскости ГК I и ГК II.

№ по Мартину	Признаки	ГК I	ГК 2
1	Продольный диаметр	-0,042651	-0,209197
8	Поперечный диаметр	0,215734	0,569743
17	Высотный диаметр от ba	-0,361767	-0,410909
45	Скуловой диаметр	0,316193	0,711789
48	Верхнелицевой диаметр	-0,823446	-0,217730
55	Высота носа	-0,851832	0,282793
54	Ширина носа	-0,564257	0,423782
51	Ширина орбиты от mf	-0,683730	0,413220
52	Высота орбиты	-0,763588	0,021678
77	Назональный угол	0,330470	0,767964
<ZM	Зигмаксиллярный угол	-0,253858	0,649146
75(1)	Угол выступания носа	0,434516	0,012103
	Доля в общей дисперсии, %	28,45	21,11

(51), высота (55) и ширина (54) носа, симметрическая хорда (SC) и высота (SS), дакриальная хорда (DC) и высота (DS), назональный угол (77), зигмаксиллярный угол (<ZM) и угол выступания носа (75(1)).

Суммарно два главных компонента (ГК) описывают 40,4% изменчивости. ГК I описывает 23,4% изменчивости и испытывает отрицательные нагрузки со стороны таких признаков как высотный диаметр черепа и высоты лица. ГК II описывает 16,6% изменчивости и отрицательные нагрузки падают на высоту носа и орбиты (табл. 3, 4, рис. 1). В правой части графика компактно располагаются серии из Сангиртепа, Хорезма эпохи античности (Калалыгыр 1 и 2) (Трофимова, 1959), а также раннесредневековые серии из Самаркандского Согда (наусы Пенджикента) (Гинзбург, 1953) и Уструшаны (Шахристан II - Каахка) (Кияткина, 1961) с низким сводом черепа и небольшими размерами высоты лица. Рядом с этой группой располагаются два «сгустка», в одной из которых сгруппировались раннесредневековые серии из Хорезмского оазиса (Миздахкан, Токкала и Беркуткала) (Ягодин, Ходжайов, 1972; Рысиназаров, 1965; Ходжайов, 1973; Залкинд, 1952; Трофимова, 1959а). Другой «сгусток» сосредоточил в себе серии с относительно низкой высотой носа и глазниц раннесредневекового периода из Иштыханского оссуарного некрополя (Пугаченкова, 1989; Ходжайов, 1987) и Кафыркалы из-под Самарканда (Зезенкова, 1965).

Большинство женских черепов, как и мужских, сосредоточено в центре графика. Сум-

марно два главных компонента описывают 49,5% изменчивости. ГК I описывает 28,4% изменчивости и испытывает отрицательные нагрузки высоты лица, носа и орбиты. ГК II описывает 21,1% и положительные – по высоте лица и назональному углу (табл. 5, 6, рис. 2).

Женская группа из Сангиртепа находится в центре поля вместе с группами из Южного Приаралья, в первую очередь, со средневековыми сериями из афригидского Хорезма (Миздахкан, VII-VIII вв., Беркуткала, VIII-X вв.), а также с сериями из владения Кердер (Токкала, VII-VIII вв. и VIII-X вв.) правобережья дельты Амударьи.

Таким образом, небольшая серия из Сангиртепа по своему морфологическому составу характеризуется, в основном, чертами восточно-средиземноморской расы с переходными к расе Среднеазиатского междуречья. С одной стороны, она тяготеет к земледельческому населению афригидского Хорезма, с другой - городскому населению Центрального Согда. В эпоху поздней античности и, особенно в раннем средневековье отмечается большая гомогенность антропологического состава населения Средней Азии, что является результатом метисации местного оседлого населения с пришлым. Анализ имеющегося антропологического материала позволяет сделать заключение о том, что процесс гомогенизации протекает в земледельческих оазисах Согда, Хорезма, Тохаристана и Уструшаны, население которых характеризуется морфологическими особенностями расы Среднеазиатского междуречья.

Примечания

¹ Крашенинникова Н.И. Работы в Китабском и Шахрисябзском районах //АО-1981 г. М., 1983; Древнеземледельческий оазис Южного Согда //АО -1984 г. М., 1986; Работы в Китабе //АО-1982 г. М., 1984.

² Хасанов М. К обряду захоронения земледельцев Согда в V-VI вв. (По материалам Сангиртепа) // Культура номадов Центральной Азии. Материалы международной конференции. Самарканд, 22-24 ноября 2007 г. Самарканд, 2008.

³ Статья в печати.

⁴ Ставиский Б.И., Большаков.

Использованная литература

Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда // Материалы и исследования по археологии СССР. № 37. 1953.

Залкинд Н.Г. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции. Т. 1. М., 1952.

Зезенкова В.Я. Черепа с городища Кафыркала под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965.

Кияткина Т.П. Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II) // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 1 (24). 1961.

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.

Рысназаров Н. Черепа из могильника Ток-Кала (Каракалпакская АССР) // Советская этнография. №2. 1965.

Трофимова Т.А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 2. М., 1959.

Трофимова Т.А. Черепа эпохи средневековья из Беркут-Калинского оазиса // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 2. М., 1959а.

Ходжайов Т.К. К антропологии населения Токкалы (древний Дарсан) // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1974.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент, 1987.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Казим Абдуллаев

БАКТРИЙСКИЙ КАТАФРАКТАРИЙ

(к вопросу о конном и пешем воинстве Бактрии в античную эпоху)

Проблема вооружения античной Бактрии затрагивалась в исторической литературе неоднократно¹, однако многие аспекты этой проблемы остаются до настоящего времени не совсем раскрытыми. Существенно дополняет наши представления о вооружении этого региона изучение предметов изобразительного искусства со сценами, несущими определенную информацию по вооружению и манере ведения боя. Так, например, открытие и изучение халчаянского комплекса позволило поставить вопрос о роли панцирного вооружения и места катафрактариев в военном деле древних бактрийцев (Пугаченкова, 1971; 1977; 1987; С.253-267). Наряду с этим стало возможным включение данного региона в ареал, где используется такой вид вооружения, как катафрактарий, следует напомнить, что приоритетными в этом отношении до открытия скульптуры Халчаяна оставались области Хорезма и Парфии².

До недавнего времени основным исследованием, посвященным изучению вооружения и военного дела античной Бактрии, оставалась работа Тарна, устаревшая, однако не утратившая актуальности по многим вопросам, включая подробный анализ письменных источников (Tarn, 1930; Robinson, 1967). Между тем за последние десятилетия накопился достаточный материал, позволяющий воссоздать картину бактрийского вооружения, его характер и, в некоторой степени, структуру бактрийской армии эллинистического и постэллинистического периодов. В первую очередь следует упомянуть находки глиняной скульптуры с изображениями воинов в полном облачении, иногда в момент ведения боя. Находки образцов коропластического искусства демонстрируют образы воинов, по всей вероятности, наиболее четко запечатленных в сознании народных мастеров. Для анализа вооружения остались не до конца освещенными и данные монетной иконографии, в особенности это относится к периоду крушения греко-бактрийского царства и возникновения на территории Средней Азии ряда кочевых консолидаций. Наконец, изучение нумизматических источников позволяет в

некоторой мере наметить маршруты движений панцирного вооружения от среднеазиатских регионов по другим направлениям. Таким образом, основным источником по изучению вооружения на данном этапе служат археологические находки в виде остатков оружия или доспехов либо памятники изобразительного искусства, демонстрирующие более полную картину снаряжения.

В настоящей статье предпринята попытка привлечь все виды источников для того, чтобы обрисовать хотя бы в общих чертах картину эволюции военного дела Бактрии в античную эпоху. Ограниченность объема работы не дает возможности более детального описания и всестороннего сравнительного анализа, например, всего античного мира или даже соседних культурных регионов. Тем не менее, даже привлеченный нами материал позволяет говорить о ведущей роли народов, населявших территории среднеазиатских стран в достижениях военной техники античного периода.

О снаряжении бактрийских воинов упоминает Геродот при описании армии Ксеркса накануне сражения с греческим войском (Геродот, VII, 64); бактрийцы, по словам Геродота были в головных уборах, как и мидийцы, у них были туземные луки из камыша и короткие копья. Бактрийцами и саками командовал брат Ксеркса Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира. Упоминание о бактрийцах мы встречаем впоследствии в далекой от Средней Азии Фессалии, когда наряду с другими отборными отрядами персидской армии полководец Мардоний выделяет воинов (как пеших, так и конных) из Бактрии (Геродот, VIII, 113). Далее источники, скорее всего, легендарного характера, повествуют о Бактрах как о сильно укрепленном городе с мощным акрополем, а о самих же бактрийцах как о мужественных воинах, обративших в бегство ассирийское войско Нина (Ктесий по Диодору и Арнобию, 4, 6.1).

Бактрийцы во главе с сатрапом бактрийской земли Бессом принимают непосредственное участие в решающей битве персидского царя Дария III с войском Александра Македонского (при

Гавгамелах). По расположению войска, как передает Арриан со слов Аристобула, бактрийская конница занимала левое крыло вместе с дахами и арахотами (Арриан, III, 8,3). Интересно в данном случае упоминание "бактрийской конницы" как особой единицы. Впоследствии, после разгрома персидской армии "бактрийская конница" сохраняет свою боеспособность и имеет внушительную политическую силу. Вспомним, например, как она поддержала Бесса и провозгласила его начальником после пленения царя Дария (Арриан, III, 21,4). По словам того же Арриана, перед походом в Индию и после разгрома остатков повстанческих сил Александр зачисляет "конных бактрийцев, согдов, арахотов, зарангов, ариев, парфян, а из персов так называемых эваков по лохам в конницу" друзей (Арриан, VII, 6, 3).

Однако нет достаточных оснований говорить о "бактрийской коннице" как об армии как таковой. До определенного момента бактрийские воины, скорее всего, мобилизовались от сатрапии как представители, зависимые от центральной власти царя. Нельзя также исключить возможность, что формировались эти подразделения из представителей местной знати (всадников), которые должны были подчиняться сатрапу как верховному административному и военному лицу. Во всяком случае, пример того, что "бактрийская конница" поддержала Бесса, может свидетельствовать о том, что сатрап Бактрии выражал, по всей очевидности, интересы той прослойки, которая представляла военную силу. Подобные "бактрийской коннице" отряды укомплектовывались в подразделения, которыми командовал назначенный царем полководец, как правило, его родственник или особо приближенное лицо; диспозицию этих подразделений в плане ведения боя определял также главнокомандующий. Вассальный характер бактрийского воинства продолжает оставаться и в последующий после смерти Александра период, когда области Согда и Бактрии попадают под власть династии селевкидов до их полного отпадения от селевкидской державы в середине III в. до н.э.

Упоминание о бактрийских воинах мы встречаем в период, предшествовавший селевкидскому царству. Так, Диодор Сицилийский, описывая войска, собиравшиеся по приказу Эвмена в Сузиане, упоминает и бактрийцев, имевших 1 500 пехотинцев и 1 000 всадников, которые приводит Стасанор из Сол, ставший после второго передела (321 г. до н.э.) сатрапом Бактрии и Согдианы (Diod, XIX, 13-14).

Об организации селевкидской армии можно

судить по дошедшим до нас свидетельствам ряда античных авторов, наиболее значительными из которых являются Полибий, Аппиан, Тит Ливий. Из отрывков самыми ценными для нас представляются строки, посвященные описанию войска в битве при Рафии (Polib, V, 79), Магнесии (App., Syr., 32 = Liv., XXXVII, 40) и смотра при Дафне (Polib., XXXI, 3); эти данные дополняются разрозненными короткими фрагментами других сообщений (Polib., V, 53, XVI, 18; App., Syr., 17 = Liv., XXXVI, 18; Zonar, IX, 20, 5). Не останавливаясь подробно на анализе селевкидской армии, следует отметить, что существенное количество составляли бесчисленные туземные контингенты, «вооруженные по образцу пельтастов» (Tarn, 1930; Robinson, 1967). Например, дахи, кармании и киликийцы были вооружены, по Полибию (V, 79, 3), по образцу легких войск. Линейная пехота (Антиоха III) селевкидской армии состояла из наемных воинов - греческих гоплитов, а также варваров. Пельтасты, которых Полибий называет "проворными", вооружены были небольшими деревянными щитами, копьем и мечом, и составляли основное ядро легкой пехоты. Наряду с ними были и специально обученные войска - стрелки из лука, пращники, солдаты, вооруженные короткими метательными копьями (Бикерман, 1985. С. 55). Отсутствие в такой разноликой армии селевкидского царя воинов из Бактрии объясняется, по всей вероятности, завоеванием этой страной независимости и образованием здесь независимого Греко-бактрийского государства.

Пожалуй, с этого момента можно говорить о бактрийской армии как таковой, ибо с образованием самостоятельного государства она становится его неперемнным атрибутом. Однако с этого же момента исторические источники, свидетельствующие об этой армии, становятся все незначительнее и скуднее. Известно лишь сражение между Антиохом III во время его восточного похода с греко-бактрийским царем Евтидемом. Тот же Полибий сообщает: «Когда пришло известие, что Евтидем с войском находится в Тапурии, а десять тысяч конницы (бактрийской - К.А.) стоят впереди и занимают переправы через реку Арий, Антиох решил снять осаду и отдался ближайшему делу... (Он) двинулся дальше ночью еще более ускоренным ходом. По его сведениям, неприятельская конница днем стояла на страже на берегу реки, а ночью удалялась в некий город, лежавший на расстоянии не меньше 20 стадий. Дорога шла по равнине и была удобна для конницы, и поэтому Антиох успел переправить через реку большую часть войска. Изве-

ценная разведчиками о случившемся, бактрийская конница устремилась на место происшествия и ударила на врагов... Антиох пошел на встречу бактрийцам и принудил бактрийцев, нападавших нестройной толпой, бежать во весь опор, причем большая часть их войск была истреблена. По окончании битвы Евтидем с сокрушенным сердцем во главе войска укрылся в городе Зариаспе» (Бактрах - К.А.)... (X. 49). Однако, несмотря на поражение, Евтидем сохраняет свой титул благодаря своему дипломатическому таланту. Покидая Бактрию на пути в Индию селевкидский царь забирает, кроме "обильного" припаса продовольствия также и слонов Евтидема (XI.34). Одна из Вавилонских клинописных табличек гласит, что в 273 г. до н.э. сатрап Бактрии отдал в качестве контрибуции 20 боевых слонов военным силам Антиоха.³ Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о наличии большого количества этого вооружения в бактрийской армии, а с другой стороны, это один из наглядных примеров того, как Селевкиды ослабляли свои границы в дальней Азии, в надежде поправить свои дела на западе. При описании военных действий источник не упоминает об этих животных, как о боевых единицах, используемых греко-бактрийскими царями, тем не менее применение боевых слонов в бактрийской армии как тяжелой наступательной силы не вызывает каких-либо сомнений⁴. Здесь можно было бы привести имеющиеся данные по разделению войска из Мелинда-пандхья, в которой говорится о четырехчастном войске, переходящем реку, "вода, потревоженная слонами и конницей, колесницами и лучниками загрязняется" (Милинда-пандхья, кн. II, гл. 1, 10). К.В. Тревер связывает, например, четырех-частное деление войска с названием изобретенной в Индии игры в шахматы - чатуранга, что по-санскритски означает "четырёх-частное" войско (Тревер, 1940. С. 17, прим. б).

Внешний облик боевых слонов наглядно передают серебряные фалары из Государственного Эрмитажа, атрибутированные как произведения бактрийских торовтов (Тревер, 1940. С.45-48, таб. 1, 2, 5). С бактрийским изобразительным комплексом связывается, в частности, форма шлема одного из воинов, спрятавшегося в башенке, подобный шлем можно видеть на аверсах монет греко-бактрийского царя Евкратиды и ряда последующих правителей. Интересна форма водруженной на слона башни, явно имитирующей элементы эллинистической фортификации Бактрии с прямоугольными выступающими башнями и стреловидными бойницами. Трудно судить,

являлись ли они реальными элементами сооружения, т.е. несли ли они определенные функции или служили лишь декоративным оформлением. На фаларах число сражающихся в башне воинов равно двум, хотя подобная бронированная конструкция вмещала, по всей вероятности, большее количество людей⁵. Наиболее уязвимым в данной сцене представляется полуобнаженная фигура карнака, судя по изображению, ничем не защищенная, функция которого заключалась не только в управлении боевым слоном, но также в случае поражения нанести ему смертельный удар в мозжечок своим анком, чтобы слон не достался врагу. Не совсем ясным остается вопрос диспозиции боевых слонов во время сражения. Возможно, что они располагались в арьергарде и в нужный момент переходили в атаку (Тревер, 1940. С.47). Например, в рассказе Ктесия в передаче Фотия (IX в. н.э.) о походе персидского царя Кира против племени дербиков, во главе которых стоял царь Аморея⁶, последние в решающий момент выводят слонов из засады, повлияв, таким образом, на исход битвы в свою пользу (Пьянков, 1975. С.91). Однако в целом диспозиция этой единицы зависела полностью от тактических расчетов полководцев. Антиох III во время битвы близ Пании вместе с гипаспистами и гетайрами размещается в тылу слонов (Pol. XVI, 18, 7), в другой раз в промежутки между боевыми слонами он помещает стрелков из лука и пращников (Pol. XVI, 18, 7).

Таким образом, слоны как боевая единица, примененные царем Дарием против Александра Македонского, впоследствии были включены в состав армии Александра, затем мы их встречаем как в войске селевкидского государства, так и в составе армии греко-бактрийских царей. Успешные походы последних на Индию (Деметрий, Евкратид) не только увеличивают количество боевых слонов, но и совершенствуют их боевые качества. Следует заметить, что слоны применялись в боевых операциях еще сравнительно до недавнего времени в афганской армии (Массон, Рамодин, 1964), а многочисленные находки терракотовых статуэток этих животных в древних слоях городищ и поселений свидетельствуют о его популярности и значении не только в военное время, но и в повседневной жизни древнего населения (Абдуллаев, Аннаев, 1986. С. 46-49).

Исключительно скудными данными письменных источников располагают исследователи по вопросу вооружения инфантерии античной Бактрии. Однако благодаря археологическим находкам удается в некоторой степени восполнить

этот пробел. Так, при изучении античного памятника Кампыртепа, расположенного на юге Узбекистана в 30 км к западу от Термеза на высокой террасе Амударьи, были найдены терракотовые изображения с фигурами воинов, на анализе которых хотелось бы остановиться поподробнее.

Но прежде чем приступить к описанию объектов, вкратце остановимся на характере самого памятника. В процессе раскопок было установлено назначение данного памятника в древнее время как переправы через реку Окс. Кампыртепа интерпретируется исследователями как упоминавшееся в источниках поселение Пардагви или Бардагуй Хафиза Абру - средневекового писателя (Ртвеладзе, 1977). Керамический материал нижнего слоя этого памятника включает фрагменты "рыбных блюд" с клювовидным венчиком, которые датируются III-II вв. до н.э. Нумизматический материал Кампыртепа указывает на угасание жизни на памятнике после правления Канишки I, верхний горизонт на цитадели датируется монетами Кадфиза II и Канишки I, предполагаемое возведение стен цитадели относятся ко времени Сотер Мегаса (Ртвеладзе, 1977. С. 185).⁷ Нижний хронологический рубеж Кампыртепа по тем же нумизматическим данным падает на селевкидский период, о чем свидетельствуют находки монет Антиоха I (халк, дихалк), хотя найдены они в переотложенном виде (Ртвеладзе, 1989, С.47-48).

О греко-бактрийском периоде говорит также ряд находок коропластического искусства, которым были посвящены отдельные публикации и сообщения (Савчук, 1984. С. 39-41; Савчук, 1987; Савчук, Малькеева, 1989). Наиболее интересным для нас представляется терракотовая плитка с изображением воина, найденная на цитадели (Kulture and Art...1991, №125; Nikonov, Savchuk, 1992). Изображение выполнено в невысоком рельефе на плитке, имеющей в верхней части форму арки (рис. 1). Фигура повернута вправо; голова дана в профиль, между тем как корпус показан в фас. В левой руке большой округлой формы щит с рельефным изображением пучка молний - символ разящего Зевса. На голове воина шлем с высоким шишаком, от которого вниз следует длинная орнаментальная лента, передающая хвост. В правой, согнутой в локте руке - короткий меч ромбовидной формы типа греческого ксифоса. Торс воина забронирован в сплошной мускульный панцирь типа торакса. Нижняя часть доспеха, отделенная двумя рельефными линиями, показана двумя рядами пластин: коротких в верхней части и длинных внизу, пришитых, по всей видимости, на матерча-

тую или же кожаную основу. Пластинчатая юбка - набедренник (птериги) доходит примерно до колен. Ноги защищены поножами (кнемиды). На груди рельефная полоска треугольной формы, передающей, скорее всего плащ - гиматий, закинутый назад.⁸

Все атрибуты изображения свидетельствуют в пользу того, что это фигура тяжеловооруженного пешего воина, каковыми являлись, например, гоплиты. Первые издатели этой находки, опубликовавшие ее без комментария, атрибутировали изображение как "кушанский воин I-II вв. н.э." - (Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986. С. 41). Г.А. Пугаченкова уделившая должное внимание анализу данного образца, справедливо отметила, что толкование его как изображения "кушанского воина" вызывает возражение, при этом назвала этого воина "римским" (Пугаченкова, 1989. С. 55-57). Несомненным остается тот факт, что рельеф, несмотря на несколько огрубленную манеру передачи, относится к более раннему периоду и воспроизводит, на наш взгляд, реалии греко-бактрийской военной среды.⁹ Хотелось бы остановиться на некоторых спорных деталях изображения. Вызывает, в частности, возражение наличие арки "сохранившейся лишь слева" - далее, - отмечает автор, - она при оттиске смята" (Пугаченкова, 1989. С. 56). Анализ плитки de visu показывает, что правое поле изображения не подвергнуто какой-либо деформации и орнаментальная лента резко обрывается, дойдя до наверхняя шлема воина; отсутствует даже какой-либо намек на ее продолжение с правой стороны фигуры. Все это дает основание говорить о наличии хвоста шлема, а не арки. Вторым аргументом в пользу этого предположения является отсутствие в терракотовой пластике раннеантичного времени декоративного оформления изображения в виде арки или других мотивов. Эти приемы в коропластике Бактрии появляются много позднее - в раннесредневековый период. Представляет интерес рельефное изображение на щите в виде пучка молний. Символ аналогичной формы можно видеть на гемме из Государствен-

Рис. 1. Терракотовая плитка из Кампыртепа

ного Эрмитажа с изображением Юпитера - громовержца (I в. до н.э.) (Неверов, 1976. С.100).¹⁰

Торс воина охвачен гладкой броней (рис. 2, 1), представляющий собой античную кирасу - торакс, который помимо своих защитных качеств, не был лишен эстетических начал, подчеркивая мускулатуру и атлетизм воина¹¹. Он был довольно широко распространен в эллинистическом мире (Бикерман, 1985. С. 55), и находит широкое применение в вооружении Средней Азии в последующие периоды (Горелик, 1982. С. 90). В погребальном комплексе Тилля-тепе (Северный Афганистан) (I в. до н.э. - I в. н.э.), относящемся к периоду миграций кочевых племен, мы находим изображение греческого Ареса (?) на одной из золотых бляшек (Sarianidi, 1985. С. 81-84). Изображение божественного воина, выполненное в лучших художественных традициях искусства торевтики, во многом повторяет иконографию на плакетке из Кампыртепа.

Разработанное до мельчайших деталей изображение воина из Тилля-тепе позволяет выявить ряд интересных моментов в вооружении пешего воина в бактрийской армии. Не вызывает сомнения принадлежность данного вооружения к разряду тяжеловооруженных пехотинцев, которые составляли регулярные подразделения линейной пехоты, комплектовавшиеся в селевкидской армии, например, из наемных отрядов греческих воинов и варваров (Бикерман, 1985. С. 55-56). Воин облачен в ту же, так называемую "мускульную" кирасу (торакс), скрепленную в верхней части живота узлом. Бедрa защищены короткой, доходящей до колен юбкой (птериги) с двумя рядами трапециевидных пластин. О наличии кнемид свидетельствуют два толстых, по-видимому, кожаных ремешка, завязанных на голени и под коленной чашечкой. На груди (см. ту же деталь на терракотовой плитке) толстая складка плаща, закинутого назад. Совершенно оригинальной выглядит форма шлема, вот что пишет о ней автор публикации этих застежек В.И. Сарияниди: "сверху шлем имеет четыре круглых углубления - возможно, гнезда для самоцветов, которые, однако, так и не были вставлены, Между двумя парами таких углублений выступает вверх заостренный рог. На макушке шлема мягко извивается длинный султан" (Сарияниди, 1989. С. 74, рис. 28). Более детальное рассмотрение деталей шлема дает возможность сделать иное предположение, что углубления, «рог» и "мягкий султан", как его называет автор, передает голову слона, с бивнем и закрученным хоботом, причем поверхность последней детали подчеркнута точечными вдавлениями, передаю-

щими фактуру грубой кожи. Таким образом, по нашему предположению, шлем трактован в виде головы слона. Подобный шлем, как известно, венчает голову греко-бактрийского царя Деметрия, однако на его монетах хобот изображается в несколько другой позиции - как бы "трубящего" слона. Из оружия на изображении показано копье, о длине которого судить трудно, так как она ограничивается орнаментальным бордюром и короткий меч, ручка которого украшена головой грифона. Манера украшать ручку меча подобным образом была, по всей видимости, широко распространена на эллинистическом Востоке. В Средней Азии наиболее близкой аналогией к ней может служить рукоять меча из слоновой кости, найденной на городище Тахти Сангин (Южный Таджикистан) (Litvinskiy, Pitchikjan, 1981, fasc. 2, p.195-216; Пичикян, 1991. Рис. 18; Литвинский, 2001. С. 249, таб. 57). Отличия заключаются лишь в манере передачи головы. Если на застежке из Тиллятепе она чуть вздернута вверх, то на тахтисангинской ручке голова грифона смотрит вниз. Однако хронологический разрыв между этими памятниками может говорить лишь о длительности использования подобного сюжета в декорировке произведений бактрийского художественного ремесла. Таким образом, набор оружия и облачение воина на застежке передает, на наш взгляд, образ тяжеловооруженного воина и по общему замыслу он близок к фигуре на терракотовой плитке из Кампыртепа.

Кампыртепинская терракотовая плитка демонстрирует один из ранних примеров изображения торакса в искусстве античной Бактрии. С уверенностью можно говорить о том, что коропласт передает существующий в его реальной жизни образ бактрийского воина.

Прямых указаний источников о наличии тяжеловооруженной пехоты гоплитов в армии греко-бактрийских правителей мы не имеем, однако сопоставляя с данными о селевкидской армии, в которой многое строилось по образцу времен военных походов Александра Великого и, более того, по пестроте этнического состава селевкидское войско скорее превосходило, чем уступало войску Александра. Даже "македонская фаланга", как ее называют античные авторы, как тактическая военная единица могла состояться из туземцев (Бикерман, 1985. С.55). Селевкидская пехота, как известно, делилась по вооружению на легкую и тяжелую, у Полибия есть эпизод, где Антиох III оставляет в лагере тяжелую пехоту, сам с легковооруженными пехотинцами идет на разведку местности (Pol., V, 83, 2). Регулярные подразделения линейной пехоты в селевкид-

Рис. 2.

1. Золотая бляшка с изображением тяжеловооруженного пешего воина (гоплит) из Тиллятепа (Афганистан), 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. 2. Фрагменты ножных доспехов из Ай Ханума 3-2 вв. до н.э. 3. Конские доспехи из арсенала Ай Ханума 3-2 вв. до н.э. 4. Изображение лучника на реверсе ранне-согдийских монет. 5. Терракотовый торс воина из Старого Термеза, 3-4 вв. н.э. 6. Костюм знатного мужчины из Тиллятепа, 1 в. до н.э. – 1 в. н.э. Реконструкция В.И. Сарияниди. 7-10. Изображение доспехов на кушанских монетах, 2-3 вв. н.э.

ской армии составлялись из греческих гоплитов и варваров; интересно отметить, что, подражая победоносной армии Римской республики, Антиох IV формирует пятитысячный отряд по римскому образцу (Бикерман, 1985. С.55). Несмотря на нововведения и этническую пестроту селевкидской армии, ее ядром продолжала служить "фаланга" и агема, вокруг которых концентрируются вспомогательные и дополнительные подразделения. В этой же военной среде формируются и развиваются новые, более совершенные формы вооружения, типов доспехов и оружия. Истоки некоторых из них трудно проследить, так как свои окончательные формы конструкций они приобретают во взаимодействии с достижениями военного искусства своих союзников или противников. Примечательным в этом отношении являются так называемые катафрактары - закованные в броню всадники, отмеченные Титом Ливием в армии Антиоха III (XXXV, 48; XXXVIII, 40). Тяжеловооруженные всадники катафракты числом в 6000 сражались у Магнесии (Pol., XVI, 18, 6, 8; XXXI, 3,9), однако источники умалчивают об их происхождении. Марсель Лоней, посвятившей эллинистической ар-

мии специальный труд, предположительно называет их иранцами (Launey, 1987. P.97), хотя есть все основания говорить об их среднеазиатском происхождении. Следует заметить, что источники говорят также о галатах катафрактах (App., Syr., 32; Liv., XXXVII, 38, 3).

Катафракты - слово греческого происхождения, означающее «закованный в броню», вначале, по всей вероятности, этот термин был более определенным и означал особый вид конницы. Впоследствии этот вид вооружения распространяется по всему Старому свету, трансформируясь в различные новые формы и отходя от своего первоначального значения.

Вопрос о катафрактариях затрагивался в работах В.В. Тарна и М. Ростовцева (Tarn, 1930. P. 73; Rostovzeff, 1933. P. 217), давших подробную сводку исторических источников. Вместе с тем новые археологические открытия на территории историко-культурных регионов Бактрии и Согда позволяют внести в этот вопрос ряд дополнений. Изначально, если брать во внимание, что катафрактары представляют собой логическое продолжение развития панцирного доспеха в особый вид тяжеловооруженной конницы, с учетом

брони и самого коня, то истоки следует искать, по всей видимости, в упоминании о панцирях у Геродота относительно среднеазиатского племенного массагетов, надевавших на коней нагрудники-панцири (Геродот, I, 215). Далее о панцирных доспехах есть упоминание Арриана во время похода Александра в Среднюю Азию (Арт., IV, 4, 4). О том, что панцирное вооружение было довольно развито в военном деле античной Средней Азии, свидетельствуют находки этого облачения в слоях греко-бактрийского периода. Одним из примечательных открытий в области военного дела эллинистической эпохи было открытие и изучение арсенала на городище Ай Ханум (слияние рек Кокчи и Амударья - Северный Афганистан) древнего греческого города в далекой Азии (Bernard, 1980. С. 452).

Арсенал располагался между подножием акрополя и главной улицей древнего города; в процессе работ были обнаружены предметы, подтверждающие военный характер этого сооружения. Была собрана большая коллекция железных и бронзовых наконечников стрел, причем последние представляют собой исключительно среднеазиатский тип, относимый к сакским наконечникам (трехлопастные) (Bernard, 1980. С. 452). Во время раскопок были также обнаружены фрагменты декоративного оформления щитов. Но самой примечательной находкой было обнаружение в северной оконечности западного крыла множества остатков вооружения катафрактариев (рис. 2, 2, 3), в том числе железных кусочков, размещенных на обуглившейся подкладке так, как они некогда располагались (Bernard, 1980. С. 455). Ниже мы приводим описание этих предметов, которое дает руководитель экспедиции М. Поль Бернар:

a) Une jambiere gauche faite d'une serie de lamelles circulaires emboitees que completaient vers le haut une plaque incurvee protegeant la partie inferieure de la cuisse et vers le bas un dessus de pied.

b) Un corset fait d'ecailles imbriquees, de forme rectangulaire a bord inferieur arrondi.

c) Une paire d'epaulieres composees chacune de trois parties: un jeu d'ecailles sur l'omoplate quatre lamelles articulees transversalement sur l'arrondi de l'epaule et, sur le devant, une plaque allongee a bout arrondi, munie d'une boucle permettant d'accrocher l'epauliere sur le corset.

d) Un plastron de cheval se presentant sous la forme d'un tablier fait d'un assemblage d'etroites lamelles verticales articulees longitudinalement et solidaires d'une armature de bandes rigides; sur chaque long cote les deux bandes laterales jouent

grace a des charnieres et sont pourvues d'un anneau qui servait a suspendre le plastron" (Bernard, 1980. P. 455).

Несомненно, находки доспехов катафрактариев на Ай Хануме содержат ценную информацию не только в области техники изготовления этих доспехов. Сам факт находки в арсенале древнего города говорит о наличии в греко-бактрийской армии катафрактариев как боевой единицы. Доспехи Ай Ханума датируются довольно четко, т.е. 150 г. до н.э.; вероятно, что они относятся к более раннему времени. Во всяком случае, по словам автора публикации, перед нами более точные данные по вооружению Греко-Бактрии, чем мы располагали до настоящего времени (Bernard, 1980. P. 456).

Если айханумский комплекс демонстрирует одно из самых ранних свидетельств о катафрактариях Бактрии, то происхождение этого вида вооружения остается все же открытым. Мы не располагаем достаточными основаниями, чтобы полагать, что катафрактарии возникают на территории Бактрии, несмотря на то, что это уже второй памятник, дающий повод для такого предположения. Скорее всего, зарождение катафрактариев следует рассматривать как результат взаимодействия военной организации и военной техники множества народностей, которые были вовлечены в орбиту бурных военных потрясений античного мира.

Бесспорным, на наш взгляд, является тот факт, что формируется катафрактарий в среде профессионального воинства, а воплоателями самой идеи могли быть представители разных этнических обществ (вспомним о катафрактариях явно восточного, а может быть и среднеазиатского происхождения и катафрактариев-галатов, воевавших в одно и то же время). Здесь следует отметить выразительный и красноречивый материал из регионов Средней Азии, говорящий о высоком уровне военного дела этого региона в античную эпоху. О тесных контактах греко-бактрийского государства с окружающими культурными областями нередко кочевого характера в период до его окончательного крушения под натиском все тех же кочевых племен свидетельствует сопоставительный анализ материала Ай Ханума с комплексом Халчаяна.

Халчаян демонстрирует не только сами предметы вооружения, но и блестящие памятники пластического искусства со сценами, изображающими воинов и батальные сцены. Многие схожие элементы вооружения древнего греческого города Ай Ханума доказывают взаимодействие культур, разных по своему характеру. Мы

не исключаем возможности использования арсенала по его назначению после захвата его кочевниками, хотя присутствуют явные следы разграбления (Пугаченкова, 1971. С.45-47). Но археологический материал, предшествовавший разгрому города, носит на себе уже печать определенной трансформации, иными словами, некоторой варваризации – это, в первую очередь, выражается на конструктивных особенностях доспехов Халчаяна.

Не останавливаясь на характеристике Халчаяна, нашедшего достаточно полное освещение в публикациях, обратимся непосредственно к изображениям доспехов на глиняных скульптурах. Изображения воинов происходят в основном из так называемого зофора зала (Пугаченкова, 1971. С.60). Ассоциации с айханумским материалом возникают при рассмотрении фрагмента с изображением согнутой в локте руки, облаченной в панцирные наручи (Пугаченкова, 1971. Рис. 61). Наручь представляла собой концентрические металлические пластинки, подогнанные друг в друга - в аналогичной манере были исполнены поножи из Ай Ханума (рис. 3, 1). Далее привлекает внимание торс воина в "панцирной кирасе", нагрудная часть его разде-

лена прямоугольными рельефными линиями, передающими крупные металлические пластины. Панцирь был окрашен в охристо-желтый цвет, может быть, означающий позолоту (?). В нижней части от бедер пластины более крупных размеров расположены в три ряда (рис. 3, 3). Таким образом, можно сказать, что торс воина, был защищен бронированной курткой, которая, по всей видимости, надевалась отдельно и имела разнообразную форму обрамления. Если айханумский корсет состоит из прямоугольных небольших чешуек, то халчаянская скульптура демонстрирует более крупную пластинчатую броню. Складывается впечатление, что наручи также одевались отдельно и крепились особыми петельками или же шнуровкой. Об оплечье можно судить по наиболее сохранившейся скульптуре, передающей изображение самого доспеха (рис. 3, 2). В реконструкции, осуществленной Г.А. Пугаченковой, доспех принадлежит одному из персонажей тронной композиции, названному автором "принц гераич"¹². Скульптура представляет собой фигуру персонажа, по всей вероятности, царского происхождения, ибо его голову украшает диадема - один из признаков царского происхождения, перенятый кочевническим ми-

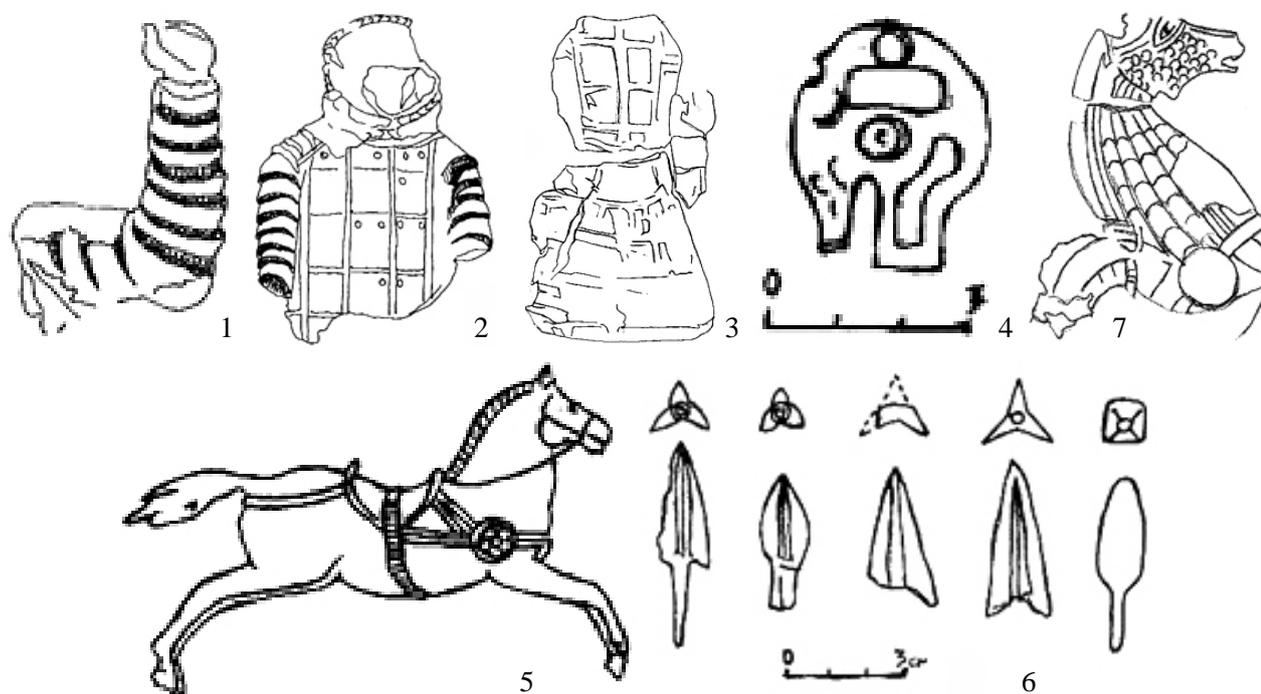

Рис. 3. Вооружение халчаянского комплекса

1. Фрагмент глиняной скульптуры с изображением ручного защитного доспеха (наручи).
2. Бронированный жилет с наручами и высоким воротом. Фрагмент глиняной скульптуры.
3. Бронированные жилет и юбка в виде нашитых крупных пластин. Фрагмент глиняной скульптуры.
4. Железный замочек. Возможно для крепления доспеха.
5. Изображение лошади со скульптурной композиции. Реконструкция Г.А. Пугаченковой.
6. Железные наконечники стрел из смазки пола. II-I вв. до н.э.
7. Лошадь в бронированном доспехе в виде пластин. Фрагмент глиняной скульптуры.

ром под влиянием греко-бактрийской традиции (см. греко-бактрийские монеты).

На наш взгляд, более вероятным представляется то, что персонаж, придерживает у колен трофейный доспех, который принадлежал участнику (сражения) предыдущей сцены. Доспех представляет собой бронированную куртку, переданную в виде рельефных линий квадратов, следующих от горловины вниз, скорее всего до пояса. Рельефные линии передают на наш взгляд стыки расположенных в ряд металлических пластин. Наручи показаны в виде концентрических пластин, входящих друг в друга. Причем наручи присутствуют на обеих руках (Пугаченкова, 1971. Рис. 62), их форма и конструкция соответствует образцу поножей из Ай Ханума. Но в отличие от последнего, в халчаянском доспехе отсутствует оплечье. Металлические кольца, составляющие его, доходят до плеча и переходят затем в плечи бронированной куртки. Если не считать этот момент какой-либо условностью, то перед нами один из разновидностей панцирного доспеха, применявшийся обитателями Халчаяна. Но одной из наиболее примечательных деталей этого доспеха является его горловина, идущая широко на раструб в форме колокола. В изображении доспеха она, пожалуй, наиболее приметна из-за своей формы (рис. 3, 2). О существовании подобного шейного защитного доспеха свидетельствует и другая скульптура с изображением воина в шлеме (Пугаченкова, 1971. Рис.77). Одна из интереснейших деталей защитного вооружения Бактрии - доспех, призванный защитить одно из наиболее уязвимых мест воина во время сражения, внешне напоминает высокие воротники испанских грандов. Тем не менее, изобретение подобного элемента носило определенный смысл. Расширяющийся кверху доспех давал определенную свободу движению головы. О том, что деталь эта была свойственна именно для защитного вооружения среднеазиатского региона, свидетельствуют находки, найденные как на территории Бактрии, так и соседнего Согда. Это касается, в первую очередь, находок костяных пластинок из Орлатского могильника (Самаркандская область) с гравированными изображениями сцен батальи и сцены поединка (Пугаченкова, 1989а. С.122-154, рис.70, 71; Пугаченкова, 1987. С.56-65, рис. 57, 59; Abdullaev, 1995. P. 151-161; Pyasov, Rusanov, 1997/1998. P. 107-159). Анализ доспехов на этих изображениях дает основания для уточнения некоторых конструктивных особенностей панцирного доспеха.

Примечательной особенностью этого доспеха является сама форма с облегающей верхней ча-

стью, туго стянутой талией, невероятно широким подолом, спускающимся много ниже колен (до голени), позволяющим защищать часть крупа коня и высоким бронированным воротником, сильно расширяющимся кверху (рис. 4, 2, 4, 13). Верхняя часть панциря, т.е. бронированная куртка за единственным исключением (всадник правой линии) у всех одинаков и состоит из горизонтальных широких пластин, нашитых на кожаную основу. Горизонтальные ряды пластин чередуются с полосками кожи, кроме того, вертикальная кожаная полоса проходит по центру. Не исключено, что эти места соединений являлись наиболее уязвимыми, может быть, поэтому один из всадников пронзает своего противника именно на месте этой полосы.

Следует заметить, что нижняя часть от талии бронированного доспеха на всех персонажах отличается от куртки, представляя более простую систему расположения пластин в ряд. По форме они либо близки к квадрату, либо прямоугольнику с закругленными углами. На панцирях правой линии - это персонаж на пятнистом коне и крайняя нижняя фигура (упавший воин) пластины крепились по центру, на что указывают прочерченные по центру линии, передающие, скорее всего, толстый сыромятный шнур или металлическую скобу (рис. 4, 2, 13). Другой разновидностью крепления являлись заклепки, показанные в виде точек по центру пластины.

Очень широкие подолы, закрывающие большую часть корпуса коня, были рассчитаны также на защиту наиболее уязвимых мест животного (рис. 4, 10). Судя по характеру рисунка и расположению пластин, можно говорить, о том, что бронированная куртка, наручи, поножи представляли собой отдельные части, которые могли собираться и соединяться посредством специальных креплений (петли, крючки). По всей вероятности, одну из таких крепежных деталей передает находка из кургана Кг-1 в виде железной пряжки с длинным язычком, на конце которой имелось отверстие для фиксации (Пугаченкова, 1989а. Рис. 54). Не исключено, что нашейный доспех также крепился отдельно, на гравированных пластинах соединение этой детали с бронированной курткой показано в виде округлого рельефного валика (рис. 4, 3). На халчаянской скульптуре данная деталь доспеха передана менее выразительно и поэтому говорить о ней затруднительно. Во всяком случае, есть все основания говорить о ней как о самостоятельной части панцирного доспеха.

Халчаянский комплекс дает нам совершенно оригинальный тип шлема. Он запечатлен в

Рис. 4. Вооружение Средней Азии и Парфии (западная часть)

1. Всадник из сцены охоты на костяной пластине из Тахти Сангина. 1 в. до н.э. – 1 в. н.э.
- 2-4. Изображение воинов на пластине из Орлата, 2-1 вв. до н.э. 5. Лучник на коне. Граффити из Дура Европос.
6. Фрагмент рельефного изображения катафрактария на терракотовой фляге из Хумбузтепа (Хорезм).
7. Гравированное изображение воина на астрагале с городища Калаи Мир (Южный Таджикистан). 3-2 вв. до н.э.
8. Лучник на коне. Граффити из Дура Европос.
9. Конный воин в доспехах на сакских монетах (Ванон, Аз, Азилес). 2-1 вв. до н.э.
10. Изображение лошади с батальной композицией на костяной пластине из Орлата.
11. Катафрактарий из Дура Европоса. Граффити.
12. Всадник на терракотовой плитке из Британского музея.
13. Воин на коне (или муле?), фрагмент композиции батальной сцены на костяной пластине из Орлата.

скульптуре Халчаяна на двух изображениях: голова бородатого воина пожилого возраста с широким лицом, второй персонаж имеет чуть вытянутую форму лица также с бородой, на данной скульптуре в лучшей сохранности дошел шлем, а также отчасти сохранился нашийный доспех (Пугаченкова, 1971. Рис. 61, 62). Шлем представляет собой плотно облегающую голову тулью, основание которой оформлено в виде широкой полосы, в центре надо лбом выступает небольшой сегментообразный козырек (Пугаченкова, 1971. Рис. 77, 80). Под шлемом, на голову был надет, по всей вероятности, подшлемник из плотной материи, возможно, войлока, края его показаны резкой очерченной линией ото лба до бороды. Подшлемник закрывал уши, при надевании смягчал прилегание металлического шлема, а во время боя смягчал удары. Подобные типы

шлемов до недавнего времени не были зафиксированы на памятниках изобразительного искусства, однако бесспорна их принадлежность к так называемому кочевническому кругу вооружения. Наиболее близкие аналогии запечатлены на раннесакских монетных кружках с изображением тяжеловооруженного всадника. Таковыми являются монеты Ванона, а также Аза, Азилиса (рис. 4, 9), причем на определенных типах монет царя Ванона конь изображается также закованным в броню. Во всяком случае, рифленая в "клеточку" поверхность корпуса коня наталкивает на мысль о защитном облачении не только самого всадника, но и его лошади (Mitchiner, 1975, types 681, 744-751, 769), т.е. о том, что это изображение катафрактария. Подобное изображение встречается на граффити из Дура Европос (рис. 4, 11).

Интересную информацию в отношении устройства шлема дает иконографический анализ монет, локализация которых приходится на северо-запад от Балха (древние Бактры).¹³ Не только близость формы шлема и шейного доспеха, но также близость внешнего облика к персонажам Орлата и Халчаяна позволяет наметить еще один пункт, где обозначается бронированный костюм. Изображение его именно на лицевой стороне монеты, со всей очевидностью доказывает, что таким видом вооружения пользовались знатные и даже царственные воины. Монеты эти серебряные, близкие по своему весу к аттическому стандарту (ближе к 4 граммам). Персонаж пожилого возраста и европеоидного типа изображен в профиль вправо (рис. 5-6). У него клиновидная борода, пышные усы, прямой выдающийся вперед нос, широкий разрез глаз и длинной формы брови. Облик в целом напоминает одного из персонажей халчаянского цикла. На голове шлем, заостренный спереди, край шлема подчеркнут рельефной линией с небольшим изгибом назад. От области виска следует другая рельефная линия, образующая внизу острый угол, по всей очевидности, это наушник, который подчеркивается короткими горизонтальными линиями. Туля шлема украшена рядом перлов; сбоку рельефное изображение символа, напоминающего серп луны с рожками, обращенными вверх и шишечками на концах и покоящийся на вертикальном стрелке (тамга?). Шея закрыта высоким бронированным воротом, который показан в виде удлиненных пластин, по центру которых проходит горизонтальный ряд округлых шишечек (заклепки?). Ворот имеет небольшое расширение в верхней части и по своей конфигурации напоминает ворота рыцарей орлатских изображений, в особенности, вертикальные полосы, хотя на последних отсутствуют округлые рельефы. С макушки шлема спадает султан.

Особый интерес представляет собой легенда, переданная греческими буквами. Она следует по кругу от 9 до 3 ч. и передает имя правителя ΤΑΝ ΛΙΣΜΙΑΔΑΤΗΣ (вариант ΤΑΝΛΙΣΜΑΙΔΑΤΗΣ). Имя явно сложносоставное, при этом два последних производных слова поддаются толкованию: ...ΜΙΑΔΑΤΗΣ означает, по всей вероятности, «данное (богом) Махом» «божеством Луны», между тем как, первые два слова более сложны в интерпретации, ΤΑΝΛΙΣ.. можно предположительно перевести как ΤΑΝ = «тело», ΛΙΣ = «прекрасный». Имя целиком предположительно может быть переведено как «прекраснотельный данный (богом) Махом», однако, огово-

Рис. 5. Монета
Танлисмайдата

Рис. 6. Монета
Танлисмайдата

римся, что такое определение носит гипотетический характер и требует специального филологического анализа.

Весьма заманчивой кажется историческая интерпретация этих монет, предложенная М. Митчинером, который видит в монетах Танлисмайдата чекан сакарауков. Хронологически местный чекан этого правителя он относит к царствованию царя Орода I (около 89-77 гг. до н.э.), т.е. местный выпуск (Александрия Аррея – Герат) монеты выпускаются под сюзеренитетом того же Орода I (Mitchiner, 1975. P. 407). Таким образом, проанализировав монеты с изображением рыцаря в доспехах, мы наметили еще один пункт на пути движения катафрактариев в Индию. Однако можем ли мы говорить, что монеты Танлисмайдата демонстрируют нам конного воина, учитывая, что на кружке показан лишь бюст? По всей вероятности, да, и учитывая то, что мы видим много общего с персонажами халчаянских скульптур и изображений на орлатских пластинах. К ним, по всей видимости, можно добавить и фрагменты росписи из Дальверзинтепа (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978; Беляева, 1978. С. 33-47; Abdullaev, 1995. P. 154-155), которые несут на себе изображения воина в шлеме с высоким бронированным воротом (рис. 7) и голову коня, защищенную пластиной. Явно, что эти фрагменты изображали некогда тяжеловооруженного всадника в доспехах.

Говоря о конской броне, вернемся вновь к халчаянскому комплексу. Халчаянский памятник и здесь дает нам повод говорить о бактрийских катафрактариях, ибо находка скульптурной фигуры коня (рис. 3, 7) в панцирной броне (Пугаченкова, 1971. С. 66) с фигурами воинов, облаченных в металлические доспехи, свидетельствует о видном месте в вооружении Бактрии тяжеловооруженной конницы (Пугаченкова, 1966. С. 27-43).

Еще один памятник прикладного искусства имеет непосредственное отношение к затраги-

Рис. 7. Фрагмент росписи из Дальверзинтепа

лены пять всадников, вооруженных луками, мечами и боевым чеканом. Между двумя передними всадниками бежит лошадь, на седле которой лежит труп человека со свесившейся головой и ногами» (Руденко, 1960. С. 298, 306, рис. 153). В своей более поздней работе, посвященной анализу предметов «Сибирской коллекции Петра 1» (рис. 8) С.И. Руденко дает более развернутое описание с функциональным определением предмета. «Тонкая литая пластина, с наружной стороны выполненное на ней изображение подправлено резцом. Пластина эта, свёрнутая и спаянная по краю, была насажена на древко, квадратное в поперечном разрезе. Для прикрепления к древку у верхнего края пластины приделаны три круглых отверстия. Верхний и нижний её

ваемой в данной статье теме и притягивает внимание своей смысловой подоплекой. Речь идет о золотой пластине из Сибирской коллекции Петра I, которая публиковалась неоднократно (Артамонов, 1973. С. 154, рис. 192 а, б, в, г; Руденко, 1960. С. 298, рис. 153; Руденко, 1962. Рис. 29, таб. XXII, 18).¹⁴

По словам С.И. Руденко «на этой чеканной пластинке в рельефе представ-

края обрамляют три параллельных рельефных валика. В развёрнутом виде хорошо различима следующая представленная на ней сцена. После боя возвращаются пять всадников с трупами двух убитых их товарищей или вождей. Впереди всадник с лошадыю, через седло которой перекинут труп убитого воина головой вниз. За ними едут двое всадников, между которыми пятая лошадь, также с перекинутым через седло воином вниз головой. В руке одного из всадников обнажённый меч, в правой руке другого всадника повод лошади, на которой везут убитого. Процессия замыкается двумя всадниками, из которых один держит в руке, по-видимому, боевой топор, в руках другого — натянутый лук. На головах всадников шлемы типа найденного в третьем Пазырыкском кургане на Алтае. Лошади с подстриженной гривой, с седлами без высоких луков и стремян, но с подхвостным ремнём (Список Гагарина, № 34; Mus. Petrop, стр. 188, № 15; Академ. Атл., XIX, рис. 4; Эрм. № 1727-1/132. Вес 41.64 г.)

Тем не менее, обратимся к некоторым деталям, которые способствуют более широкой интерпретации композиции. Прежде всего, обращает на себя внимание защитное вооружение всадников. Верхняя часть представляет собой бронированную куртку с прямоугольными, поперечно расположенными пластинами. Наручи почти у всех участников сцены показаны кольцевидными пластинами, как бы входящими друг в друга, лишь на плече переходная броня (наплечье) показана более широкой и вытянутой пластиной. У всех персонажей кроме первого слева в виде треугольников показан шейный доспех. Бронированные юбки разной длины: у третьего всадника она длинная и доходит до голени; у последнего

Рис. 8. Золотая пластина из «Сибирской коллекции Петра 1».

всадника юбка короткая и на ногах в виде поперечных линий показаны, по всей вероятности, пластины, защищающие ноги.

Композиционно сцену можно разделить на три группы (описание слева на право). Первая группа крайняя слева представлена одним всадником, придерживающим скачущую параллельно лошадей, на спину которой переброшено тело убитого воина. Средняя группа состоит из трех всадников, ближайший из них показан с поднятой правой рукой, сжимающей древко копья. Он наносит им смертельный удар сверху в спину противника. Копье пронзило всадника насквозь и вышло из груди. Широкий ланцевидный наконечник показан под углом вверх, что казалось бы не соответствует правильному изображению мастера. Однако эта условность становится понятным, так как если продолжить линию копья «правильно», то она скроется за головами животных и действие станет непонятным. В пользу того, что преследующий всадник наносит удар убегающему воину говорит и положение склонившейся вниз головы последнего, по всей очевидности уже умирающего. Между этими персонажами помещена еще одна лошадь, несущая на спине перекинутое через седло тело воина. Две последние фигуры (третья группа) показаны также в боевой изгойке. Ближайший к зрителю (последний справа в композиции) всадник изображен натягивающим лук, рядом с ним на заднем плане всадник с поднятым в руке боевым топором.

Все выше изложенное дает основание внести некоторое уточнение в общую интерпретацию композиции и трактовать его не как «сцену возвращения воинов из похода» а как сцену преследования одной группы всадников другими. Примечательным в этой композиции является сходство внешнего облика и вооружения персонажей, представляющих возможно родственные племена. Сцену сражения напоминающую преследование мы уже наблюдали в скульптурном комплексе Халчаяна, в котором однако противники отличались друг от друга не только внешним обликом, но и вооружением. Что касается сражения близко родственных всадников, то сцена на золотой пластинке из Сибирской коллекции во многом напоминает композицию на костяной пластине из Орлата.

Сцены эти носят эпический характер и возможно передают какую-то важную историческую весть в истории народов центральной Азии. Во всяком случае, мы имеем ряд исторических событий, отраженных в письменных источниках, передающих события, связанные с междуособ-

ными войнами родственных племен. Саки Сакаравлы, объединений пяти ябгу Кудзулой Кадфизом, военные столкновения усуней с юэчжами, юэчжей с хуннами, которые вели, как свидетельствуют китайские хроники, сходный образ жизни.

О широком применении в кочевом воинстве панцирного вооружения свидетельствуют находки в слоях, следующих за греко-бактрийскими культурными слоями. Вернемся к археологическому комплексу Кампыртепа, в котором наряду с чисто эллинистическими сюжетами представлены образцы коропластики и других памятников прикладного искусства, чей облик в целом более тяготеет к кочевническому миру, нежели к произведениям эллинистической пластики. В коропластике Кампыртепа, например, встречаются типы терракот, иконография которых явно восходит или непосредственно связана с традициями эллинистического ваяния (матрица для оттиска изображений Афины, головка эллинистического типа и т.д.); однако наряду с этим встречаются образцы, в которых сочетаются элементы как эллинистической традиции, так и явно черты некоторой "варваризации". К таковым относится изображение сидящей на невысоком троне (типа омфала) бородатой фигуры (Culture and Art..., 1991. №126. С.115). Внимание в этом терракотовом изображении более всего привлекает необычная форма одеяния. Оно показано в виде вертикальных параллельных продавленных линий, следующих от низа груди; у бедер эти линии прерываются поперечной, от которой до самого подола следуют такие же, но более частые линии. На груди персонажа округлый рельеф, поверхность которого покрыта слабовыраженным орнаментом. Руки фигуры, как, впрочем, и весь корпус, вылеплены в грубоватой манере – вручную (рис. 9). Голова, оттиснутая в матрице, существенно отличается от обобщенной манеры в передаче корпуса своим высоким художественным уровнем. Густая кудрявая шевелюра не менее густая борода передают образ близкий к изображению головок Геракла в коропластике Бактрии (головки из Зартепа) (Culture and Art..., 1991. №195, 196, с. 149). Тонко и изящно моделированы черты лица: глаза нос, чуть открытый рот и т.д. Голову украшает не менее оригинальный по своей форме головной убор, показанный в виде свисающих наушников; сзади на затылок спадает длинный хвост. Что касается длинных наушников, то подобный элемент головной убора находит аналогии в пластическом искусстве античной Бактрии, так, например, на раскрашенной алебастровой головке из Тахти-

Рис. 9. Терракотовая фигурка воина из Кампыртепа

Сагина изображена схожая деталь (Древности Таджикистана, 1985. № 205, с. 92).

Спадающий сзади «хвост» демонстрирует нам одну из разновидностей головного убора кочевнического мира. Во всяком случае, именно в этой среде было характерным украшение головных уборов и платья хвостами ("куйрук") диких животных. На упомянутых костяных пластинах из орлатского могильника на воинах и лошадях развеваются подобные хвосты. Однако более всего на терракотовом изображении из Кампыртепа привлекает

костюм персонажа. Несмотря на схематизированный характер, древний мастер явно пытался передать образ воина. Длинные продольные линии в два ряда означают, скорее всего, панцирное облачение, а округлый рельеф на груди с орнаментом, напоминающим трезубец, не что иное, на наш взгляд, как металлический диск, призванный защитить грудь воина.

Металлический диск как защитный доспех отмечен в кушанском вооружении. М.В. Горелик, посвятивший специальную статью кушанскому доспеху, об этом типе защитной детали говорит следующее. "Диски на ремнях не только защищали обнаженный корпус, но, надеваемые поверх стеганого панциря, служили дополнительной защитой. Для большей прочности диски имели валикообразное утолщение по краю и украшались чеканной розеткой. Металлические диски на перекрещенных ремнях получили широкое распространение на Переднем Востоке с VIII в. до н.э., особенно в Ассирии. В VII-II вв. до н.э. они являлись одним из основных типов оборонительного вооружения в Италии, откуда около III в. до н.э. попали на Балканы" (Горелик, 1982. С. 96). Однако нельзя согласиться с автором данной статьи, полагающим, что "в последние века до нашей эры - первые века нашей эры диски в функции реального доспеха не встречаются" (Горелик, 1982. С. 97). Находка терракотового изображения с аналогичной деталью защитного вооружения в слое 1-го в. до н.э. свидетельствует об обратном. В терракотовой статуэтке

запечатлен один из представителей явно царствующего рода номадов, которые во второй половине II в. до н.э. вторглись на территорию Бактрии, сокрушив некогда могучее греко-бактрийское царство. Интересно отметить, что в коропластике Кампыртепа наряду с явно эллинистическими образцами мелкой пластики встречаются образцы, чей облик более всего ассоциируется с кочевническим комплексом сако-парфянского характера. В последующую эпоху в истории Бактрии с установлением и превращением ее в кушанскую державу вооружение и воинское дело совершают следующий виток в своем развитии, и это могло бы послужить отдельной темой исследования. Однако хотелось бы в качестве примера привести еще один образец терракотовой пластики, найденный совсем недавно на городище Старого Термеза, представляющий особый интерес с точки зрения панцирного защитного вооружения. Терракота была обнаружена при закладке стратиграфического шурфа на цитадели городища в слое III-IV вв. н.э. Сохранилась лишь верхняя часть изображения. Головной убор показан в форме треугольника с нанесенными насечками по краю, схожий со шлемами на изображениях богини Афины. На месте левого уха ромбовидное украшение с точечкой посередине, передающее серьгу (рис. 2, 5). Плечи и шея персонажа охвачены металлическим доспехом, к шее доспех расширяется и оканчивается толстым валиком в нижней части примерно на уровне груди край доспеха также подчеркнут утолщенной линией. Посередине показано место стыка защитного доспеха, оно передано в виде углубленной линией, образованной подогнанными краями, на которых вертикально расположены два ряда округлых вдавлений, означающих места заклепок, либо другого вида крепления, например, шнуровку. Руки и предплечья охвачены частыми и резкими складками, передающими, скорее всего, концентрические пластины наручей. В пользу этого говорит также форма передачи складок на плече в виде выступающего треугольника, острием обращенного вниз. В правой руке персонажа удлиненный предмет, прижатый к правому боку, судя по характеру скола и его длинной форме - это, по всей вероятности, копье. В целом образ ассоциируется с изображением женского божества-воительницы, судя по мягкой моделировке лица и наличию серьги, хотя последние признаки характерны в равной степени и для мужских изображений воинов. Шлем, близкий по своей форме к изображению на терракоте, можно видеть на скульптурных рельефах Гандхары, в частно-

сти, композиции с изображением солдат из Лакхорского музея (Пакистан, №538) (Tissot, 1985, pl. XVIII, 10). Однако подобная форма щлема характерна и для иконографии женских божеств бактрийского пантеона, чьи образы нередки в эллинистическом и постэллинистическом искусстве как Бактрии, так и соседнего Согда (Grenet, 1987. P. 41-45, pl. XXIV-XXV). Наиболее интересной в данном изображении является, бесспорно, форма защитного доспеха в виде сплошного панциря, закрывающего верхнюю часть корпуса воина, т.е. плечи и горло. Представляет определенный интерес также манера крепления панциря посередине груди, где он подгонялся при помощи петель или шнуровки. Подобное сочетание защитного панциря с наручами зафиксировано на кушанских монетах Васудевы I, II, (Göbl, 1984. 501, 525). Конечно же, кушанский доспех претерпел значительные изменения по сравнению с защитным вооружением предшествующей эпохи, однако наряду с этим многие элементы панцирного доспеха остаются, но уже в несколько трансформированном, усовершенствованном виде. Тот же шейный доспех, который мы видели в комплексе Халчаяна и на костяных пластинках из могильника Орлата превращается, как это видно на терракоте из Старого Термеза, в облегченный вариант защитного доспеха, призванный защитить не только шею, но отчасти грудь и плечи. Не останавливаясь подробно на анализе кушанского защитного вооружения, следует отметить одну его особенность. Как демонстрируют памятники изобразительного искусства, в том числе и монетная иконография, облачение кушанских воинов не только облегчено, но по своей конструкции более динамично и подвижно (рис. 2, 7,8,9,10). Но структурно защитный доспех кушанского периода во многом повторяет схему халчанского вооружения: бронированная куртка, представляющая либо корсет из нашитых металлических пластин различной конфигурации, либо сплошную кирасу (иногда "мускульную"); оплечья и поножи, как правило, собраны из концентрических (ляминарных) пластин; набедренник, расширяющийся книзу, с более крупными нашитыми пластинами. В целом же развитие военного дела и вооружения кушанского государства происходило на основе достижений предшествующих эпох. В то же время развитие военного дела греко-бактрийской державы было тесно связано с окружающим ее кочевническим миром и воинственными племенами саков, массагетов, дахов и т.д., которые принимают активное участие в крупных битвах античного мира и в среде которых зарождается профессиональ-

ное воинство и военное наемничество (Абдуллаев, 1992. С. 3-6). Упомянем здесь сообщение Юстина о существовании наемных отрядов у скифов. Так, при Фраате II /138-128/ отряд, нанятый парфянами для похода против Антиоха VII /Седета/ и пришедший, когда война была окончена, требует плату за дальний переход, либо того, чтобы их перенаправили на другого противника (Юстин, XLII, I (1)).

В кочевом мире, в котором, по словам Страбона, основным мужским занятием было военное дело, возникает, по всей вероятности, и прослойка профессиональных воинов - рыцарей, которые выступают либо в качестве наемной силы, либо совершают набеги на близлежащие города и села с целью грабежа или получения дани. Так, например, сходный образ жизни, по словам того же Страбона, ведут саки, "которые совершают набеги подобно киммерийцам и трерам"; во время одного из таких набегов они захватили Бактриану и часть Армении, оставив за ней свое имя Сакамена (Страбон, XI, VIII, 3). Образ рыцаря, закованного в металлические доспехи, наглядно демонстрируют монеты Ванона, Аза, Азилеса и других царей (Mitchiner, 1976. P. 100, №87) среднеазиатского происхождения, которые доходят затем до Индии.

Завершая этот краткий обзор различных по своему характеру источников, можно дать примерную схему движения катафрактариев от Согда до Индийского субконтинента. Исходной точкой для нас является согдийский комплекс, включающий орлатские курганы, демонстрирующие великолепно исполненный цикл гравированных на кости изображений рыцарей, закованных в броню. Однако согдийский регион помимо орлатских пластин, включает ряд других памятников, иллюстрирующих образ профессиональных воинов – это раннесогдийские монеты. Серия монет с изображением портрета правителя на лицевой стороне и лучника на обратной также близки к изображениям орлатских композиций. Следует подчеркнуть, что легенда несколько искаженными, но, тем не менее, читаемыми греческими буквами передают легенду монет селевкидского царя Антиоха. Антропологический тип на портрете во многом напоминает персонажи халчаянского цикла, а именно тот европеоидный тип, который характерен воинам в доспехах. Не будет лишним напомнить и такую деталь как длинные висающие бакенбарды, которые бросаются в глаза и на раннесогдийских монетах (рис. 10). На оборотной стороне в изображении лучника мы видим высокий ворот (бронированный) как на изображениях костяных пластинок, так и

Рис. 10. Раннесогдийская монета

Рис. 11. Прорисовка обратной стороны раннесогдийской монеты

на персонажах халчаянской скульптуры. Наконец, форма лука на согдийских монетах по своей ассиметричной конфигурации, явно представляющая сложносоставной вариант оружия дальнего боя, напоминает луки рыцарей орлатских композиций (рис. 11; рис. 2, 4; рис. 4, 1, 5, 8)¹⁵. Таким образом, соединив Согд с Северной Бактрией, а именно с Халчаяном, мы можем наметить движение катафрактариев. Анализ монет правителя Танлисмайдата, которые локализируются на левобережной от Амударьи-Окса территории, позволяют связать его с тем же кругом рыцарской аристократии, которые отражены в памятниках Согда (Орлат, согдийские монеты) и Северной Бактрии (Халчаян). Хронологически надежную дату дают монеты Танлисмайдата, правление которого относится к первой половине 1 в. до н.э., т.е. орлатский комплекс, по всей очевидности, предшествует этому периоду и относится, скорее всего, к концу 2 в. до н.э.

Что касается этнической принадлежности катафрактариев, то заманчивым нам представляется отождествление их с сакским племенем сакаравлов (сакарауков), о которых упоминает Страбон (Страбон, XI, VIII, 2), и которые «переселились из области на другом берегу Иаксарта» (Яксарта-Сырдарья – К.А.), и были одни-

ми из тех, кто разгромил греко-бактрийское государство (Bernard, 1987. P. 758-769; Бернар, Абдуллаев, 1997. С. 68-86; Abdullaev, 2007. P. 73-98). Интересно в связи с этим отметить находки фрагментов пластинчатого железного доспеха в круглом погребальном здании на Чирик-Рабате, относящегося к чирикратской культуре низовьев Сырдарьи. Материал, полученный в ходе раскопок этого здания датируется концом IV или рубежом IV и III вв. до н.э. (Толстов, 1962. С. 148, рис. 82, а, б; Саки Приаралья, 1992. С. 35). Если следовать этим хронологическим выкладкам, то сакарауки исторически предшествуют юэчжам и являются в некотором смысле «последователями» и «наследниками» греко-бактрийского культурного комплекса. Во всяком случае, при обнаружении фрагментов росписей с изображением воина в шлеме и бронированном вороте и головы коня с защитным панцирем, автор находок Т. Беляева отмечает, что они были найдены в слое, предшествовавшему значительной перестройке и ремонту, которые относились к кушанскому времени (Беляева, 1978. С. 38). Оставляя вопрос абсолютной хронологии сакарауков открытым, за рабочую гипотезу мы принимаем 129 год до н.э. как *terminus ante quem*, когда китайский дипломат Чжань Цзянь застаёт юэчжей на берегу реки Гуйшуй (Окса-Амударья) уже обосновавшимися не только на севере от реки, но простирающими власть и на территории левобережья, в этом случае *terminus post quem*, соответственно, падает на 145 г. до н.э., когда пал один из оплотов греческой власти – город, известный нам как городище под названием Ай Ханум.

Таким образом, хронологический промежуток, ограниченный рамками от 145 до 129 гг. до н.э., по всей очевидности, можно вычленил из широко распространенного понятия «сако-юэчжийского периода» как сакский период в истории Средней Азии.

Примечания

¹ Следует особо выделить в этом отношении открытие храма Окса на городище Тахти Сангин, которое продемонстрировало целый комплекс вооружения (щиты, горит, мечи, лук и стрелы и т.д.), по всей видимости, служившие подношениями храму (Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии. Том 1. М., 2000; (Литвинский Б.А. Храм Окса. Т.2. М., 2001; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма в северной Бактрии // Вестник древней истории. 1985, № 4, с. 84-110). Из последних обобщающих работ следует отметить статью К. Abdullaev. Armor of Ancient Bactria // In the Land of the Gripgon. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. A. Invernizzi ed. Florence, pp. 163-180, а также работу В. Никанорова - Nikonorov V.P. The Armies of Vactria 700 BC-450 AD. Vols. 1-2. Montvert Publications, 1997.

² Толстов, 1948. С. 211-277. 1962; Пугаченкова, 1966а, С. 27-43; О вооружении Средней Азии в ахеменидский период Литвинский, Пьянков, 1966. С. 36-52; Одной из обобщающих работ, посвященных искусству военного дела номадов, является труд Хазанов, 1971; О вооружении саков: Горелик, 1987. С. 110-133, таб. на с. 368-373.

- ³ S. Smith. Babilonian Historical Texts. London, 1924, p.15; см. также: E. Will, Histoire Politique du Monde Hellenistique. Tome I. Nancy, 1979, p. 147.
- ⁴ Здесь можно вспомнить о 16 слонах, посланных Антиоху его генералом из Бактрии, благодаря слонам Антиох разбивает галлов (Гарн, 1949. С. 30).
- ⁵ Сравни, например, сообщения (Liv., XXXVII, 40,4; Pol., V, 84; I Macch., 6,37): ["... и на каждом (слоне) находились четыре сильных воина, которые сражались на них, и при слоне индиец его"].
- ⁶ Стефан Византийский рассказывает о дербиках как о соседях гирканцев. Может быть, они были одной из групп многочисленных саков-массагетов (Пьянков, 1977. С. 53-57).
- ⁷ Более подробная хронология Кампыртепа дается в книге Э.В. Ртвеладзе «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане» (Ташкент, 2002. С. 51), где последний этап функционирования приходится на середину II – вторую половину II в. н.э.
- ⁸ Манера ношения плаща, закинутым назад сближается с македонским обычаем см. об этом К. Абдуллаев. Об одном македонском обычае в костюме Средней Азии // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд. С. 83-91.
- ⁹ Терракотовая плитка была проанализирована в статье Nikonorov V.P., Savchuk S.A. New Data on Ancient Bactrian Body-armor (in the light of finds from Kampyr Tepe) // Iran. №30. The British Institute of Persian Studies, 1992.
- ¹⁰ Трудно согласиться с тем, что на щите изображена «многолучевая звезда», если учесть, что элементы в форме кривых завитков с шишечками на концах абсолютно не согласуются с изображением лучей «македонской» звезды, которая состоит из элементов, напоминающих сильно вытянутую каплю, соединенных в розетку округлыми сторонами к центру и заостренными наружу. См.: З.В. Сердитых и Г.А. Кошеленко. Память о Македонии в Бактрии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. Москва-Магнитогорск, 1999, с. 365.
- ¹¹ Сравни, например, два типа кирас на апулийском кратере из Национального музея Неаполя со сценой погребального костра Патрокла. Селевкидские монеты с изображением Ники с трофеями свидетельствуют об использовании «мускульной кирасы». (Newell, 1978, pl. XXXII; Bernard, 1985, pl. 2, 14-23; Charbonneaux J., Martin R., Villard F. 1988, 249)
- ¹² Сравни, к примеру, реконструкцию М.В. Горелика защитного вооружения персов и мидян (Горелик, 1983. Табл. 5, 2).
- ¹³ М. Митчинер в своем каталоге Британского музея локализует их чекан в Александрии Арейи (Герат) см. M. Mitchiner, Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 5. London, 1975, type 607.
- ¹⁴ Артамонов М.И., Сокровища саков. Москва, Искусство, 1973. «призматическая оковка какого-то квадратного в сечении предмета, спаянная из тонкой золотой пластинки с рельефными, подправленными резцом изображениями».
- ¹⁵ По всей вероятности, с появлением сильнорефлексирующего лука, обладающего бронепробивной силой, можно связать и появление крупных трехлопастных наконечников стрел (3-5 см), как правило, с длинным черешком, рассчитанные на броню. Такие наконечники встречаются и в археологическом комплексе Халчаяна (Табл. I, 6).

Использованная литература

- Абдуллаев К.* К вопросу о воинстве Средней Азии в эллинистическую эпоху // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тезисы международной конференции. Ташкент, 1992.
- Абдуллаев К., Аннаев Т.* Изображение слона в искусстве античной Бактрии // Природа. №5. 1986.
- Беляева Т.* Жилой дом богатого горожанина // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии. К вопросу об этнической идентификации // Российская археология. М., 1997. №1.
- Бикерман Э.* Государство селевкидов. М., 1985.
- Горелик М.В.* Кушанский доспех // Древняя Индия. М., «Наука», 1982.
- Горелик М.В.* Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. №3. М., 1983.
- Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., "Наука", 1987.
- Древности Таджикистана.* Каталог выставки. Под редакцией Е.В. Зеймалю. Душанбе, "Дониш", 1985.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса. Т. 2. М., 2001.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р.* Вотив Атросока из храма в северной Бактрии // ВДИ. №4. М., 1985.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии. Т. 1. М., 2000.
- Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI-IV вв. до н.э. // ВДИ. №3. М., 1966.
- Массон И.М., Рамодин В.А.* История Афганистана. Ч. II, М., 1964.
- Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. № 87. Л., "Искусство". 1976.
- Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Пугаченкова Г.А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры Бактрии. Ташкент, «Фан», 1966.
- Пугаченкова Г.А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. №2. М., 1966а.
- Пугаченкова Г.А.* Скульптура Халчаяна. М., 1971.

- Пушаченкова Г.А.* Еще о Халчаянской скульптуре // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., «Наука», 1987.
- Пушаченкова Г.А.* Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987а.
- Пушаченкова Г.А.* Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа // ОНУ. №4. Ташкент, 1989.
- Пушаченкова Г.А.* Древности Мианкаля. Ташкент, "Фан", 1989а.
- Пушаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др.* Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Пьянков И.В.* Массажеты соседи индийцев // Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М., "Восточная литература", 1977.
- Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
- Ртвеладзе Э., Садуллаев А.* Памятники минувших веков. Ташкент. «Узбекистан», 1986.
- Ртвеладзе Э.В.* К локализации греческой переправы на Оксе // ВДИ. № 4. М., 1977.
- Ртвеладзе Э.В.* Селевкидские монеты из Кампыртепа // ОНУ. №2. Ташкент, 1989.
- Савчук С.* Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. №7. Ташкент, 1984.
- Савчук С.* Шедевры кушанской империи // Советский Узбекистан. №12. Ташкент, 1987.
- Савчук С., Малькеева А.* Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа // ОНУ. №5. Ташкент, 1989.
- Саки Приаралья* // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Под ред. М.Г. Мошковой. М., 1992.
- Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., «Наука», 1989.
- Тарн В.В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., Издательство АН СССР, 1940.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела Сарматов. М., "Наука", 1971.
- Abdullaev K.* Armor of Ancient Bactria // In the Land of the Griphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. A. Invernizzi ed. Florence, 1995.
- Abdullaev K.* Nomadism in Central Asia // In the Land of the Griphons. Firenze, 1995.
- Abdullaev K.* Nomad Migration in Central Asia // After Alexander Central Asia before Islam. Proceedings of the British Academy. 133. 2007.
- Bernard P.* Campagne des fouilles 1978 a Ai Khanoum (Afganistan) // CRAI. 1980.
- Bernard P.* Les Monnaies Hors Tresors. Question d'Histoire Greco-Bactrienne. Fouilles d'Ai Khanoum // IV, MDAFA, T.XXVIII, 1985.
- Bernard P.* Les nomads conquerant de l'Empire grec-bactrien. Reflection sur leur identite ethnique et culturele // CRAI, Paris, 1987.
- Charbonneaux J., Martin R., Villard F.* La Grecia ellinistica (330-350 A.C.) Milano. Biblioteca Universale Rizzoli, 1988.
- Göbl R.* Munzprägung des Kusanreiches. Wien, 1984.
- Grenet F.* L'Athena de Dilberdzin // Cultes et Monuments Religieux dans l'Asie Centrale Preislamique. Paris, 1987.
- Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology 5. Kamakura, 1997/1998.
- Kulture and Art of Ancient Uzbekistan.* Exhibition catalogue. Editore-in-Chief: Abdullaev K., Rtveldze E.V., Shishkina G.V. Vol. I. Moscow, 1991.
- Launey M.* Recherches sur les Armees Hellinistiques. T.I. Paris, De Boccard, 1987.
- Litvinskiy B.A., Pitchikjan I.R.* Decouvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane Septentrionale.- Revue Archeologique, 1981.
- Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 4. London, 1975.
- Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 5. London, 1975.
- Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. 6. London, 1976.
- Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints // Numismatic studies №.1. New York, 1978.
- Nikonorov V.P.* The Armies of Bactria 700 BC-450 AD. Vols. 1-2. Montvert Publications, 1997.
- Nikonorov V.P., Savchuk S.A.* New Data on Ancient Bactrian Body-armor (in the light of finds from Kampyr Tepe) // Iran. №30. The British Institute of Persian Studies. 1992.
- Robinson H.R.* Oriental armour. London, 1967.
- Rostovzeff M.* The Excavations at Dura-Evropos. IV, 1933.
- Sarianidi V.I.* Bactrian Gold. Leningrad. Aurora Art Publishers. 1985.
- Tarn W.W.* Hellinistic Military and Naval Developments. London, 1930.
- Tissot F.* Gandhara. Paris, 1985.

Е.И. Баданова

ТЕКСТИЛЬ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (на примере Мунчактепа)

Культурное развитие Средней Азии в раннее средневековье связано с рядом важных исторических событий, определивших главные направления художественного творчества, смены традиций и стилей в изобразительном и прикладном искусстве народов, населявших историко-культурные регионы Согда, Бактрии-Тохаристана, Чача и др.

Пестрота политической карты среднеазиатского региона в определенной мере отражает и своеобразие художественной культуры и развитие ремесел. Взаимовлияние творческих достижений различных этносов на основе старых традиций дает новый импульс развитию ряда ремесел, таких как стеклоделие, производство бумаги, шелкоделие, гончарство и т.д. и т.п.

Если говорить предельно кратко, то главными вехами истории были вторжение на территорию Средней Азии хионитов, эфталитов, тюрков с Востока, усиление влияния танского Китая, экспансия сасанидской империи с Ближнего Востока, сложные политические отношения Византийского царства с сасанидским Ираном, куда были вовлечены и народы среднеазиатского региона. Однако, несмотря на военный характер сложившейся ситуации, культурное взаимовлияние всех вовлеченных в этот сложный клубок народов наглядно демонстрируют археологические открытия от берегов Средиземноморья до берегов Тихого океана. И, конечно же, не на последнем месте в культурном обмене различных народов стоит торговля, прежде всего Великий шелковый путь, несущий традиции многих этносов с Востока на Запад и в обратном направлении.

Исследуемые в настоящей статье материалы памятника Мунчактепа в Ферганской долине в определенной мере отражают те сложные явления, которые происходили в ремесленном производстве, в частности текстиля, многие аспекты которого еще предстоит изучить.

Заметное влияние на развитие такого вида текстиля, как шелк, оказывает Китай династии Тан (Лубо-Лесниченко, 1978). В качестве яркого примера можно привести ткани эпохи Тан с

абровым рисунком из захоронения Дулан – выполненными в технике «абрбанди», впоследствии получившей широкую популярность в Средней Азии, а в наше время – и всемирную известность под названием *ikat*. Шелкоделие и шелкоткачество существуют в Китае с незапамятных времен; сохранились раритетные образцы шелков раннего периода Qin (306 до н.э), шелка династии Ханьшуй (206 до н.э) с мотивом мчащихся среди туманных гор животных, ткань, которую ткют с иероглифами “延年益寿长葆子孙”, означающими “долголетие для старших, благословение и защита для потомства”. Ткань, получившая название “Персидский самит”, с мотивами слонов, верблюдов, крылатой лошади, львов и относится ко времени Северных династий (386-581 гг. н.э.), говорит о влиянии западных областей. Территориальная «соседская» близость, расположение на одном отрезке Шелкового пути, интенсивный товарообмен не только обеспечивали импорт готовых материалов, но и облегчали заимствование сырья и технологий.

Интересны находки образцов китайского шелка на территории стран Ближнего Востока (Месопотамия, Малая Азия, Иран), а также распространение наиболее популярных мотивов ближневосточного характера и в особенности сасанидского искусства в орнаментации китайского шелка. Культурное влияние сасанидского Ирана, что проявляется не только в форме костюма, но и в его декорировке и орнаментации тканей. О широком распространении полихромных шелков, украшенных сасанидскими мотивами, свидетельствуют стенные росписи Афрасиаба (Альбаум, 1975), Варахши, Пенджикента, Балалыка¹. В областях Восточного Туркестана знатные жители Хотана и Кучара также используют для парадных одежд узорчатые шелка, однако здесь, в отличие от Согда и Бактрии, «этот шелк служит, как нередко в Ноин-Уле и Пазырыке, покрытием шерстяных или войлочных частей одежды» (Дьяконова, 1980; Руденко, 1962. С. 40, рис. 34, XII). Это, несомненно, связано с более

низкими среднегодовыми температурами и более суровыми погодными условиями Восточного Туркестана.

Возникновение шелководства и шелкоткачества в Восточном Туркестане А. Стейн, опираясь на археологические данные, отнес к III в. (Stein, 1928. P. 373). А.Н. Бернштам выделил в материалах Кенкольского могильника образец грубого шелка, резко отличный от других шелковых тканей более высокого качества и высказал предположение, что речь может идти об образце местного производства. (Бернштам, 1950. С. 65). Принято считать, что шелковые ткани получили распространение в Согде уже к рубежу н.э. В VII в. н.э, а может быть, и раньше, среднеазиатские шелковые ткани достигли такого совершенства, что получили высокую оценку и охотно приобретались даже в Китае (Schafer, 1963. P. 202).

В 1987 году сотрудники Ахсикетской экспедиции под руководством А.А. Анарбаева² вели раскопочные работы в окрестностях современного г. Пап Наманганской области Узбекистана и обнаружили на правом берегу Сырдарьи, в полутора километрах от г. Пап размытый дождями крупный могильник Мунчактепа. Археологи Матбабаев Б. и Абилов Ш. произвели здесь раскопки и выявили, помимо ряда одиночных захоронений, систему подземных склепов с массовыми захоронениями в камышовых гробах, многие из которых демонстрировали хорошую сохранность сопроводительного инвентаря и одежды (Анарбаев, Матбабаев, 1990; Anarbaev, Matbabaev, 1994).

Находки подлинных одежд в захоронении Мунчак-тепа.

Краткую фиксацию материала в захоронениях мы находим в отчетах в Институт археологии АН РУз реставраторов А. Елкиной и М. Реутовой; благодаря им, мы представляем общую картину захоронений. Первым публикатором текстиля из Мунчактепа стала Г. Майтдинова, однако в своих публикациях она почти не приводит конкретный материал, ограничиваясь своими готовыми выводами и реконструкцией. По мнению Майтдиновой, «одежда выполнена в общем центральноазиатском средневековом стиле: подол, плечевые швы, концы рукавов и набедренная одежда обшиты декоративной тканью» (Матбабаев, Майтдинова, 1995). Однако Центральная Азия – это огромный регион, где в раннее средневековье проживало великое множество различных, непохожих друг на друга этносов, о каком же «общем центральноази-

атском средневековом стиле» идет речь? В течение почти двух десятилетий автор раскопа повторял выводы Майтдиновой из публикации в публикацию (Матбабаев, 1994, 2007, 2009 и др.) без каких-либо изменений.

В одной из своих публикаций Б. Матбабаев (Матбабаев, 1999) привел два образца ткани с узором. Автор не дает их описания, ограничившись лишь общим утверждением, что «для украшения использованы полихромные шелка типа самит с растительным рисунком». Однако ткань, прорисовку которой приводит автор, не является полихромной и представляет собой шелковую камку с ткацким узором из рядов синусоидов, проще говоря, «подковок».

Второй орнамент состоит из повторяющихся четырехлепестковых розеток. Розетки, по всей видимости, расположены диагональными рядами. В качестве наиболее близкой аналогии к ней можно привести ткань из могильника Дулан, орнаментированную четырехлепестковыми розетками, расположенными диагональными рядами. (Zhao Feng, 2002. P.104). Варьируется лишь форма розеток – на ткани из Дулана они округленные, на ткани из Мунчактепе их лепестки более узкие и розетка приближается к крестообразной форме. В орнаментации ткани из Дулана есть интересная особенность: одна из розеток иногда заменяется на изображение птицы или птичьего крыла; ритмичность рисунка при этом не нарушается. Фрагмент ткани из Мунчак-тепе слишком мал, чтобы определить, были ли на его ткани какие-либо другие изображения, кроме розеток.

На данный момент информация по могильнику Мунчактепа обобщена в двух публикациях. В 2009 году вышла монография Матбабаева Б.Х. (*К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья*), в аннотации к которой автор пишет: «Впервые в полном объеме вводятся в научный оборот артефакты из уникального могильника Мунчактепа с великолепно сохранившимися изделиями из ткани, дерева, кости, камыша и т.д.». Существовала возможность, что в своей итоговой работе автор, наконец, опубликует давно ожидаемую исследователями костюма подробную информацию о расположении *in situ* на костяке текстильных фрагментов при вскрытии захоронений в виде послонных фотографий, схем, описаний и измеров. К сожалению, этого не случилось, вероятно, по той причине, что детальной фиксации фрагментов, без которой невозможна полноценная реконструкция, автором раскопа не производилось, таким образом, бесценная ин-

Рис. 1-2 – образцы полихромного шелка из Мунчактепа (изнанка)

формация была утрачена безвозвратно.

Вторая публикация – вышедшая в 2010 году коллективная монография в соавторстве со специалистами Китайского национального музея шелка (*Early Medieval Textiles and Garments of Fergana Valley by materials from burial ground of Munchaktepa in Uzbekistan*) на китайском, русском и английском языках. Китайские специалисты в лабораторных условиях всесторонне обследовали образцы тканей, произвели радиоуглеродный анализ C^{14} , спектральный анализ, микроскопическое изучение и т.д., привели попытку реконструкции наиболее хорошо сохранившихся костюмов³. Однако многие аспекты исторической и культурной интерпретации не рассмотрены ни в вышеприведенных, ни в более ранних трудах, и данная статья призвана в какой-то мере восполнить эти пробелы. Некоторые затронутые здесь проблемы заслуживают отдельных исследований.

Сохранность хлопчатобумажных тканей в целом гораздо хуже, чем шелковых. Иногда они видны лишь в виде следов, прилипших к изнанке шелковой ткани (рис. 1). Однако в редких случаях некоторые фрагменты сохрани-

лись достаточно хорошо, так что четко фиксируется их окраска – в данном случае красная – и полотняное переплетение. Судя по остаткам хлопковых тканей, ими были продублированы шелковые фрагменты. Часто основная часть одежды была изготовлена из хлопчатобумажных тканей, а шелковые детали дополняли ее, из шелка были выполнены лишь некоторые детали. Но и в этом случае каждый шелковый элемент был продублирован хлопчатобумажной тканью, видимо, для лучшей ее сохранности. Кроме того, подкладка удерживает форму скроенной детали, предохраняя ее от растяжений, перекосов и принимая на себя основную нагрузку.

При исследовании текстильных остатков нам не удалось найти подтверждение тезису Г. Майтдиновой о том, что «ворот, подол и манжеты (обшивка) были съемными». Не обосновано утверждение, что «в двух случаях для декорировки ворота использованы даже ткань занданечи». Действительно, в нескольких случаях ворот отделан шелком типа самит, но вряд ли речь может идти здесь о согдийских тканях, к которым принято относить зандане-

Рис. 3-4 – фрагменты контурной аппликации, декор женской верхней одежды из погребения В-6 Мунчактепа

Рис. 5-6 – фрагменты контурной аппликации, декор женской верхней одежды из погребения В-6 Мунчактепа. Общий вид, современное состояние

чи. Это видно по некоторым особенностям перекручивания нити и по характеру орнамента (рис. 2).

Приемы декорировки.

Наиболее выразительным образцом является богато украшенное аппликацией одеяние пожилой женщины из погребения В-6.

Одежда носилась в несколько слоев, открывая нижнее, столь же богатое платье, открытый ворот которого, в свою очередь, позволял видеть еще одно надетое внизу платье. Эта демонстрация богатства, т.е. количества надетых одна поверх другой одежд согласуется с общими принципами построения этнографического костюма.

«Реконструкция» орнамента Г. Майтдиновой груба и неточна. На самом деле орнамент представлял собой тончайшую контурную аппликацию с десятками сложных растительных мотивов, выполненную из тонкого (2,5-3 мм в готовом виде) шелкового канта, подогнутого с обеих сторон и прикрепленного к хлопковой основной ткани тонкими косыми стежками с

расстоянием между ними около 2 мм (рис.3). Направление нитей шелкового канта – поперечное. Косая бейка, более гибкая и пластичная, с легкостью повторяющая изгибы прихотливого орнамента, хотя сильно увеличивающая расход ценной ткани, была изобретена гораздо позже, но в данном случае вопрос изгиба поперечного канта был решен очень изобретательно и изящно. Стежки крепления перехлестывают кант наискось по его ширине, одновременно слегка присборивая его (рис.4). При этом достигаются две задачи – за счет большей или меньшей сборки полоска ткани с легкостью изгибается в нужную сторону, следуя рисунку, и одновременно обогащается фактура, приобретая светотеневой эффект витого шнура (рис. 5).

Орнамент был исполнен с бесконечным терпением и тщанием, и для реконструкции его была необходима скрупулезная фиксация его положения на ткани, которую он украшал. Этого, по всей видимости, проделано не было, во всяком случае, в публикациях Г. Майтдиновой не содержится ни малейших указаний на по-

Рис. 7-8 – узлы-банты из разных могил Мунчактепа

Рис. 9-10 – узлы-банты из разных могил Мунчактепа

добную попытку; на это указывает самая неточность ее реконструкции.

Современное состояние орнамента – завернутая в бумагу беспорядочная груда перемешанных мелких фрагментов канта с изгибом и без (рис. 6), лишь изредка представляющих целый мотив (рис. 3-5). На основании одного из мотивов (рис. 3, 5), многократно увеличенного в масштабе и взятого за основу произвольной композиции, выполнена «реконструкция» Майтдиновой. Фактически узор был гораздо мельче, тоньше и сложнее. Судя по многочисленным сохранившимся мотивам, орнамент имеет корни, уходящие в древность (рис. 3, 4, 5). Подобные элементы растительного орнамента встречаются во многих жанрах изобразительного и декоративно-прикладного искусства: в глиптике (Gignoux, 1978, Pl. XV, 4.116), декоративном оформлении оссуарных сюжетов, в резьбе по кости, ганчу, в художественном металле, росписях и т.д. Можно предположить, что перед нами ранний прототип декора, впоследствии развившегося в зрелый

стиль «ислими».

Банты (узлы) с элементом плетения. На реконструкции Майтдиновой, кочующей из книги в книгу (Майтдинова, 1992, 2004; Матбабаев, 1999; Яценко, 2006), они изображены без попытки передать их реальную форму, в виде «кукольных» бантов, нашитых в ряд. В книге (Early Medieval..., 2010) узлам также не уделено особенного внимания, они просто названы здесь «круглым узлом», «круглым бантом» - (Early Medieval..., 2010. С. 99, 107, 113, 145); в английском тексте – «round knot» или «knotted ribbon». О предполагаемом назначении их сказано в первой главе, где они предстают «многочисленными бантами, имитирующими цветы» (Early Medieval..., 2010. С.145). Майтдинова также считает эти банты декоративными⁴. Однако эти «банты» не столь просты, как это представляет реконструкция Майтдиновой. Несомненно, они украшают одежду, но только ли украшают? De visu поражает, в первую очередь, многочисленность и распространенность в костюмном комплексе «бантов», затем – осо-

Рис. 11. Схема завязывания узла из одной и двух полос ткани

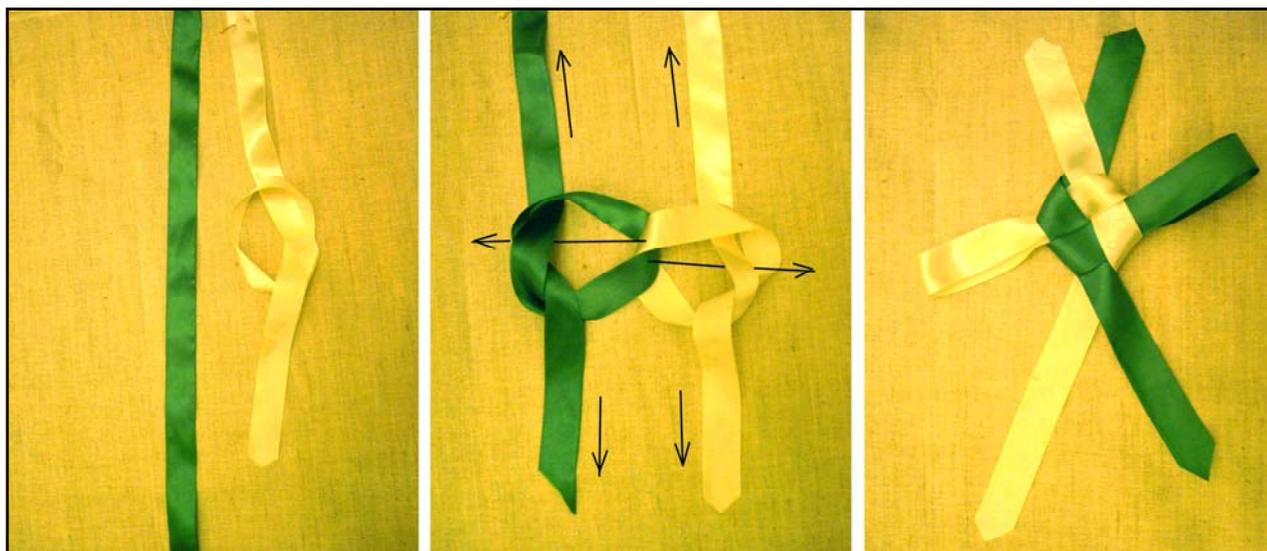

Рис. 12. Схема завязывания узла из одной и двух полос ткани

бый, необычный стиль вязки узла. Крупные, средние, миниатюрные – все они сплетены оригинальным квадратным узлом (рис. 7-10). Узел этот заслуживает особого внимания.

Существует несколько вариантов подобного узла, иногда его называют узлом «свастика», «китайским», узлом добродетели (Sauvastika Knot, The Virtue Knot, Wangzi Knot) (<http://www.chineseknots.net/Sauvastika-Knot.html>); разновидности его считаются магическим узлом удачи или счастья. Можно с большой долей уверенности предположить, что именно с магическим значением связано обилие этих узлов в захоронении.

С глубокой древности у многих народов узел выступает неизменным элементом разнообразных духовных практик, обрядов и поверий, заговоров и заклинаний. Символически узел может трактоваться по-разному, например, означать удержание, фиксацию желательных качеств или элементов или представлять заграждение, защиту от нежелательных влияний, то есть служить оберегом. Завязывание узла «свастика» требует достаточно развитого абстрактного мышления (рис. 11-12); сама процедура завязывания или развязывания узла могла быть магическим актом, приуроченным к важному событию в жизни, достижению определенного возраста или статуса и т.д. Завязанный узел у разных народов может означать целый круг понятий: непрерывность, бесконечность; возрождение, бессмертие; человеческую жизнь, предопределённость бытия, связь, единение; соглашение, родственные связи, супружество, брак. Узлы привязывали человека к кругу земного существования и использовались как оберег, охранительный талисман про-

тив порчи и нечистой силы. По поверьям разных народов, во многих культурах и Азии и Европы, узел удерживал и привязывал к человеку здоровье, благополучие. Широко распространено мнение, что, пока злой дух или существо не распутает всех узлов, они не смогут вредить человеку. В сельскохозяйственной магии он мог быть солярным символом; с помощью узлов «привязывали» плодородие. (Фоли, 1997; Энциклопедия символов..., 1999).

Орнаменты в виде ленточных узлов или сплетений широко распространены в Китае. Обычно они символизируют долголетие, удачу, судьбу, предназначение, непрерывность течения жизни; привязывают добро и охраняют от зла. Узел о пяти концах может переключаться по значению с древней китайской пентаграммой У-Син (Пяти Стихий), углы которой символизируют: воду, землю, дух, огонь и воздух, - пентаграмма олицетворяет союз и взаимодействие этих пяти стихий. Пять концов узла могут также символизировать пять благ: счастье, здоровье, мир, добродетель, долгую жизнь. В Древнем Египте, например, узел рассматривается как вместилище магической силы, которую олицетворяет скрытый зародыш, распускающийся из своего божественного первоначала:

«Я - узел судьбы мира, скрытый в прекрасном священном дереве.

Недвижен я, большой узел скрытого во Вчере.

В моей руке лежит Сегодня».

(«Книга Мёртвых», гл. 42).

Узлы, аналогичные найденным в Мунчактепа, встречаются и других погребениях, например, Yingpan (Wenyong, 2006, p. 261), где два та-

Рис. 13. Образец гладкого шелка, наиболее распространенного в Мунчактепа. При увеличении видно, что кручение почти отсутствует

ких банта-узла подвешены к шелковому мешочку. Назначения мешочка мы точно не знаем, но, судя по малым его размерам и богатым украшениям, он предназначался для хранения ценного, возможно, сакрального вещества или предмета.

Цветовая гамма. Некоторое впечатление о ней мы можем получить de visu, но, учитывая то, что на сегодняшний день прошло более 20 лет после извлечения из погребения, а текстильные материалы, хранящиеся в обычных условиях, при доступе воздуха, могут буреть и чернеть, то большую ценность может иметь впечатление людей, участвовавших во вскрытии захоронений, либо видевших материал вскоре после него. Так, в публикации Г. Майтдиновой, которая ознакомилась с материалом вскоре после вскрытия захоронений, отмечаются красный, синий и лиловый цвета шелкового декора, красный цвет детской одежды, красный

Рис. 14а

Рис. 14, 14а Фрагмент камчатной ткани из Мунчактепа (дамаск, вариант - дамаст)

цвет шелковой ткани аппликации и красная же ткань обшивки бортов халата. Ценны для нас указания реставраторов, непосредственно участвовавших во вскрытии могил. В реставрационном отчете, кроме красного, упоминается еще и ярко-зеленый цвет (Ильхамов, Реутова, Сукасян, 1989). Реставратор А.К. Елкина упоминает многочисленные фрагменты красной шелковой ткани, окрашенной мареной красильной, более редкие фрагменты голубой и синей, окрашенной индиго и фрагменты желтой ткани. А.К. Елкина предполагает, что желтая ткань также была окрашена мареной, но в последней, истощенной ванне (Елкина, 1990).

В современном состоянии тканей визуально отмечаются красные, коричневые, желтые, синие цвета местных шелковых тканей, интересен небольшой фрагмент красной хлопчатобумажной ткани (остальной хлопок почернел и побурел).

Рис. 15. Образцы полихромного шелка из Мунчактепа (изнанка)

Рис. 16. Гребень из Мунчактепе

Версия об окраске желтой ткани слабым (истощенным) раствором марены красильной вызывает некоторое сомнение. Дело в том, что оттенок желтого слишком интенсивен, чтобы быть окрашенным в истощенном растворе и полностью лишен того оранжево-розового оттенка, что присущ марене даже в слабой концентрации. В целом желтый цвет мунчактепских тканей имеет скорее холодный оттенок, однако определение растительного сырья, применявшегося при его окраске, требует анализа, так как желтый цвет мог быть достигнут применением самых различных растений, произрастающих в регионе. Анализ красителей мог бы оказаться полезным для более точного определения места производства тканей, так как в этом вопросе нет полной ясности.

Вопрос о происхождении. Первые публикации (Матбабаев, Майтдинова, 1995) априори сочли гладкие ткани местными (напр., рис. 13), камчатные узорчатые ткани (рис. 14, 14а) – китайскими, с чем можно согласиться, но полихромную обшивку (рис. 2, 15) вряд ли можно отнести к шелкам «занданечи».

Декор и крой одежд по некоторым параметрам напоминает находки могильника Мошевая Балка на Северном Кавказе. Принцип пошива основной части одежды из более дешевой гладкой однотонной материи с дорогой отделкой из шелковых привозных тканей, «сшивавшихся одна с другой в виде каймы, которую нашивали по обшлагам, по подолу, у ворота и вдоль центрального разреза длиннополых кафтанов, иногда по всему рукаву» (Иерусалимская, 1967. С. 58.) – тот же, что и в Мунчактепе. А.А. Иерусалимская объясняет изобилие шелков на Северном Кавказе и различное их происхождение прохождением в этих краях постоянно действующего транзитного торгового пути. В качестве наиболее близкой аналогии

можно привести материалы Карабулакского могильника (Баруздин, 1961).

Место производства шелка – самый острый и спорный вопрос. Результаты анализа C^{14} , сделанного в лаборатории Пекинского университета, оказались несколько неожиданными. Радиоуглеродный анализ образца гладкого шелка полотняного переплетения из погребения 5 Мунчактепе показал 20,5% - 235 AD; 47,7% между 275-335 AD; 94,4% между 210-390 AD (Early Medieval... 2010, p.265), то есть на 200 - 300 лет старше, чем автор раскопа датировал весь комплекс (V-VIII вв.) (Матбабаев, 2009. С.103). С одной стороны, эти данные позволяют удревнить комплекс, с другой – приводят авторов (Early Medieval..., 2010) к выводу, что «обнаруженные образцы парчи позволяют с большей уверенностью утверждать, что структура парчового узора была впервые изобретена и соткана на территории Согда. Скорее всего, ткань производилась в Согде, а затем по Шелковому пути переправлялась в Фергану. Возможно также, что ткань производилась на территории самой Ферганы. Непонятна логика, по которой возникло это сомнительное утверждение. Каким образом ранняя датировка (III-IV вв.н.э.) образчика одного из видов шелка, найденных в погребении V-VIII вв.н.э., может доказывать, что другой вид ткани, найденный в том же погребении и не повергавшийся тестированию, «... был изобретен и соткан на территории Согда (...) Возможно (...) Ферганы»? Как говорит о подобной логике пословица, «в огороде бузина, а в Киеве – дядька». Каких-либо серьезных аргументов в пользу того, что сложные многоутковые шелка произведены, и тем более «изобретены» на территории Ферганы, приведено не было. Можно почти уверенно сказать, что конкретная этническая община, чьи представители были захоронены в некрополе Мунчактепе, к производству шелков, в особенности сложных, отношения не имела. Производство шелка в таких масштабах, в каких он применялся в одежде жителей, оставило бы гораздо больше следов в материальной культуре. В захоронениях найдено множество предметов, говорящих о занятиях и ремеслах упокоившихся в них людей, при этом предметов, имеющих отношение к текстильному производству, крайне мало – всего лишь несколько пряслиц – находка, весьма распространенная при раскопках практически любого памятника. Несколько найденных в захоронениях деревянных гребней можно отнести скорее к головным, нежели ткацким (рис. 16).

Что касается происхождения орнаментированных тканей из Мунчактепе, то, судя по их тождеству с китайскими тканями, а также ограниченному, крайне бережливому их использованию лишь для окантовок, воротников и других небольших, но важных и видных элементов костюма, то с большой долей вероятности можно предположить их китайское происхождение

По мнению С.А. Яценко, «преобладал де-леж дорогих импортных тканей среди местных жителей относительно мелкими кусками» (Яценко, 2006. С. 298; Иерусалимская, 1972. С. б). Если так оно и было, то это объясняет особенности кроя - использование в одежде из местных хлопковых тканей декоративной отделки из драгоценных импортных трудоемких в изготовлении тканей в виде отделочных полос, окантовок, воротников, «кокоток», кармашков и других накладных деталей. Интересен также тот факт, что, несмотря на то, что отделочные детали из драгоценного самита невелики по размерам, а иногда и очень малы, они почти не повторяются в разных комплектах одежды, то есть изготовлены не из одного куска ткани, а взяты от разных. Это подтверждает вышешриведенные предположения А. Иерусалимской и С. Яценко.

Какими путями, кроме торговли, осуществлявшейся во многих торговых точках на протяжении Шелкового пути, могли распространяться импортные товары? «Местные племена, вла-

дея подступами к перевалам, не принимали непосредственного участия в торговле этих двух стран, довольствуясь лишь своего рода пошлинами, выплачивавшимися им обеими сторонами шелком, который делился затем между членами родов и семей за право воспользоваться перевалами (а может быть, и лошадьми) и пройти по их территории» (Иерусалимская, 1967. С. 73). И хотя это сказано о Мочевой Балке, приблизительно та же ситуация могла сложиться и для жителей Мунчактепе. Однако взимание таможенных пошлин шелком – не единственный источник получения ценных товаров. «Дом Хань договорился с домом Хуннов быть братьями и потому посылает Шаньюю чрезвычайное количество даров. Нарушение договора и разрыв братского согласия всегда происходили со стороны Хуннов. (...) Почему посылаю надеваемый (то есть лично им носимый) вышитый кафтан на подкладке, длинный парчевый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, носороговую пряжку к поясу золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей, 30 кусков камки, и 40 кусков шелковых тканей, темно-малинового и зеленого цвета». (Бичурин, 1950. Т.2. С.25). Способ проникновения тканей и одежд на территорию соседнего или даже более отдаленного государства в виде подарков, замаскированной или откровенной дани, также был широко распространен.

Сноски

¹ Ал-Мукаддаси приводит список ткацких изделий и вывозившихся на продажу тканей; список ткацких изделий Самарканда и Бухары был особенно внушительным и разнообразным. В Бухаре названы «мягкие ткани», в Самарканде – «ткани серебристые» (симгун), парча и «красные ткани» (мумаррджал), ткань «синизи» (полотняная), «много шелка и шелковых тканей, сделанных как бы из одного куска». Из Ферганы и Исфиджаба вывозились «белые» ткани (Крачковская, 1958. С. 615-619). Более всего ценились орнаментированные ткани.

² Выражаю благодарность А.А. Анарбаеву за любезное разрешение публикации материала и предоставленную информацию. Благодарю директора Наманганского музея И. Юсупова, Папский районный хокимият за всемерное содействие и жителей г. Пап за гостеприимство.

³ К сожалению, русский текст в этой книге оказался ущербным в силу неидентичности английскому оригиналу, в первую очередь, из-за неточности перевода некоторых специальных текстильных терминов (так, например, «silk tabby» переведен как «муар»; silk samit как парча – при переводе специальных терминов следовало бы воспользоваться специальными, а не общими словарями (см. например, Иерусалимская, 2005). Имеется разница между гладким шелком полотняного переплетения и муаром, имеющим репсовое переплетение и фактуру в мелкий тисненый рубчик. Текст изобилует различными «ляпами» - читателя озадачит «краска маренго», «вставной воротник с верхним свитером, имеющим воротник» (стр.144) и т.д. и т.п. Помимо того, в русский текст введены фразы, отсутствующие в английском тексте и не соответствующие действительности. Например, в послесловии на стр. 270 сказано: «Все иллюстративные материалы подготовлены Б. Матбабаевым». Однако, не считая нескольких видовых снимков, карт-схем, фото раскопа и нескольких находок, основная часть снимков и иллюстраций в книге сделана китайскими специалистами по шелку, причем большинство – в условиях специализированных лабораторий (School of Archaeology and Museum in Peking University, Zhejiang Sci-Tech University etc).

⁴ В то же время Г. Майдинова предполагает, что такими бантами завязывался ворот (Майдинова, 2004. С. 210-211). Однако очевидно, что в большинстве случаев узлы завязывались отдельно, лишь потом крепились к ткани, то есть не несли функциональной нагрузки.

⁵ Все фотографии данной статьи выполнены автором.

Используемая литература

- Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х.* Мунчактепа – городской могильник в Северной Фергане // ОНУ. 1990, № 10, с. 44-49.
- Баруздин Ю.Д.* Кара-Булакский могильник // ИАН КиргССР. Серия общественных наук. Т. III, вып. 3 (История) Фрунзе, 1961. стр. 43-82.
- Бернштам А.Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции “Чуйская долина” // МИА. № 14, М.-Л., 1950.
- Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. М.-Л., 1950.
- Дьяконова Н.В.* К истории одежды в Восточном Туркестане // Страны и народы Востока. Вып.22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Кн. 2. М., 1980.
- Елкина А.К.* Реставрационный отчет. 1990.
- Иерусалимская А.А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. с. 5.
- Иерусалимская А.А.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. 1967, №2.
- Иерусалимская А.А.* Словарь текстильных терминов. С-Пб., 2005.
- Ильхамов Ш., Реутова М.А., Сукасян Ж.* Отчет о работе реставрационной группы в 1988 году. Самарканд, 1989.
- Крачковская В.Ю.* О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (Мервские ткани IX-X вв.) // Материалы Первой Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте 4-11 июля 1957 г. Т., 1958, с. 615-619.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Шелковый путь в период Шести династий (III-VI вв.) Труды ГЭ, т.19. Л., 1978.
- Майтдинова Г.М.* Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. Душанбе, 1992.
- Майтдинова Г.М.* История таджикского костюма. Т.1. Душанбе, 2004.
- Матбабаев Б.Х.* Древний Пап (К вопросу о возникновении и этапах развития города) // Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Самарканд, 1994.
- Матбабаев Б.Х.* Могильник Мунчактепа в Северной Фергане. 1999.
- Матбабаев Б.Х.* Древние истоки ткачества Ферганы // Фан ва турмуш. 2007, №№ 5-6.
- Матбабаев Б.Х.* К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009.
- Матбабаев Б.Х., Майтдинова Г.М.* Ткани и одежда из Мунчактепа // Археология и художественная культура Центральной Азии. Тезисы докладов. Ч.2, Ташкент, 1995.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.
- Фоли Дж.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1997.
- Энциклопедия символов*, знаков, эмблем. М., 1999.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). Москва, 2006.
- Anarbaev A., Matbabaev B.* An Early Medieval Urban Necropolis in Fergana / Silk Road Art and Archaeology. 3. Kamakura, 1993/94, pp. 223-249.
- Early Medieval Textiles and Garments of Fergana Valley by materials from burial ground of Munchaktepa in Uzbekistan/* Chief editor: Matbabaev B., Feng Zhao (Ткани и одежда раннесредневековой Ферганы по материалам могильника Мунчактепа в Узбекистане). 2010.
- Gignoux Ph.* Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. II. Les sceaux et bulles inscrits. Paris, Bibliothèque Nationale, 1978m
- Li Wenyang.* Textiles of the Second to Fifth Century Unearthed from Yingpan Cemetery // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte 9. Edited by Regula Schorta. 2006, pp. 243-264.
- Schafer E.H.*, The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley – Los Angeles, 1963.
- Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I. Oxf., 1928.
- Zhao Feng.* Recent Excavations of Textiles in China. Hangzhou, 2002.
- <http://www.chineseknots.net/Sauvastika-Knot.html>

Ш.Т. Адылов

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО СОГДА (в свете проблемы «тирании Аброя» и тюрко-сасанидского конфликта)

Мировая история свидетельствует – крупные, равные по могуществу и непосредственно соседствующие государства по природе своей не способны сосуществовать мирно достаточно продолжительное время. Неизбежные противоречия и споры из-за пограничных территорий, сфер влияния, рынков сбыта и т.д., как правило, оборачивались конфликтами, часто военного характера с весьма печальными последствиями для одной или даже всех сторон. В этом аспекте не является исключением история взаимоотношений Тюркского каганата и Сасанидского Ирана.

Как известно, каганат был основан в 551 г. Основатель государства Бумын сначала объединил тюркские племена теле и далее, разгромив племенное объединение жужаней, создал мощное государство на территории Монголии и Алтая. Затем он принял титул хахан (каган). При одном из его сыновей хахане Мухане (553–572 гг.), произошло дальнейшее расширение государства на восток и запад. Западный поход на первых порах возглавлял брат Бумына и соправитель каганата Истеми, который уже в середине 50-х годов VI в. достиг окраин эфталитского государства, а также земель, попавших в зависимость от Ирана. В конечном итоге к 576 г. западные границы каганата достигли Черного моря, когда тюрками был захвачен Боспор Киммерийский (Керчь) (Гафуров, 1989. С. 270; Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 131).

Во времена Истеми некогда мощное эфталитское государство уже находилось в глубоком упадке, тогда как Иран под управлением шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579 гг.) достиг вершины могущества. Отношения тюрков и эфталитов с самого начала не могли быть мирными. Еще в конце V в., отложившись от империи жужань, племена теле попытались создать свое государственное образование, известное по китайским хроникам как Гаогюй (Высокая телега). Теле находились в постоянных раздорах с эфталитами. Последние, «разобравшись» с Ираном, затем разбили и теле, превратив их в вассалов (Гумилев, 1967.

С. 16-18). Поэтому вполне естественно, что поначалу Иран и каганат были союзниками, поскольку боролись против общего врага.

Обе империи установили тесные связи. Как сообщает Фирдоуси, шаханшах Кисра Ануширван (Хосров I) даже породнился с тюркским хаханом (т.е. с Истеми) – женился на его дочери (Птицын, 1947. С. 304; Фирдоуси, 1989. С. 126, 253-254). От брака с тюркской принцессой у шаханшаха родился сын Хурмузд (Хормизд IV, 579–590 гг.), который и унаследовал трон (Фирдоуси, 1989. С. 247, 623). Согласно тому же автору, у Хурмузда было еще пять младших братьев – родных или сводных (Фирдоуси, 1989. С. 247). Однако не исключено, что у Хосрова I были такие сыновья, которые родились раньше Хормизда IV, поскольку шаханшах, подобно всем представителям иранской аристократии содержал обширный гарем, притом еще задолго до женитьбы на тюркской принцессе. Однако, среди всех женщин гарема тюрчанка, по-видимому, была единственной женой, равной шаханшаху по крови, что и определяло выбор в пользу Хормизда IV в качестве наиболее легитимного и достойного преемника. Можно с большой долей вероятности предположить, что именно серединой 50-х годов VI в. датируется женитьба Хосрова I на тюркской принцессе и рождение Хормизда IV.

Уже после этих событий началась война между тюрками и эфталитами. Между 560 и 567 годами в решающей битве под Бухарой тюрки разгромили армию царя эфталитов Гатифара и установили полный контроль над большей частью территории поверженного государства. Уцелевшие в сражении эфталиты бежали на юг – в Тохаристан, до которого тюрки пока еще не добрались. Здесь возникло новое государство эфталитов, а его царем стал правитель Чаганиана Фаганиш. Узнав об этом, Хосров I предпринял поход против него, и эфталиты были вынуждены признать над собой власть Ирана (Гафуров, 1989. С. 272-275).

После разгрома эфталитов и раздела их земель отношения между союзниками стали на-

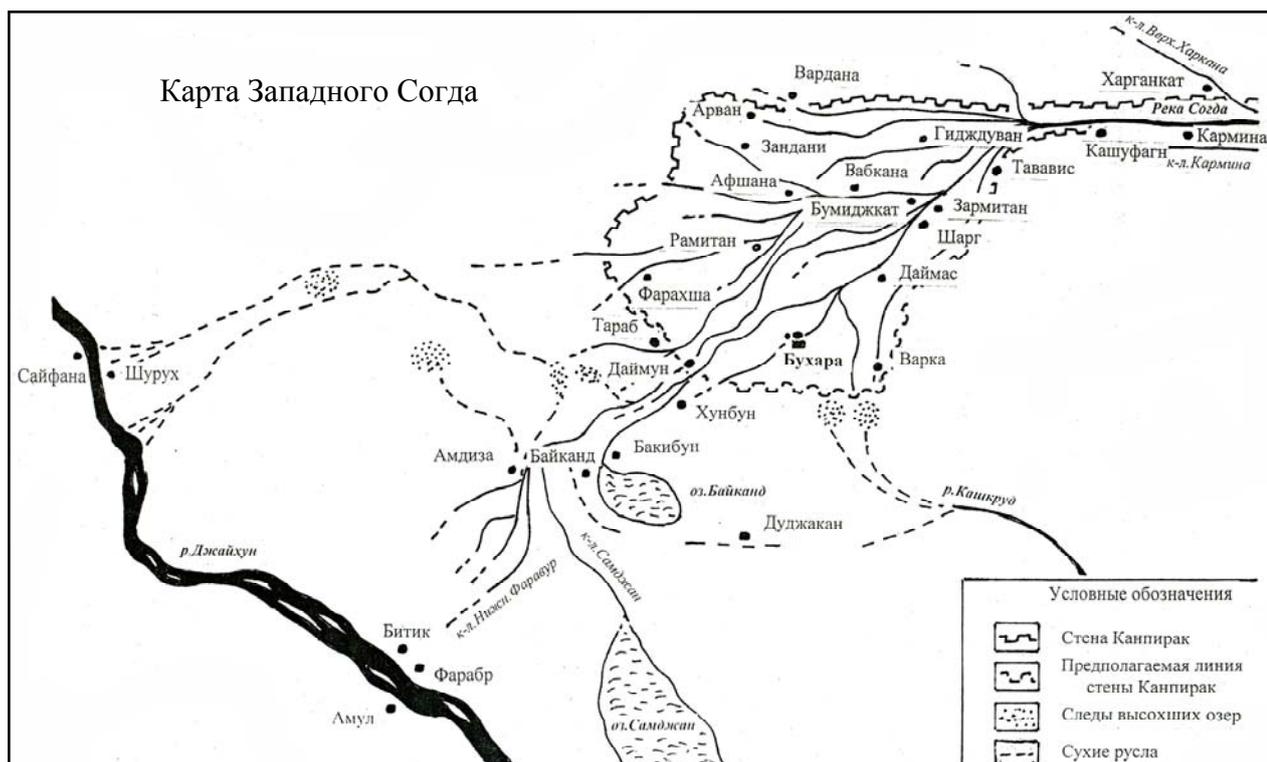
пряженными. О том, как возник и поначалу развивался этот конфликт, хорошо известно благодаря хронике, составленной византийским историком Менандром Протектором (VI в.), поэтому нет нужды излагать события в деталях (далее см.: Blockley – 1958. P. 112-117). В общих словах, Хосров I четко и недвусмысленно дал понять союзнику, что ждать от него каких-либо преференций в международной торговле шелком и прочими товарами не придется. Более того, само пребывание согдийских купцов и тюркских послов в его стране, могло быть сопряжено с риском для их жизни. А поскольку все действующие торговые пути на Запад пролегали непосредственно через территорию Ирана, тюркский предводитель Силзибул (Синджибу, Истеми) стал искать обходной путь. И такая новая (точнее, хорошо забытая старая) дорога в Византию и другие западные страны была проложена в 568–569 гг. Эта обходная торговая трасса получила у исследователей название Кавказский Шелковый путь. Менандр подчеркивает, что данный маршрут пересекал «землю согдийцев». Стало быть, его можно зримо представить по карте – от начала до конечного пункта, – в том числе достаточно подробно по территории Западного Согда.

Ставка Силзибула находилась, предположительно, на Алтае или в Джунгарии. Оттуда караван с послами сначала прибыл в Самарканд. Здесь его возглавил согдийский купец Маниах, который уже имел опыт дипломатической работы – чуть ранее он возглавлял посольство

согдийских купцов к Хосрову I. Из Самарканда посольство отправилось на запад, и, двигаясь по левобережью «Реки Согда» (Зарафшана), сначала пересекло центральную часть долины.

На территории Западного Согда река разветвляется на множество больших магистральных, средних и малых протоков. В прошлом в этой части долины, точнее, на территории Бухарского оазиса, главным считался именно тот проток, который протекал непосредственно через местную столицу и носил разные названия: Руд-и-Зар, Нахр-и-Бухара, Харамкам и др. (ныне он именуется Шахруд). В глубокой древности проток достигал окрестностей города Пайкенда (Байканда), где впадал в большое ныне не существующее Древнепайкендское озеро. В письменных источниках оно известно под названиями Оваза-и-Байканд, Каракуль, Баргин-и-Фарох. Вдоль берега данного протока пролегал путь из Бухары в Пайкенд, который называли «Хорасанской дорогой». Путь из Бухары в Самарканд – по левобережью Руд-и-Зара и далее именовался «Самаркандской дорогой». А вся эта магистраль через долину «Реки Согда», связавшая Мерв (столицу Хорасана) с Самаркандом носила соответствующее ее статусу название Шах-Рох (Главный путь) (Адылов, 2006. С. 9-12).

Однако по понятным причинам тюркское посольство должно было продвигаться в обход Хорасана, т.е. в сторону Хорезма. И хотя Бухара и Пайкенд сами по себе являлись перекрестками многих торговых путей, в том числе и

ведущих в Хорезм, послы, скорее всего, выбрали более короткий маршрут.

Намного выше Бухары в местности под названием Хархур по правому берегу из Зарафшана на запад вытекает Вабкентдарья – один из основных магистральных протоков в нижнем течении реки. В своей хвостовой части Вабкентдарья разветвляется на несколько русел. Самое длинное из них под названием Рамитанруд достигает западных окраин Бухарского оазиса; его следы теряются в пустыне в нескольких десятках километров от поймы Амударьи. В древности Вабкентдарья называлась Хитфар или Гау-Хитфар, а на ее берегах – по основному руслу и боковым ответвлениям – располагались такие известные города (селения) западного Согда, как Бумиджкат, Вабкана, Наршах, Зандана, Рамитан, Варахша и многие другие. Указанные города (селения) были не просто административными центрами бухарской провинции, но и крупными торгово-ремесленными пунктами. Вполне естественно, что вдоль берега Хитфара, начиная от местности Хархур и далее на запад, сложилась магистральная торговая трасса, прямым продолжением которой была дорога в Хорезм. Итак, двигаясь по «Самаркандской дороге» и минуя Хазаринскую теснину, караван оказывался на территории Бухарского оазиса. Однако когда он достигал местности Хархур, то, скорее всего, продолжал свой путь именно по «Хитфарской дороге». Таким образом, послы пересекли всю территорию оазиса с востока на запад, и притом в обход столицы. Далее дорога пролегла через пустыню до крупного селения Шурух. Этот пункт располагался на правом берегу Джайхуна (Амударьи) – на месте важнейшей и в основе очень древней переправы на пути из Бухары в Хорезм. Здесь посольство переправилось на левый берег, где располагалось другое крупное селение Сайфана (Адылов, 2004. С. 20). Из Сайфаны, двигаясь по левобережью Джайхуна посольство достигло Хорезма. В дальнейшем из Хорезма послы направились к Каспийскому морю, обогнули его и, держа путь по дарьинской дороге (через степи и горы Северного Кавказа), добрались до побережья Черного моря. Конечный отрезок пути – до Константинополя был уже морским. Истеми не ограничился установлением только дипломатических и торговых отношений с Византией, но также заключил с императором Юстином II (565–578 гг.) союз, направленный против Ирана. Чтобы закрепить договор император направил в каганат ответное посольство

во главе со стратегом Земархом, которое проделало тот же путь, но в обратном направлении. После этого отношения с Ираном обострились до предела, а затем из состояния «холодной войны» перешли в открытое противостояние.

К 571 г. по Амударье установилась граница между обеими державами (Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 131). В 579 г. умер Хосров I, и положение в Иране стало неустойчивым. Воспользовавшись этим, эфталиты Тохаристана, сохранявшие свое буферное государство, но в подчиненном Ирану состоянии, скорее всего, провозгласили независимость. В свою очередь, в 581 г. тюрки напали на Тохаристан. Однако им удалось захватить только его правобережную часть. Здесь им пришлось воевать не только с эфталитами, но и с персами (Гафуров, 1989. С. 278). Все это было пока лишь пробой сил, крупномасштабная война еще только предстояла. На наш взгляд, «kasus belli» для нее стали события, получившие в исторической литературе название «тирания Аброя» или «движение Аброя».

История этих событий кратко изложена средневековым историком Нишапури (IX в.). Его не дошедшее до наших дней сочинение «Сокровищница знаний» отчасти сохранилось в виде компиляционной вставки в книге другого средневекового автора ан-Наршахи «История Бухары». (В действительности, в первоначальном арабском варианте книги, относящемся к X в., данного раздела не было; его, как и многие другие, включил в сохранившийся персидский вариант редактор и переводчик книги ал-Кубави в XII в.) (далее см.: ан-Наршахий, 1991, 91-92 бб.). Итак, некто Абруй, избранный народом правитель, захватил власть в стране (в Западном Согде), и сделал город Байканд (Пайкенд) своей резиденцией. Многие знатные люди – дихканы и купцы, были вынуждены бежать на север в Туркестан (страну тюрков). Поскольку Абруй правил жестоко, оставшиеся в Бухаре его противники обратились за помощью к укrywшимся в Туркестане беженцам. Те, в свою очередь, направили делегацию к хакану Кара-Чурину, и тот направил в Бухару войско во главе со своим сыном Шер-и-Кишваром. Принц захватил страну и казнил Аброя в его резиденции (Пайкенде), посадив в мешок с красными осами.

Сведения из «Истории Бухары» о захвате тюрками Пайкенда подтверждаются археологическими материалами. Например, при раскопках цитадели древнего города на большой

площади внутри административных построек отмечены наслоения со следами пожара и разрушения, датированные второй половиной VI в. По-видимому, они связаны именно с этим событием (МБАЭ, 2001. С. 7-8). В дальнейшем Шер-и-Кишвар получил эту страну от отца в собственность и остался здесь правителем. Таким образом, он стал первым тюркским наместником в этой части каганата, и первоначальной резиденцией тюркских правителей был именно Пайкенд. Правление Шер-и-Кишвара длилось (якобы) 20 (лунных) лет. Возвратившиеся в страну знатные беженцы с семьями стали его приближенными, им он вернул все прежние права и имущество. Шер-и-Кишвару приписывается основание таких известных городов и селений области Бухары, как Мамастин, Сакматин, Самтин и Фараб. А его преемник (якобы) основал такие пункты, как Искаджкат, Шарк, Рамитан и Варахша. Однако, как показали археолого-топографические исследования, в действительности, все эти пункты возникли гораздо раньше. То же самое относится и к шахристану Бухары, строительство которого также приписывается Шер-и-Кишвару.

К данному сообщению Нишапури исследователи обращались неоднократно. Э. Захау и К. Иностранцев полагали, что этот рассказ всего лишь легенда или отголоски преданий о первоначальном заселении региона (Иностранцев, 1911. С. 303). И. Маркварт впервые предположил, что речь идет о реальном историческом событии, связанном с борьбой тюрков и эфталитов за Согд в 60-х годах VI в., а сам Абруй идентичен последнему независимому царю эфталитов Гатифару (Marquart, 1901. С. 309). По мнению С.П. Толстова, эти события развернулись в 583–586 гг. и были связаны с кризисом и распрями в каганате. Исследователь отождествил Абрюя с тюркским принцем Торэмэном (Абоханом), которого китайские источники именуют Далобянь или Абокэхань. Известно, что Торэмэн поднял восстание против центральной власти в каганате в отместку за свое отстранение из круга претендентов на престол из-за низкого статуса своей матери – она была всего лишь наложницей (Толстов, 1948. С. 248-255). Л.Н. Гумилев, отрицая реконструкцию событий, предложенную С.П. Толстовым, тем не менее, согласился с отождествлением действующих лиц, по его мнению, восстание было подавлено в 587 г. (Гумилев, 1967. С. 109-119). С.П. Толстов, Б.Г. Гафуров и В.А. Шишкин придерживались вывода, что движение имело ярко выраженную социальную окраску, при-

чем первый из них назвал его «классовым конфликтом в его внутреннем бухарском аспекте» (Толстов, 1948. С. 276; Гафуров, 1989. С. 283; Шишкин, 1963. С. 235). Однако возможны и другие толкования.

Абруй, – скорее всего, представитель местной знати, возможно, эфталит, и правитель Пайкенда. В раннем средневековье Пайкенд с округой представлял собой особое территориальное образование с признаками государственности, расположенное на юго-западной окраине области Бухары и недалеко от рубежей Ирана времени Сасанидов. В раннесредневековых китайских хрониках «Бейши» и «Таншу» Пайкенд упоминается под названием «Би». Там же сообщается, что владение находилось в подчинении от «Ань» (оно же «Нюми», «Нэуми», «Бухо») – территориального объединения, сложившегося на основной площади Западного Согда – т.е. в Бухарском оазисе (Бичурин, 1950. С. 260, 272, 311-312). Итак, по нашему мнению, в конце 70-х – середине 80-х годов VI в. Абруй установил свою власть над всей территорией региона, и на короткое время жестко объединил страну. Тогда верховные правители каганата были заняты внутренними распрями и поначалу не придавали особого значения «движению Абрюя». В борьбе с удельными аристократами и купечеством Абруй вполне резонно опирался на поддержку широких слоев населения. Однако нет оснований полагать, что его личные интересы совпадали с чаяниями крестьян, ремесленников и прочих угнетенных элементов. Правитель их просто мог использовать в своих корыстных целях. Захват власти, очевидно, сопровождался локальными восстаниями и походами. Конечная цель Абрюя состояла в создании собственного централизованного государства, ориентированного на Запад (еще одного буфера между Ираном и каганатом), или даже переход под юрисдикцию Сасанидов в обмен на некоторые политические и экономические дивиденды. Вряд ли здесь обошлось без солидной политической и финансовой поддержки Ирана. Без этой помощи Абрюю не удалось бы в короткие сроки захватить такую обширную территорию. А ведь по этому ключевому региону пролегли, пересекаясь между собой, стратегически важные торговые трассы – в Иран, Согд, Туркистан, Кеш, Нахшаб, Тохаристан, Хорезм, другие страны Запада и Востока, – которые Сасаниды всегда стремились контролировать.

У честолюбивого Абрюя имелись свои веские причины быть в обиде на центральное

тюркское правительство, и мотивация для соответствующих действий вполне объяснима. Благополучием и процветанием своего удела правители Пайкенда были всецело обязаны магистральной торговой трассе из Бухары в Иран – т.е. Хорасанской дороге, на которой этот город являлся не просто транзитным, но и важнейшим узловым пунктом международной торговли. Однако после известного конфликта, спровоцированного Хосровом I, торговая трасса Великого шелкового пути отклонилась по западному направлению на север – в обход Пайкенда, трансформировавшись в Кавказский шелковый путь. Теперь роль главных транспортных пунктов на территории Западного Согда стала переходить от Бухары, Пайкенда, Фараба и других к Бумиджкату, Вабкане, Рамитану, Варахше и прочим станциям на Хитфарско-Хорезмийской трассе.

Удельных правителей и купечество области Бухары тюркский сюзеренитет вполне устраивал, поскольку тюрки ограничивались только данью и особо не вмешивались во внутренние дела. Прежние правящие династии сохранялись, так же как и старые порядки. А при Абруе знать и купцы, не желавшие расставаться с привилегиями в жестко централизованном объединении, были вынуждены спасаться бегством и искать пристанища у своих тюркских покровителей. В конце концов, когда Абруй, окончательно уверовав в свои силы и надеясь на дальнейшую поддержку Ирана, перестал выплачивать дань, тюрки наконец-то четко осознали немалую угрозу своим интересам. Чтобы исправить ситуацию, им пришлось организовать вторичное завоевание Западного Согда, и в продолжение этих действий они попытались окончательно «разобраться» с Ираном.

В те годы правителем Семиречья и в дальнейшем одним из наиболее активных претендентов на верховную власть был Кара-Чурин-Тюрк, известный также как Тардуш-хан, Боке (572–604). В китайских источниках он именуется Дяньгу, Дату-кэхань, Буга-кэхань, Симянь-кэхань, в персидских – Биёгу, в греческих – Тарду (см. подборку: Гумилев, 1967. С. 58, 463). Кара-Чурин являлся сыном Истеми, и, стало быть, Хосрову I приходился шурином. Сыну Кара-Чурина Шер-и Кишвару (по-тюркски Эл-Арслану) соответствует принц Янг Суох-тегин или Дулу-хан. В китайских источниках он известен как Янсо-дэлэ, он же Дулу-кэхань, в арабских – Шаба, в персидских – Савэ (Гумилев, 1967. С. 117, 126-132). Таким обра-

зом и Эл-Арслан состоял в родстве с Хормиздом IV, как его кузен.

Эл-Арслан завоевал Западный Согд без особых усилий, и произошло это, скорее всего, в 587 г. или даже ранней весной 588 г. – совсем незадолго или в год начала тюрко-иранской войны. Если Абруй действительно являлся предводителем угнетенных слоев населения, то непонятно, почему простые жители Бухары не встали на защиту его и всей страны и не организовали достойный отпор захватчикам. Обычно в письменных средневековых источниках подобные детали находят свое отражение. Видимо, достигший своей цели Абруй «раскрыл карты», стал править жестоко по отношению ко всем жителям, независимо от их социального положения, и тем самым полностью лишился поддержки. Наверное, в свое время примерно по тем же причинам верховные эфталитские правители были отстранены от власти, а созданное ими огромное полиэтничное государство стало легкой добычей тюрков и персов.

Весьма показательным, как в дальнейшем – сразу после захвата Западного Согда тюрками – развивались события. Они отражены в трудах Фирдоуси, ат-Табари и ад-Динавари, в ранне-средневековых письменных источниках (Фирдавсий, 1977. С. 297-533; Гумилев, 1960. С. 228-241; Гафуров, 1989. С. 278-279). Предводитель тюрков Савэ (Шаба, Шери-Кишвар, Эл-Арслан) в 588 г., форсировал Джайхун, перенес военные действия на территорию соседней империи. (Добавим от себя – не теряя стратегической инициативы). Несмотря на все происки и интриги по отношению к Западнему Согду, персы не смогли помочь Абрую. Тюрки поспешили воспользоваться благоприятной ситуацией. Иран оказался неподготовленным к войне: на западе шла нескончаемая война с Римом (Византией), совершали набеги арабы, на севере беспокоили хазары и кавказцы, а внутри страны назревал политический кризис, вызванный борьбой шаха Хурмузда (Хормизда IV) с аристократией. Националистически настроенная знать Ирана неприязненно относилась к Хурмузду из-за его отчасти тюркского происхождения, а сам шаханшах оказался весьма посредственным государственным деятелем. Очевидно, тюрки были прекрасно информированы. Поэтому на первом этапе войны они добились значительных успехов – им удалось без особых усилий завоевать Тохаристан. Не исключено, что эфталиты не оказали тюркам сопротивления; некоторые источники указывают

на совместные действия тюрков и эфталитов в этой войне с Ираном.

Поскольку кратчайший путь из области Бухары в Северный Тохаристан, начиная с первых веков н.э., пролегал через Амул (это был самый северный город Бактрии-Тохаристана), можно с большой долей вероятности предположить, что тюркская армия из Пайкенда двинулась сначала на юго-запад – к Фарабу на Джайхуне. В районе Фараба войско переправилось на левый берег к Амулу и далее продвигалось вдоль берега на юго-восток к верховьям реки. Затем, захватив центральную часть Тохаристана (столицу страны Балх и окрестные районы), тюрки повернули на запад, стремясь пересечь всю территорию Ирана.

Вероятно, у Эл-Арслана были далеко идущие планы. В случае физического устранения Хормизда IV, его наследников – родных и сводных братьев с их семьями, – Эл-Арслан становился единственным и по понятиям тех времен вполне легитимным претендентом на иранский престол – как родственник шаханшаха.

Чисто теоретически, завоевание тюрками левобережного Тохаристана могло бы начаться непосредственно с его центральной области. Для этого следовало бы преодолеть уже подчиненные им области Нахшаба и правобережного Тохаристана с последующей переправой в Термезе. Однако с точки зрения общей стратегии ведения войны данный гипотетический план представляется недальновидным и рискованным. Главной целью тюрков был захват всё-таки не левобережного Тохаристана, а коренных иранских земель. И весьма маловероятно, что, двигаясь на запад от Балха, тюркские полководцы желали бы иметь у себя в тылу непокоренные населенные пункты левобережья Джайхуна – Амул, Замм, Калиф и другие – с расположенными в них военными гарнизонами.

В этой критической ситуации спасителем Ирана стал выдающийся полководец Бахрам Чубин. Совершив блестящий отвлекающий маневр, он заманил противника вглубь страны – до Герата – и здесь в удобном для себя месте дал ему сражение. Оно завершилось полным разгромом тюрков и смерти их предводителя. Остатки разбитой тюркской армии устремились на правый берег Джайхуна, где сын юный Савэ Бармуда жаждал отомстить за гибель отца и стал спешно готовить новый поход на Иран. А тем временем Бахрам Чубин, очевид-

но, был занят установлением «порядка» в Тохаристане.

Бармуда отождествляется с сыном Эл-Арслана Буюруком. Согласно китайским источникам, – это Нили-хан, сын Янсо-дэлэ (Гумилёв, 1967. С. 126-132).

Собрав новое войско, Бармуда все тем же маршрутом преодолел Джайхун и вторгся в Тохаристан, но в сражении возле Балха Бахрам Чубин снова разгромил тюрков. С остатками войск Бармуда покинул поле боя, переправился на правый берег реки и укрылся в своей крепости Оваза, а Бахрам после преследования осадил эту крепость.

Данному пункту явно соответствует Пайкенд, поскольку некогда располагавшееся поблизости озеро, в числе прочих названий именовалось Оваза-и Байканд (наверное, точнее Хавза-и Байканд – «Пайкендский водоем») (Худуд ул-Олам. С. 20, 34).

В конце концов, после длительной осады Бармуда сдался победителю, заплатив огромный выкуп в виде сокровищ и ценностей, хранившихся в его резиденции, и явился с повинной ко двору Хурмузда – своего дяди по женской линии. Шаханшах обошелся с ним милостиво и, подчинив своей власти, разрешил вернуться в Чин – страну тюрков (в данном случае – в Западный Согд). Видимо, по этой причине в арабских источниках Эл-тегин именуется также и Йал-тегин (т.е. – «Освобожденный тегин»).

Таким образом, правление Эл-Арслана в Западном Согде длилось не 20 лет, а примерно год. Его сын и наследник Эл-тегин был правителем Бухары примерно 15–16 лет. Судя по китайским источникам, Нили-хан (Эл-тегин), скорее всего, погиб в 603 или 604 г. во время междоусобиц, вызванных происками Китая и распадом каганата (Гумилёв, 1967. С. 74, 142, 154).

Что касается Хормизда IV, то ему не удалось сполна воспользоваться плодами своей победы. Шах завидовал воинской славе Бахрама и ждал предлога для конфронтации с ним. Среди захваченной в крепости Оваза добычи были и драгоценности, некогда принадлежавшие (якобы) самому Сиявушу. Бахрам Чубин утаил их от своего господина, но тому стало об этом известно. Воспользовавшись проступком полководца, шаханшах нанес ему тяжкое оскорбление, задевавшее его честь и достоинство. В ответ гордый Бахрам Чубин поднял мятеж против своего господина и затем разбил войско, посланное на его подавление. Пораже-

нием иранских войск воспользовались представители иранской оппозиции, открыто обвинив шаханшаха в неспособности управлять государством. В 590 г. в результате интриг шаханшах был свергнут, брошен в темницу, где и умер, будучи ослепленным. Новым шаханшахом иранская знать провозгласила сына Хурмузда Хосрова (Хосров II Парвиз – 590–628 гг.). Хормизд IV лишился трона, когда был еще сравнительно молодым. Поэтому вполне возможно, что его сын к тому времени еще не достиг совершеннолетия и оказался просто игрушкой в руках высшей иранской знати. Вслед за дворцовым переворотом Бахрам Чубин поднял мятеж в Балхе против нового шаханшаха, захватил власть и провозгласил себя правителем Ирана под именем Варахрана VI. Сторонники легитимного шаханшаха были вынуждены обратиться за помощью к заклятому врагу Ирана – Византии. В междоусобной войне за трон Хосров, поддерживаемый императором Мавриkiem (582–602 гг.) – своим будущим тестем – одержал победу. Бахрам Чубин укрылся у хаkana тюрков и погиб от руки убийцы, подосланного шаханшахом.

Распри в Иране отвлекли персов от дальнейшей экспансии на Востоке, тюрки получили необходимую передышку для восстановления сил. После свержения Хормизда IV Эл-тегин мог считать себя свободным от обязательств, которые он дал своему иранскому дяде. Западный Согд окончательно выпал из сферы иранского политического влияния и остался под протекторатом каганата. Военные действия между Ираном и каганатом за сферы влияния и смежные территории велись и при Хосрове II, однако теперь они не касались территории непосредственно области Бухары. Однако межгосударственные противоречия и война 588–590 гг., тем не менее, оказали существенное влияние на дальнейший ход истории в регионе.

Вопреки сведениям Нишапури, вовсе не Шер-и Кишвар (Эл-Арслан), а его сын Эл-тегин проводил строительные работы в отмеченных выше городах и селениях региона, а также на шахристане Бухары. Вернее, он, по видимому, занимался укреплением оборонительных стен этих населенных пунктов на случай новых войн с Ираном, и поэтому остался в народной памяти как строитель. Кстати, крепостная стена конца VI в. действительно зафиксирована при археологических работах на шахристане Бухары (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1986. С. 103-107). Скорее всего, именно при Эл-тегине начался массовый возврат

сительных беженцев из Туркистана и завершилась полная реставрация прежних порядков. Правда, теперь тюрки в лице Эл-тегина вошли в систему административного управления областью, чего раньше не было, и из сторонних наблюдателей превратились в активных участников.

Если отождествления верны, может возникнуть вопрос, почему возникла у Нишапури «подмена» сына отцом, хотя и частичная. Одна из возможных причин – тюркские прозвища сына и отца в известной мере перекликаются, так что информаторы, от которых Нишапури записал эту историю, вполне могли внести путаницу, или за них это сделали более ранние передатчики предания.

Примечательно, как на фоне тюрко-сасанидского конфликта сложилась дальнейшая судьба столичных городов Западного Согда. По возвращении из ставки Хормизда IV, Эл-тегин, возможно какое-то время пребывал в Пайкенде. Однако затем сделал своей резиденцией город более безопасный и отдаленный от границ с Ираном, т.е. Бухару. Здесь он, по понятным причинам, прежде всего, занялся укреплением городских стен. А управление Пайкендом после переезда наместника перешло не к единоличному правителю, а к местному коллективному органу, состоящему из авторитетных и богатых горожан (т.е. купцов), что можно считать уникальным явлением в средневековой истории всей Центральной Азии. В письменных источниках Пайкенд именуется городом купцов. В 706 г. после первого захвата города Кутайба б. Муслим попытался внедрить здесь авторитарную форму управления, назначив правителем своего родственника, но без особого успеха (ан-Наршахий, 1991. С. 100, 120-121; История ат-Табари. С. 116-117). Не только письменные, но и археологические данные указывают на существование Пайкендской республики, причем еще и во времена Саманидов. Судя по результатам исследований, в конце VI – начале VIII в. городские службы правления были все еще сосредоточены на цитадели Пайкенда, однако после повторного захвата города арабами в 706 г. его цитадель была разрушена и пролежала в руинах почти два столетия. И только в начале X в. возобновилось обживание цитадели – здесь на ее сnivelированной поверхности была построена широко известная на мусульманском Востоке соборная мечеть Пайкенда с минаретом и подсобными помещениями, а также возник базар (МБАЭ, 2001. С. 8, 14; МБАЭ, 2006. С. 42-43). Это означает, что

после указанной даты цитадель фактически перестала быть административной частью города, а правление осуществлялось уже из других мест. В то же время в VIII–IX вв. непосредственно городская территория и особенно предместье развивались и застраивались весьма интенсивно. В Аббасидский период (вторая половина VIII – начало IX в.) в городском предместье было построено множество рабатов, причем по упорядоченной системе кварталов. Если не все рабаты, то, по крайней мере, некоторые из них представляли собой не просто постоянные дворы для газиев (защитников веры), приезжих купцов и странников, но и крупные пригородные домовладения состоятельных пайкендцев – т.е. купцов. Один из таких рабатов, расположенный к северо-востоку от цитадели (рабат №1) изучен полностью; все помещения в нем делятся на два комплекса: отсеки для постояльцев и дом хозяина. Интересно, что сам хозяин не был мусульманином, поскольку одно из помещений в его доме (пом. 42) представляло собой святилище зороастрийского типа с платформой для установки жертвенника и следами ритуального возжигания огня. Кроме жилых, хозяйственных и подсобных отсеков, святилища и санитарно-гигиенического помещения в этом доме был большой «зал для собраний» (пом. 37) с широкой суфой-эстрадой. Пол и поверхность суфы были выстланы жжеными кирпичами. Впечатляют размеры зала – 14,40x9,05 м. Можно предположить, что именно в таких помещениях проходили собрания членов городского правления (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988. С. 113-147).

После переезда Эл-тегина в новую резиденцию административное и торговое значение Пайкенда несколько понизилось, но, тем не менее, этот город продолжал играть ключевую роль в отношениях с Ираном благодаря своему географическому расположению. Есть все основания полагать, что чуть позднее генеральной трассы Кавказского шелкового пути возникло и его боковое ответвление, пролежавшее как раз через Пайкенд. По нему в мирные годы поступали в Иран в числе прочих товаров китайские и согдийские шелковые ткани, а обратно – продукция персидских ремесленников. По свидетельству географа ал-Мукаддаси и археолого-топографическим материалам еще в конце X в. существовала торговая трасса по маршруту Бухара–Хорезм, которая пролежала через Пайкенд, Амдизу, окрестности Варахши и Шурух (Адылов, 2004. С. 18-20). Стало быть,

несомненно, существовал степной путь из Пайкенда в Варахшу, и возник он, вероятно, еще до тюрко-сасанидского конфликта. Благодаря этому ответвлению Кавказского шелкового пути пайкендские купцы занимали ключевые позиции в торговых отношениях с Ираном. Во второй половине VII в., когда Иран уже был оккупирован арабами, снова резко возросло значение Хорасанской дороги, а вместе с ней и Пайкенда.

После войны Бухара недолго оставалась политическим центром Западного Согда, поскольку подобно Пайкенду оказалась фактически на обочине магистральной трассы Кавказского шелкового пути. Поэтому в дальнейшем в качестве резиденции тюркского наместника был выбран самый крупный город, расположенный в самом центре региона, и притом на Хитфарско-Хорезмской дороге – Рамитан. Не исключено, что это произошло еще при жизни Эл-тегина. Согласно танским хроникам город Аланьми (Рамитан) продолжал оставаться столицей округа Аньси (область Бухары) в «Западном крае» и во времена императора Гаоцзуна (656–683 гг.), в частности и в том периоде, который прошел под девизом Сянь-цин (656–661 гг.) (Бичурин, 1950. С. 310-312; Малавкин, 1989. С. 77, 262).

Что касается самой Бухары, то, как сообщает Нишапури, ее цитадель (подобно пайкендской) одно время тоже лежала в развалинах; также как и Пайкенд она когда-то именовалась Мадина-ат-Туджджар – «Город купцов» (ан-Наршахий, 1991. С. 102, 104). Потому не исключено, что в это кризисное для Бухары время в отсутствие единого правителя городом управляли купцы.

Возвращение Бухаре ее столичного статуса связано с именем Бухархудата Бидуна и его супруги – царицы Хатун (Кабадж-хатун, Х-т-х-хатун). Произошло это в конце 60-х или начале 70-х годов VII в. – в преддверие первого похода арабов на Бухару под руководством Убайдуллаха б. Зийада. По данным ат-Табари этот поход состоялся в 54 г.х. (т.е. скорее всего, весной 674 г.), и в то время Бухара однозначно была резиденцией этих царственных супругов (История ат-Табари, 1987. С. 44). Бухархудат Бидун, который согласно Нишапури восстановил цитадель (ан-Наршахий, 1991. С. 104) – это, несомненно, тюркский наместник в регионе. Само имя Бидун, вероятно, является результатом искажения в письменном источнике тюркского титула тудун (администратор), и для подобного предположения имеются весо-

мые основания. По сведениям ан-Наршахи, когда-то между восточными воротами бухарского Арка Дар-и Гуриён и западными воротами шахристана Дар-и Кухандиз существовал мост типа виадука, перекинутый через ров, разделявший обе части города. По нему осуществлялось взаимное сообщение. И построил этот мост тюркский военачальник по имени Субаштегин (ан-Наршахий, 1991. С. 130). По логике, восстановление Арка и строительство соединительного моста с шахристаном – это звенья одной цепи. Поэтому Бухархудата Бидуна с полным на то основанием следует отождествить с этим самым Субаштегином. К этому можно добавить, что во время археологических исследований на Арке в раннесредневековых слоях действительно отмечены следы запустения и последующего крупномасштабного укрепления оборонительных стен. На основании находок восстановительные работы датированы второй половиной VII в. и вполне резонно приписываются Бидуну (Некрасова, 1990. С. 25).

Можно предположить, что Бухара снова стала политическим центром Западного Согда в силу следующих причин. Во второй половине VII в. хазары развернули в прикаспийских степях боевые действия с целью создания собственного каганата (Плетнева, 1982. С. 49-51), так что пользоваться генеральной трассой Кавказского шелкового пути на соответствующем отрезке стало опасно. И в то же время арабские наместники Хорасана и других областей оккупированного Ирана наверняка были заинтересованы в возрождении прежних магистральных торговых путей между каганатом и Византией через подконтрольные им территории. Судя по косвенным данным из письменных источников, во второй половине VII в. Хорасан наводнили согдийские купцы, деятельность которых поощрялась на самом высоком уровне. Последние в долгу не оставались, и часто свои корыстные интересы ставили выше безопасности родины. Дошло даже до того, что они предоставили крупный заем наместнику Умаййе б. Абдаллаху (693–698 гг.) для подготовки похода на Мавераннахр в 77 г.х. (697 г.) (История ат-Табари, 1987. С. 72). По мере возрастания значения Хорасанской дороги и всех расположенных на ней пунктов, значение Хитфарско-Хорезмийской неуклонно понижалось. Во времена Саманидов от былого величия Рамитана уже мало что осталось – он даже не считался городом (ан-Наршахий, 1991. С. 98-99).

Таким образом, в основу событий, получивших название «тирания Аброя» был заложен не

столько внутренний социальный конфликт, сколько борьба Ирана и каганата за сферы влияния, вылившаяся в открытое противостояние. Иран одержал военную победу, которая на поверку оказалась «пирровой». Хормизд IV не смог сполна воспользоваться ее плодами, и более того, лишился трона. Борьба с внешними врагами Ирана плавно переросла во внутреннюю гражданскую, и страна снова подверглась опустошению. Политическая победа осталась за тюрками, которые не только не утратили своих новых земель, но и основательно укрепились в них, четко и своевременно реагируя на меняющуюся конъюнктуру. В отличие от политического влияния культурное воздействие Ирана на этом не прекратилось и в дальнейшем растянулось на многие века.

Приложение

Краткий историко-географический справочник

Амдиза. Крепость к западу от Пайкенда у края пустыни (Бартольд, 1963. С. 172; Камалидинов, 1993. С. 65). Локализуется на месте городища под архитектурно-мемориальным комплексом Шибурдан-Ата в 7 км к северу от райцентра Каракуль.

Амул. Варианты названия: Аму, Амуйа, Амул-аш-Шатт («Береговой»), Амул-ал-Муфаза («Пустынный»), Амул-ал-Ма («Водный»). Самый знаменитый исторический город по среднему течению Джайхуна. Через Амул пролегал караванный путь из Хорасана в Мавераннахр, здесь находилась важная переправа (Камалидинв, 1993. С. 53). Городище Амул расположено вблизи г. Туркменабад (в недавнем прошлом Чарджоу, Туркменистан).

Бумиджкат. Варианты названия: Бамиджкат, Намиджкат, Нумиджкат, Бумискат, Нумушкат, Мумиджкат. Древний город (селение), располагавшийся в 4 фарсах от Бухары по направлению Самаркандской дороги, примерно в половине фарсаха от нее (Камалидинов, 1993. С. 65; История ат-Табари, 1987. С. 118, 119, 422; ан-Наршахий, 1991. С. 102, 140). Локализуется на месте городища вблизи селения Кумушкент к востоку от современного райцентра Вабкент.

Вабкана. Вариант названия Вабакна. Древний город (селение), располагавшийся в 3 фарсах от Бухары (Камалидинов, 1993. С. 73). Локализуется на месте райцентра Вабкент.

Варахша. Варианты названия: Афрахша, Барахша, Фарахша, Раджфандун. Древний город (селение) в западной части Бухарского оазиса. До арабского завоевания – резиденция

удельных правителей Х-н-к-худатов, после арабского завоевания – резиденция Бухархуда-тов (Камалиддинов, 1993. С. 69-70; ан-Наршахий, 1991. С. 92, 94, 99). Локализуется на месте широко известного одноименного городища

Замм. Древний город на левом берегу Джайхуна на месте одной из важнейших переправ из Хорасана в Мавераннахр. Название переправы Каркух-ан-Нахр (Камалиддинов, 1993. С. 91-94). Локализуется на месте городища вблизи г. Керки (Туркменистан).

Зандана. Варианты названия: Зандани, Дандуна, Древний город (селение), располагавшийся в 4 фарсах к западу от Бухары. Получил широкую известность благодаря производившимся здесь шелковым и хлопчатобумажным тканям, которые так и назывались – «занданачи» (Камалиддинов, 1993. С. 74; ан-Наршахий, 1991. С. 97-98; Худуд-ул-Олам, 1983. С. 68). Локализуется на месте городища на территории современного селения, сохранившего древнее название.

Искаджкат. Варианты названия: Сикиджкат, Сакаджкат, Сиджакат, Сишакат. Древний город (селение) в 4 фарсах от Бухары, по пути в Самарканд и на противоположном берегу реки от Шарга (Камалиддинов, 1993. С. 74; ан-Наршахий, 1991. С. 92, 96-97). Локализуется на месте городища вблизи селения Пешмон на левом берегу канала Каракульдарья, вблизи его истока.

Калиф. Варианты названия: Кайлиф, Килиф. Древний город в верховьях Джайхуна, располагавшийся по обоим берегам реки на месте важнейшей переправы из Хорасана в Мавераннахр (Камалиддинов, 1993. С. 97-99). Локализуется на месте древнего городища южнее ж/д станции Келиф (Туркменистан).

Мамастин. Варианты названия: Мастин, Масти. Древний город (селение) на Хорасанской дороге в 1,5 фарсах от Бухары (Камалиддинов, 1993. С. 68; ан-Наршахий, 1991. С. 92). Локализуется на месте городища Арабонтепа (Саргор-тепа) на северной окраине селения Арабон к западу от Бухары.

Наршах. Вариант названия – Нарджак. Древняя крепость (селение), родина историка ан-Наршахи. Получила также известность как резиденция сторонников Муканны на территории Западного Согда (Камалиддинов, 1993. С. 68; ан-Наршахий, 1991. С. 140-142). Локализуется на месте городища Наршах-тепа на территории современного селения с тем же названием к западу от райцентра Вабкент.

Пайкенд. В письменных источниках – Байканд, Баканд, Биканд. Один из крупнейших и наиболее известных городов Западного Согда (Камалиддинов, 1993. С. 63; История ат-Табари, 1987. С. 44, 115-117, 211, 219; ан-Наршахий, 1991. С. 91, 100-101; Худуд-ул-Олам, 1983. С. 68-69). Локализуется на месте одноименного городища (его другое название Шахр-и-Хайбар) вблизи селения Шурабад к востоку от райцентра Каракуль.

Рамитан. Варианты названия: Рамтин, Рамисан, Арйамисана, Армисана, Замисан. Крупнейший (после Бухары) древний город Западного Согда, известен, прежде всего, как вторая столица региона (Камалиддинов, 1993. С. 68; История ат-Табари, 1987. С. 44, 119, 120; ан-Наршахий, 1991. С. 92, 98-99). Локализуется на месте городища Курган-и Рамитан к западу от райцентра Рамитан.

Сайфана. Вариант названия Сафна. Древний город (селение) на окраине Западного Согда. Известен как четвертый промежуточный пункт на пути из Амула в Хорезм (Массон, 1966. С. 185, 195; ан-Наршахий, 1991. С. 91, 95). Локализуется на месте городища Турпакурган на правом берегу Джайхуна в Кабаклинском Тугае (Туркменистан).

Сакматин. Древнее селение или город Западного Согда (ан-Наршахий, 1991. С. 92). Местонахождение пока не установлено.

Самтин. Древний город (селение) западного Согда (ан-Наршахий, 1991. С. 92). С данным названием можно сопоставить топоним Сумитан, который относится к месту расположения архитектурно-мемориального комплекса Чор-Бакр к западу от Бухары и его ближайшим окрестностям. Западнее Чор-Бахра на территории селения Подшойи расположено крупное городище Султан-Шайли-Бобо-тепа, которое, скорее всего, и соответствует этому древнему пункту.

Фараб. Варианты названия: Фарабр, Фирабр, Афирабр, Барабр. Древний город на правом берегу Джайхуна вблизи важнейшей переправы из Мавераннахра в Хорасан (напротив Амула) (Камалиддинов, 1993. С. 53-54; ан-Наршахий, 1991. С. 101; Худуд-ул-Олам, 1983. С. 68). Локализуется на месте городища вблизи ж/д станции Фараб (Туркменистан).

Шарг. Варианты названия: Джарг, Джаргар. Древний город (селение) Западного Согда, один из крупных пунктов ремесла и торговли. Располагается в 5 фарсах от Бухары по Самаркандской дороге на левом берегу канала Руд-и Зар, напротив Искаджката (Камалидди-

нов, 1993. С. 75; ан-Наршахий, 1991. С. 97). Локализуется на месте городища Катта-тепа на территории селения Димаст к северо-востоку от Бухары вблизи истоков Руд-и Зара.

Шурух. Варианты названия: ал-Кар'йан фл-Кабира (араб) и Дех-и Бузург (перс). – буквально «большое село». Древнее селение (крепо-

сть) на окраине Западного Согда, транзитный пункт на пути из Бухары в Хорезм (Бартольд, 1963. С. 170, 210). Локализуется на месте городища Наргиз-кала (Наркыз-кала) на правом берегу Джайхуна в дельте сухого протока Махандарья (граница Узбекистана с Туркменистаном)

Использованная литература

- Blockley P.C.* The history of Menander the Guardsman Introductory Essay. Text. Translation and Historiographical Notes. Liverpool. Great Britain, 1985.
- Marquart J.* Eransāhr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.
- Абу Баقر Мухаммад ибн Жабфар ан-Наршахий.* Бухоро тарихи. Тошкент, 1991.
- Абул Косим Фирдавсий.* Шохнома. 3-чи китоб. Тошкент, 1977.
- Худуд ул-Олам.* Мухаррири масъул ва муаллифа пешгувар А. Мухторов. Душанбе, 1983.
- Адылов Ш.Т.* Историческая топография одной из средневековых дорог по направлению Бухара – Хорезм // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Адылов Ш.Т.* Исторические озера Бухары и впадавшие в них протоки // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд–Рим, 2006.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского завоевания // Сочинения. Т.1. М., 1963.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т.II. М.-Л., 1950.
- Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. Душанбе, 1989.
- Гумилев Л.Н.* Бахрам Чубин. Опыт критики источников // Проблемы востоковедения. №3. 1960.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Иностранцев К.И.* О домусульманской культуре Хивинского оазиса // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1911.
- История ат-Табари.* Ташкент, 1987.
- Камалиддинов Ш.С.* «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии». Ташкент, 1993.
- Камалиддинов Ш.С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабским источникам IX – начала XIII в. Ташкент, 1996.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып.Х. М., 1971.
- Малявкин А.Т.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Массон М.Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // ТЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.
- Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ).* Вып. II. Раскопки в Пайкенде в 2000 г. СПб., 2001.
- Материалы Бухарской археологической экспедиции (МБАЭ).* Вып. VII. Раскопки в Пайкенде в 2005 г. СПб., 2006.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.* Городище Пайкенд. К истории изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.* К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
- Некрасова Е.Г.* К истории сложения стен Арка Бухары. (Новые археологические данные) // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
- Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. М., 1982.
- Птицын Г.В.* К вопросу о географии Шах-намэ // ТОВЭ. Т. IV. Л., 1947.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
- Фирдоуси.* Шахнамэ. Т. VI. М., 1989.
- Шишкин В.А.* Варахша. М., 1963.

ОССУАРИЙ ИЗ БЕШКАПА (ТОЙТЕПА) И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Оссуарии как элемент погребальной обрядности – один из интереснейших источников по религиозным представлениям раннесредневекового населения Ташкентского оазиса. На этих изделиях, предназначенных для хранения очищенных костей, наряду с погребальной религиозной символикой зороастрийского круга видное место занимала отоупракия – древние народные обычаи и символика. Именно такое сочетание нередко присутствует на многих ташкентских оссуариях и, в частности, на последних находках из Бешкапа.¹ В этом плане особенно интересен оссуарий № 3, в декоре которого применены оттиски крупного штампа с какой-то символической сценой (Рис. 1).

Собственно сам оссуарий – керамический, юртообразный, в плане овальной формы, имеет размеры: по днищу – 52х37 см, по устью резервуара – 43х32 см, общая высота (по резервуару) – 27 см, толщина стенок – 1,5 см. Крышка – 45х33,5 см, высотой – 15 см. Как и большинство ташкентских оссуариев он выполнен в технике ручной лепки в несколько этапов. На первом этапе раскатывалась овальная пластина днища, по краю которой крепилась глиняная лента – основание будущего тулова, а затем уже ленточным способом выводились резервуар и крышка. Ширина каждой такой ленты – 6,5 см. На следующем этапе верх изделия срезался как крышка. После того как крышка была срезана, стенки резервуара изнутри и снаружи были тщательно подрезаны и затерты. Следующим этапом стала декоративная отделка. Первоначально была выделена лицевая сторона оссуария, для этого к верхней части одной из длинных сторон резервуара была прикреплена наклепная лента и украшена зацепками. Затем под ней через равные промежутки поместили три вертикальных валика-полуколонны, которые разделили поверхность этой длинной стороны тулова на два сектора. Верх этих полуколонн украшен грибовидным навершием, имитирующим капитель². Вертикаль поверхности столбиков декорирована глубокими горизонтальными насечками (Рис. 1). Вполне вероятно, что таким образом вместо арки, кото-

рая неоднократно встречается на согдийских оссуариях, передана конструкция (сооружение) с плоским перекрытием.

Затем в центре выделенных секторов нанесено по оттиску крупного штампа. Потом и барельефное изображение и вся поверхность оссуария были покрыты светлым ангобом. После чего поверхность ангобного покрытия по тулову изделия тонкой острой палочкой или ножом были нанесены пересекающиеся линии кривой сетки. Она занимает все поле секторов и торцевые стороны оссуария. Причем линии заходят на оттиск штампа.

Штамп, видимо, многократно использовался и уже частично стёрся, об этом говорит нечеткость линий и сглаженность рисунка. В целом, в невысоком рельефе он передает изображение какой-то ритуальной сцены, где задействованы два мужских персонажа (Рис. 2). Изображения грубы и даже схематичны, искажены пропорции тела – у них большие головы и длинные руки. Характерен приём передачи ног и головы в профиль вправо, тогда как тело дано фронтально. Антропологический тип обоих персонажей схож, явно с искусственной лобно-теменной (башенной) деформацией черепа, что ассоциативно напоминает изображения и описания эфталитов. У обоих – суровые, жесткие лица. Одеты они, видимо, в длинные штаны-шаровары и длинную рубаху, перехваченную на талии поясом. У первого персонажа – округлая лысая или бритая голова с заостренной макушкой³, крупный прямой нос и вытянутые узкие глаза. Ухо выведено, но смято. Бороды нет, округлый подбородок выбрит, но лицо украшено пышными вислыми усами. Шея короткая, поэтому, кажется, будто голова посажена прямо на плечи (Рис. 3). В левой опущенной вниз руке он держит крупный одноручный кувшин с грушевидным туловом на широком кольцевом поддоне, с высоким узким горлом, верхушка которого наделена прямоугольным вытянутым вперед сливом в виде «утиного клюва». Подобные сливы и форма обычны для металлических сосудов VI–VII вв. (Тревер, Луконин, 1987. С. 113). В другой руке, согнутой в локте и поднятой на уровень груди, он держит за дно какой-то крупный кони-

ческий предмет с плоской верхней поверхностью, край которого передан витой линией. Возможно, это крупная чаша, перекрытая сверху подносом либо столиком, на котором стоят две с коническим туловом чаши, с приношениями – жертвенной пищей. На заднем плане выше чаш показано фантастическое зооморфное существо. Передняя его часть – протомы барана (хотя нельзя исключить возможность, что это сильно схематизированный конь), остальная часть туловища – птичья с крыльями и высоко поднятым вверх хвостом (Рис. 4). Плечи и бок существа покрыты орнаментом в мелкую сетку, спереди к шее отходят длинные перья или лепестки розетки на груди, такие же длинные линии (перья) направлены к хвосту. В нижнем углу у ног персонажа тянутся вверх ветки растений. Любопытна и вовсе неслучайна поза персонажа, он как бы слегка согнулся в полупоклоне. Тогда как второй персонаж стоит прямо, торжественно поднимая свои атрибуты.

Второй персонаж, видимо, равнозначен первому, но наделен другими атрибутами. Он тоже имеет крупную лысую или бритую голову с заостренной макушкой. У него крупный прямой нос, узкий вытянутый глаз, высокие скулы, массивный подбородок без бороды и длинные вислые усы. На голове косая линия – шрам (?). Плечи широкие и массивные. В левой согнутой в локте руке он держит, положенную на плечо связку растений, то ли срезанные длинные прутья барсома, то ли снопы колосьев. В правой руке, тоже согнутой в локте и поднятой вверх, зажат большой круглый венчик из травы и цветов (Рис. 3). В центре венка проверчено круглое, сквозное отверстие. Внизу слева от фигуры, так же как около первого персонажа, тянется вверх небольшая прямая ветка растения. Поле вокруг нижней части фигур покрыто рядами мелких углублений, глубоких наколов круглой веточкой.

Крышка – обычная для такого типа оссуариев, овальная в плане, выпуклой формы с ручкой в виде шаровидного навершия. Поверхность украшена растительной орнаментацией в виде веточек с листочками и наколами каплевидной формы. Крышка хотя и перекрывает устье резервуара, но больше паза среза его устья, кроме того, отличается по качеству глиняного теста и ангобному покрытию, т.е. явно от другого оссуария. В связи с этим не исключено, что в данном случае она, как и оссуарий, была использована вторично.

В целом орнаментация этого тойтепинского оссуария достаточно типична для оссуариев VI–VII вв. Ташкентского оазиса. Необычно примене-

ние штампа и замещение им традиционно помещаемых в центре секторов крупных четырех или восьми лепестковых розеток, т.е. в данном случае центр всей композиции как бы сфокусирован на этих двух персонажах.

Изображение персонажей с какими-нибудь атрибутами в руках не редкость и хорошо известно по оссуариям из Согда: Биянаймана, Иштыхана, Муллакурмана, Хирмантепа, Чача (Чанги), Красной Речки и т.д. Но если там присутствуют изображения четырехруких богов и других, видимо, божественных персонажей, то на тойтепинском оссуарии нет видимых указаний на их божественное происхождение. Поэтому складывается впечатление, что изображены мисты, пришедшие или совершающие какую-то церемонию, с дарами – приношениями в руках. Не случайно, видимо, подчеркиваются их бритые головы. Эта необычность облика обоих персонажей может быть указывает на их жреческую функцию, связанную с культом умирающего и воскресающего божества.

Если предположить, что таким божеством могла быть луна, то в этом плане крайне любопытно наблюдение замечательного исследователя Ю.А. Зуева о существовании в ряде древних обществ (юэчжей, усуней, кангюйцев, ранних тюрков) космогонических представлений, где бинарности самого общества был параллелен дуализм «солнечно-лунному» династийному управлению в государстве. Царский – Каганский род возводился к солнцу, тогда как символом Катунского рода была луна, и знаком к его принадлежности был обычай стрижки головы наголо, т.е. «белоглавость» или «плешивость», что равнозначно луноглавости (Зуев, 2002. С. 67, 71). Еще Геродот писал, что далеко за скифами на каменистой, неровной земле у подножия высоких гор обитают аргиппеи, которые лысые (плешивые) от рождения, курносые и с большим подбородком. Говорят они на особом языке, но носят скифскую одежду. Их никто не обижает, т.к. они почитаются священными. У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают распри соседей, а если какой-нибудь изгнанник найдет у них убежище, то никто не смеет его обидеть (Геродот, IV, 23).

Ю.А. Зуев увязывает это сообщение с гинекократической традицией исторических юэчжей, эфталитов и ряда других народов, сохранивших фольклорно-мифологическую традицию, где «плешивость» – «луноглавость» определяла место его носителей в системе духовных координат общества (почитание божества Луны) и не имела отношения к их реальной внешности. Например,

Рис. 1. Общий вид оссуария из Бешкапа (Тойтепа)

согласно Шахнаме, предком кабульского царя-месяца Мехраба был Таз (тюрк. «плешивый») (Фирдоуси, 1965. С. 625). Проявлением той же избранности в башкирской версии сказки об Алпамыше было то, что он был плешивым (таз), да еще с изображением золотого месяца на темени (Зуев, 2002. С. 71). Возможно, действительно следы такой традиции отразились в бытовании в недавнем прошлом в Средней Азии терминов «таз» и «кашка» в названиях родовых и племенных подразделений. Так в Ферганской долине были известны родовые подразделения Таз и Джетти-кашка (т.е. «семь плешивых»).⁴ Ит-ти кашка («семь плешивых») было названием узбекских кыпчаков Наманганской области (Шаниязов, 1974. С. 44-46). Любопытно, что цепочка таких сопоставлений прослеживается через Поволжье вплоть до Причерноморья, где в средневековый период обитало половецко-кыпчакское племя Таз. Этим же временем датируются находки в этом районе каменных антропоморфных изваяний с выбитой на тыльной стороне головы тамги в виде ножниц (Зуев, 2002. С. 71). Об устойчивом почитании здесь лунного божества свидетельствуют и значительно более ранние находки. Среди них особый интерес представляет довольно крупная (высотой 23 см) терракотовая фигурка миста с подвесными ногами из Пантикапея, которая обнаруживает некоторые параллели изображению на тойтепинском оссуарии. Правда, в отличие от тойтепинского персонажа у него на голове – головной убор с тремя округлыми выступами (напоминает кокошник). Лицо плоское с большим выступающим вперед носом и большими ушами. Туловище – колоколовидное, возможно, передает рубаху с широким подолом, из-под которой торчит огромный фалл. Од-

Рис. 2. Оссуарий без крышки и крышка оссуария

нако, в его поднятой вверх правой руке, также как у персонажа с оссуария, зажат венок, а в левой – длинная ветвь, положенная на плечо. Датируется фигурка II–III вв. н.э. и связана с погребальным культом, т.к. найдена в катакомбе по дороге к золотому кургану с 12-ю человеческими погребениями и 1 конским (Кобылина, 1978. С.49, № 39). Известно, что ветки и цветы были важным элементом весенней обрядности в культовых церемониях умирающей и воскресающей природы. Вероятно, и здесь они могли символизировать возрождение.⁵ Интересно, что венок в поднятой вверх руке одна из распространенных схем композиций в сасанидском искусстве. Так на оборотной стороне золотых денаров Хосрова II (591-628 гг.) изображена стоящая фигура царя с венком в правой руке, который интерпретируется как венец власти (Тревер, Луконин, 1987. С. 77-78). В других случаях венок воспринимается как символ свадебной обрядности, символ соеди-

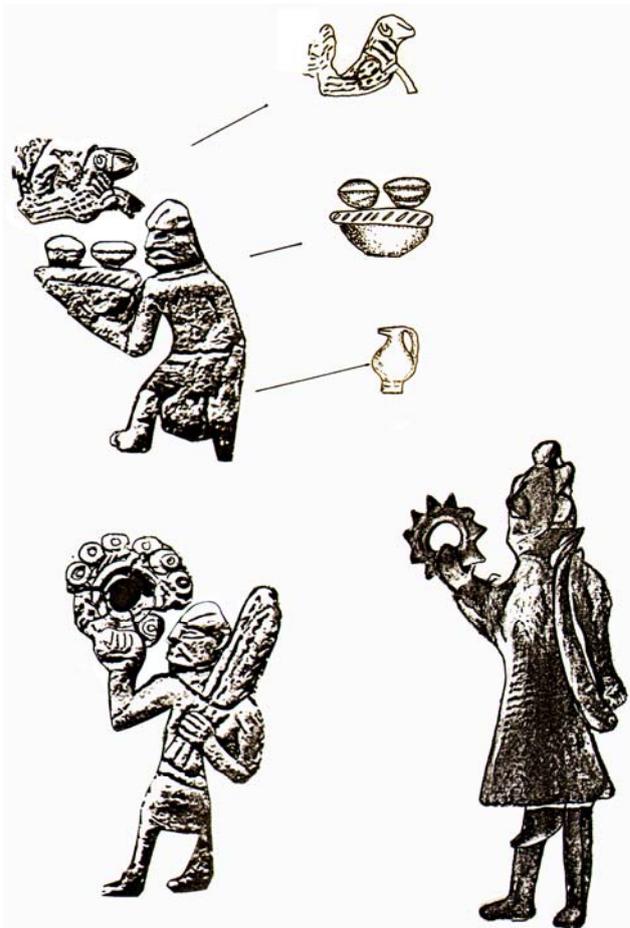

Рис. 3. Прорисовка персонажей

нения. Мужчина и женщина держат такой венки на керамическом сосуде (вазе) из Мерва. В свадебной сцене на серебряной чаше из коллекции Артура Саклера жених в наряде сасанидского вельможи откинулся на подушки тахты, в его левой руке – чаша с вином, а в правой он держит свадебный венок. Перед ним сидит его невеста, которая тоже правой рукой ухватилась за этот венок с другой стороны (Тревер, Луконин, 1987. С. 95). Видимо, персонаж с венком на тойтепинском оссуарии преподносит его душе умершего, символизируя этим ожидающее его вознаграждение – брачный союз с небесными девами.

Очень интересно фантастическое существо, введенное в сцену. Необычна его полиморфная сущность – полуптица с бараньей головой и передними ногами. Подобные полиморфные существа нередко встречаются в среднеазиатском и сасанидском искусстве, особенно на предметах торевтики. Едва ли не самым знаменитым из них является сенмурв, фантастический образ с головой или передней частью собаки и с орлиным телом и крыльями. Другие тоже крылатые существа, но с передней частью в виде коня или барана определяются менее уверенно. На пенджикентских росписях это явно добрые существа –

гении, несущие удачу, славу или победу героям. Так на росписи в пом. 1 объекта XXIV изображена группа из трех сидящих вельмож. Центральный царственный персонаж в красном халате передает сидящему напротив знатному мужу золотую фигурку фантастического существа (то ли крылатого коня, то ли гиппокампа) с венком в пасти и о чем-то его предупреждает или напутствует (Belenizki, 1980. P. 125, illustration 51). В пом. 7 того же объекта XXIV на фрагменте росписи изображена группа скачущих и стреляющих из луков всадников. Над передним из них летит птица с диадемой или ожерельем в клюве (Belenizki, 1980. P. 121). В росписи другого объекта VI/1, в сцене пиршества, царь сидит на троне, а вельможи ниже и под балдахином. Царь опирается левой рукой на топорик, правую – протянул вперед в символическом жесте (ладонью вверх). Над ним (как бы к его руке) летит фантастическое существо с протомой лошади, в пасти которой кольцо или венок, перевитый лентой (Belenizki, 1980. P. 82). Такие же два существа изображены над правым плечом каждого из сидящих персон в росписи пом. 10 первого пенджикентского храма (Belenizki, 1980. P. 42). К этой

Рис.4. Фантастическое существо (Фарн) и персонаж с чашей на оссуарии из Бешкапа

же группе образов принадлежит крылатый баран со змеиным туловищем, поднимающийся из водной пучины в росписях Афрасиаба (Ремпель, 1987. С. 60, илл. 17 ж). В другом случае такое же существо в виде крылатого барана со змеиным туловищем изображено в центральной сцене серебряной свадебной чаши. Главный персонаж, мужчина в халате с треугольным отворотом влево, опустил одну руку на колено, в другой (правой) держит кубок. Напротив сидит женщина (богиня ?), ее правая рука поднята в жесте адорации, и от нее к первому персонажу летит крылатый баран с ожерельем или гривной в пасти (Belenizki, 1980. P. 28, illustration 15). Видимо, древний тореут посредством зримого образа стремился передать момент наделения главного персонажа (или обладания главным персонажем) божественной благодатью. Причем в разных сценах существо, несущее или даже символизирующее эту благодать, передается по-разному: то в виде крылатого змее-барана, то в виде змее-лошади, то в виде змее-верблюда, реже в виде маленького человечка (Belenizki, 1980. P. 62, illustration 41; p. 138, illustration 62-63) или руки (Belenizki, 1980. P. 126, illustration 52), но всегда несущих венки либо ожерелье, либо кольцо перевитые лентой (символ богатства). На наш взгляд все эти изображения – ипостаси Фарна такие, какими их представлял себе древний художник. Традиционно считается, что Фарн был по большей части божеством связанным с царским культом, с царской благодатью (Литвинский, 1968. С. 87), причем нередко его символизировала хищная птица, а с эпохи Шапура II – баран. Однако в народной среде он был связан с семейным культом, где наделял обитателей дома процветанием, счастьем (счастливой судьбой), пережитки этих представлений сохранились у осетин, и вообще почитался как божество судьбы и богатства одновременно (Литвинский, 1968. С. 70-76). Предполагается, что Хварна, как и среднеперсидское Фарр, кушанское Фарро восходят в своем значении к авестийскому «Добро», «Богатство» (Рак, 1998. С. 515-516), но первоначально, судя по этимологии слова, по-видимому, было как-то связано со светом, а затем уже стало персонификацией счастливой судьбы (счастья) и благополучия. То есть функции этого божества представляются очень расплывчатыми. Не очень ясно, но каким-то образом Фарн все же связан с загробным миром, возможно, с будущим возрождением. Вероятно, именно в этом контексте следует рассматривать выходку одного из грабителей проникшего в гробницу Кесаря из согдийско-манихейской версии сказки о Кесаре и ворах. В ней рассказывает-

ся, что когда лампы осветили гробницу, то один из воров, облачившись в царские одежды, насмехаясь, приблизился к гробу с телом Кесаря – «Нюка, Кесарь, просыпайся! Не бойся – я твой фарн» (Литвинский, 1968. С. 77). Отсюда напрашивается вывод, что Фарн с одной стороны – единое общее божество, с другой – строго индивидуальное для каждого человека, как податель его благой судьбы и богатства. Не случайно его ипостасью выступает баран, символ богатства, потенции и плодородия. Археологические материалы однозначно указывают на большую популярность образа барана, ассоциировавшегося с Фарном, в народной среде. Причем в представлениях древнего и современного населения Средней Азии он нередко выступает заменителем человека (вспомним легендарную фабулу происхождения праздника аль-Фитр). Отчасти эти представления наложились на древнюю скотоводческую культовую традицию умилоствления богов заклинанием скота и были восприняты исламом, где жертвоприношение барана должно было помочь перейти мост Сират. Показательно и то, что до сих пор баран (овца) одно из популярных жертвенных животных при худои или поминках. Б.А. Литвинский приводит замечание В.А. Лившица о жертвоприношениях ягнят на «помин души» в храмы огня в надписи на «Каабе Зороастра» (Литвинский, 1968. С. 88). Не исключено, что это рудимент одного из представлений связанных с Фарном и его ролью в будущем возрождении.

Все это возвращает нас к вопросу, что же все-таки изображал тойтепинский оссуарий и кто эти персонажи?

По мнению некоторых исследователей, изображенные на оссуариях здания с аркадами, это храмы с происходившими в них ритуальными сценами, например, жертвоприношениями огню или ритуальными танцами с актерами, играющими богов (Маршак, Распопова, 1991. С. 164).

Однако зачем необходимо было на оссуарии изображать храм, да ещё актёров в виде богов? Как впрочем, очень спорен и вопрос о разыгрывании мистерий или танцев в зороастрийских храмах. На наш взгляд, изображения на оссуарии, так или иначе, должны были быть связаны с кругом представлений о загробном мире и реинкарнации. Поэтому вполне логично видеть в них стремление изображения мистического места и мистического действия. Иными словами мастер рисовал типичную картину загробного мира, ожидающую умершего – «сверкающую обитель Арты» – рай или точнее «небеса», где обитают души праведников, и происходит их возрожде-

ние. Причём образ рая уже в Гатах прямо связывается со зданием и носит название «Гара-дмана» – «Дом Хвалы» или «дом вознаграждения». В Видевдате говорится, что получившие воздаяния души праведников достигают золочёных лож Ахура Мазды и Амеша Спентас (Бессмертных Святых), Дома Хвалы, обители Ахура Мазды, обители Бессмертных святых, обители прочих праведников [цит. по Крюкова, 2005. С. 91]. В Яштах рай тоже представляется в виде прекрасного сверкающего здания с сотней окон и тысячей колонн [Яшт 5, 101-102. Авеста, 1990. С. 42].

Именно такое необычное, красивое и высокое здание мастер стремился изобразить на оссуарии. Отсюда здание с колоннами, изображенное на оссуарии, это райская обитель, а фигуры стоящие между ними, это души праведников, населяющие ее и встречающие умершего. Неслучайно и то, что один из них держит венки, а другой столик — с жертвенной пищей, над которой витает фантастическое существо, его фарн. Ту же идею можно видеть в композиции на аламедином оссуарии, где под арками (т.е. внутри здания) изображены схематические человеческие фигурки с необычно длинными трехпальными руками (Бартольд, 1960. С. 257-259). Последние, вероятней всего, представляли собой души праведников с ветками в руках.

Таким образом, в целом композиция на оссуарии из Бешкапа (Тойтепа) это иллюстрация определенно широко распространенного и легко узнаваемого для раннесредневекового населения Ча-ча представления о послесмертной судьбе души умершего. Примечательно, но почти прямое тождество сцене на этом оссуарии обнаруживается в зороастрийском «Дадестан-и меног и храд» (Суждение Духа разума). Здесь говорится, что после того как душа праведника поднимется в рай «все боги и амахраспанды (бессмертные святые) выходят ему навстречу и спрашивают» как она пришла из этого опасного, злого мира в их мир. Но господь Ормазд повелевает – «Не спрашивайте его, ибо, отделенный от того, что (было) дорогим телом, он пришел этой опасной дорогой, и принесите ему лучшее из яств, то есть масло *maīdūōzīgāt*, чтобы его душа отдохнула от того моста, (длиною 3 ночи), на который она ступила (спасаясь от Аствихада и других дэвов). И посадите его на (полностью) разукрашенный трон». «Как известно, праведным мужчине и женщине после (их) смерти приносят лучшее из яств небесных богов, и прежде всего масло *maīdūōzīgāt*, и усаживают их на (полностью) разукрашенный трон, так что они пребывают – навсегда и навечно – во всеблаженстве, навеки с

небесными богами» (Дадестан-и меног и храд, с. 14-15. Зороастрийские тексты, 1997. С. 86). Правда, не совсем понятно, что подразумевается под маслом *maīdūōzīgāt*, очевидно лишь, что это некая жертвенная пища. Примечательно мнение О.М. Чунаковой, которая отмечает связь названия «этого лучшего из яств» с *maīdūōi.zīgātaua* – названием божества первого времени года, весны. Хотя согласно Х. Ньюбергу речь здесь идет о вине (Зороастрийские тексты, 1997. С. 123). В любом случае здесь маркируется фольклорно-мифологический мотив о пище или напитке принимаемым умершим, с одной стороны окончательно приобщающим его к миру мертвых, с другой – дающий ему силы для возрождения в этом их мире или в будущем.

Показательно, что если не образ, то идея рая присутствует в сопроводительных надписях на оссуариях из Токкалы и Миздахкана в Хорезме. Они содержат дату, обозначение самого костехранилища, имени покойного, иногда ещё его родителей и формулу благопожелания его душе. Так надпись на одном из Токклинских оссуариев гласит: «Год 706. Месяц *gawacina*, день *gawacina* этот оссуарий (тапанкук) *Srywk-a* (сына) *Tusy'n-a*, душа (его) (обладает) кавийским фарном. Пусть душа (его) будет препровождена в прекрасный рай» (Рапопорт, 1971. С. 102). Такое сочетание ящика-хранилища для костей конкретного человека и благопожелательной формулы не случайно. О широком распространении подобной практики среди последователей зороастрийского учения свидетельствуют надписи сасанидской эпохи, сопровождавшие вырезанные в скалах ниши-остотеки и цисты-остотеки в горах Ирана. Практически они дают ту же религиозную формулу. Так в надписи из Танг-и гело говорится, что «эта могила собственность Анусрувана-панаха, сына Махдад-ашо, и высший рай пусть будет для него» (Trumpelmann, 1984. P. 322). В Истахре одна из таких надписей сообщает, что «эта могила (дахмак) заказана от PN, для его души, и рай желаю ему вознаграждением» (Trumpelmann, 1984. P. 320).

Последняя надпись особенно любопытна, во-первых, в последовательности перечисления, могила – душа умершего – рай. Во-вторых, получается могила-оссуарий с помещенными в нее очищенными костями, и душа умершего взаимосвязаны, рай в данном случае это благопожелание и конечная цель погребальных церемоний.

Совершенно очевидно, основной практической задачей погребального обряда зороастрийцев было очищение костей умершего и их сохранение какое-то время. Хотя обряд выставления

трупов не был единственным в погребальной обрядности зороастрийцев. И в Согде, и Чаче он становится предпочтительным лишь к эпохе раннего средневековья. По мнению Джаванджи Модди, кости необходимы для будущего воскрешения. Еще более широко бытует мнение, что теоретическим обоснованием этого обряда было стремление предохранить священные стихии – землю, воду и огонь от осквернения мертвым телом, которое после смерти человека становилось нечистым – «насай» – «мертвечиной» и потенциально опасным (Рапопорт, 1971). Однако, в реальности, как и в основе других погребальных обрядов, а так же всего круга связанных с ними похоронных, поминальных и очистительных церемоний, лежит общая концепция жизни и смерти, забота о посмертном существовании умершего и его воскрешении. В зороастризме жизнь и смерть, эти два противоположных начала воспринимались в неразрывном единстве. Во-первых, потому что мир людей, материальный мир – «гетиг», это арена борьбы Добра и Зла, смещения благих, светлых и тёмных элементов (Бойс, 1987. С. 3). Причём благие создания постоянно подвергаются нападению тёмных сил, последние стараются проникнуть в них и разрушить. Соответственно человек при жизни составляет союз тела и души (точнее душ). Дэвы пытаются проникнуть в тело человека и разрушить его (например, в виде болезни или старости). Предполагалось, что некоторые из них, например, Зарман (авест. «Заурва»), демон старения присутствуют в людях от рождения. Тогда как демон Насу стремится захватить тело сразу после смерти. Они отнимают у умирающего саму жизнь, его жизненную силу. Другие демоны Асто Видат и Визиреша нападают на только что отлетевшую душу.

Во-вторых, согласно зороастрийским представлениям избежать старения и смерти невозможно. Даже Заратуштре, просившему бессмертия у Ахура Мазды, было отказано в этой просьбе (Хисматуллин, Крюкова, 1977. С. 202). Каждому в этом мире предписан свой срок, кроме тех, кто создан бессмертным (т.е. богом). С другой стороны смерть это ворота – начало новой, другой жизни, поэтому сама жизнь индивидуума рассматривалась как подготовка к достойному будущему посмертному существованию.

Погребальная обрядность, как показывают материалы Ташкентского оазиса, представляла собой сплав зороастрийских установлений и представления, иногда восходивших к примитивным первобытным верованиям. Когда собственной жизнью – душами наделялись живые и неживые предметы и даже отдельные части тела чело-

века. Следы таких представлений до сих пор сохранились у отдельных групп среднеазиатского населения. Считалось, что одна из этих душ, «жон», после смерти безвозвратно покидает тело человека и отлетает к божьему престолу, т.е. на небо, другая – «Рух» какое-то время остается на земле и поддерживает связь с родственниками (Сухарева, 1960. С. 31; Андреев, 1953. С. 207).

Ту же картину наделения человека несколькими душами дают зороастрийские сочинения, и для понимания погребальной обрядности зороастрийцев они имеют первостепенное значение. Но и здесь это скорее наследие народной традиции, сохранившейся в старых текстах и явно сглаженное ортодоксальным жречеством, отвергавшим или пытавшимся приспособить ее в своих целях в более поздних сочинениях. Сама смерть индивидуума рассматривалась как разделение (Gignoux, 1979. P. 47) ранее слитых воедино элементов. Тело – *tan*, после смерти оно соединяется с землёй; *джан* – жизненность, она соединяется с воздухом; *Адвенак* или *кап* – форма, она сливается с солнцем; *руван*, главная душа, соединяется с *fravañr* (духом предков), находящимся подле Ормазда (Рапопорт, 1971. С. 31). Таким образом, одна из них и, возможно, главная *гиван* или *урван* – бессмертная душа, которая согласно зороастрийским представлениям существует и до рождения человека и после его смерти. Причём именно она три дня сидит в изголовье рядом с телом, и в момент отделения от тела подобна только что родившемуся ребенку. Как всякий новорождённый, она слаба и беспомощна и нуждается в защите и кормлении. Для этого необходимы службы божеству *Сроаше* (*Срошу*), защитнику живых и мёртвых, одному из трех судей над умершими и одновременно их проводнику к царству мёртвых.

В более поздних персидских ривайатах говорится, что сразу после смерти человека душа похожа на только что родившегося ребенка, на второй день она уже похожа на семилетнего, на третий – на 15-летнего [Persian rivayats, 1932. P. 166]. Представления об этом, видимо, уже существовали в эпоху раннего средневековья. Так, на оссуарии из Ташкентского Государственного исторического музея *Срош* за руку переводит фигуру-душу через мост *Чинват*. Несколько иной сюжет представлен на оссуарии из Сиваза, район Китаба, под Шахрисабзом (Кашкадарья). Здесь *Срош* – проводник поддерживает за шарф нагую фигуру (душу) перед сидящим божеством с дубинкой, которое то ли допрашивает, то ли благословляет ее (Grenet, 1996, fig. 14; Krašeninikova, 1993. P. 53-54, pl. IV).

Другая душа «джан» (juan) – жизненная сила. Её союз с телом (tan) существует только, пока жив человек. После его смерти судьба её неопределённа. Возможно, она угасает вместе с ним, другие – считают, что она отлетает и растворяется в эфире, третьи – что она переходит к потомкам. Показательно, что у каракалпаков Хорезма ближайший родственник покойного именуется «суйёк йеси» – «хозяин кости» (данные Х. Есбергенова см. Рапопорт, 1971. С. 34).

Очень запутанны и неопределённые представления о душе или душах связанных с костями. Ф. Жинью отмечает такие термины связанные «человеком как astvand – «Костный» и ahv i astomand – «костная душа». Причём последнее переводится им как «жизнь при жизни» или «живое существо». Оба они противопоставляются ещё одной паре понятий, выявленных в наскальных надписях верховного жреца Кердера (III в. н.э.), много сделавшего для устройства зороастрийской церкви при первых Сасанидах. Это astvand tan – буквально «костное тело» и astvand ruvan «костная душа» (Gignoux, 1979. P. 57-58). Всё это демонстрирует обратную связь, костная жизнь (душа) посредством костного тела и соединения с джан (жизненной силой) образуют живое существо, куда в свою очередь вкладывается уран – бессмертная душа.

Считается, что ещё к индоиранской общности восходит представление, по которому в будущей небесной реинкарнации кости нужны для восстановления тела. В индийской традиции сохранилось представление, что в течение первого года после смерти кости тленного тела восстанут и, одевшись бессмертной плотью, соединятся с душой на небе (Бойс, 1987. С. 23). Точно так же у зороастрийцев воскрешение мёртвых мыслилось как восстановление единства тела и жизни. И одним из условий было сохранение костного тела (пусть даже не полностью). Кстати, в ортодоксальном зороастризме плоть в отличие от костей не выделяется как элемент человека. Предполагается, что это связано с тем, как объясняет автор «Дадестан-и дениг», что после смерти человека кости сохраняются, так как они состоят из твердого вещества, не подвергающегося разложению, а плоть (букв. «жир») распадается и гниёт, когда из тела уходит «воодушевляющая жизнь» (Хисматулин, Крюкова, 1997. С. 190). Но, видимо, такое объяснение вторично, важнее то, что костная душа была непосредственно связана с костями и, сохраняясь в них подобно зерну, в нужный час могла возродиться к новой жизни.

Любопытно, что следы этой идеи сохранялись до недавнего времени. В Хорезме верили, что в

день Страшного Суда все мертвые прорастут из костей подобно зернам пшеницы. Указанием на широкое бытование в древности подобных представлений служат изображения на ряде оссуариев из Согда и Ташкентского оазиса, где маленькие человеческие фигурки (без признаков пола) помещены на верхушку прорастающих веток растений (пшеницы).

Наконец, в Авесте, в Яштах и Видевдате, в Бундахишне и Меног-и Храд, встречается ещё один термин – фраваша (среднеперс. фраварти), олицетворение души праведного маздаяснийца. Фравашам даже посвящался один из месяцев в зороастрийском календаре. Хотя представления об их функциональной сущности крайне расплывчаты и неопределённые. В отдельные моменты они описываются, как прямая параллель урван. Например, в Фарвардиняште Авесты говорится, что зарождение ребенка в чреве матери происходит благодаря фраваша (Яшт XIII. 11, 15, 22, 28). И то, что они существуют изначально, до рождения человека и отлетают от его тела после смерти, когда тело захватывают Насу и Асто Видат (Меног-и Храд, 11, 22, 23). Прекрасные, священные, благие фраваша обитают на небесах.

Предполагается, что представления о фравашах восходит ещё к протоиндоиранской традиции. С одной стороны они осмысливались как души-духи предков. Причём сама этимология слова фраваша выводится из корня «вар», единого со словом «хам-варэти» – «доблесть», «отвага», и первоначально обозначала душу героя (Бойс, 1987. С. 24). В тоже время они представлялись женскими крылатыми существами в доспехах и с оружием в руках. Они старались обеспечить каждый год землю дождями, слетались на помощь людям, следили, чтобы в их семьях рождались дети, а во время войны они невидимо сражались рядом со своими потомками.

Не удивительно, что в поздних сочинениях фраваша всё более осмысливались как своего рода ангелы-хранители. В Бундахишне говорится, что их, окруженных лазурным сиянием, ещё в начале творения создал Ахура Мазда. Фравашами наделены все сотворённые существа, включая самого Ахура Мазду. Правда, о фравашах неправедных в зороастрийской литературе не упоминается.

Предполагается, что на каком-то этапе культ фравашей был отвергнут Заратуштрой, но сохранился в западных областях иранского мира и в народной традиции Средней Азии, и уже после смерти Заратуштры вновь вернул свои позиции в официальной церкви (Рак, 1998. С. 510). Вероятно, какое-то особое значение имело то обстоя-

тельство, что в текстах упоминаются только фравашаи праведных. В среднеперсидской литературе это объяснялось тем, что фраварти были созданы Ормуздом в начале творения, как грядущее праведное человечество (Рак, 1998. С. 80-90, 510). В начале времён, когда Ангро Майнью напал на небо, они встали на защиту творения Ахура Мазды и покрыли небо, «как волосы на голове» (Бундахишн. Зороастрийские тексты, 1997. С. 273). Они каким-то образом связаны со звёздами. В Меног-и-Храд вообще прямо утверждается, что звёзды, кружащиеся по небу, бесчисленные и неисчислимы – это фравашаи земных существ.

В то же время исследователями отмечается тенденция отождествления «урван» с «фравашами». Так Мэри Бойс приводит фразу из зороастрийского сочинения: «мы поклоняемся душам (урван) умерших, которые являются фравашаи праведных» (Бойс, 1987. С. 25). Больше того в праздник Хамаспатмаэдаи в честь умерших делают приношения фравашаи и с молитвой обращаются к фравашаи, но для души урван. Хотя у современных зороастрийцев какое-то неясное, плохо осознанное различие сохраняется. Возможно, это осознание просто как традиция, без сформулированного обоснования, которое в древности всё же имело какие-то критерии. Нельзя исключить и такой вариант – урван, бессмертная душа конкретной личности, чьи прижизненные деяния влияют на её судьбу. Но в представлениях зороастрийцев после смерти человека она растёт, взрослеет. Вспомним, и обычай – делать ей ежегодные приношения в течение 30 лет. По истече-

нии этого срока, т.е. через 30 лет урван (безусловно, при условии её праведности) окончательно присоединяется к фравашам, духам предков.

Таким образом, до этого срока необходимо было сохранять костные остатки. Вероятно, установленного канона в этом плане не существовало, и предпочтение в разных регионах могло отдаваться тем или иным формам, одной из которых были оссуарии. Именно поэтому оссуарии нередко использовались по несколько раз. Общность большинства идей в верованиях Согда и Ташкентского оазиса способствовало распространению зороастрийских идей среди населения, в рамках которых вполне могли уживаться старые представления и традиции.

В то же время культовая иконография тойтепинского оссуария, подобно другим оссуариям из Согда (Иштыхана, Биянаймана, Дурмотепа, Сиваза, Хирмантепа) и Ташкентского оазиса, была призвана передать посредством образов и элементов композиции его новый статус жителя «Райской обители». Причем оссуарий, как предмет погребальной обрядности, служил не просто контейнером-хранилищем для сохранения костей, в нём сохранялась его *astvand ruvand* – костная душа до момента грядущего воскрешения в «день обновления мира». Поэтому он нередко наделялся определенной магической символикой. Наделение тойтепинского оссуария изображением рая и символами возрождения это набор благовещих, благих символов-пожеланий сопровождавших умершего.

Примечания

¹ Современное название участка местности в районе Ислахат-арыка на северо-восточной окраине Тойтепа. [Подробнее о находках см. Аскарлов, 2002. – С. 33; Богомолов, Минасянц, 2007. – С. 38-45].

² Технически эти навершия представляют собой плоско и тонко раскатанную глиняную пластинку трапециевидной формы, верхний край которой обернут вокруг верхушки столбика, а нижний нависает козырьком. Таким же способом украшены валики-полуколонны другого оссуария из этой группы и еще несколько среди находок из этой местности. Возможно, последний прием являлся индивидуальным почерком мастера, специализировавшегося на изготовлении оссуариев.

³ Хотя, учитывая сильную схематизацию изображения, нельзя полностью исключать и вероятность того, что это передача головного убора – шапочки с острым верхом.

⁴ Число семь в данном случае не количественный указатель состава рода, а указатель на их происхождение, магический символ, основанный на взаимосвязи с семидневными лунными фазами.

⁵ Следы этих представлений доживают до наших дней. Так в Фергане женщин умерших весной посыпали лепестками цветущего винограда. Показательно также, что если умерший был молодым, его саван обсыпали семенами чернушки-седана, лепестками роз, клали цветы пахучих растений. При захоронении зимой в саван клали засушенные веточки райхона (базилика) [Кармышева, 1986. С. 145].

Использованная литература.

- Авеста*. Избранные гимны. Перевод с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе, 1990.
- Андреев М.С.* Таджик долины Хуф. Вып. 1, Сталинабад, 1953.
- Аскарлов А.А.* Бешкапа оссуарийлари // Археологические исследования в Узбекистане. 2001 год. Ташкент, 2002.

- Бартольд В.В.** Отчёт о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. IV. М., 1960.
- Velenizki A.M.** Mittelasiens kunst der Sogden. Leipzig, 1980.
- Бичурин И.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена // Часть 1. М.-Л., 1950.
- Бойс Мэри.** Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перевод с английского И.М. Стеблин-Каменского. М., 1987.
- Boyse Mary.** Textual sources for the study of Zoroastrianism. Manchester, 1984.
- Геродот.** История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Gignoux Ph.** Corps osseux et âme osseuse: essai sur le chamanisme dans l'Iran ancien. // Journal Asiatique. Т. 267, Paris, 1979.
- Grenet F.** Grise et sortie de crise en Bactriane – Sogdiane aux IVe–Ve siècles: de L'Heritage antique a l'andoption de modeles Sassanides // Atti dei convegni Lincei, 127. (Convegno internazionale – La Parsia e L'Asia Centrale da Alessandro al X secolo). Roma, 1996.
- Зороастрийские тексты.** Суждение Духа разума (**Дадестан-и меног и храд**). Сотворение основы (**Бундахишн**). Перевод, исследование, комментарий О.М. Чунаковой. М., 1997.
- Зуев Ю.А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
- Кармышева Б.Х.** Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Кобылина М.М.** Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978.
- Krašeninikova N.I.** Deux ossuaries a décor moule trouves aux environs du village de Sivaz, district de Kitab, Sogdiane meridionale // Studia Iranica. № 22. 1993, fascicule I.
- Крюкова В.Ю.** Зороастризм. СПб., 2005.
- Литвинский Б.А.** Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.** Адоранты из северной капеллы и храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
- Павчинская Л.В.** Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. Автореферат дисс. к. и.н. Самарканд, 1990.
- The Persian rivayats of Hormazyar Framars and others.** Their version with introduction and notes. Т. 1, Bombay, 1932.
- Пугаченкова Г.А.** Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Рак И.В.** Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.-М.: 1998.
- Рапопорт Ю.А.** Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971.
- Ремпель Л.И.** Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Сухарева О.А.** Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Trumpelmann Leo.** Sasanian graves and burial customs // Arabic orientale Mesopotamie et Iran Meridional de l'age du fer debut de la Periode Islamique «memeire» № 37. Ed. Recherche sur les Civilisations. Paris, 1984
- Фирдоуси.** Шахнаме. Том 1. М., 1965.
- Фрай Р.Н.** Зороастрийские представления о бессмертии души // Народы Азии и Африки. 1967, № 3.
- Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю.** Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб., 1997.
- Шаниязов К.Ш.** К этнической истории узбекского народа. Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента. Ташкент, 1974.

НОВАЯ НАХОДКА ШАХМАТНОЙ ФИГУРЫ ИЗ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

История шахмат давно волнует исследователей, но многие ее страницы остаются малоизученными и дискуссионными, особенно вопросы эволюции самой шахматной игры, происхождение ее фигур, время появления в том или ином регионе и ее место в культуре региона. В последнее время основным источником новых сведений по истории шахмат являются материалы археологических исследований. Поэтому важна каждая находка.

В связи с этим особый интерес приобретает недавняя новая находка шахматной фигуры из Самаркандского Согда. Она была найдена случайно в районе Тусунсайского водохранилища одним из жителей кишлака Доринсой на поверхности городища Кургантепа (Пайарыкский район Самаркандской области). Собственно само городище Кургантепа расположено в среднем течении Тусунсяя, правого притока Зарафшана, на обрывистом берегу левобережной надпойменной террасы, напротив кишлака Дорин. Городище двухчастно по своей структуре, состоит из цитадели и примыкающего к ней с юго-востока поселения прямоугольной формы. Диаметр основного холма по подошве – 115 м, а размеры верхней площадки холма 46x38 м. От уровня реки холм возвышается почти на 30 м. Площадь поселения 125x85 м, ее периметр был оконтурен валом крепостных стен с остатками башни в юго-восточном углу. На холме-цитадели были заложены два разреза, которые обнажили остатки мощных пахсовых стен, толщиной более 3 м и высотой 5 м. В целом обследование выявило, что основу городища составляют остатки крупного раннесредневекового замка, первый строительный период которого датируется V-VI вв. н.э. Второй – VI-VIII вв. Третий строительный период относится к IX-X вв. и характеризуется следами ремесленного производства. Последний период обживания относится к XI-XII вв. (Ростовцев, Оманжулов, Вафаев, Иваницкий, 1979. С. 559; Ростовцев, Вафаев, Иваницкий, 1989. С. 256-257).

Шахматная фигура из Кургантепа вырезана из слоновой кости и, по сути, представляет собой целую композицию из нескольких объемных изо-

бражений: крупной фигуры слона на плоском основании, на спине которого в паланкине помещался знатный наездник (вельможа), и карнака – погонщик слона. Общие размеры шахматной фигуры составляют: высота – 4,5 см, длина – 4,2 см. Из них фигура человека высотой – 1,4 см; фигура слона высотой – 2,9 см, длина 4 см, а ширина – 1,7 см. Размеры основания: длина – 4,2 см, ширина – 2,1 (1,2) см и высота – 0,5 см. Поверхность фигуры залощена (Рис. 1).

Очень схематично, но в то же время живо и реалистично передана грузная массивная фигура индийского слона. Резчик передал мощные массивные ноги, крупную бугристую голову, характерные для слона формы, специфические уши. Глаза переданы ромбовидным углублением с овальным возвышением в центре. Со знанием дела показаны бивни животного, правда, один из них сохранился частично, другой обломан и утрачен полностью. Несколько неестественно длинным передан хобот слона. Конец его опущен на землю, согнут под прямым углом, и животное как бы опирается на него. Также утрированно широкой полосой показан хвост слона. Но в целом, при всей схематичности изображения, минимальности проработки деталей резчику удалось передать впечатление грозного мощного животного, в любую минуту готового броситься в атаку.

Персонажи. Главный из них – наездник изображен очень схематично. Он явно облачен властью, передан в статичной позе, гордо восседающим в паланкине. Его правая рука согнута в локте и сжимает какой-то длинный предмет, скорее всего, меч или жезл-дубинку (булаву), верхний конец которого опущен на плечо персонажа. Второй рукой он держится за выступ на углу борта паланкина. Детали одежды не видны. Лицо, как и голова в целом, передано крайне схематично. Едва намечен крупный нос и большие миндалевидные глаза с надбровными дугами. В нижней части лица неровной (дуговидной) полоской передана то ли линия усов, то ли рта. Причем нижняя часть лица широкая, возможно, изображает бороду персонажа. Макушка его головы округ-

Рис. 1. Шахматная фигура из Кургантепа

лой формы. Линия головного убора не видна, но создается впечатление, что голову все же покрывает округлая шапочка.

Второй персонаж – погонщик слона утрачен полностью. Сохранились лишь следы его распо-

ложения и кончики его ног, упорившиеся в голову слона над его ушами.

Паланкин или башня представляет собой четырехгранную корзину с двумя широкими трапециевидной формы боковинами (основаниями),

охватывавшие спину слона. Каждая боковина декорирована одинаково. Края боковин выделены широкими полосками, а пространство между ними разделено косыми и поперечными линиями на несколько фигур треугольной и трапециевидной формы с ромбовидной фигурой в центре. Мастер передал также ремни крепления паланкина. От нижнего переднего угла паланкина вниз отходит широкая полоса из двух ремней, охватывавших брюхо слона. Еще один протянут от этого же угла, и охватывает грудь слона. Другой широкий ремень тянется от противоположного заднего угла основания паланкина и косой линией охватывает заднюю часть туловища слона. Подчеркивается даже такая деталь, как привешенные к ремню крупные, тяжелые кисти, овальной и трапециевидной формы.

Основанием шахматной фигуры служит уплощенная пластинка овальной формы с ровной плоской нижней поверхностью. Боковая поверхность (торец) основания немного скошена, несколько расширяясь к днищу, и декорирована. Декор представляет собой пояс из двух параллельно протянутых горизонтальных линий, между которыми проходит ряд из округлых и трапециевидных перлов. Однако такой пояс с перлами по краю основания встречается далеко не на всех фигурах. Вероятней всего, как деталь оформления фигуры, он играл определенную роль и служил не только ее украшением, но и определенным индикатором ее положения в иерархии шахматных фигур. Типологически кургантепинская находка относится к так называемым «живым» шахматам, где все фигуры в отличие от абстрактных шахмат передают не символическое (условное) изображение в виде конусов, цилиндров, а реалистическое, воспроизводя образы пеших воинов, всадников, коней, слонов и т.д. В известной степени это позволяет предполагать ее раннесредневековую или по крайней мере раннеисламскую датировку.

Тем более, что отсутствие археологического контекста не позволяет достаточно полно судить о ее датировке. Само городище Кургантепа, где была сделана находка, представлено в основном материалами эпохи раннего средневековья, но там присутствуют и слои IX-XII вв. Не менее противоречивы вопросы о месте ее изготовления и интерпретации. И все же кое-какие суждения можно сделать, исходя из анализа фигуры. Знание мелких деталей анатомического строения слона, его упряжи, несмотря на весь схематизм изображения, позволяет предполагать знакомство резчика с живым оригиналом. Все это вкуче с материалом, из которого изготовлена сама фигу-

ра, позволяет видеть в ней часть привозного шахматного набора, произведенного в Индии. Известно, что Южная Индия вела широкую торговлю слоновой костью с Ближним Востоком, Грецией, а позднее с Римом. Помимо морской торговли часть этого товара поступала по сухопутным трассам, некоторые из которых проходили по территории Средней Азии. Хотя население Средней Азии могло вживую видеть индийских слонов, которые даже эпизодически использовались в войсках среднеазиатских правителей. Например, в обороне Самарканда от монгольских полчищ в марте 1220 г. в составе самаркандского гарнизона кроме пешего и конного войска имелось ещё 20 боевых слонов. Кроме того, местный мастер, резчик по кости, мог просто скопировать их на заказ по привозным образцам. Тем более, что слоновую кость, как считают некоторые исследователи, привозили из Индии в основном в качестве сырья, тогда как изделия из него – предметы обихода, декор предметов вооружения, инкрустация различных поделок осуществлялись местными мастерами на месте. Причиной этому могло быть то, что при транспортировке уже готовых предметов они могли легко пострадать или подвергнуться ограблению (Арипджанов, 2008. С. 145). И всё же находки индийских товаров, различных поделок (гребней, заколок, шкатулок, бус, браслетов) далеко за пределами Индии, в том числе и Средней Азии, показывают, что наряду с сырьем широко вывозились и изделия индийских ремесленников, среди которых, видимо, были и шахматы, особенно высокохудожественные репрезентативные комплекты. Именно они могли служить образцами местным мастерам при копировании комплектов. Вероятно, одним из показателей принадлежности шахмат к изделиям местных ремесленников могут служить размеры фигур в наборе. Так как из-за дороговизны сырья, необходимости использовать его экономно местные мастера стремились воспроизвести фигуры небольших размеров.

Интерпретация шахматной фигуры с Кургантепа. На первый взгляд, то, что основным компонентом фигуры с Кургантепа является изображение слона, позволяет легко определить ее как слона (или офицера в современных шахматах), одну из основных фигур в шахматном комплекте. В чатуранге он назывался «хаста». В этой ранней предтечи шахматной игры соперники поочередно делали ходы в соответствии с выпадением игральные костей. Для хода слонем необходимо, чтобы выпало 4 очка. Как и в современных шахматах, слон располагался рядом с королем на шахматной доске. Правда, в ранней шахматной

игре, в чатуранге и позже в шатранге, слон двигался по диагонали и не через все поле, а только через одну клетку, хотя мог при этом перепрыгивать через фигуру как конь. В Средней Азии он назывался «фил». В средневековой Европе, не знавшей слонов и познакомившейся с игрой через посредничество арабов, непонятный термин, арабское «ал-фил», в различных странах заменили по ассоциации или по созвучию. Так во Франции он стал называться «фол» – «безумцем», «шутом». В Англии – «bishop» – епископ, так как считалось, что только у безумцев и духовных лиц в обычае хитрые ходы и косые взгляды, и они способны наносить удары исподтишка. В середине XV века, по-видимому, в Испании была проведена реформа шахмат – ферзь и слон стали передвигаться как современные. Кстати претерпела изменения и сама доска, она стала двухцветной, как и шахматные фигуры, разделившиеся на белые и черные.

Самой ранней, известной на настоящее время находкой шахматного слона является фигурка из слоновой кости из Сурхандарьи с городища Дальверзинтепа, которая датируется I-II вв. н.э. (Тургунов, 1973. С. 74-75). Но сама поза слона другая, он показан опущенным на брюхо с вытянутыми передними ногами, и какие-либо персонажи на его спине отсутствуют. Стоящего слона, покрытого попоной, но не имеющего на спине персонажей изображает шахматная фигура XII века восточной работы из национального музея во Флоренции (Линдер, 1975. С. 67). Из Ирана происходит еще одна находка шахматного слона, только выточенного из черного камня, который датируется исследователями VI-VII вв. (Wilkinson, Dennis, 1968. Table 1). Однако, стилистически и, видимо, хронологически наиболее близкой аналогией находке из Кургантепа является фигура слона из шахматного комплекта, найденного в 1977 г. в северной части городища Афрасиаб (Самарканд) (Буряков, 1977. С. 35-39). В целом, шахматный комплект с городища Афрасиаб состоял из 7 фигур, также изготовленных из слоновой кости. Правда, место его находки и его датировка указываются как-то неопределенно. С одной стороны отмечается, что он был найден в преддверии соборной мечети с археологическим материалом, в том числе и монетами, второй половины VIII века. Но, учитывая стилистические аналогии и залощенность фигур от длительного употребления, сами шахматные фигуры могут быть отнесены к VII веку (Буряков, 1980. С. 163). С другой стороны указывается, что дальнейшее изучение архитектуры комплекса показало, что здесь в VII-VIII вв. располагалась баня, и шах-

матный комплект вполне мог быть связан с времяпровождением после банных процедур (Буряков, 1993. С. 25). Вместе с тем еще в первом упоминании о находке этих шахмат сообщается, что они были найдены за пределами предполагаемой михрабной (т.е. западной) стены мечети IX-X вв., под завалом свалки кусков резного ганча, в прослойке вместе с керамикой, стеклом, костями животных и комками жирной «мыльной» глины – «гильмоя» (Брусенко, Буряков, Бурякова, Кабанов, Садиев, Шишкина, Шорахимов, 1978. С. 520-521). Соответственно не ясно, относятся афрасиабские шахматы к мечети IX-X вв. или к немного более ранней бане (существование которой ранее VIII века, даже если она и была, представляется гипотетичным)¹.

При всей спорности этого момента, безусловно, афрасиабский комплект шахмат по времени зафиксированного бытования относится к раннеисламскому времени и связан с элитными слоями общества. Хотя не исключено, что это был комплект, попавший в Среднюю Азию из Индии на несколько десятилетий раньше. Однозначно и то, что в любом случае афрасиабские шахматы фиксируют один из этапов в изобразительном каноне шахматных фигур.

Именно поэтому для определения шахматной фигуры из Кургантепа важно сопоставление ее с некоторыми фигурами афрасиабских шахмат. Прежде всего, с фигурой слона, где само животное изображено тоже стоя, а на его спине, точнее на загривке сидит погонщик, вооруженный мечом и щитом. Но в отличие от кургантепинской находки животное здесь передано более схематично. По иному трактованы уши, глаза и даже хобот животного. У кургантепинской фигуры конец его вытянут по земле и загнут к туловищу, а у афрасиабского он также вытянут, но направлен вперед от животного. Кстати, по мнению Ю.Ф. Бурякова сама поза слона с опущенным до земли хоботом позволяет считать ее характерной деталью для ранних шахмат (Буряков, 1980. С. 163). Кроме того, столешница основания афрасиабского слона – простая, с ровным краем. Можно предположить, что уже с древности существовало два направления в изображении этой шахматной фигуры. Первое направление – передача ее в виде простого изображения животного (уже само по себе подразумевавшего мощь, силу), таковы изображения слона из Дальверзинтепа и национального музея во Флоренции. Второе – в качестве подчеркнуто боевой единицы с вооруженным погонщиком-карнаком наверху. Таковы шахматные фигуры с Афрасиаба и из Саркела в Поволжье (Артамонов, 1958. С. 75).

Рис. 2

Как уже отмечалось, казалось бы, уже наличие изображения слона, позволяет легко интерпретировать находку из Кургантепа как одноименную шахматную фигуру. Однако композиция его сложнее, в отличие от афрасиабского сло-

на, здесь присутствуют погонщик, управляющий слонем и вельможа в паланкине. Немаловажна и еще одна деталь, наличие которой отмечалось выше, основание фигуры выделено пояском из крупных перлов. В сравнении с афрасиабскими

шахматами только одна из фигур, самая крупная из них (высотой – 4,1 см и длиной – 3,2 см), была наделена аналогичным элементом.² Она изображала всадника, сидящего на тройке впряженных в колесницу лошадей. В левой руке всадника – поводья, в правой – булава, символ власти. По мнению Ю.Ф. Бурякова это фигура шаха (короля). Определение это может быть принято, но не бесспорно, т.к. шах (король), как главная фигура должен был доминировать не только в размерах, но и с помощью изобразительных средств. Показательна в этом плане шахматная фигура из слоновой кости из национального кабинета медалей Франции в Париже. Считается, что эта фигура принадлежала к шахматному комплексу, подаренному около 800 г. н.э. халифом Харуном ар-Рашидом королю Карлу Великому. Эта фигура высотой 15,5 см, по сути, представляет целую композицию из группы объёмных изображений. Центр композиции сфокусирован на фигуре правителя (шаха), восседающей на троне-паланкине, на спине слона. Он более чем в два раза больше остальных людей его свиты. С внешней стороны паланкина вдоль его борта размещено 8 воинов – телохранителей с щитами и мечами в руках. В нижней части фигуры слона с шахом прикрывают еще 4 всадника тоже вооруженные мечами и щитами. Со слона свешивается убитый или раненый погонщик. Сам слон хоботом обхватил вражеского всадника и сбрасывает его с коня. То есть фигура передает целую композицию выезда шаха и одновременно драматический момент битвы. Любопытно, что край основания столешницы украшен двойным поясом из перлов.

Ю.Ф. Буряков связывает с каноном изображения шахматного короля объёмную сидящую мужскую фигурку из слоновой кости коллекции В.Н. Кастальского, ныне хранящуюся в Государственном Эрмитаже в Санкт Петербурге. И.М.

Линдер, правда, интерпретировал ее как пешку. Однако фигура была тоже не вооружена. Предполагается, что она происходит с Афрасиаба, но самое главное, действительно, несмотря на фрагментарность по стилю и позе близка королю из национального кабинета медалей во Франции, и, следовательно, также изображает шахматного короля (Буряков, 1980. С. 167, рис. 3, 2. С. 169). Конечно, это примеры высокохудожественных образцов, в более простых комплексах изобразительный ряд был проще. Король не имел дополнительных элементов в виде свиты телохранителей, но некоторые детали (конечно, кроме немного больших размеров) были призваны подчеркнуть его статус.

Таким образом, исходя из выше изложенного, напрашивается вывод – элементами изобразительного ряда, указывавшие на принадлежность фигуры к шахматному королю (шаху) в ранних шахматах (по крайней мере, в эпоху раннего средневековья) были трон-паланкин и слон. Кроме того, дополнительной маркирующей деталью, подчеркивающей его высокий статус, была полоса с перлами по краю столешницы основания. Все это вполне приложимо к шахматной фигуре из Кургантепа, которая сообразно канону ранних шахмат изображала выезд правителя сидящего на троне-паланкине на слоне, и соответственно представляла собой главную фигуру комплекта – шахматного короля (шаха).

Важно отметить еще один аспект. До последнего времени находки шахмат в Согде были известны только в одном из его самых крупных культурных и экономических центров – Самарканде. Шахматная фигура с Кургантепа – первая находка этого рода за его пределами. Она, с одной стороны, свидетельствует о распространении шахматной игры за пределы крупных городов. Когда, шахматы, согласно замечанию средневе-

Рис. 3. Шахматные фигуры из Афрасиаба

Рис. 4. Шахматные фигуры. Афрасиаб

кового автора, приобретают демократичный характер, став игрой «дворцов и базаров». С другой стороны, кургантепинская находка является ча-

стью репрезентативного комплекта, который мог принадлежать представителю местной знати или богатому торговцу. Что вместе с другими материалами косвенно маркирует направление одной из веток караванных трасс на север, к городам Средней Сырдарьи. Это был короткий, но на отдельных участках довольно трудный путь от Отрара через степь к горам Койташ, затем по долине Тусунся к Актепа-Митану, далее к Иштихану, откуда выходил на основную трассу к Бухаре или Самарканду. Причем, судя по материалам археологических обследований этого района, сложился он в эпоху раннего средневековья. Показательно, что из 59 археологических памятников, зафиксированных по течению Тусунся, на 56 из них зафиксированы материалы V-VIII вв. Тогда как следы обживания в IX-XIII вв. обнаружены только на 16 памятниках (Ростовцев, Вафаев, Иваницкий, 1979. С. 259-260).

Примечания

¹ Существование бань до VIII века ни письменными источниками, ни археологическими материалами не подтверждается. Считается, что бани были новинкой городского быта, появившиеся в городах Средней Азии не ранее VIII века, однако уже к середине IX века они имелись уже в большинстве городов Среднеазиатского междуречья (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. – С. 307; Маньковская, 1980. – С. 69; Хмельницкий, 1992. – С. 282).

² Конечно, т.к. афрасиабский комплект неполный и, по сути, представляет меньше его половины, нельзя исключать вероятность, что этот элемент маркировал фигуры противоположной стороны. Но в то же время такая вероятность все же маловероятна, в связи с тем, что пока не известно ни одной находки простой фигуры с линией перлов по основанию.

Использованная литература

- Арипджанов О.Ю.* Находки игральных костей в Средней Азии // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1, М.-Л., 1958.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Брусенко Л.Г., Буряков Ю.Ф., Бурякова Э.Ю., Кабанов С.К., Садиев М.С., Шишкина Г.В., Шорахимов Ш.Ш.* Городище Афрасиаб // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.
- Буряков Ю.Ф.* Из истории распространения шахмат на Великом шелковом пути // ОНУ. № 5. Ташкент, 1993.
- Буряков Ю.Ф.* К датировке и атрибуции некоторых шахматных наборов (в свете находок 1977 г. на Афрасиабе) // СА. № 3. М., 1980.
- Буряков Ю.Ф.* Шахматные фигуры VIII в. с городища Афрасиаб // ОНУ. № 9. Ташкент, 1977.
- Линдер И.М.* Шахматы на Руси. М., 1975.
- Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX вв.). Ташкент, 1980.
- Ростовцев О.М., Оманжулов Т.А., Вафаев Г.А., Иваницкий И.Д.* Работы Самаркандского областного отряда // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.
- Ростовцев О.М., Вафаев Г.А., Иваницкий И.Д.* Археологические исследования в долине Тусунся Самаркандской области // ИМКУ. Вып. 18. Ташкент, 1989.
- Тургунов Б.А.* Новые данные к истории шахмат в Средней Азии // ОНУ. № 11. Ташкент, 1973.
- Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига, 1992.
- Wilkinson Ch., Dennis Mc. Nab.* Chess. East and West, Past and Present. N-Y., 1968.

М.М. Мамбетуллаев

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ КУЮККАЛА

Памятник Куюк-кала находится в Чимбайском районе Республики Каракалпакстан, в 40 км к северу от г. Чимбая. Он построен на невысокой возвышенности близ горы Кушханатау, окруженной со всех сторон плоской пустынной равниной. В ряде мест равнина прорезана руслами дельты Амударьи, известного у местного населения под названием Караузьяк. Куюк-кала и его окрестности в прошлом орошались, помимо естественного протока Караузьяка, каналами Шортанбай (средневековый Кердер), Ишан-яб, Бек-яб, Арзы-яб.

В 3-5 км к западу от городища, на возвышенности Кушханатау находится оссуарный могильник, современный городищу. Куюк-кала и оссуарный могильник были открыты в 1928 г. этнографом А.А. Милковым, где он собрал с памятника фрагменты керамики и монеты (Якубовский, 1930. С. 564). В 1956 г. памятник повторно был обследован археолого-этнографическим отрядом Хорезмской этнографической экспедиции АН СССР, на памятнике проведены рекогносцировочные раскопки, позволившие определить общую дату памятника, дать первую характеристику его топографии, а также установить наличие трехметрового культурного слоя, разделяющегося на несколько строительных горизонтов. Одновременно был исследован оссуарный могильник. Высказано предположение, что Куюк-кала является одним из поселений раннесредневекового владения Кердер (Толстов, 1958. С. 128).

В 1961 г. раскопки на памятнике были продолжены археологическим отрядом Института истории, языка и литературы КК ФАН РУз (ныне Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН РУз) и в 1967 г. произведена плановая аэрофотосъемка памятника. Результаты раскопок в 1961 г. и аэрофотосъемка 1967 г. отражены в статье В.Н. Ягодина (Ягодин, 1984. С. 54). В 1997, 2002-2003, 2006 гг. памятник был обследован археологическим отрядом Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза. Во время этого обследования был снят топо-

графический план памятника, получены новые данные по стратиграфии и топографии.

Топография. Куюк-кала представляет собой большой раннесредневековый город, площадь которого достигает около 44 га. Он имеет неправильный план и окружен сырцово-кирпичной стеной, ломаная линия которой описывает очертания холма. Топография Куюк-калы сложна по структуре и почти по всей площади памятника процессы переработки поверхности дождевыми водами и ветром сгладили рельеф, отражавший топографическую структуру Куюк-калы и сделали невозможной дешифровку ее топографии при наземных способах съемки. Потому более широкие возможности для изучения топографии Куюк-калы представили материалы аэрофотосъемки, произведенной в 1956 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР (рис. 1), а в 1967 г. - отделом археологии ККО АН РУз (Толстов, 1958. С. 129; Ягодин, 1984. С. 54).

По подсчету, произведенному в 1956 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции, площадь памятника определена в 41 га (Толстов, 1958. С.55), а по подсчетам В.Н. Ягодина, произведенным на основе дешифрирования аэрофотоснимков, площадь памятника уменьшена до 27 га. Однако при более детальном изучении топографии и после новых подсчетов, приведенные В.Н. Ягодиным цифры оказались несколько заниженными, очевидно, из-за того, что исследователем не была принята во внимание площадь неукрепленного поселения (рабада), расположенного на южном склоне шахристана, где прослежены значительные культурные напластования, насыщенные керамическими материалами и большими линзами хозяйственно-бытовых отходов. Юго-западная граница поселения размыта дождевыми водами. Кроме того, в 2000 г. на северо-западном и западном склоне памятника нами был открыт городской некрополь площадью 6,5-7 га. Таким образом, общая площадь распространения культурного слоя на Куюк-кале (размеры раннесредневекового города) равна около 44 га. В его составе можно выделить шесть четко определяю-

Рис. 1. Аэрофотосъемка Куюк-кала (по С.П. Толстову).

щихся частей: западная цитадель, восточная цитадель, юго-западный шахристан, северный двор, южное открытое поселение и некрополь (рис. 2).

Поверхность памятника неровная, встречаются фрагменты керамики, кости животных. Основная масса подъемной керамики датируется VIII в. Это и понятно, поскольку город интенсивно жил вплоть до середины VIII в. н.э.

Западная цитадель. В плане подпрямоугольная, общая площадь 1,8 га. Углами ориентирована по странам света. Восточным углом примыкает к западной стене восточной цитадели. Стены цитадели разрушились почти полностью, в рельефе не прослеживаются, заметны лишь при осмотре с воздуха и на аэрофотоснимках. По периметру западная цитадель оконтуривается широкой светлой полосой, под которой находятся остатки рва, окружавшие цитадель.

Восточная цитадель. Расположена в северо-восточном углу шахристана, в плане имеет трапециевидные очертания, стены ориентированы по сторонам света. Северная сторона имеет протяженность 176 м, южная – 195 м, восточная – 146 м, западная – 140 м. Общая площадь 2,6 га. Цитадель окружена сильно разрушенными сырцовыми стенами, высотой 1,5-2 м. Углы ее расплылись буграми, образовавшимися за счет разрушения башен. Башни имеют каплевидную в плане форму. В противоположность всем другим топографическим состав-

ляющим Куюк-калы, восточная цитадель четко выражена в рельефе. Внутренняя поверхность цитадели в рельефе не сохранила никаких следов планировки, однако можно выделить эти следы по цвету поверхности. Ворота цитадели находятся в середине южной стены. Они имели вид простого прохода в стене шириной 7,5-8 м. С восточной стороны ворот в стене находилось прямоугольное помещение длиной 3 м, шириной 2,7 м. Пол его не сохранился. Под небольшим слоем завала идет кирпичная субструкция. С другой стороны ворот подобного помещения не обнаружено. Ворота вели в неукрепленное поселение, расположенное за южной стеной цитадели.

Шахристан. В плане имеет вид неправильного прямоугольника, ориентированного по сторонам света. Расположен юго-западнее восточной цитадели и находится на плоской вершине, двумя сторонами южной и восточной выходит на крутые склоны холма. Стены, некогда окружавшие город, к настоящему времени оказались почти полностью смыты. Северная сторона имеет протяженность 280 м, восточная – 300 м, южная – 296 м, западная – 340 м. Юго-западная часть шахристана несколько возвышается над остальными на высоту 1,5-2 м. По данным наземного осмотра поверхности, вся площадь шахристана была занята разными постройками. В 2002, 2005, 2006 гг. на небольших участках шахристана были произведены

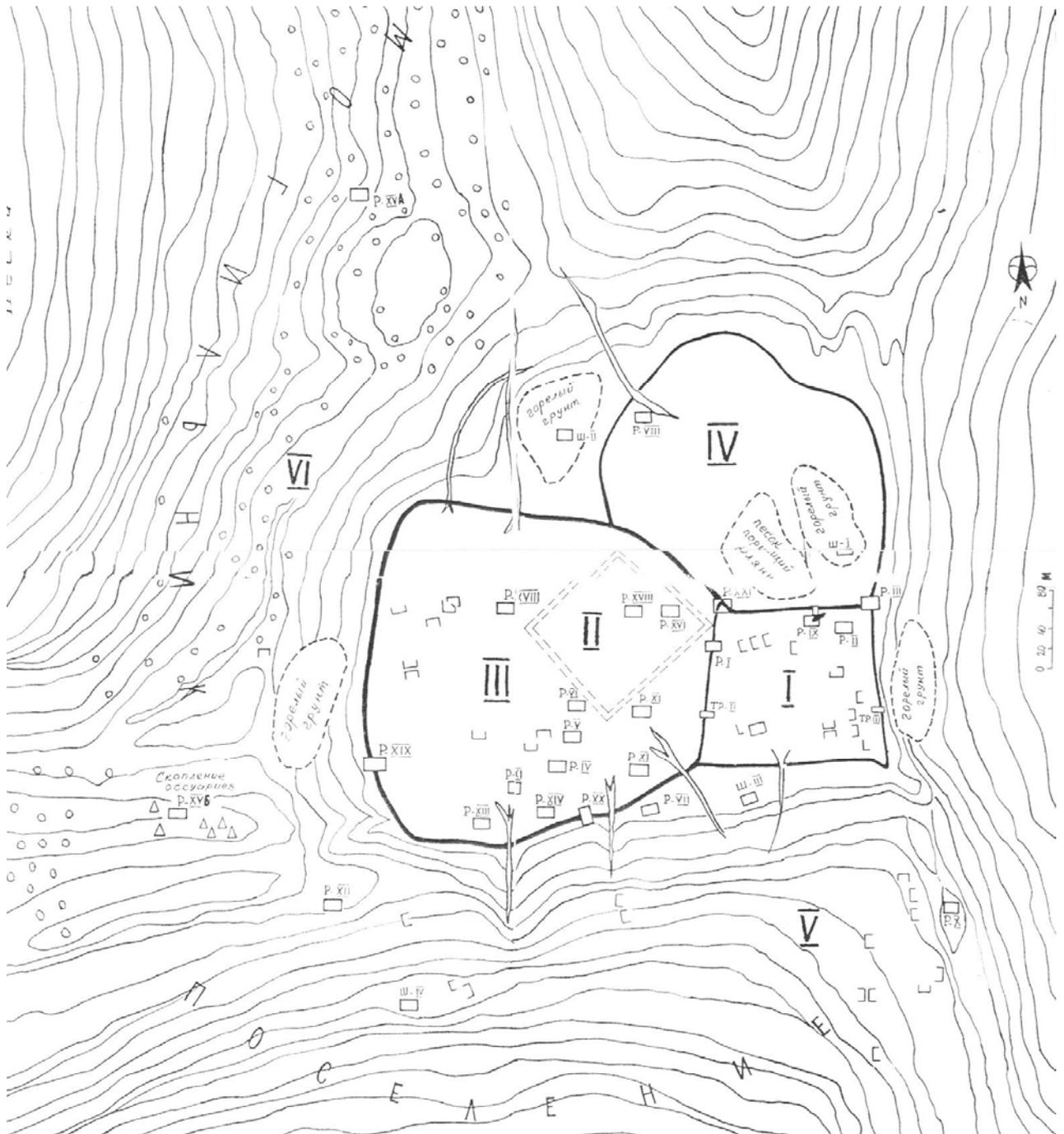

Рис.2. Куюк-кала. План. I. Восточная цитадель; II. Западная цитадель; III. Шахристан; IV. Северный двор; V. Поселение; VI. Некрополь.

раскопки, в результате которых выявлены крепостные стены, жилые и хозяйственные постройки.

Северный двор. Находится на северном скате холма, общая площадь двора 7 га. С севера, востока и запада площадь двора охвачена дугообразной стеной толщиной 5-6 м, очертания которой, видимо, были обусловлены рельефом местности. Стена смыта почти полностью, сохранилась лишь в микрорельефе, демаскирующем ее на аэрофотоснимках. Стена сложена

из кирпича-сырца (34x36x8-10 см). На поверхности двора не отмечено следов какой-либо планировки. Прослеживаются прямоугольные и овальные в плане ямы, заполненные культурным слоем, многочисленными развеваемыми углисто-золистыми слоями и очень редкими фрагментами керамики и костей животных. В юго-восточном углу описываемого двора встречаются локальные горелые песчано-зольные слои, толщиной 0,4-12 см. В слое встречаются фрагменты керамики, кости жи-

вотных и иногда обломки металлических изделий.

Неукрепленное поселение. Расположено на южном склоне шахристана, и граница его определяется распространением культурного слоя. Общая площадь около 12 га. Юго-западный край смыт дождевой водой. В рельефе поселения не сохранилось почти никаких следов древних планировок. На поверхности поселения встречаются фрагменты керамики и других культурных остатков. Большинство из находок составляют обломки лепных сосудов кердерского типа. Только очень редко встречаются фрагменты станковых сосудов (кувшинов, хумов). Помимо керамики найдены фрагменты костей животных, обломки жерновов из серого крупнозернистого песчаника, фрагменты железной крицы, медных монет. В ряде мест отмечаются выходы развеваемых золистых культурных слоев.

Городской некрополь. Оссуарный могильник был известен раньше: он находится на возвышенности Кушхана-тау, расположенной в 3-5 км к западу от памятника. В 2000 г. нами был открыт новый городской могильник, расположенный на северо-западном и западном хол-

мах. Площадь могильника составляет 6,5-7 га. Пятна грунтовых погребений выявить на снимках не просто, особенно на светлом фоне такыра. В этом случае нами использовались косвенные признаки, оттеняющие белые полосы темно-серым контуром. Было дешифрировано около 400 погребений. Кроме того, при осмотре северо-западного склона памятника, на современной поверхности, интенсивно размываемой дождевыми водами, местами выявлены следы погребений. В разрезе промоин обнаружены погребения, в которых находились отдельные человеческие кости с погребальным инвентарем (сосуды, бусы и т.д.). Погребенные лежали в камере на глубине от 0,47 до 1,60 м от дневной поверхности. В насыпях разрушенных погребений встречены фрагменты лепной керамики, древесные угли и зола. На территории некрополя в 2002, 2003 и 2005 гг. были заложены два раскопа общей площадью 262 м.²

РАСКОП XVa. Расположен в северо-западной части холма. Квадратный раскоп ориентирован С-Ю. Его размеры 62х52 м. От поверхности до глубины 37-48 см идет дерново-почвенный слой. Он мягкий, темно-коричневого цвета, имеет чуть темно-серый оттенок.

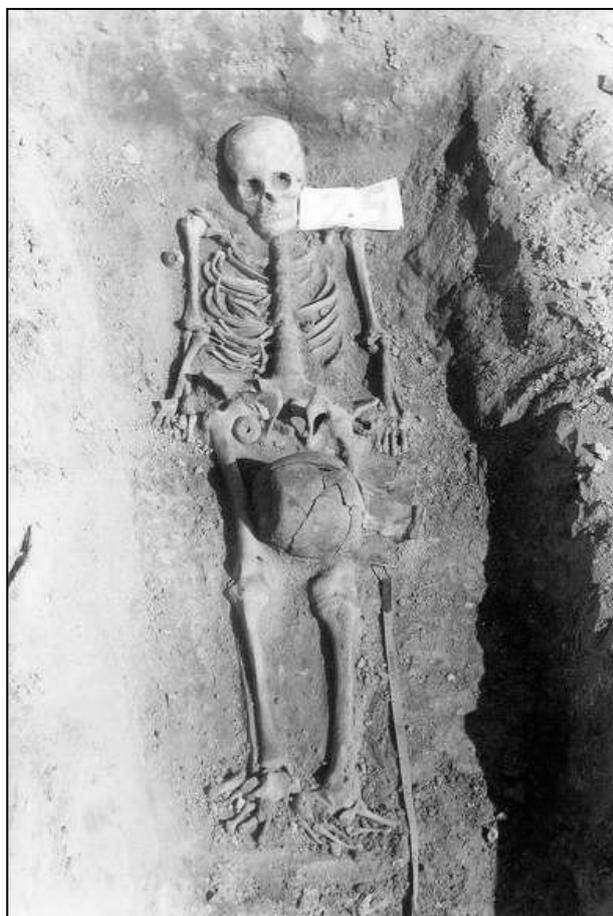

Рис.3. Куюккала. Погребение 22 и погребение 25. После вскрытия.

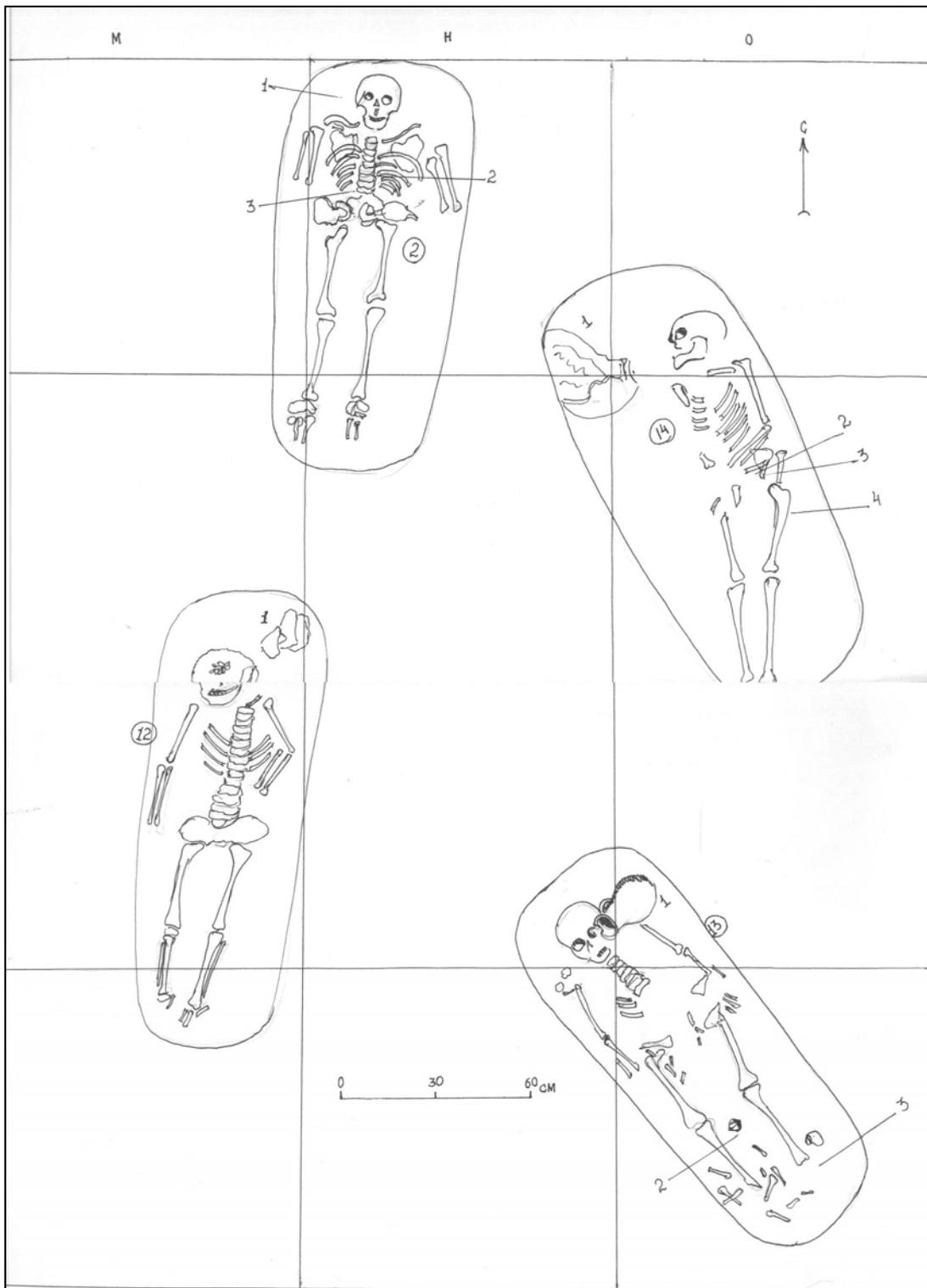

Рис. 4. Куюк-кала. Раскоп XVa. План погребений. Погребение 2: 1. Бронзовые серьги. 2. Астрагал. 3. Железная пряжка. Погребение 12: 1. Сосуд. Погребение 13: 1. Кувшин. 2. Пряслище. 3. Кости животных. Погребение 14: 1. Горшок. 2. Бусы. 3. Пряжки. 4. Кости животных.

303 погребения были вскрыты на раскопе XVa, остальные - на раскопе XVб (рис. 3; рис. 4).

РАСКОП XVб. Расположен к западу от раскопа XVa, отделен от него песчаными буграми. Раскоп XVб имеет подпрямоугольную форму, и основная часть раскопа вытянута с

юга на север в виде траншеи шириной 8 м и длиной 16 м. Дерново-почвенный слой дал находки в виде фрагментов алебастровых оссуариев и обломков керамики. На площади раскопа XVб вскрыто 51 погребение (рис. 5); из них 3 (304, 305, 306) оказались захоронениями в

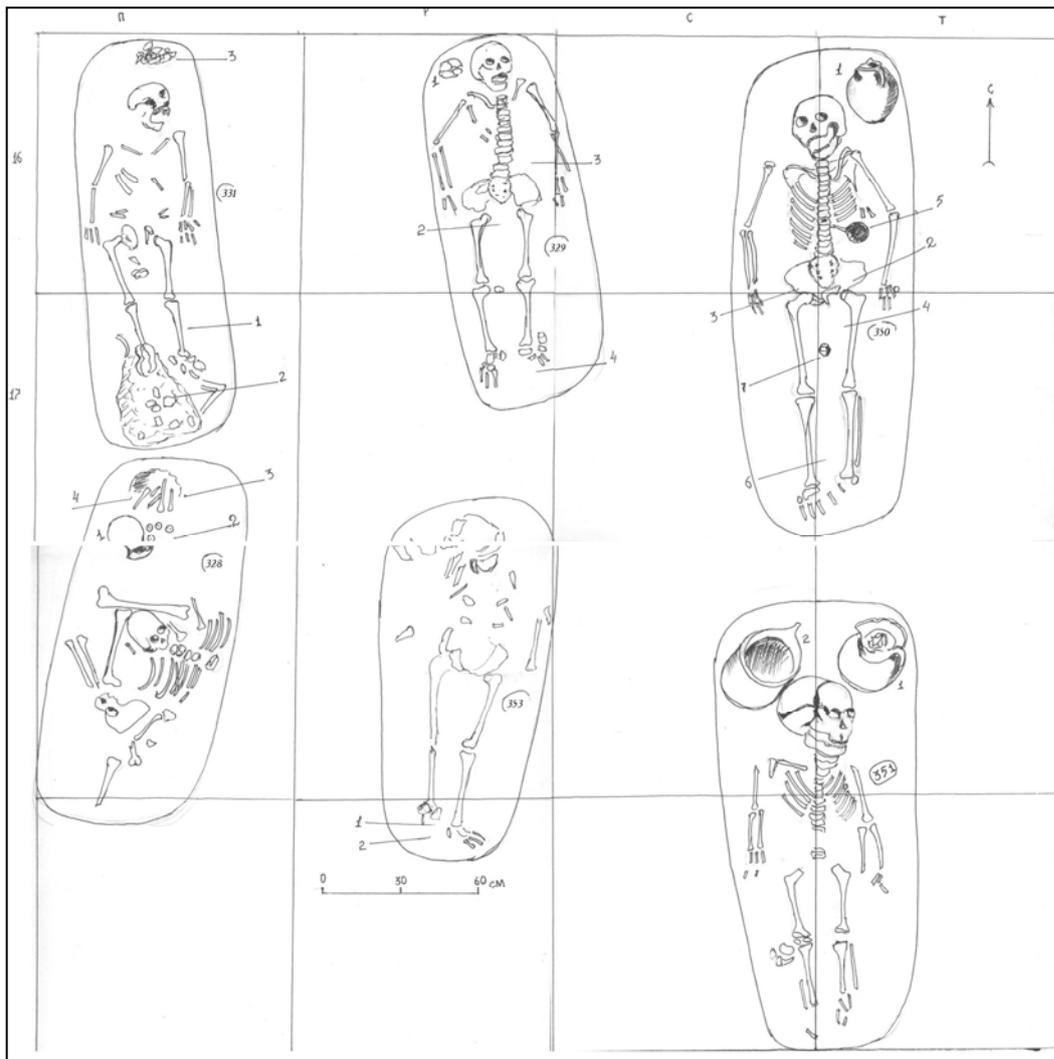

Рис.5. Куюккала. Раскоп XVб. План погребений. Погребение 331: 1. Наконечники стрел; 2. Кости животных; 3. Керамика. Погребение 328: 1. Кувшин; 2. Пряслице; 3. Наконечники стрел; 4. Железный нож. Погребение 329: 1. Кувшин; 2. Бронзовая пряжка; 3. Железный нож; 4. Пряслица. Погребение 353: 1. Кости животных; 2. Остатки дерева. Погребение 350: 1. Кувшин; 2. Пряжки; 3. Бусы; 4. Пряслица; 5. Бронзовое зеркало; 5. Железные изделия. Погребение 356: 1. Кувшин; 2. Лепной горшок.

Рис.6. Куюккала.
Раскоп XVб.
Погребение 304.
Общий вид захоронения в оссуариях.

оссуариях (рис. 6).

Мы не имеем возможности описать все раскопанные погребения и лишь даем их классификации.

Классификация погребений и хронология.

Исследованные погребения, при всем единообразии их внешнего облика, структуры и размеров могильных ям, не одинаковы и поэтому в рассматриваемом памятнике наблюдается явственное разнообразие типов погребений. Нами избрана двухчленная схема - группа, тип - позволяющая охватить многообразие типов погребений. Разделение на группы произведено по способу погребения, на типы - по конструктивным особенностям и форме погребений. Все погребения некрополя разделены на две группы: А - погребения с труположением; Б - вторичные погребения предварительно очищенных костей. Погребения, вошедшие в группу А, разделены на четыре типа: А-тип-I - в подпрямоугольных грунтовых ямах; А-тип-II - в подпрямоугольных грунтовых ямах с закругленными углами, имеющих в нижней части вдоль обеих длинных стенок ступеньки; А-тип-III - в подпрямоугольных грунтовых ямах, имеющих в западной стенке подбой; А-тип-IV - в деревянных досках (гробах). Погребения, вошедшие в группу Б, разделены на типы: Б-тип-I - в алебастровых оссуариях; Б-тип-II - в керамических оссуариях; Б-тип-III - в лепных сосудах; Б-тип-IV - хумные захоронения. Эта классификация формально-типологическая. Ниже приводится их характеристика.

А-тип-I. Сравнительно широкая (от 58 до

140 см) грунтовая яма подпрямоугольной (иногда овальной) формы с закругленными углами, вытянутая с юга на север, часто со значительными отклонениями оси на северо-запад и редко—на северо-восток. Глубина ее варьируется от 30 до 110 см. Заполнение ямы состоит из песчанисто-щебнистого грунта. В засыпке встречаются мелкие камни и мелкие древесные угольки (рис. 7).

Скелеты во всех грунтовых ямах лежали на спине, в вытянутом положении, головой на север или северо-запад. Встречены скелеты, у которых левая рука была согнута в локте и кисть ее помещалась на верхней части грудной клетки. В трех случаях кисть руки была сжата в кулак: у женского скелета (р. XVa, 5) была сжата левая рука, у мужских (р. XVa, 14, 73) – правая. Это, очевидно, случайные явления. Что касается положения обеих рук у тазобедренных сочленений, и в особенности левой, а иногда правой руки, то тут, вероятно, имеется какая-то закономерность, характер которой, однако, при современной слабой изученности грунтовых могильников Средней Азии, установить еще не представляется возможным.

Аналогичные погребения в грунтовой яме, ориентированные длинной осью меридионально, известны в Джетыясарской культуре (Левина, 1993, рис. 24, 25). Наличие погребений в узкой грунтовой яме отмечено на Устюрте. Подобные могилы появляются на Устюрте в IV - II вв. до н.э. (Ягодин, 1982. С. 190) и продолжают существовать до мусульманского времени.

Погребения в грунтовых ямах самые много-

Распределение типов могильных сооружений.

№ раскопа	Погребения			Типы могильных сооружений			Деревянные (гробы)	Алебастровые оссуарии	Керамические оссуарии	Погребения в лепных сосудах	Погребения в хумах	Кеногафы	Тризна
	Общее количество	Ограбленные	Раскопанные	Яма	Подбой	С плечиками (ступеньки)							
XVa	304	22	282	287	2	4	2				1	6	2
XVб	60	4	56	47				5	2	2		4	
	364	26	338	334	2	4	2	5	2	2	1	10	2
	100%	7%	92%	91%	0,54%	1%	0,54%	1,37%	0,54%	0,54%	0,2%	2,7%	0,54%

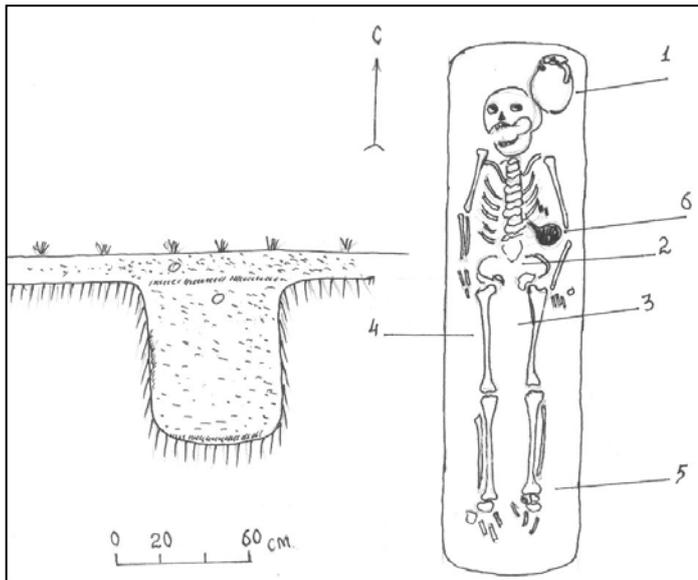

Рис. 7. Куюккала. Погребение А-тип-I, раскоп XVб. Погребение 329: 1-кувшин; 2-пряжка; 3-нож; 4-наконечники стрел; 5-кости животных; 6-зеркало.

численные и распространенные; они встречаются в нижнем и верхнем горизонтах некрополя, поэтому мы их можем датировать VI-VIII вв. н.э.

А-тип-II. Широкая (82-200 см) грунтовая яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, имеющая, в нижней части вдоль обеих длинных стенок, ступеньки. Ориентирована она с юга на север. Глубина ее не больше 140 см, заполнение такое же, как у простых грунтовых ям. В одном из погребений этого типа (146) сохранились остатки камышового перекрытия, уложенного на уровне ступенек; в других - следов перекрытия не обнаружено, однако можно предположить, что оно имелося

и в них, но не сохранилось ввиду меньшей глубины ям (рис.8). Наличие явных погребений с заплечиками, перекрытых толстым слоем камыша, известны в низовьях Сырдарьи I в. до н.э. - IV в. н.э. Аналогичные погребения встречаются в регионе Волго-Камья и датируются эпохой тюркских каганатов (т.е. VI-VII вв.). Погребения в грунтовых ямах, ориентированные длинной осью меридионально, известны на Устюрте, где они датируются IV-II вв. до н.э. (Ягодин, 1982. С.190). По стратиграфическим данным, они на некрополе Куюккалы появились в VI в. н.э. и существовали до

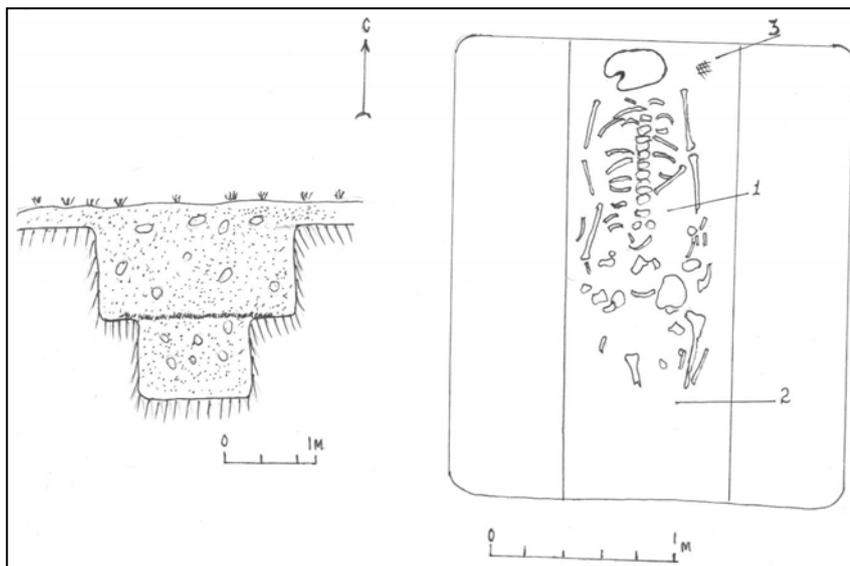

Рис. 8. Куюккала. Погребение А-тип-II, раскоп XVа. Погребение 146: 1-зеркало; 2-кости животных; 3-зола.

конца VII в. н.э. Погребальный инвентарь, прежде всего керамика, полностью повторяет керамику первого типа.

А-тип-III. Подпрямоугольная могильная яма с закругленными углами, вытянутая с юга на север, имеющая в западной стенке подбой. Последний, овальный в плане, сравнительно узкий и небольшой высоты. Глубина 100 см. Вход в подбой был перекрыт камышовой циновкой (рис. 9).

Погребения, ориентированные длинной стороной в меридиональном направлении, с камышовыми плитами, закрывающими подбой, широко распространены в Джетысарской культуре (Левина, 1993, рис. 70). Подобные могилы появляются у сарматов на раннепрохоровской стадии (IV в. до н.э.) (Мошкова, 1963. С. 20, 21).

Вместе с тем необходимо отметить, что подобные могилы - явление широко распространенное в кочевнических могильниках Средней Азии. Их наличие отмечено в составе могильников Бухарского оазиса, Ферганы, Хорезма (Обельченко, 1957. С. 109, сл.; Литвинский, 1972. С. 16, сл.; Лоховиц, 1967, С.156). С погребением на Куюккале их сближает одинаковое устройство подбоя, схема расположения и южная ориентировка костяка. Однако все они датируются IV-II вв. до н.э. Подбойные погребения на некрополе Куюккалы датируются раннесредневековьем, т.е. VI-VII вв. н.э.

А-тип-IV. Одной из самых характерных черт погребального обряда куюккалинских ямных могильников является употребление погребальных досок. В погребениях №№ 83, 94

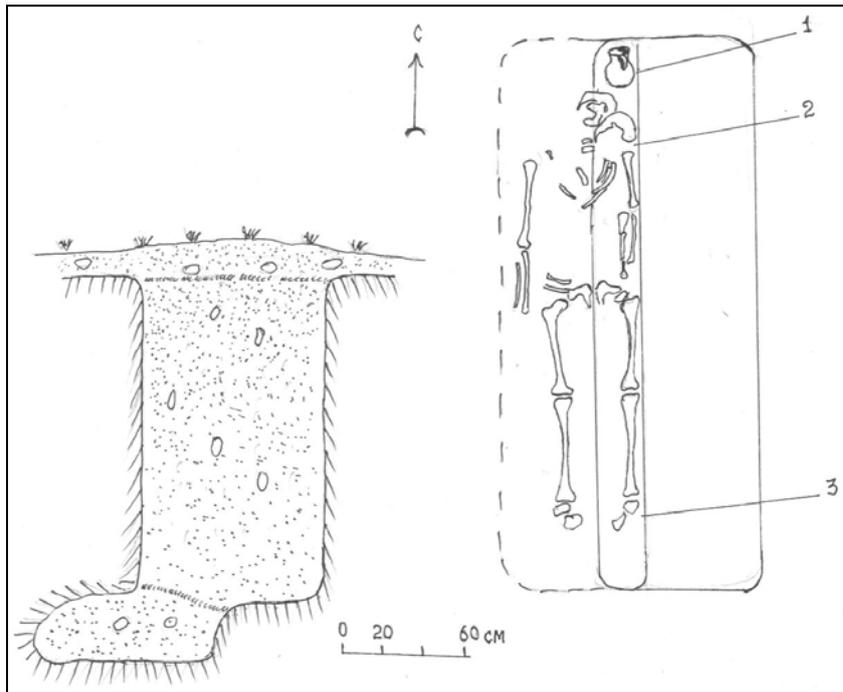

Рис.9. Куюккала. Погребение А-тип-III, раскоп XVa. Погребение 227: 1-кувшин; 2-бусина; 3-кости животных.

обнаружена под костяком сложная деревянная конструкция из продольных досок и поперечных палок (удалось проследить 3). Это реальные погребальные носилки или их имитация. Гробы обычно были тщательно закрыты деревянной крышкой. Таким рода крышкам, вероятно, придавалось особо важное значение, поэтому в ряде случаев они выступали как заместитель гроба, его символ (Литвинский, 1972. С.80).

Известно, что деревянные гробы у сарматов появляются уже на рубеже IV-III вв. до н.э. Вполне вероятно, что на распространение погребений в деревянных гробах оказали большое влияние среднеазиатско-сарматские связи. Отметим, что деревянные гробы, появившиеся еще в IV-III вв. до н.э., продолжают существовать у сарматов, как и в Средней Азии, очень длительное время. Погребальные носилки в погребениях также находят некоторые историко-этнографические параллели. Известно, что у каракалпаков погребальные носилки называются «агаш-ат» (деревянный конь), а у таджиков - «аспи чубин» (деревянный конь) (Литвинский, 1972. С. 81). По мнению Т.А. Жданко, название «деревянный конь» является пережитком существующего у предков каракалпаков обычая погребения с конем (Есбергенов, 1963. С. 9, 14). Б.А. Литвинский в нем видит отражение более общего, ныне уже практически утраченного и сохранившегося лишь в виде самых жалких обрывков, представления о

передвижении души покойника в загробный мир на коне (Литвинский, 1972. С. 81).

Что касается датировки А-тип-IV, они обнаружены в верхнем горизонте и обломки керамики, обнаруженные на поверхности погребений, принадлежат кувшинам афригидского времени, где они датируются VII-VIII вв. н.э. Кроме того, на насыпи погребения 83 обнаружена медная монета Савашфана: вес 1,12 гр., диаметр 1,42 мм. AV – в точном ободке голова царя в зубчатой короне, на шее ожерелье из мелких бус. RV – в центре изображение всадника. Всадник движется вправо, левая рука поднята вперед, а правая рука держит поводья. Круговая легенда. Царь Савашфан управлял Хорезмом в середине VIII в.

Таким образом, мы можем уверенно датировать погребения А-тип-IV концом VII - до середины VIII в. н.э.

Б-тип-I. Данный тип представлен двумя погребениями (р. XVб, 304, 305). Находятся на западном склоне холма. Осуарии устанавливались в вырытом в песчанисто-щебнистом твердом материковом грунте полуподземном наусе. Его размер 3x4x0,82 м. Проход отсутствует. Полом служил слой зеленоватого глинистого песка. Стороны камеры ориентированы по странам света. В камере (304), на полу обнаружены три алебастровых осуария, которые установлены вплотную друг к другу, причем поставлены они не всегда одновременно (рис. 6). Так, у трех обнаруженных осуариев первый был сдвинут, а крайний (третий) смещен влево от первоначального места. Верхние части двух осуариев и их крышки были разбиты и обломки их лежали рядом с осуариями. Все они имеют вид прямоугольных ящиков на ножках с четырехскатной уплощенной сверху крышкой. Длина в среднем 57-65 см, ширина - 26-30 см, высота - 30-40 см, глубина ящика - 29-38 см. По краю крышки второго осуария проходит зубчатый парапет, под ним прочерчен поясок дужек, напоминающий карниз на башнеобразных осуариях. Между зубчатым парапетом и карнизом - аркообразное «окошко». Воспроизводившие облик архитектурных сооружений погребальные осуарии в Хорезме встречаются с I-II вв. н.э. Они найдены на поселении близ

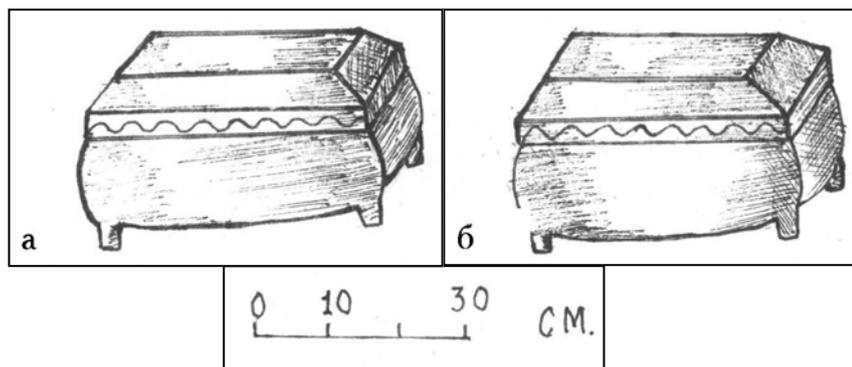

Рис.10. Куюк-кала. Погребение Б-тип-II. Раскоп XVб.

Джанбас-калы и Гяуркалинском некрополе.

Краниологический материал получить не удалось: он превратился в труху. Между оссуариями лежали три позвонка и четыре зуба.

Алебастровые оссуарии существовали в Хорезме только в афригидский период. Они известны в дельте Амударьи, на оссуарном могильнике Куюк-калы (Рапопорт, 1971. С. 108, рис. 52), некрополя Гяур-калы (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 56) и Ток-калы (Гудкова, 1964. С. 92), где они датируются VII-VIII вв. н.э.

В юго-западном углу камеры обнаружены два сосуда. Один красноглиняный с грушевидным туловом кувшин, второй - лепной горшок. Они стояли на 32 см ниже оссуария. Сосуды, обнаруженные в нижних слоях погребения 304 можно датировать VI-VII вв. н.э.

Б-тип-II. Оссуарии этого типа обнаружены в одном погребении (р. XVб, пог. 306). Два экземпляра, найденные в 2003 г., были просто зарыты в грунт. Они находились в 2,5 м к северо-западу от погребения 304. Керамические оссуарии этого типа имели вид прямоугольной в плане формы, со скругленными углами и слегка выпуклыми боковыми стенками и ножками по углам, сверху закрыты крышкой. Они вытянуты с севера на юг. Длина 40-47 см, ширина - 20-24 см, высота - 30-32 см (высота ножек - 4-6 см). Они вылеплены вручную, отдельными частями. Формовочная масса довольно хорошо промешана, в ней значительное количество дресвы. Обжиг равномерный, горновой, черепок в изломе кирпично-красный. Внешняя поверхность облицована осыпающимся красным ангобом. По верхнему краю оссуариев прочерчен зигзагообразный волнистый орнамент. Внутри оказались фрагменты человеческих костей (детских), фрагменты лепной керамики и древесных углей. Череп отсутствует (рис. 10).

Обнаруженные нами оссуарии с достаточной уверенностью можно отнести к VII-VIII вв.

н.э. Основанием для этого служит как хорошо известная форма костехранилищ, так и украшенные волнистые орнаменты – характерные для афригидского времени Хорезма (VII-VIII вв. н.э.).

Б-тип-III. Представлен единственной находкой. Погребальный сосуд был обнаружен на оссуарном могильнике Куюк-калы, расположенном в 2,5 - 3 км западнее памятника на

возвышенности Кушхана-тау. Могильник находится над южным обрывом плато, занимая отдельные мысы, образованные оврагами и промоинами. Отдельные захоронения встречаются на расстоянии до 100-1500 м от обрыва. В 1959, г. на могильнике работали Е.Е. Неразик, Ю.А. Рапопорт, которые отнесли существование могильника к VII-VIII вв. н.э. (Рапопорт, 1971. С. 109). В 2002 г. мы несколько расширили раскоп Е.Е. Неразик и Ю.А. Рапопорта у южного обрыва, расположенный на небольшом скалистом мысу, ограниченном промоинами. Здесь удалось расчистить три костехранилища, установленных вплотную друг к другу. Несомненно, что они принадлежали членам одной семьи. Внутри их были помещены части костей одного или двух скелетов. При захоронении в оссуарии складывались только кости, засыпка отсутствовала.

Рядом с алебастровыми оссуариями обнаружен погребальный горшок (рис. 11). Дно его плоское, тулово округлое. Высота 20 см, диаметр устья - 18 см, диаметр дна - 14 см. Горло-

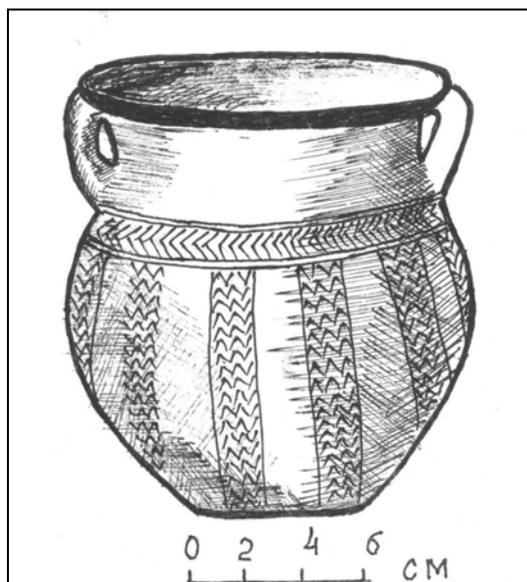

Рис.11. Куюк-кала. Погребение Б-тип-III.

вина слегка сужена, а венчик отогнут наружу коротким раструбом. Две короткие вертикально круглые в сечении ручки, верхние концы которых прикреплены к краю венчика сосуда, нижние - на плечиках. Для этого сосуда характерны тщательность отделки, равномерный обжиг и черно-серый цвет черепка. Тесто не очень грубое, а внешняя поверхность хорошо залощена и заглажена внутри. Прорезной геометрический орнамент, которым покрыто тулово сосуда, имеет ближайшие аналогии в материалах Токкалы (Гудкова, 1964, рис. 15). В сосуде кости превратились в труху. В темно-сером песчаном заполнении встречены детские зубы и древесные угольки.

Формы бытовой посуды, использовавшейся в качестве костехранилища в некрополе Куюккалы, достаточно хорошо известны в керамике Хорезма кушано-афригидского периода. Погребальный горшок датируется VII-VIII вв. н.э.

Б-тип-IV. Представлен единственной находкой. Могильная яма имеет овальную форму (р. XVa, 190). Диаметр – 90-130 см, глубина – 33 см. На дне ямы обнаружены фрагменты стенок хума. От хума сохранилась нижняя боковая часть; из-за фрагментарности о форме судить трудно. Толщина стенок 1,3-2,3 см. Сосуд изготовлен на гончарном круге. Формовка произведена из плохо промешанной массы.

По обряду оно явно отличается от всех остальных погребений данного некрополя, но все же имеются определенные черты, объединяющие их. Это, во-первых, северная ориентация погребений; во-вторых, наличие костей животных и фрагментов стенок кувшинов. Это фрагменты афригидских сосудов, они не повторяются в керамике из других погребений Куюккалинского некрополя. Использование в качестве оссуариев крупных сосудов типа хумов, широко известно в хорезмийской раннесредневековой афригидской культуре. На некрополе древнего Миздахкана также отмечены факты использования подобных сосудов в качестве оссуариев (Ягодин, Ходжайов, 1971, рис. 30).

Таким образом, некрополь Куюккалы был использован в пределах VI-VIII вв. н.э. нужно полагать, что погребения А-тип-I-IV могут быть датированы VI-VIII вв., а погребения, вошедшие в группу Б-тип-I-IV относятся к концу VII-первой половине VIII вв. н.э.

Керамика. Сопровождающий инвентарь в исследованных погребениях весьма немногочислен и, в общем, единообразен по составу. Является ли такое положение специфическим для всего некрополя в целом, установить невоз-

можно, ибо 7,14% погребений ограблены, а нетронутые погребения оказались бедными, поэтому мы имеем только частичное представление о составе сопровождающего инвентаря. Количественно преобладающую часть сопровождающего инвентаря составляет керамика: обычно это два-три сосуда, стоящих около черепа или у северной стенки погребений. Наиболее типичным сочетанием является кувшин и горшок; иногда вместе с горшком встречаются кружки. Нередко, однако, в яме имеется только один сосуд - чаще всего кувшин или горшок.

Одной из существенных составных частей сопровождающего инвентаря являются кости животных. В основном встречаются кости барана (как правило, это ножка, лопатка, ребро, нижняя челюсть), челюсти собаки и др. Они встречаются в большинстве погребений и всегда лежали в северной части ямы - около сосудов или у ног погребенного.

Основную группу керамики, составляет посуда, вылепленная исключительно вручную и в массе обожженная очень плохо. Исследователями выявлен ареал этой керамики, не подвергавшейся ранее специальному исследованию. Это городище Ток-кала, Курганча, Куюк-кала, Кырк-жигит-кала, Багдад и отдельные местонахождения типа стоянок на крайних восточных, ныне сухих дельтовых протоках. В последние годы керамика, относящаяся к Кердерской культуре, обнаружена далеко на северо-западе, в Прикаспии и на Устюрте. Керамика этого типа была в свое время определена С.П. Толстовым как тюрко-эфталитская (Толстов, 1958. С. 130). Форма этих сосудов из Куюк-калы представлена следующими видами.

Кувшины. Они встречаются часто, с диаметром устья от 3 до 8 см и высотой от 8 до 24 см с круглым, иногда слегка раздутым туловом. Диаметр дна у них обычно немного меньше диаметра устья. Форма ручки круглая или овально уплощенная в сечении, прикрепленная нижним концом к плечу, может быть двойной: она или вытянута по вертикали, и ее верхний конец сливается с венчиком, или же имеет вид круглого выступа (ушка) – рудимент зооморфной фигурки (рис. 12, 3, 6). Горловина относительно высокая с раструбообразным простым краем или несколько удлиненным и утолщенным венчиком. Встречаются кувшины, у которых на противоположной от ручки стороне – один небольшой слив, расположенный на краю сосуда.

Тулово большинства кувшинов часто украшено прочерченным геометрическим орнамен-

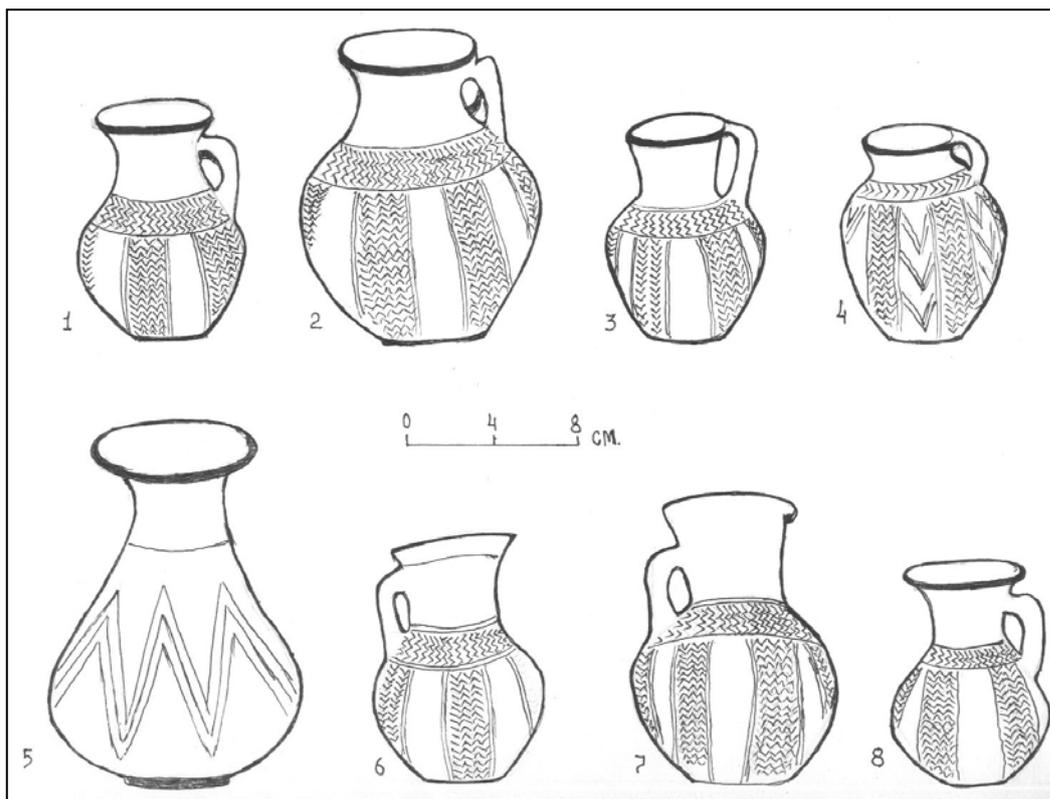

Рис.12. Куюк-кала. Раскоп XVв. Керамика: 1- из погребения 31; 2- из погребения 33; 3- из погребения 61; 4- из погребения 69; 5- из погребения 63; 6- из погребения 72.

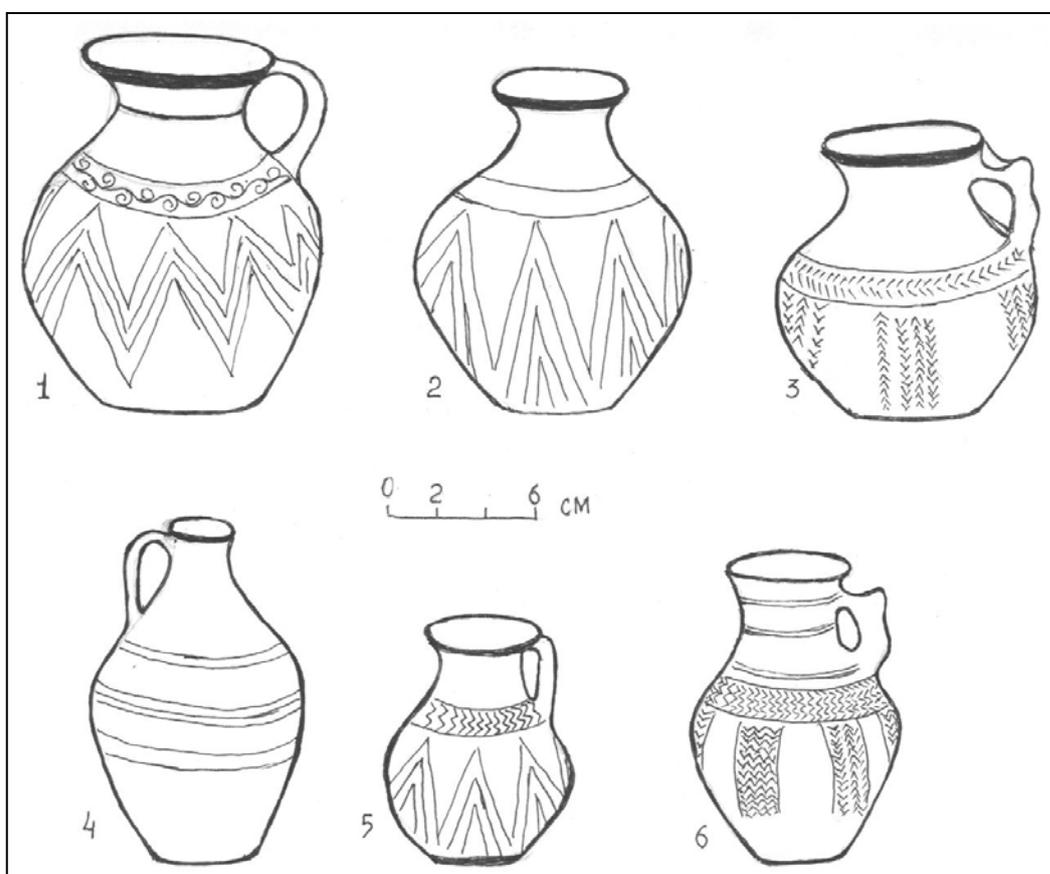

Рис.13. Куюк-кала, раскоп XVв. Керамика: 1,2- из погребения 116; 2-4- из погребения 184; 5- из погребения 143; 6- из погребения 227; 7- из погребений 266; 8- из погребения 268.

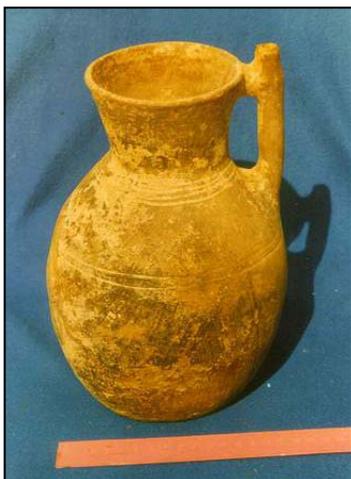

Рис.14. Куюк-кала, раскоп XVa. Кувшин из погребения 5.

том, а плечи – елочкой, обычно глубоко врезанной и заполненной белой пастой (рис. 13, 1-8). Для большей части кувшинов характерны тщательность отделки, относительно равномерный обжиг и черно-синий цвет черепка. Большинство приготовлено из лучшего теста, иногда залощены по темно-серой, коричневой или черной поверхности. Меньшая часть кувшинов сделана грубее, в результате неравномерного обжига имеет красноватую окраску. Белая инкрустация и лощение у них отсутствует (рис.14).

Круг аналогий для этих сосудов довольно узок. Кувшины вытянутых пропорций, украшенные, как правило, прорезным орнаментом из треугольников (несколько прорезных полос), спускающихся от горизонтального орнаментального пояса, находят аналогии в верхних слоях городищ Джетыясар (Левина, 1974, рис.15, 228, 229). Аналогии описанному орнаменту дают опять же памятники джетыясарского урочища и «болотных городищ», датируемые С.П. Толстовым V-VII вв. н.э. (Толстов,

1962. С. 199, рис. 116, 2).

В дельте Амударьи описанные кувшины обнаружены на Ток-кале (Гудкова, 1964. С. 62, рис. 15, 3, 12, 14).

Горшки (рис. 15). Они однотипны с округлым, плавно сужающимся ко дну туловом. Горловина слегка сужена, а венчик отогнут наружу коротким раструбом. Почти большинство горшков снабжены небольшой круглой ручкой, прикрепленной верхним концом к краю венчика, а нижним – к плечу. Встречаются горшки с двумя вертикальными ручками. Размеры горшков очень разнообразны. В массе их высота – 12-20 см, диаметр устья – 14-16 см, диаметр дна всегда несколько меньше диаметра устья. У части сосудов, начиная с плечиков, тулово сплошь покрыто жидкой обмазкой, которая часто оказывается и на дне. Для обмазки употребляли ту же глину, из которой лепили сосуды, разбавив ее до густоты сметаны. После нанесения обмазки по ней часто проводили небрежное вертикальное рифление.

Этот своеобразный прием широко известен в технике изготовления посуды из памятников Джетыясарского комплекса, также он известен в материалах Ток-калы, Крантау, Курганчи. Большая часть горшков употреблялась для приготовления пищи, о чем свидетельствуют нагар и копоть снаружи сосудов и полоса темной накипи на устье внутри.

Крупные горшки этого типа с диаметром устья 18-20 см, следов употребления на огне не имеют, очевидно, в них хранили какие-то продукты. Ближайшие аналогии описанным ку-

Рис.15. Куюк-кала. Горшки.

хонным горшкам мы находим в афригидских замках Южного Хорезма, в частности, на Тешик-кале и Адамли-кале в Буркуткалинском оазисе; в замках №32 и №92, в верхних слоях, найдены в большом количестве горшки с насечками и обмазкой тулова, но без рифления (Неразик, 1959. С. 244, рис. 7, 6). Сосуды этого типа, ничем не отличающиеся от описанных, являются массовой находкой на раннесредневековых городищах Ток-кала (Гудкова, 1964. С. 59, 61), Курганча и Крантау, находившихся в правобережной дельте Амударьи. Описанная посуда из Куюк-калы богато украшалась прочерченным орнаментом, вдавлениями пальцев или ногтем, насечками, налепами, лощением. Наиболее употребительный прочерченный орнамент состоит из сочетающихся в самых разных вариантах простейших элементов – треугольников, лесенок, елочек, зигзагов. Глубокая древность такого орнамента, восходящего к эпохе бронзы, придает некоторым сосудам архаический облик. Часть горшкообразных сосудов украшена по тулову налепным орнаментом в виде полукруглых валиков, шишечек, иногда обрамленных сверху полукруглым валиком, а иногда М-образным валиком (рис. 16). В некоторых случаях подобный орнамент на тулове чередуется с шишечками (одной, двумя или тремя). Налепы в виде шишечек – один из самых распространенных орнаментов, встречающихся в огромный период времени. Многие исследователи считают, что шишечки имели зооморфное значение (Пещерева, 1959. С.92, 93).

К бронзовому веку относятся и малоазиат-

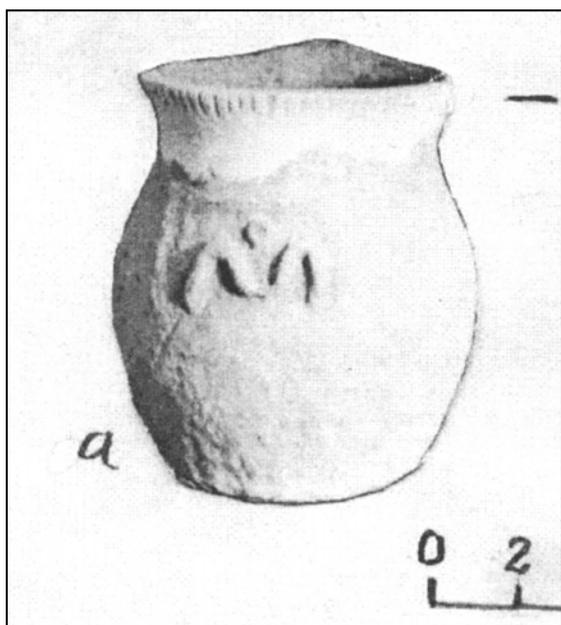

Рис.16. Куюк-кала. Сосуды из погребения 101.

ские памятники, где встречены сосуды с таким же орнаментом (Пещерева, 1959. С. 94, 95). На Северном Кавказе этот орнамент бытует вплоть до позднеаланского времени (Крупнов, 1960. С. 438). На Алтае орнамент в виде полукруглых налепов с заключенной внутри шишечкой, расположенных на тулове и на горле сосудов, встречается в могильниках конца I тыс. до н.э. (Руденко, 1961. С. 61). Налепной орнамент из шишечек на небольших темно-серых лощеных сосудах встречен в материалах поселения Актобе-2 (Левина, 1974. С. 67).

Другими видами прочерченного орнамента являются растительные и стилизованные в виде завитков бараньи рога – очень распространенный мотив орнаментации сосудов из Каунчи-тепе-II (Григорьев, 1948. С. 13, 14, табл.13). Культ барана известен в Средней Азии и сопредельных районах с глубокой древности и в виде пережитка сохранялся там до недавнего прошлого. В пережиточных верованиях это животное является оберегом, в этом его основная функция в качестве объекта почитания. Вспомним хотя бы изображения рогов оберегов, защищавших жилища и мазары – места упокоения умерших от злых сил. Мотивы роговидных очертаний, претерпевшие эволюцию от реалистического изображения до чисто схематической орнаментальной фигурки, оказались весьма устойчивыми в искусстве кочевой среды и вошли в орнаментику якутов, бурят, народов Саяно-Алтая (Вайнштейн, 1957. С. 175-176).

Б.А. Литвинский, проследивший использование этого сюжета в среднеазиатской древности, показал, что наиболее распространен он был в среде кочевого и полукочевого населения, символизируя Фарн - божество власти и могущества, благополучия и процветания, покровителя семьи, дома, народа (Литвинский, 1968. С. 84).

Суммируя эти сведения, можно наметить, что в определенном кругу культурных связей Кердерской культуры, сармато-аланского мира, присырдарьинских степей в религиозной символике был весьма популярен мотив бараньих рогов. Очень распространен этот мотив в орнаментации сосудов из Куанчи-тепе-II (Григорьев, 1948, табл. 13). Кроме прочерченного, встречаются рельефный растительный орнамент, которым украшена, например, керамика из раскопа XII. Куюккалинская посуда украшалась также лощением и налепами, очень интересными образцами которых являются налепы в виде фигурок грубо изображенного че-

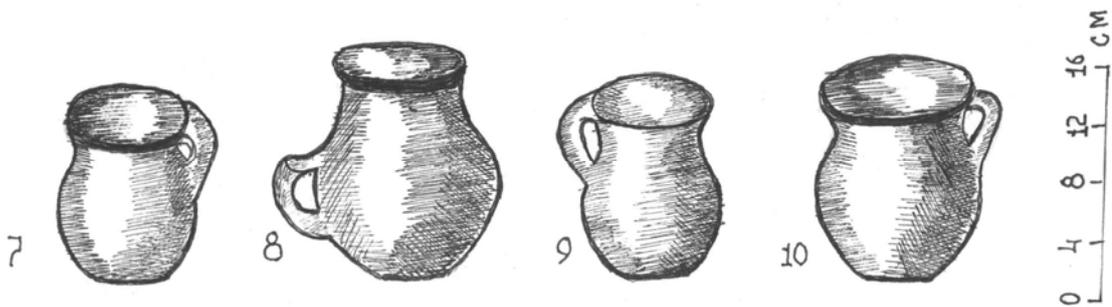

Рис.17. Куюк-кала. Кружки: 1- из погребения 98; 2- из погребения 113; 3- из погребения 145; 4- из погребения 152.

ловека и оленя с ветвистыми рогами (Неразик, 1959. С. 137, рис. 7). Орнаментация лепных сосудов из Куюккалы и их формы имеют аналогии в керамике из эфталитско-тюркских слоев «болотных городищ», Куюк-Кескен-калы и других, а также в керамике памятников Джетыасар (Неразик, 1959. С. 137, рис. 7). Сходная лепная посуда найдена Е.Е. Неразик на памятниках в Беркуткалинском оазисе.

Кружки (рис. 17, 7, 10). Небольшие, с округлым туловом, слегка расходящимися краями устья и петлевидной маленькой ручкой, прикрепляющейся к тулову. Форма ручки бывает двоякая: горизонтальная в верхней части, с резким изгибом книзу или петлеобразная. Иногда на ручке имеется небольшой выступ, возможно, рудимент зооморфной фигурки. Изготовление сосудов грубое, без лощения, их высота 10-14 см, диаметр горла – 6,5-12 см. Часто покрыты зеленовато-серым ангобом. Подобные формы с родственным прочерченным орнаментом встречаются среди кружек Джетыасара, которые в целом гораздо более многообразны, отличаются тонкостью выделки и всегда залощены по черному ангобу. Ведущие формы кружек Джетыасарского урочища отличаются значительно меньшим диаметром дна и большей вытянутостью. Сходную посуду можно найти в керамике Каунчи-II, есть она и среди ремесленной посуды из материалов Согда (Бентович, 1954, табл. 10) и Ташкентского оазиса (Актепе).

Близкие по форме и технике изготовления кружки найдены в керамике Ток-калы (Гудкова, 1964. С. 62, рис. 15). Кружки, подобные нашим по форме и расположению ручки, встречены в комплексе ке-

рамики Кунжут-тепе (IV-VI вв. н.э.) (Сулейманов, 2000. С. 185, рис. 132, 4). Сходные кружки имеются в материалах Кескен-Куюк-калы (Левина, 1974. С. 89, рис. 20, 63-65).

Пряслица. В погребениях 6, 8, 25, 75, 107, 123, 163 обнаружены керамические пряслица (рис. 18). Все погребения, в которых найдены пряслица являются захоронениями женщин. Форма их усечено-коническая или биконическая. Пряслица такого типа распространены в Средней Азии в различных областях и разное время. В частности, они широко известны на Джетыасарах. Пряслица описанного типа известны в материалах Ток-калы (Гудкова, 1964. С. 52). Восемь пряслиц, выточенных из стенок

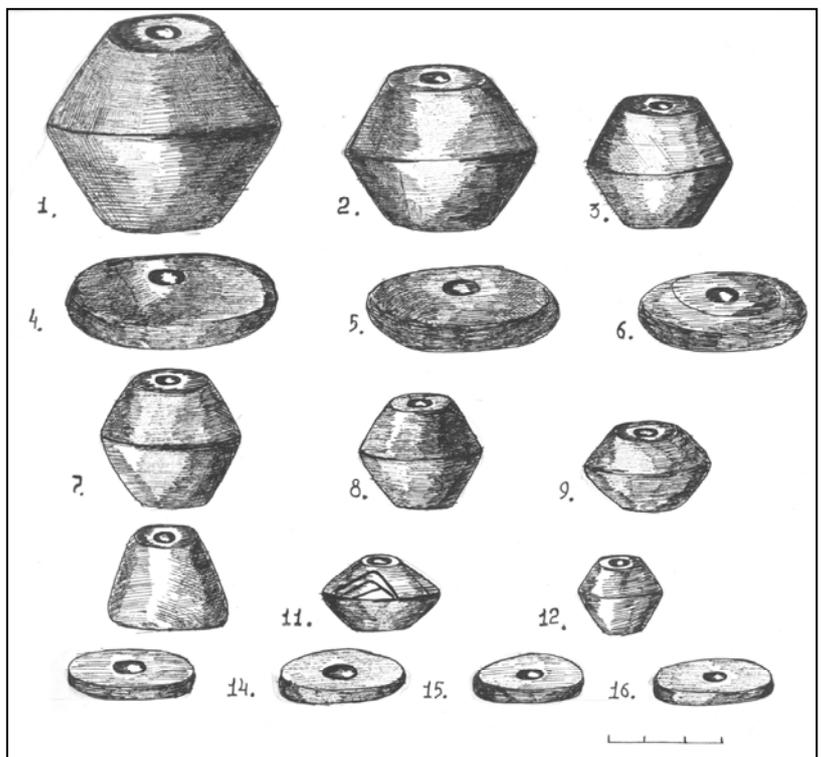

Рис.18. Куюк-кала, раскоп XVa. Пряслица: 1- из погребения 6; 2- из погребения 8; 3- из погребения 25; 4-6- из погребения 75; 7-8- из погребения 107; 9- из погребения 163; 10-16- из погребения 123.

сосудов – хорошей ручной лепки (рис. 18, 4-6, 13-16).

Пряслица усечено-биконической формы широко распространены в материалах Джетгысарской культуры, но степень уплощенности их минимальная. Сильно уплощенные усечено-биконические пряслица, как и конической формы известны в материалах середины и второй половины I тысячелетия до н.э. памятников Зауралья (Могильников, 1992, табл. 123) и в памятниках Куясайской культуры левобережья Амударьи [Вайнберг, 1992, табл. 45], в материалах поселений саков бассейна Жанадарьи (Левина, 1979. С. 184, рис. 6). В последних двух культурах господствуют пряслица конической формы, хотя у северо-восточных соседей «кердерцев», саков бассейна Жанадарьи изредка встречаются уплощенные, усечено-биконические пряслица.

Бытовые предметы представлены железными ножами и гвоздями. В погребениях 58, 92, 203 обнаружены ножи с прямой и изогнутой спинкой (рис. 19, 2-5). Черенки их не сохранились. Ножи находились в мужских и женских погребениях, обычно у бедра с левой или правой стороны. Иногда ножам сопутствуют оселки, которые делали с отверстием для подвешивания к поясу. Серпы и ножи мало чем отличаются от таких же орудий, доживших до нашего времени. Видимо, их форма, сложившаяся в глубокой древности, очень хорошо соответствует местным природным условиям, а, следовательно, и особенностям труда (Гудкова, 1964. С. 82). Близкие по форме серпы и ножи известны в Южном Хорезме из замка №92 Беркуткалинского оазиса, где они датируются VII-VIII вв. Сходные ножи известны в

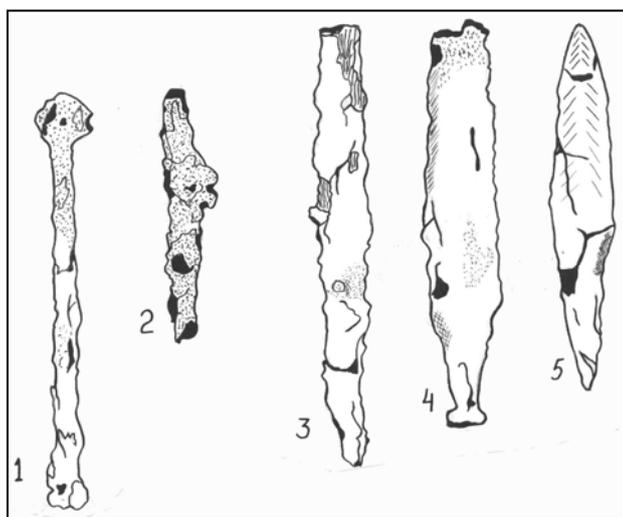

Рис. 19. Куюк-кала. 1,2 - железные изделия из погребения 55; 3,4 - железные ножи из погребения 62; 5-железный нож из погребения 216.

Пенджикенте (VII-VIII вв.) (Беленицкий, 1958. С. 138, рис. 37) и на Шемаханкале (XIII-XIV вв.) (Вактурская, 1952. С. 181, рис. 5, 4).

Железо, видимо, не было привозным в дельте Амударьи. Об этом свидетельствуют железоплавильные печи, найденные при раскопках города Куюккала. Из других находок отметим бронзовые вещи: посуду и черпачок, найденные в погребении 158 (рис. 20). Близкая бронзовая посуда и аналогичные черпачки с длинной ручкой были обнаружены в верхнем горизонте «Большого дома» на городище Джетгысар (конец IV-VII вв. н.э.).

Встречены поделочные материалы из кости. Из кости изготовлялись иглы для плетения сетей – кочедыги. В погребении 159 найдены 2 кочедыги. Они имеют вид слегка изогнутой костяной пластинки с одинаковыми заостренными концами (рис. 21, 2). Длина их по хорде 20-22 см. Они изготовлены из распиленных вдоль ребер животных. Они хорошо залощены, а концы их заполированы от работы. В Средней Азии подобные кочедыги известны только на афригидских памятниках Хорезма (Гудкова,

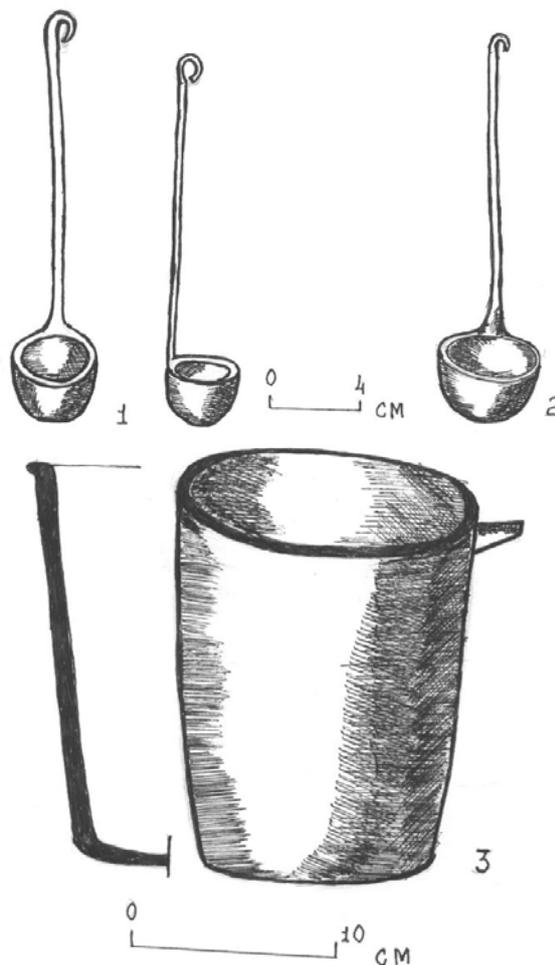

Рис. 20. Куюк-кала, раскоп XVв. 1-3- черпачки и сосуд из погребения 158 (бронза).

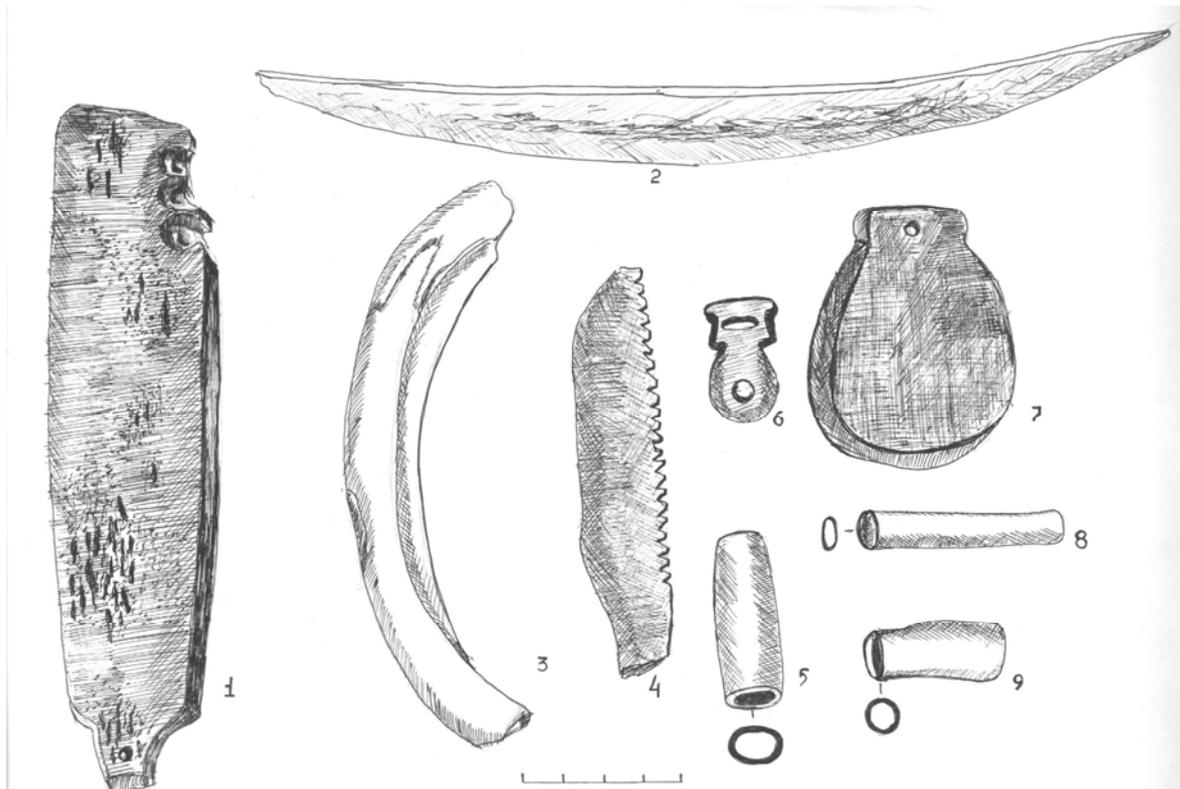

Рис.21. Куюк-кала. 1- изделие из дерева из погребения 94; 2- костяная кочедыга из погребения 303; 3- кость из погребения 259; 4- костяной гребень из погребения 43; 5-9- костяные изделия из погребения 346.

1964, табл. 14, 1, 2), а в дельте Амударьи – на Токкале и в слоях IX-X вв. Хайванкалы. На кочедыгах, обнаруженных на Токкале, изображены рыбы. В погребении 43 найден костяной гребень (рис. 21, 4) и другие костяные изделия. Аналогичные костяные гребни известны в материалах Токкалы.

Среди 11 медных монет, найденных в погребениях №№ 23, 96, 141, 144 некрополя, три монеты Чегана-Азказара (конец VII—начало VIII вв. (до 712 г.)) и Савашфана (середина VIII в.). Эти монеты позволили подтвердить время верхней даты функционирования некрополя VII-VIII вв. н.э.

На некрополе Куюккалы у костяков в погребениях №№ 23, 96, 141, 144 во рту, на месте сердца и в руке обнаружены медные монеты. Это очень древний обычай, практиковавшийся в Средней Азии. У археологов он получил название «обол Харона» или «плата Харону» - мифологическому перевозчику душ мертвых через подземную реку Стикс в загробный мир Аид. Согласно греческим источникам, за перевоз души в иной мир Харону полагалась плата, составляющая два оболы или, что чаще встречалось, один обол, который помещался между зубами покойника (Хашимов, 2001. С. 16). Исследователь Б.А. Литвинский, написавший

очень интересное исследование об «оболе Харона», показал широкое распространение этого обычая у народов Центральной Азии в древности и раннем средневековье. Множество примеров доказывает, что в Центральной Азии, в Бактрии и Парфии греческий обычай платы Харону мог смыкаться с местными представлениями о водном потоке, «о великой реке, темной, как ужасная преисподняя, которая отделяет мир живых от загробного мира и обиталища богов» (Литвинский, Седов, 1984. С. 154). Известно, что помещение монеты в погребение имело гораздо более широкое смысловое значение, чем только плата за перевоз души в загробный мир. По мнению Б.А. Литвинского, «... монеты могли быть своего рода оберегом, предохраняющим труп от разложения или средством приобретения пищи во время долгих странствий душ в загробном мире, а также даром владыке подземного мира за то, чтобы облегчить ее участь» (Литвинский, Седов, 1984. С. 154).

Не менее вероятно и другое значение этого обычая. В частности, на некрополе Куюккалы несколько монет найдено на месте сердца, что может быть сопоставлено с бытующим у некоторых народов обычаем класть на сердце кетмень, чтобы воспрепятствовать выходу покой-

ника из могилы.

Другие монеты в ряде могильников находились в разных местах погребений, и их видимо, надо рассматривать, как и иной погребальный инвентарь, в качестве обычной вещи, якобы необходимой покойнику для существования в загробном мире. Наконец, это могло означать плату, которой живущие на земле люди откупались от мертвых из-за страха перед ними (Хашимов, 2001. С. 16).

Этнографами отмечены и многие другие представления, связанные с монетами, бытовавшие до недавнего времени у народов Центральной Азии. Монеты закладывали в фундамент строящегося дома для того придать ему прочность, на самом деле этот ритуал – очень древнее представление о принесении жертвы духам земли (Хашимов, 2001. С. 16).

Интересно отметить, что в таджикостанской части Ферганы, в Кастакозе, в старое время при выносе покойника со двора носилки обсыпали мелкими деньгами. Аналогичный обычай существовал и у каракалпаков. Как пишут этнографы, былой смысл обсыпания покойника деньгами был совершенно забыт, и обряд этот совершался только по традиции. Описавшие этот случай исследователи высказывали предположение, что он быть может восходит к домусульманским похоронным обрядам, но не конкретизировали к каким именно (Литвинский, Седов, 1984. С. 137). Аналогичный обычай был у хорезмийских узбеков (Снесарев, 1969. С. 126).

Монетами осыпали на свадьбе новобрачных, выражая тем самым пожелание счастья. Кроме того, они считались чудодейственным амулетом, обладающим властью над сверхъестественными существами, и нанизывались в ожерелья, играя в них роль оберега. Вера в чудодейственную силу серебряных монет проявлялась и в обычае их помещения в воду, предназначенную для купания ребенка, как очищающую от всякой скверны. Во многих местах до сих пор бытует ритуал приношения денег в мазары, в котором можно видеть пережиток древнего обряда «обола Харона». Использовались монеты и в качестве лечебной магии – якобы достаточно было потереть серебряной монетой больное место, и боль утихнет (Хашимов, 2001. С. 16).

Многие обычаи, возникнув в глубокой древности и пройдя через поколения людей, во многом изменили свое конкретное первоначальное содержание, сохранив лишь внешнюю форму.

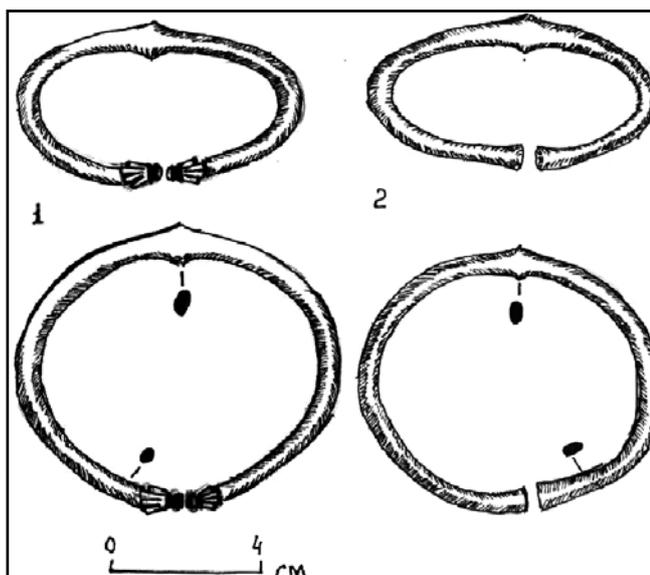

Рис.22. Куюк-кала. Браслеты: 1- из погребения 6; 2- из погребения 53 (бронза).

Браслеты. В погребениях 6, 53, 167, 203 некрополя Куюккалы найдено четыре экземпляра бронзовых и железных браслетов (рис. 22, 1, 2). Браслеты круглые в сечении (железный браслет в погребении 203 слегка утолщен), с несколько утолщенными или, напротив, утонченными концами. Эти браслеты, как правило, изготовлены из стержня – круглого, овального или переменного в поперечном сечении. Таковы браслеты из погребений 6 и 53 диаметром 96-110 мм, при сечении в середине 6,5-7 мм, на концах – 10,5-12 мм. Бронзовые браслеты с несомкнутыми концами имеются в Джетыясарском могильнике (Левина, 1993, рис. 54, 1). Бронзовый браслет с несомкнутыми концами обнаружен в Карабулакском могильнике [Баруздин, 1956. С. 68].

Носили они и железные браслеты. В погребении 262 найдены 2 фрагмента от несомкнутого проволочного железного браслета диаметром 62-67 мм, сечение проволоки – 2,4-3 мм.

Браслеты, особенно бронзовые – частая находка в могильниках Средней Азии. Так, в Центральном Тянь-Шане бронзовые браслеты найдены в могильниках Турасу, Аламышик (Литвинский, 1973. С. 12). Большая коллекция браслетов получена при раскопках на Тупхане (Литвинский, 1973. С. 12). В Тулхарском могильнике (II-I вв. до н.э) бронзовые браслеты, по данным А.М. Мандельштама, «обычно имеют концы, оформленные в виде стилизованных изображений змеиных головок; степень стилизации на некоторых весьма значительная, приобретающая характер условности» (Литвинский, 1973. С. 12). В Аруктауском могиль-

нике есть бронзовый браслет, на концах которого – стилизованные головки животных, а также браслеты из круглой проволоки с концами, закрепленными несколькими витками. По мнению Б.А. Литвинского, бронзовые браслеты с утолщающимися концами часто встречаются в средне-сарматское время (II в. до н.э. – I в. н.э.), но они характерны для позднесарматских комплексов (Литвинский, 1973. С. 13) и встречаются в V-VIII вв. н.э..

Изделия из бронзы и меди представлены перстнями с плоскими овальными щитами с каменной вставкой. Серьги широко известного «салтовского» типа. Найдены бронзовые двухдырчатые псалии.

Зеркала. На некрополе Куюккалы встречаются зеркала двух типов: с боковой ручкой и плоским диском; с боковой ручкой и рельефным бортиком. Дисковидные зеркала с плоским краем с боковой ручкой происходят из погребений 103, 118, 163, 183, 191, 228. Их размеры: диаметр 12 см, толщины в центре 3,5-4 мм. Зеркало с плоским диском и боковой ручкой найдено в погребении 103. На ручке был пуансонный орнамент (рис. 23, 4).

Обнаруженные зеркала имеют аналогии, прежде всего, в материалах савроматских и сарматских памятников Поволжья, Приуралья, а также материалах памятников того же времени Средней Азии, Северного Кавказа, Зауралья (Погрехова, 1961, рис. 26, 4; Мошкова, 1963. С. 41, 42, табл. 27, 15-20; Смирнов, 1964. С. 154, рис. 41; Шилов, 1959, рис. 42; Хазанов, 1963. С. 58-71, рис. 1; Литвинский, 1976; Кузнецова, 1989. С. 109-110; Могильников, 1992, табл. 126, 56).

Были найдены также бусы и амулеты¹.

При выявлении круга аналогий находкам с ранне-средневекового некрополя Куюккала, бросается в глаза очень тесная связь, в неко-

торых случаях, вплоть до прямого совпадения, с материалами верхнего слоя Джетыясар, дающая возможность говорить о близости, а возможно, и родстве этих культур. Керамика некрополя Куюккалы находит близкие аналогии с керамикой «болотных городищ» в дельте Сырдарьи, круг аналогии устанавливается в материале Ташкентского оазиса, в частности, в культуре Каунчи-II и с керамикой средней Сырдарьи. Для всей ранней «кердерской» посуды характерны грубость внешнего облика, ручная лепка и плохой обжиг. Подобное явление, но менее резко выраженное, наблюдается в джетыясарском урочище на памятниках второго горизонта, датируемого IV-VII вв. И по форме и по пропорциям, так же как по качеству и внешней отделке, кердерская керамика

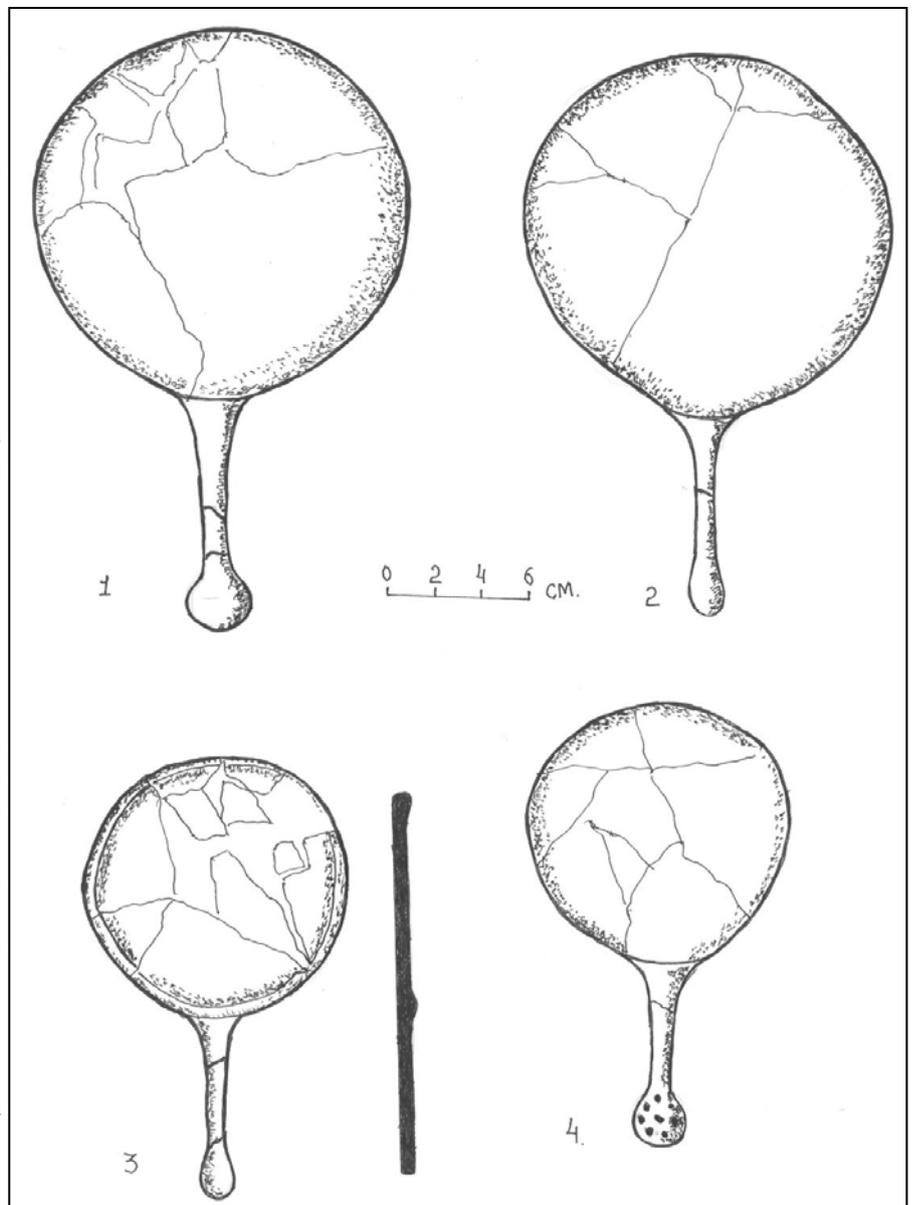

Рис. 38. Куюккала. Бронзовые зеркала: 1- из погребения 118; 2- из погребения 48; 3- из погребения 228; 4- из погребения 103.

чрезвычайно близка джетыасарской третьего этапа. Сосуды Куюккалы не являются простым повторением джетыасарских форм, а имеют ряд отличий и собственных признаков.

При этом важно отметить, что Джетыасар, «болотные городища», поселения средней Сырдарьи и памятники культуры Каунчи-II, не представляющие этнического единства, в то же время имеют много родственных черт. Это позволяет предполагать наличие некоторого, требующего еще большего изучения и выяснения, культурного родства населений этих районов. Чрезвычайно симптоматично то, что ранне-средневековый материал Куюккалы, а следовательно, и всей правобережной дельты, очень тесно связан с культурой афригидского Хорезма. Так, установлено, что орнаментация керамики Хорезма афригидского периода (VII-VIII вв.) отражает влияние вкусов обитателей дельты Амударьи и родственного им населения присырдарьинской степи. Некоторые типы лепных горшков Хорезма и Кердера обнаруживают большое сходство, как по форме, так и в орнаментации.

Сравнительный анализ предметов Куюккалинского некрополя с аналогичными предметами, найденными в других местах Евразии, приводит нас к заключению, что они могут быть датированы VI-VIII вв. н.э.

Наличие в дельте Амударьи одновременных различных типов погребальных устройств, очевидно, было связано с тем, что население в этом районе не являлось единым этническим и культурным объединением, а состояло из ряда различных племен. Древние обитатели южной Приаральской дельты, имея общую материальную культуру, сохранили свои различные типы погребальных сооружений, которые оказались особенно стойкими и консервативными. Люди, соблюдавшие эти различные погребальные обряды, жили вместе в одном и том же поселении. Ведь только в этом случае на территории одного некрополя могли возникнуть одновременные захоронения в ямах и оссуариях, примером чего, например, является некрополь Куюк-кала.

Нахождение зороастрийских и тюркских(?) захоронений на одном некрополе позволяет предполагать их хронологическую и этническую близость. Судя по материалу, часть населения появилось только в VI в., осев на дельтовых протоках Амударьи.

Описанные материалы позволяют предполагать, что появление данного населения в дельте Амударьи связано с миграцией, вызванной со-

бытиями 558 г., когда в Приаралье тюрки разбили хионитов, угоров и авар. В это время тюрки заставили часть населения низовьев Сырдарьи уйти в сторону Северного Хорезма. Часть осевшего в дельте Амударьи населения под культурным влиянием хорезмийцев приняло зороастризм.

Таким образом, население дельты Амударьи в VI-VIII вв. н.э. знало два вида погребальных обычаев: погребение труположением в ямах и погребение предварительно очищенных костей в оссуариях (сосудах). В VI-VIII вв. н.э. часть населения дельты Амударьи по-прежнему продолжало хоронить своих покойников в погребальных ямах, придерживаясь своих древних народных традиций. Хоронившие в ямах стремились обеспечить умершего всеми необходимыми вещами и пищей для продолжения потусторонней жизни. Погребения с труположением не находят аналогий в Хорезме, но они близки к курганным погребениям джетыасарской культуры населения низовьев Сырдарьи, с которым генетически связано население дельты Амударьи.

В VII-VIII вв. часть городского населения дельты Амударьи, принявшая зороастризм под влиянием хорезмийцев, хоронили своих покойников по зороастрийскому обряду в оссуариях (сосудах). Поминки устраивали для того, чтобы «порадовать душу» покойного, умилишить духов всех родов, а также для «спасения душ живых». Оссуарные могильники, относящиеся к VII-VIII вв. н.э. встречаются в Токкале, Миздахкане и Крантау.

И, наконец, из краниологических материалов Куюккалы VI-VIII вв. были выявлены черепа с лобно-затылочной и кольцевой деформацией². Если обратиться к истории бытования лобно-затылочной деформации в средней Азии, то обнаружим, что она была широко распространена на территории Средней Азии, Южного и Западного Казахстана. Наиболее ранние случаи деформации обнаружены у сакских племен Восточного Приаралья (Бабишмулла, Чирикабат). Подобный тип деформации практиковали и скотоводческие племена V-III вв. до н.э. Западного Хорезма (могильник Сикарчага I районе Присарыкамьшья). Начиная с III-II вв. до н.э. по I в. н.э., лобно-затылочная деформация из районов Приаралья начинает распространяться в нескольких направлениях: на западе этот тип деформации отмечается среди скотоводческих племен Красноводского полуострова, на востоке – среди жителей Ташкентского оазиса, у местных скотоводов Север-

ной Ферганы, а также среди усуней Тянь-Шаня.

По мнению антрополога Т.К. Ходжайова, этот тип деформации встречается у населения Центральных Кызылкумов – среднее течение Зарафшана, Кашкадарьинская и Сурхандарьинская долины до Северного Афганистана. Таким образом, известная с V-III вв. до н.э. лобно-затылочная деформация у скотоводов юго-западного Приаралья, в последних веках I тысячелетия до н.э. начинает распространяться среди скотоводческих племен Северной Бактрии. Практиковалась она среди жителей античных городов Хорезма до II-III вв. н.э.

В раннем средневековье центром распространения лобно-затылочной деформации становится правобережье дельты Амударьи. Она практикуется у жителей Куюк-калы, Ток-калы и Миздахкана. Признаки кольцевой деформации отмечены в ряде черепов из погребений Куюк-калы. Деформацию производили с самого раннего возраста. Во всяком случае, она фиксируется на детском (1,5-2 года) черепе из погребения 118. В ряде случаев наблюдаются следы «двойной» деформации, при которой деформирующая повязка накладывалась в два приема – после того, как черепная коробка была деформирована под воздействием первой, выше того места, где она располагалась, накладывалась другая, что приводило к еще большему удлинению мозговой коробки.

Вопрос о происхождении кольцевой деформации на территории Средней Азии нельзя считать решенным окончательно, хотя этой проблеме было посвящено большое количество исследований (Ходжайов, Гинзбург, Трофимова). Наиболее ранние, но единичные находки кольцевидно-деформированных черепов происходят из Суфанского могильника на террито-

рии Ферганы. Они датируются V-III вв. до н.э. На территории Южного Приаралья появление кольцевой деформации относится ко времени не ранее II-IV вв. н.э. В эпоху раннесредневековья деформация была распространена на территории афригидского Хорезма (Миздахкан, Кубатау). В 2002-2006 гг. в правобережной части дельты Амударьи, населенной представителями Кердерской культуры, обнаружены многочисленные черепа с кольцевой деформацией. Помимо Куюк-калы, «кольцевидно-деформированные» черепа в Южном Приаралье происходят из некрополя Миздахкан и Кангга-калы и датируются III-V вв. н.э. Все данные свидетельствуют о том, что именно в это время обычай кольцевой деформации головы и был привнесен на территорию Южного Приаралья.

Кольцевая деформация была весьма характерна в Восточном Приаралье, а именно в низовьях Сырдарьи и конкретно для населения, оставившего там многочисленные могильники, относящиеся к Джетыясарской культуре. В Юго-Восточном Приаралье обычай кольцевой деформации был распространен среди скотоводческих племен в течение длительного времени с IV в. до н.э. – по VII в. н.э. (могильники Алтынасар-4, Томпакасар, Косасар-2, 3). Во II-VIII вв. н.э. численность деформированных черепов резко увеличивается.

В эпоху поздней античности и раннесредневековья обычай начинает распространяться среди оседлого населения Центрального (городище Пенджикент) и Южного Согда.

Отметим, что ареал распространения кольцевой деформации в Средней Азии резко сужается, начиная с VI в. н.э. Обычай почти исчезает в Средней Азии и сохраняется лишь в бассейне Аральского моря – в Хорезмском оазисе, владении Кердер и Юго-Восточном Приаралье.

Примечания

¹ Им будет посвящена отдельная статья.

² Определение произведено Т.К. Ходжайовым.

Использованная литература

- Баруздин Ю.Д.** Карабулакский могильник (раскопки 1954 г.). Труды Института истории (АН Кирг.ССР). Вып. 2. Фрунзе, 1956.
- Беленицкий А.М.** Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента // МИА, №66. М., 1958.
- Бентович И.Б.** Керамика городища Алтын-асар // АКД. М., 1954.
- Вайнберг Б.И.** Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Вайнштейн С.И.** Очерк этногенеза тувинцев // Уч. зап. ТНННЯЛИ. Вып. V. Кызыл, 1957.
- Вактурская Н.Н.** О раскопках 1948 г. на Шемаха-кала // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952.
- Григорьев Г.В.** Келесская степь в археологическом отношении // ИА Каз.ССР. №1. 1948.
- Гудкова А.В.** Ток кала. Ташкент, 1964.
- Есбергенов Х.К.** К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков (по мате-

- риалам погребальной обрядности) // АКД. М., 1963.
- Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Кузницова Т.М.** Скифские зеркала // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Левина Л.М.** Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2. Джетыясарская культура. часть 1. Склепы. М., 1993.
- Левина Л.М.** Раскопки могильников в окрестностях городищ Беданкасар, Косасар и Томпакасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 3. Джетыясарская культура, часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М., 1993.
- Левина Л.М.** Исследования в Джетыясарском урочище // АО. М., 1979.
- Левина Л.М.** Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1974.
- Литвинский Б.А.** Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
- Литвинский Б.А.** Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Литвинский Б.А.** Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.** Культуры и ритуалы Кушанской Бактрии (погребальный обряд). М., 1984.
- Лоховиц В.А.** Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1967.
- Мамбетуллаев М., Юсупов О., Турманов Ш.** Погребальные обычаи и культовые обряды населения Кердера (по материалам Куюккалы) // АККО АН РУ. №4. Ташкент, 2003.
- Могильников В.А.** Сарматская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры // САИ, Д. 1-10. М., 1963.
- Неразик Е.Е.** Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик Е.Е.** Керамика Хорезма афригидского периода // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
- Обельченко О.В.** Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Куюк-мазарского могильника // Труды САГУ, Археология Средней Азии, IV, Новая серия. Вып. СХI, ист. науки, кн. 25. Ташкент, 1957.
- Пещерова Е.М.** Гончарное производство Средней Азии. М., 1959.
- Позребова Н.Н.** Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского // МИА, №96. М., 1961.
- Рапопорт Ю.А.** Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Руденко С.И.** Культура гуннов и Ноинулинские курганы. М.-Л., 1961.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964.
- Снесарев Г.П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сулейманов Р.Х.** Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд-Ташкент, 2000.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов С.П.** Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955-1956 гг. // СА. №1. 1958.
- Хазанов А.М.** Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, №4. М., 1963.
- Хашимов М.А.** Религиозные памятники Центральной Азии. Алматы, 2001.
- Шилов В.П.** Калиновский курганный могильник. «Памятники Нижнего Поволжья» // МИА. Т. 1, №60. М., 1950.
- Ягодин В.Н.** Скотоводы-охотники Арало-Каспийского Междуморья в средние века // Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992.
- Ягодин В.Н.** Кердерское поселение Куюк-кала. Историческая топография и хронология // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент, 1984.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.** Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Якубовский А.Ю.** Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов. Т. 5. Л., 1930.

САМАРҚАНД ВОҲАСИНИНГ ЎРТА АСР РУСТОҚЛАРИ ВА УЛАРНИНГ ЛОКАЛИЗАЦИЯСИ МАСАЛАЛАРИ ХУСУСИДА

Ўрта асрларга (X-XII асрлар) оид ёзма манбаларда Самарқанд воҳасининг шарқий ва шимолий ҳудудларини эгаллаган олтита рустоқ (яъни бизнинг ҳозирги тилимиздаги “туман” тушунчасига тўғри келади - Р.А.) тилга олинади; улар – Ёркет, Бурнамад, Бузмажон, Кабуданжакет, Ведар ва Марзбон ибн Тургаш рустоқларидир. Бу рустоқларнинг марказларидан фақат учтасида – Бузмажон рустоқидаги Баркет, Кабуданжакет ва Ведарда жомъе масжидлари бўлганлиги учун улар араб сайёҳлари томонидан шаҳарлар сифатида тилга олинди (Бартольд, соч. т. III. С.193).

Ёркет, Бурнамад рустоқлари Уструшона билан чегарадош бўлганлар, улардаги қишлоқлар Зарафшон ёки бошқа табиий манбаларидан сув олмаганлар. Бурнамад рустоқининг маркази бўлган йирик Бурнамад қишлоғи Зоминдан Самарқандга борадиган қадимий қарвон йўли устида жойлашган. Зоминдан Бурнамадгача бўлган масофа 4 фарсах (тахминан 30-32 км) бўлган. Бу йўл Зарафшон тизмаси, Моргузар тоғларининг шимолий, ғарбий этаклари бўйлаб ўтган ва бу рустоқнинг географик ўрни ҳозирги Бахмал тумани ҳудудига тўғри келади.

Ёркет рустоқи эса Бурнамаднинг шимолида, Нурота тизмаларининг Жиззах, Қўйтош атрофларидаги қисмининг ғарбий этакларидан Ғўбдин ва Қорақчитоғгача бўлган ҳудудда жойлашган. Ёркет рустоқи ҳозирги Ғаллаорол тумани жойлашган ҳудудни ўз ичига олган бўлиши ҳақиқатга яқин. Чунки ўрта асрлар ёзма манбаларида бу рустоқлар экинзорлари асосан ёмғирлар ҳисобига ўстирилганлиги ва улар ҳудудида яхши яйловлар ястаниб ётганлиги айтилади.

Бурнамаддан тоғ йўли билан 5 фарсах юрилиб Хушуфағнга келинган. Демак, Хушуфағн Туркистон тизмасининг ғарбий этакларида, тоғолди ҳудудларда жойлашган. Хушуфағндан Бузмажон рустоқининг маркази Баркет шаҳригача 4 фарсах бўлиб мана шу ораликда Катвон чўли жойлашган. Археолог олим Ҳ.Ғ. Ахунбобоевнинг фикрига кўра, Баркет шаҳри ҳозирги Булунғур туманидаги Октепа-Митан қишлоғидаги йирик археологик ёдгорлик Октепанинги ўрнида бўлган. Араб

сайёҳи Ибн Ҳавқалнинг маълумотида Бузмажон ва Маймурғ (ҳозирги Самарқанд шаҳрининг жанубий-шарқий қисмида жойлашган Тайлок ва Ургут туманларини ўз ичига олган рустоқ) Қашқадарё воҳасида жойлашган Кеш вилоятининг рустоқларидан бири сифатида ҳам тилга олинади. Бузмажон ва Маймурғ рустоқлари X асрда маълум муддат Кешга қараган бўлиши ҳам мумкин. Баркетдан йўл иккига - биринчи йўл тўғри ғарбга – 4 фарсах масофадаги Самарқанд шаҳрига, иккинчиси шимолий ғарбга Кабуданжакет – Ведар - Марзбон ибн Тургаш - Иштихон йўлига ажралган. Ҳ.Ғ. Ахунбобоевнинг фикрига кўра, Кабуданжакет ҳозирги Жомбой ва Булунғур туманлари чегарасидаги Ғазира ва Қорапичоқ қишлоқларидан жанубий-шарқда жойлашган илк ўрта аср ва ўрта аср ёдгорликлари улкан мажмуасинини ташкил этган Мингтепа ҳудудидаги Қўрғонтепа ўрнида бўлган (Ахунбабаев, 1990. С. 26-27). Шуниси эътиборга лойиқки, Мингтепа ёдгорликлар мажмуаси шу атрофдаги қишлоқларда яшайдиган маҳаллий аҳоли томонидан ҳам Мингтепа, ҳам Афросиёб номлари билан аталади.

Ушбу ўрта асрлар шаҳарлари занжиридаги, навбатдаги шаҳар Ведардир. Ўрта аср манбаларида Ведар шаҳри Ведар рустоқининг маркази бўлганлиги, Самарқанддан 4 фарсах (28-30 км) масофада жойлашганлиги, Ведар рустоқида суғориладиган ва тоғли жойлар борлиги айтилади. Ведарнинг суғориладиган катта майдонлари албатта Булунғур, Пой ва Қорасув ариқларидан сув олган. Тоғли жойлар эса Ғўбдин тоғи ва Қароқчитоғ. Қароқчитоғнинг шарқ томонидан Қорасув оқиб келиб, уни ёнлаб ўтиб, воҳани ўртасидан кесиб Иштихон яқинида Зарафшоннинг ўнг irmoғи бўлган Оқдарёга қуйилган. Ёзма манбаларда айтилишича қадимда Ведар рустоқидан Синовоб номли ариқ оқиб ўтган ва у Иштихонгача етиб борган. Синовоб – бу Қорасувнинг ўрта асрлардаги номи бўлса керак, чунки бу воҳадаги ариқлардан фақат Қорасувгина Иштихонгача етиб борган. Албатта, Қорасув Иштихон шаҳригача етиб бормасада, унинг яқинидаги ерларни суғоришда бу ариқнинг

сувидан кенг фойдаланилган.

Мана шу маълумотлар мажмуига таянган ҳолда чиқарган хулосамизга кўра, Ведар рустоки Зарафшоннинг ўнг ирмоғи - Окдарёдан шимолга қараб, ҳозирги Пойариқ тумани ҳудудини, унга қўшни бўлган Ғаллаорол туманининг ғарбий сарҳадларидаги ҳудудларни ва Қўшработ туманининг жанубий ҳудудларини ўз ичига олган. Агар шаҳарлар орасидаги масофалар ўртача бир кунлик йўл, яъни 4 фарсах деб олинса, Кабуданжакет – Мингтепадан 4 фарсах масофада шимолий-ғарбда Челак шаҳри жойлашган.

Челак шаҳри ҳудудида тахминан 50 га майдонни эгаллаган йирик шаҳар харобалари мавжуд. Челакнинг эски шаҳар қисми маҳаллий аҳоли томонидан яқин йилларгача “Қўрғон” номи билан юритилган. Бу ердаги қадимий шаҳар харобалари илк бора 1940 йилда археолог олимлар И.А. Сухарев ва П.Ф. Лиференколар томонидан тадқиқ этилган ва шаҳарчанинг топографик плани қоғозга туширилган. Шаҳарча икки қисмдан, шимолий ва жанубий қисмлардан иборат бўлган, уларнинг ўртасида майдони 100x70 м, баландлиги 18 м бўлган улкан ҳарбий истехком - арк жойлашган. Шаҳар арки узок йиллар давомида Челак шаҳрининг ўртасидаги улкан тепалик кўринишида қад ростлаб турган. Лекин 50-70 йиллар давомида унинг ёнида қурилган ғишт заводи мана шу бебаҳо археологик обида ҳисобига ишлаб унинг бутунлай йўқ бўлиб кетишига олиб келган. Ҳозирги кунларда аркнинг харобалари жуда кичик майдондагина сақланиб қолган. Шаҳарнинг жанубий қисмининг майдони эса тахминан 20-25 гектар атрофида бўлиб, ҳозирда бу ҳудуд замонавий турар-жойлар остида қолиб кетган ва бир неча жойда ташқи мудофа деворининг харобалари сақланиб қолган. Ёдгорликнинг шимолий-шарқий қисмида унинг қадимий мудофа деворлари тахминан 200 м узунликда жуда яхши сақланган. Шимолий қисмининг майдони эса кичикроқ, тахминан 15 гектар атрофида. Аркнинг тевараги кенг сайхонликдан иборат, шаҳарнинг умумий майдони эса 50 гектардан ортиқроқ бўлган.

Мана шу ёдгорлик шубҳасиз, қадимий Ведар шаҳрининг бизнинг кунларгача етиб келган қолдиқларидир. Чунки шаҳарнинг жойлашган ўрни Самарқандга нисбатан ўрта асрларда келтирилган масофага ҳам, Буюк Ипак йўлининг йирик шаҳарлар жойлашган шимолий тармоғи йўналишига ҳам тамоман мос келади, қолаверса қадимий шаҳар харобалари бўлиши мумкин бўлган бундай йирик археологик ёдгорлик Самарқанддан шимол томонда бошқа мавжуд эмас.

Машҳур шарқшунос олим В.В. Бартольднинг ёзишича, Ведар шаҳрида пахтадан тўкилган ведарий газламалар ўзининг нафислиги, пишиқлиги ва юқори сифатлилиги билан жуда машҳур бўлган. Хуросонда эса ведарий матосидан фақат амирлар, вазирлар, қозилар ва бойларгина либос тиктирганлар. Араб тарихчиси ал-Муқаддасийнинг ёзишича ведарий газламасини Бағдод султонлари ҳам юксак қадрлаганлар. Араб сайёҳи ва тарихчиси Ибн Ҳавқал ведарий газламалар тўғрисида шундай маълумот қолдирган, “...шаҳарда пахтадан ведарий газламалар ишлаб чиқарилган, уни кесмасдан бутунлигича унга ўраниб юрганлар. Хуросонда қишда нима кийган бўлса ҳам унинг устидан ведарий газламани ўрамаган на амирни, на вазирни, на қозини, на бойни, на оддий одамни ва на жангчини учратиш қийин; бу улар учун нозиклик ва башанглик ҳисобланади; газламанинг ранги сариқ рангга мойил бўлиб, у юмшоқ ва ёқимли, қалин ва нозик; бир парчасининг нархи икки динордан йигирма диноргача туради; мен беш йил давомида бу газламадан бир неча марта ўрадим. Уни олиб келиш учун Ироқдан одам жўнатадилар ва уни кийишдан фахрланадилар” (Бартольд, 1963. С. 441). Ушбу маълумот ўрта асрларда ведарий газламаларга бўлган талабнинг миқдорини ва бу шаҳарда катта миқдорда юқори сифатли, ўзига хос газлама ишлаб чиқарилганлигини бирмунча тасаввур қилишга имкон туғдиради. Демак шаҳарда газлама ишлаб чиқариш билан аҳолининг катта қисми машғул бўлган ва уни ишлаб чиқариш саноат асосига қўйилган.

Машҳур рус шарқшуноси В.В. Бартольднинг маълумотга кўра, араб сайёҳи Ёкут асарларида Ведар «жомъе масжидига эга бўлган шаҳар» сифатида тилга олинади. X асрда Мовароуннаҳрга келган араб сайёҳлари фақатгина жомъе масжидига эга бўлган аҳоли масканларинигина шаҳарлар мақомига киритганлар. Шу нуқтаи назардан фикр юритсак, Ведар X асрда Мовароуннаҳрнинг тўлақонли шаҳарларидан бири сифатида фаолият кўрсатганлиги тўла аён бўлади.

VIII-IX асрларда Ведар шаҳри ва унинг атрофларидаги бир неча қишлоқларга араблар келиб жойлашганлар. Улар арабларнинг Бақр ибн Войил қабиласига мансуб бўлиб ўзларини “субаъийлар” деб атаганлар. “Субаъий” номи Мовароуннаҳрдаги энг дастлабки жоме масжидларидан бири ҳисобланган Ведар шаҳрининг жоме масжидини бунёд эттирган, хижрий 269, милодий 882 йилда вафот этган Абу Музоҳим Субаъ бин ан-Нодир ас-Сукқорий номидан олинган. Ведар XII асрда ҳам шаҳар сифатида ўз

ахамиятин йўқотмаган ва унда мудофаа деворлари, жомъе масжиди ва минора бўлган (Бартольд, 1963. С. 195).

Ведар-Челак шаҳрида жомъе масжидининг жуда эрта жорий қилинганлиги сабаби, бизнингча қуйидагича: археолог ва санъатшунос олим Л.И. Ремпелнинг маълумотига кўра, илк ўрта асрларда (тахминан VI-VIII асрларда – Р.А.) Челак шаҳрида зардуштийликнинг худоларидан бири Дэси шарафига бағишлаб бунёд этилган улкан ибодатхона бўлган ва унда “ёвуз рухларни хайдовчи” маъбуданинг олтидан қуйилган хайкали қад кўтариб турган (Ремпель, 1972. С.48). Немис олими В. Томашекнинг фикрича, Дэси ибодатхонаси ўз навбатида зардуштийликнинг қадимий илоҳаларидан бири – тонг нури худоси Тиштрий шарафига қурилган. Г.В. Григорьевнинг фикрича эса Дэси ибодатхонаси тонг юлдузи худоси Сраушу шарафига бунёд этилган. Зардуштийликнинг муқаддас жониворларидан бири хўроз Срашунинг ҳамроҳи бўлиб, ўзининг тонг сахардаги қичкириги билан ёвуз девларни қочишга мажбур қилган. Авестонинг еттинчи яшгида айтилишича, самовий ёмғирлардан пайдо бўлган Вурукаша кўли учун гўзал ёш йигит кураш олиб борган. Бу йигит ўзида олтин қулоқли ва олтин сувлуқли оқ от образини ҳам намоён қилган. Унинг номи Тиштрий (Сириус). Тиштрийнинг ёвуз аждаҳо Апаоша билан кураши табиатдаги икки куч – одамларга ёмғир ва тўқинлик олиб келувчи ҳамда сувсизлик ва қургўкчилик келтирувчи, кучларнинг курашидир. Тонг нури худоси Тиштрий – Сириуснинг сифатлари унинг эгизаги тонг юлдузи худоси Срашунинг сифатлари билан тўлдирилади. Суғдий календарда ҳар ойнинг ўн еттинчи куни Срашуга бағишланган. Тонг нури худоси Тиштрий ва унинг эгизаги тонг юлдузи худоси Сраушу шарафига қурилган Дэси ибодатхонасининг мавжудлиги ҳам Челак-Ведар илк ўрта асрларда Суғднинг марказий шаҳарларидан бири бўлганлигини тасдиқлайди.

Бизга маълумки, ислом дини ёйилганига қадар Ўрта Осиё худудида оташпарастлик, мажусийлик, зардуштийлик, буддавийлик, христианлик, монийлик (манихейлик), маздакийлик каби кўплаб диний дунёқарашлар бир вақтда фаолият юргизган, маҳаллий аҳоли бир неча динларга эътиқод қилган. Лекин шу ҳолат эътиборга лойиқки, бу динларнинг бирортаси бошқасидан устун қўйилмаган ва ҳеч бир дин расман давлат дини даражасига кўтарилмаган ва ҳозирги замон ибораси билан айтилганда, бу ўлкада диний эътиқодлар эркинлиги, толерантлик ҳукм сурган. Ўрта Осиё худудида оташпарастлик, ма-

жусийлик, зардуштийлик, буддавийлик, христианлик, монийлик (манихейлик), маздакийлик каби турли диний эътиқодда бўлган аҳолининг катта-кичик кўплаб ибодатхоналари бўлган. VII-VIII асрларда давом этган араблар истилоси натижасида яккахудолик таълимотига асосланган ислом динининг қарор топиши жараёнида бу дин ҳукмронликни эгаллаган мамлакатларда христианликдан ташқари барча қадимий диний дунёқарашлар тамоман йўқотиб юборилган. Уларнинг ибодатхоналари араблар томонидан мусулмон масжидларига айлантирилган ёки ибодатхоналар бузилиб уларнинг ўрни мусулмон масжидлари қурилган. Бу тўғрида тарихий манбаларда маълумотлар жуда кўп. Араблар биринчи навбатда энг йирик марказий шаҳарлардаги катта микдордаги аҳоли сиғинадиган ибодатхоналарни мўлжалга олганлар. Мана шу тариқа Челак – Ведардаги Дэси ибодатхонаси ўрнига энг дастлабки мусулмон масжидларидан бири қурилган бўлиши мумкин.

X асрда Ведарга араб сайёҳи ва географ олими ибн Ҳавқал келган пайтда араб аҳолиси сезиларли даражада камайган бўлган. XII асрда эса Ведар шаҳрига марвлик машхур сайёҳ ас-Самъоний ташриф буюрган ва шаҳарнинг жомъе масжидини бунёд эттирган Ан-Нодир ас-Сукқорий қабрини зиёрат қилган. Ведар шаҳристонининг жанубий деворларига яқин жойда, унинг работи худудида, ҳозирги Челак шаҳри бозорининг ғарб томонида Ғойиб ота номи билан юритиладиган зиёратгоҳ ва қабр бор. Маҳаллий аҳоли бу қабрга доимий равишда сиғиниб келсада, унинг кимга тегишли эканлиги тўғрисида бирон-бир маълумотга эга эмас ва бу тўғрида ҳатто ривоят ҳам йўқ. Ундан ташқари, бу қабр устида унинг кимга тегишли эканлигини кўрсатувчи қабр тош ёки бирон-бир белги ҳам мавжуд эмас. Бунинг сабаби, Абу Музоҳим Субаъ бин ан-Нодир ас-Сукқорий вафот этган IX асрда қабрлар устига қабртошлар қўйиш хали урф бўлмаган эди.

Бу даврда, яъни IX-X асрларда вафот этган дин арбоблари, олимлар ва бошқа таниқли кишиларнинг қабрлари устига дастлаб йирик дарё тошлари – қайроқтошлар қўйила бошлаган. Қайроқтошларнинг бир томонининг текис юзасига мархумнинг тўлиқ исми шарифи, у туғилган ва вафот этган саналар, Қуръони каримдан турлича суралар битилган ва бу қайроқтошлар мархумлар қабрлари устидаги тупроқ юзасига, мархумнинг бош томонига ётқизиб қўйилган. Шунчаки ётқизиб қўйилган бу қайроқтошлар аксарият ҳолларда маълум вақт ўтиши билан йўқолиб кетган ёки уларнинг жойлари ўзгарган. Бундай ҳолатлар Абу Мансур Мотуридий дафн

этилган Самарқанддаги қадимий Чокардиза қабристонидан олиб борилган археологик тадқиқотлар давомида ҳам кўп марта қайд этилди. 882 йилда, яъни бундан салкам 1130 йил муқаддам Абу Музоҳим Субаъ бин ан-Нодир ас-Сукқорий қабри устига қўйилган (агар қўйилган бўлса албатта – Р.А., А.А.) қайроқтошнинг бизнинг кунларгача етиб келиши эҳтимоли жуда ҳам оз. Лекин бу қабр Ведар шаҳри жомъе масжидини бунёд эттирган Абу Музоҳим Субаъ бин ан-Нодир ас-Сукқорийнинг қабри эканлигига бирон шубҳа йўқ. Ҳозирги Челак шаҳрининг жанубий қисмида Хўжа қишлоғи мавжуд ва унда эшонлар ва хўжалар уруғлари истиқомат қилишади. Қишлоқ эса ҳозирда Челак шаҳрига қўшилиб кетган. Мана шу Хўжа қишлоғи аҳолиси қадимий арабларнинг, ҳамда ас-Сукқорийнинг узок авлодлари бўлиши ҳам мумкин.

Ведардан кейинги шаҳар Марзбон ибн Тургаш. Марзбон ибн Тургаш номи бу шаҳар марзбони, яъни ҳокими номидан олинган бўлиб у суғдиёналик аслзода деҳқонлар (ўша даврда қишлоқларда яшаган заминдор аслзодалар “деҳқан”, ҳозирги тилга мослаштирилганда деҳқонлар деб аталганлар ва ҳозирда биз ишлатадиган деҳқон сўзи ўша замонлардан қолган – Р.А., А.А.) билан бирга ҳалифалик саройига чақирилган. Бу шаҳар Челак шаҳридан 15-16 км ғарбда жойлашган, 100 гектардан ортиқ майдонни эгаллаган ўрта аср шаҳри харобалари Соғиштепа (Арктепа) ўрнида бўлганлиги ҳақиқатга яқин. Соғиштепа ўрта асрлар шаҳарлари учун хос бўлган уч қисмдан – арк, шаҳристон ва рабоддан иборат бўлиб бу ёдгорлик Челак ва Иштихон шаҳарларининг ўртасида жойлашган. Соғиштепа ўрта асрларда фаолият кўрсатган Соғарж қишлоғининг бизнинг кунларгача етиб келган харобаларидир. Ушбу ёдгорликда 1983 йилда муаллифлардан бири томонидан археологик қазишма ишлари олиб борилган. Қазишмалар натижасида бу ерда эрамиздан аввалги II-I асрларда, йирик қалъа бунёд этилганлиги ва бу қалъа илк ўрта асрларда ҳам фаолият кўрсатганлиги аниқланган. Кейинроқ эса араблар истилосидан кейин қадимий қалъа атрофида шаҳарча - шаҳристон пайдо бўлган ва қалъа шаҳарнинг арки сифатида фаолият кўрсатган. Кейин эса аҳоли кўпайиш натижасида шаҳар шаҳристонига аҳоли сиғмай қолган ва аввал хунармандлар, кейин эса бошқа қатламлар шаҳар ташқарисига кўчиб чиқа бошлаган ва шу тариқа унинг ҳар тўрт томонида рабодлар пайдо бўлган. Шу тариқа Соғарж ўрта асрлар даврида Мовароуннахрнинг бошқа ўнлаб марказий ва йирик шаҳарларига хос бўлган уч қисмли шаҳар

кўринишини олган.

1983 йилги қазишмаларимизда Соғиштепа арки устидаги XIV-XV асрларга оид уй-жойлар харобаларидан Хитойда ясалган ноёб чинни селадон – қорни катта шарсимон идиш топилган.

Марзбон ибн Тургаш номига эътибор қаратсак бу кўпроқ тарихий шахсга, аниқроғи араблар истилоси арафасидаги суғдий номларга ўхшаб кетади. Марзбон – мансаб, яъни шаҳар ҳокими деган маънога эга. Марзбон ибн Тургаш мана шу Соғарж шаҳрида яшаган бўлиши ҳам мумкин. Чунки бу шаҳар мана шу ном билан аталган русток, яъни туман маркази сифатида фаолият кўрсатган.

Соғарж шаҳрининг ўрта асрлар даври ҳам кўпгина тарихчиларни қизиқтирган. 1902 йилда нашр этилган «Самарқанд вилоятининг маълумотлари»дан жой олган самарқандлик шарқшунос ва археолог олим В.Л. Вяткиннинг «Самарқанд вилоятининг тарихий географиясига оид манбалар» мақоласида «Соғарж Мовароуннахрнинг энг қадимий қишлоқлари сарасига киради. Мамлакат араблар томонидан босиб олинган пайтда у йирик қишлоқ бўлган. Бу ерда араблар томонидан зарб қилинган тангалар исломнинг илк асрларига оиддир» деган жумлалар бор. Лекин бошқа бир шарқшунос олим В.В. Бартольд Соғаржнинг йирик аҳоли маскани эканлигини эътироф этган бўлсада, араблар томонидан Соғаржда танга зарб этилганлигига шубҳа билан қараган, чунки Соғаржда зарб этилган танга В.В. Бартольд бунга муносабат билдирган пайтда, яъни бундан бир аср муқаддам ҳам фанга маълум бўлмаган. Бизнинг давримизда ҳам, яъни археология фани жуда ривожланган даврда, ўтган асрнинг 50-80 йилларида ҳам бирон-бир ёдгорликдан Соғаржда зарб этилган танга топилмаган. Демак, бу ўринда В.В. Бартольд ҳақ бўлса керак. Лекин айнан мана шу маълумотлар ҳам Марзбон ибн Тургаш айнан мана шу шаҳарда яшаганлигини қандайдир маънода тасдиқлагандек бўлади.

X асрда Мовароуннахрга ташриф буюрган араб сайёҳи ва жуғрофий олими Ибн Хавқалнинг маълумотларида Соғарж атамаси тоғлар занжирига нисбатан айtilган. Фикримизча, Ибн Хавқал Соғаржга келмаган ва бу тоғларни у узокдан кўрган. Агар ибн Хавқал Соғаржга келганида у албатта шаҳарни таърифлаган ва бизга бу шаҳар тўғрисида жуда қимматли тарихий маълумотлар қолдирга бўлар эди. Самарқандлик маҳаллий кишилар жой номлари билан қизиқувчи ушбу араб жуғрофий олимига узокдаги бу тоғлар Соғарж тоғлари деб юритилишини айтган бўлсалар керак. Бизнинг назаримизда, бу тоғлар Нурота тизмаси ёки

Қароқчитоғнинг ҳозирги Қўшрабат тумани худудидаги ғарбий қисми бўлса керак. Араб сайёҳи Ёқут (X аср) ва марвлик сайёҳ Абулқарим ас-Самъоний (XII аср) асарларида эса Соғарж кишлоқ сифатида тилга олинади. Араб сайёҳларининг Мовароуннаҳр шаҳарларига берган кўплаб таърифларида бу юртнинг катта-катта шаҳарлари ҳам кишлоқ сифатида тилга олинганлар. Улар дастлаб шаҳарлар деб фақатгина жомъе масжидига эга бўлган шаҳарларнигина атаганлар, қолганлари кишлоқ деб ҳисобланган. Масалан, Қадимий Насаф воҳанинг бош шаҳри, жомъе масжидига эга бўлган шаҳар сифатида тилга олинди, худуди ва аҳолисининг сони жиҳатидан ундан ҳам катта бўлган Касби ва Паздава шаҳарлари кишлоқ деб таърифланганлар. Кейинроқ, Мовароуннаҳрнинг кўплаб йирик кишлоқларида ҳам оммавий равишда жомъе масжидлари қурилганлиги муносабати билан масжидлар шаҳар ва кишлоқларни белгиловчи мақом сифатидаги аҳамиятини йўқотганлар. Шунинг учун ҳам Соғарж араб сайёҳлари томонидан кишлоқ сифатида тилга олинган бўлса керак.

Соғарж шаҳри тўғрисида Амир Темур ва теурийлар даври манбаларида анчагина маълумотлар сақланиб қолган. Манбаларда Амир Темурнинг узоқ ҳарбий юришлардан кейин Соғаржда бир неча марта хордиқ чиқарганлиги айтилади. Соғарж шаҳрида XII асрда машҳур шайх Бурҳониддин Соғаржий таваллуд топган. Бурҳониддин Соғаржийнинг авлодларини соҳибқирон ўзига пир ҳисоблаган. Шунинг учун Бурҳониддин Соғаржий ва унинг авлодлари дафн этилган қабрлар устига Амир Темур томонидан йирик мақбара бунёд этилган ва бу мақбара

ҳозирги кунда Самарқанд шаҳрида, Амир Темур мақбарасининг шимол томонида жойлашган, яқка гумбазли Рухобод мақбарасидир. Заҳриддин Муҳаммад Бобур ҳам «Бобурнома» асарида Соғаржда холаваччаси ҳокимлик қилганлиги ва ўзининг бу шаҳарга ташриф буюрганлиги тўғрисида маълумот қолдирган.

Соғиштепанинг атрофларидаги кенг майдонлар, унинг работлари худудлари ўтган асрнинг 60-йилларидаги ер ўзлаштиришлар даврида суриб ташланган. Маҳаллий кишиларнинг маълумотларига қараганда, мана шу ер ўзлаштиришларгача Соғиштепадан 700-800 м жанубда узунлиги камида 70-80 м, эни 25-30 м ва чуқурлиги 2,5-3 м бўлган тўғри тўртбурчакли ҳовузларнинг ва унинг атрофида қадимий чинорларнинг яккам-дуккам кундаларини кузатиш мумкин бўлган. Амир Темур ўзининг ҳарбий юришларидан кейин Соғаржга келиб мана шу баҳаво ҳовузлар атрофларида хордиқ чиқарганлигини тасаввур қилиш мумкин.

XVII асрда, яъни Аштархонийлар сулоласи ҳукмронлиги даврида Соғарж йирик бир воҳанинг бош шаҳри сифатида тилга олинади. Тарихчи Махмуд ибн Валининг 1640 йилда ёзилган «Баҳр ул-асрор» асарида Аштархонийлар даврида Мовароуннаҳр Бухоро, Самарқанд, Соғарж, Ўратепа, Шаҳрисабз ва Ғузор вилоятларига бўлинганлиги айтилади. Соғарж шаҳри XVIII асрнинг иккинчи 20-йилларидан, яъни бутун Мовароуннаҳрда бошланган даҳшатли очарчилик ва инкироз даврида бошлаб ўз аҳамиятини йўқота бошлаган ва ўз мавқеини қадимий Ведар шаҳрининг меросхўри бўлган Челак шаҳрига бўшатиб берган бўлса керак.

Фойдаланилган адабиётлар

- Ахунбабаев Х.Г.* Древний Кебуданджакет (к вопросу локализации, генезиса этапов развития раннефеодальных владений и средневековых рустаксов Самаркандского Согда) // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990.
- Бартольд В.В.* Хлопководство в Средней Азии. Сочинение, том II, часть 1. М., 1963.
- Бартольд В.В.* Улугбек и его время. Сочинение, том II, часть 2. М., 1964.
- Ремпель Л.И.* Об отражении образов согдийского искусства в исламе. Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.

Н.Б. Немцева

ЮЖНЫЕ ВОРОТА САМАРКАНДА

Одним из важных аспектов программы археологических исследований городища Афрасиаб является – историческая топография и связанный с ней вопрос о городских воротах древнего и средневекового Самарканда, изучение которых Институтом археологии АН РУз началось еще в 60-е годы XX в. и продолжается до сего времени Узбекско-Французской экспедицией.

Данный небольшой экскурс касается южных Кешских ворот домонгольского Самарканда, археологическое исследование которых никогда не велось, но значение которых в градостроительной структуре и жизнедеятельности города имело первостепенное значение во все времена. Особенно роль этих ворот возросла в средние века после сложения близ этих ворот на юге Самарканда главного культового и научно-образовательного центра города «Машада Кусама» - идеологической и архитектурной основы известного ансамбля Шахи-Зинда.

Южные Кешские ворота (Большие, Железные, Машада), название которых менялось во времени, известны по данным местных и арабских источников X-XII вв. Эти ворота, располагавшиеся когда-то в районе мечети Хазрети-Хызра, были важнейшим и наиболее уязвимым коммуникационным узлом города, куда подходили основные питающие водные русла (Навадон, Даргом и др.) и через которые осуществлялась основная связь шахристана с пригородом-рабадом. Не случайно одно из названий этих ворот было «Большие», через них шел груженный транспорт¹ и осуществлялись связи с внешним миром.

У южных ворот находился головной водораспределитель Джуи-Арзис, от которого вода растекалась по каналам древнего и средневекового Самарканда. Через эти ворота в середине первого тысячелетия до н.э. в город вошли иранские войска Ахеменидов, а в IV в. до н.э. — армия Александра Македонского. С конца VII в. н.э., еще до окончательного взятия Самарканда Кутейбой ибн-Муслимом, через юж-

ные ворота проникали арабы, которые основали около ворот первую мечеть Мухаммада ибн Васи с катакомбой (чилляхана, хылват?), где концентрировались «люди божьи» по данным Малой Кандии (Малая Кандийа, 1906. С. 246).

Близ этих ворот, как сообщает автор Кандийи, похоронено много мучеников за веру и возникло первое кладбище арабов Бану-Нахийя (Наджийа?). На основе этого первого кладбища сложилось действующее в наше время самое привилегированное мусульманское кладбище Самарканда у Шахи-Зинды, которому более 1300 лет.

На арабском кладбище Бану-Нахийя был похоронен двоюродный брат и сподвижник пророка Мухаммеда — Кусам ибн Аббас, погибший за веру в последней четверти VII в. (676/677 г.). А в начале XI в., три с половиной века спустя, чуть дальше на восток в его честь был установлен мемориально-поминальный комплекс с мнимой могилой — «Машад Кусама», у которого в XI-XII вв. сложился богатый некрополь Караханидов, а в XIV-XV вв. — существующий ансамбль Шахи-Зинда эпохи Тимуридов.

В XIX в. на месте первой арабской мечети Мухаммада ибн-Васи была построена мечеть Хазрет-и-Хызра, а в XXI в. местным духовенством установлена монументальная сагана с мнимой могилой Мухаммада ибн-Васи (очередной «машад»).

Близ Южных ворот со стороны рабада, чуть западнее, до сих пор действует старо-городской базар, которому более 1000 лет, а на юго-запад от ворот (по линии теперешней Ташкентской улицы) развивался Самарканд в раннее и развитое средневековье, сначала в качестве рабада, а в XIV-XV вв. в качестве столицы Амира Тимура и тимуридов.

Еще в домонгольское время (может быть много раньше) у южных Кешских ворот (напротив теперешней мечети Хазрети-Хызра) сложился существующий в наше время дорожно-магистральный узел, планировочная развилка которого вела на четыре стороны (в наше

время - на аэропорт, улицу Ташкентскую, на улицу Дагбитскую, загородную дорогу через городище в Ташкент; восточная дорога у юго-восточного подножья Афрасиаба вела к загородным садам Тимура, а с XV в. – к порталному входу в Шахи-Зинда и далее к обсерватории Улугбека.)

Этот краткий обзор показывает, как на протяжении двух с половиной тысяч лет вся сложная история Самарканда была более всего связана с южными воротами — главным коммуникационным узлом города.

Южные городские ворота при этом во все времена были наименее защищенным местом Самарканда в силу естественного понижения плато Афрасиаб. Не случайно правительственная цитадель (Акрополь) города, монументальное строительство с древности, в том числе соборная мечеть при арабах находились в противоположной, наиболее защищенной северной части Афрасиаба с крутыми внешними склонами. Северные, восточные и западные ворота города (Бухарские, Китайские, Наубехарские) извне были мало доступны в силу более высокого и крутого рельефа плато.

Бухарские ворота в середине XX в. были исследованы Г.В. Шишкиной (Шишкина, 1975. С. 23 и сл.) и другими археологами. В последнее время изучались узбекско-французской экспедицией (Рапен, Исамиддинов, 2002. С. 80-91)). Северо-восточные Китайские ворота были так высоко от подножья Афрасиаба, что извне туда вели ступени (Ибн Хаукаль), со стороны шахристана они не имели крутого спуска или подъема. Западные Наубехарские ворота размыты настолько, что точное место их локализации не улавливается в рельефе.

Южные ворота никогда археологически не изучались, в наше время от них в микрорельефе не сохранилось никаких следов, но местоположение ворот в районе мечети Хазрет Хызра по всем косвенным данным не вызывает сомнений.

В XIV в. практически на том же месте близ старых южных ворот домонгольского Самарканда, но уже в новой стене, при Тимуре установлены «Дарвоза-ий Охонин» (Железные ворота). Из этого вовсе не следует, что ворота XIV в. были железными. Название ворот Дарвоза-ий Охонин XIV в., скорее всего, традиционно унаследовано от южных ворот X в., построенных из железа при Саманидах.

По письменным данным известно, что в X в. на южных воротах города была железная плита с надписью на непонятном «химьяритском»

языке (Бартольд, 1963. С. 138; Беггер. С. 15) (не согдийском). Во время пребывания Истахри в Самарканде южные ворота при народном мятеже были разрушены и сгорели, на их месте при Саманидах построили ворота из железа (Бартольд, 1963. С. 138). Видимо, уже с этих пор южные Кешские ворота назывались также и Железными. Это следует из вакфа 1066 г., где городские ворота, около которых возведен «Машад Кусамы» и медресе Кусамийа названы Железными (Буниятов, Гасанов, 1994. С. 56), а позже подтверждается Малой Кандией. При посещении гробницы Кусамы надо войти со стороны Железных ворот сообщает источник (Малая Кандийа, 1906. С. 260).

Важность южных Кешских (Железных) ворот в системе коммуникаций средневекового Самарканда особенно возросла с XI в., после возведения главной мусульманской святыни — «Машада Кусамы» на юге города. На основе «машада» в XI–XII вв. в Самарканде возник полифункциональный религиозно-культурный и образовательный центр (включал ханифитское медресе Кусамийа) сложился некрополь караханидской знати, а в XIV–XV вв. — существующий ансамбль Шахи-Зинда эпохи Темуридов.

«Машад Кусамы» в средние века был настолько важен и популярен в жизни Самарканда, что с его появлением на юге города южные ворота стали называть воротами Машада, а древний проток (позже канал) Оби-Мугон, протекающий у юго-восточного подножья Афрасиаба с XI в. стал называться Оби-Машадом.

Эти данные общеизвестны и важны для правильного понимания местоположения «Машада Кусамы» в градостроительной структуре средневекового Самарканда, ориентации подходов к ансамблю на разных исторических этапах, которые до сих пор являются предметом заблуждений.

Связь медины Самарканда, когда город был на Афрасиабе, с «машадом Кусамы» сама собой разумеется, вопрос этот даже не ставился. Шахристан Самарканда в XI–XII вв. был еще достаточно населен, там находился административный центр города, действовала соборная мечеть, находились жилые и производственные кварталы.

«Машад Кусамы», в состав которого в XI–XII вв. входило медресе Кусамийа, возведенное в 1066 г. от имени кагана Западного Тюркского Каганата Ибрахима Тамгач Бугра-хана, богатый некрополь Караханидов (Немцева, 1979. С. 120 и сл.), являлся внутригородской

святыней, почитавшейся на государственном уровне. В Самарканде сложился типичный для средневековой Евразии полифункциональный религиозно-культурный и научно-образовательный центр. Нет сомнений, что связь населения шахристана со «святыней» на южной окраине города была хорошо налажена. Это определялось высоким идейным и политическим статусом «машада». Из шахристана к Шахи-Зинде в XI–XII вв. шли внутригородские дороги, но к нашему времени признаки их стерло кладбище (в округе Шахи-Зинды расположены три действующих кладбища – мусульманское, еврейское и корейское).

Столь же оживленной была постоянная связь с Шахи-Зиндой населения рабада и иногородних паломников через Южные ворота, которые в вакфе XI в. и в Малой Кандийи названы Железными. Через Южные ворота на заброшенном городище Афрасиаб продолжало сообщаться с Шахи-Зиндой население города и при Тимуре в XIV в. В начале XV в. в направлении к этим воротам сложился «западный коридор» — группа противостоящих мавзолеев, выстроенных вдоль канала и дороги в виде небольшого коридора (Немцева, 1964).

Этот западный путь от Южных ворот в сторону Шахи-Зинды существовал во все времена и актуален в наши дни, как единственный, через который подвозятся стройматериалы для реставрации мавзолеев ансамбля, а по руслу древнего канала проложен современный водопровод.

Только при Улугбеке, в 30-е годы XV в., впервые появился двусторонний вход в Шахи-Зинду через главный входной портал, устроенный в основании городища с выходом на загородную дорогу, которая проходила вдоль юго-восточного склона Афрасиаба.

Мусульманская святыня с мнимой могилой Кусамы ибн Аббаса при Улугбеке, как и во времена его деда Амира Тимура почиталась на государственном уровне. Об этом свидетельствуют те огромные строительные работы, которые Улугбек провел на Шахи-Зинде во времена своего правления. При Улугбеке был осуществлен большой государственный проект по благоустройству внешнего склона городища Афрасиаб, связанный с возведением обсерватории за северо-восточными пределами Самарканда на возвышенности Кухак у Оби-Рахмата.

В обсерваторию из тимуридского города вела загородная дорога вдоль юго-восточного склона Афрасиаба (по руслу бывшего древнего рва?).

Еще при Тимуре эта дорога связывала город с загородными садами, а при Улугбеке эта дорога стала особенно актуальной, по ней осуществлялась связь Самарканда с важным научным центром — обсерваторией. По этой дороге следовал царский кортеж во главе с Улугбеком, ученые астрономы и математики, обслуживающий персонал, которых ученый-правитель привлекал к работам в обсерватории. Загородная дорога вдоль внешнего юго-восточного склона городища приобрела статус «царской»

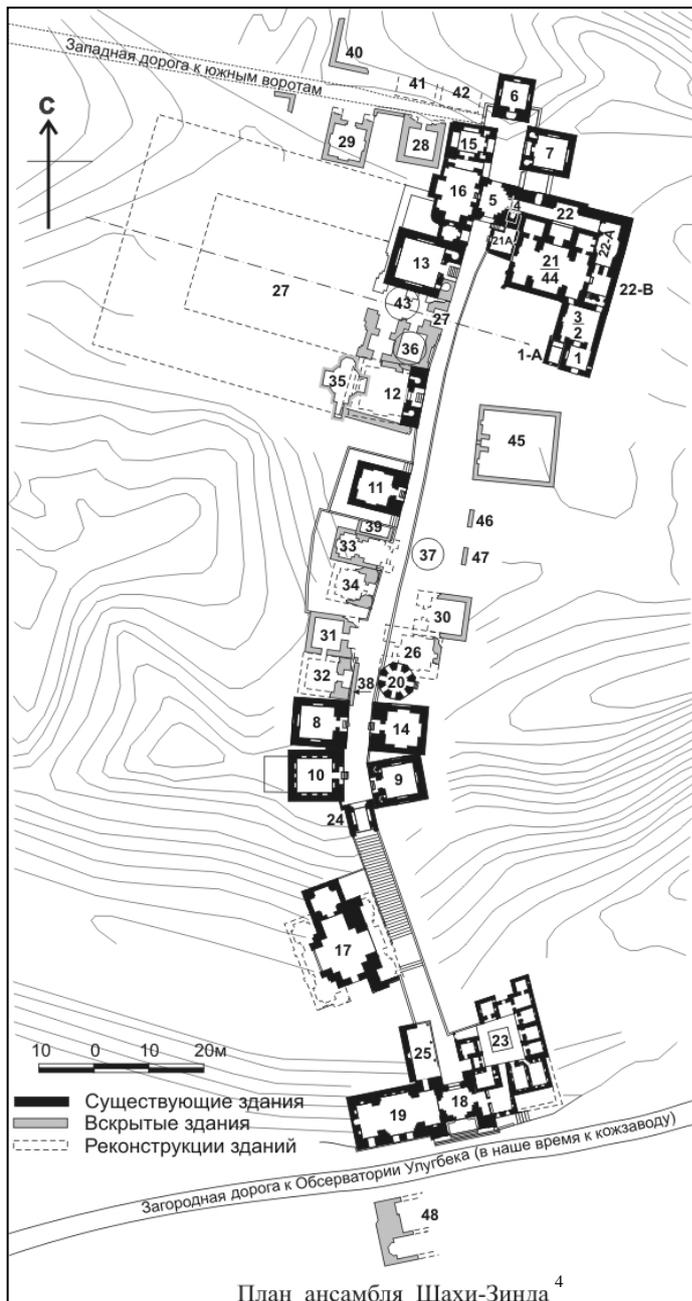
В государственную программу Улугбека входило не только возведение монументальной входной группы (портал, дарваза-хана, зимняя мечеть, какие-то помещения симметричные мечети с востока) в Шахи-Зинду с выходом на загородную дорогу, но и благоустройство всего внешнего склона. Крутой склон городища с перепадом уровней в 14–15 м от основания Афрасиаба до тимуровских гробниц XIV в. на крепостной стене был оформлен тремя террасами со ступенчатыми переходами (Булатова, 1965). Это решало проблему торжественного зийарата царской свиты к святыне.

Входная группа, кроме портала, включала просторную дарвазахану с четырьмя сквозными арками по сторонам и зимнюю мечеть слева, выстроенных при Улугбеке от имени его малолетнего сына Абдал-Азиса в 1434/35 г. Напротив портала была установлена баня для зимних омовений, раскопанная в 2004 г. (Насреддинов, 2006. С. 172 и сл.).

На нижней террасе был выстроен самый презентабельный в Шахи-Зинде двухкупольный мавзолей «Матери Султана». В XVIII–XIX вв. террасы заменила существующая одномаршевая лестница в 32 ступени, несколько раз переложенная в XX–XXI вв.

Входная группа с порталом на оси при Улугбеке стала официальным входом в Шахи-Зинду, служила, главным образом, для представителей царского двора и элиты общества. Для простого люда по-прежнему в XIV–XV вв. (как и позже) была самой доступной и короткой старая западная дорога из города через бывшие южные Кешские—Железные ворота. Территория перед порталом Улугбека никогда не была заселена.

Отсутствие рабада перед порталом XV в. — один из ключевых вопросов исторической топографии в округе Шахи-Зинды, который вызвал на первом этапе изучения памятника путаницу в ориентации ансамбля и ошибочные представления о истории его сложения. Argiöri,

1. Гурхана мавзолея Кусам ибн Аббаса, X в.
2. Чилляхана, XI в.
3. Зиаратхана мавзолея Кусам ибн Аббаса, XI-XIV вв.
4. Минарет комплекса Кусам ибн Аббаса, XI в.
5. Третий проходной чартак, XIV в.
6. Мавзолей Ходжа Ахмада, середина XIV в.
7. Мавзолей 1360/61 г.
8. Мавзолей Шади Мульк-ака (Туркан-ака), 1372 г.
9. Мавзолей Туглу-Текин (Эмира Хусейна), 1376 г.
10. Мавзолей Эмир-заде, 1386г.
11. Мавзолей работы Усто Алим Несефи (Безымянный -1), 80-е гг. XIV в.
12. Мавзолей «Безымянный-2», 90-е гг. XIV в.
13. Мавзолей Эмира Бурундука, 90-е гг. XIV в.
14. Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86г.
15. Мавзолей Туман-ака, 1405/06 г.
16. Мечеть Туман-ака, 1405/06 г.
17. Мавзолей «Матери Султана», первая треть XV в.
18. Входной портал и дарваза-хана, 1434/1435 г.
19. Зимняя мечеть XV в. слева от входного портала Улугбека (1434/35)
20. Мавзолей «Восьмигранник», XV в.
21. Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса, середина XV в.
22. Северо-восточный обводной коридор в комплексе Кусам ибн Аббаса, XI-XIX вв.
23. Медресе Давлета Кушбеги, начало XIX века.
24. Лестница и второй проходной чартак, XVIII-XX вв.
25. Летняя мечеть, начало XIX века.
26. Склеп и остатки мавзолея 80-х годов XIV в. (раскопки 60-х г. XX в.)
27. Медресе Кусамийа, 1066г. (раскопки 60- 90-х гг. XX в.).
28. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «Западный коридор» (раскопки 60-х г. XX в.).
29. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «Западный коридор» (раскопки 60-х г. XX в.).
30. Склеп и основание мавзолея 80-х годов XIV в. (раскопки 60-х г. XX в.).
31. Склеп и основание мавзолея с порталом, XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).

32. Остатки порталной ниши мавзолея, XIV в. (раскопки 60-х г. XX в.).
33. Мавзолей с айваном, начало XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
34. Остатки порталной ниши и двухкамерного склепа, XIV в. (раскопки 60-х г. XX в.).
35. Крестовидный склеп XV в. за мавзолеем «Безымянный -2» (раскопки 60-х гг. XX в.).
36. Склеп мавзолея XVI в. на руинах медресе XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
37. Завал декора XI в (раскопки 60-х гг. XX в.).
38. Основание стены и завал резной неполивной терракоты XII в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
39. Остатки стен XI-XII вв. (раскопки 60-х гг. XX в.).
40. Фрагмент стены мавзолея начала XV в., «Западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. -2004 год).
41. Остатки сводчатого склепа мавзолея начала XV в., «Западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. -2004 г.)
42. Основание склепа с куполом «балхи» мавзолея начала XV в., «Западный коридор» (раскопки 60-х г. XX в. -2004 г.).
43. Склеп с куполом «балхи» мавзолея XVI-XVII вв. на территории входного айвана медресе Кусамийа XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
44. Мечеть XI в. «машада Кусам», вскрытая под мечетью XV в. в комплексе Кусам ибн Аббаса. (раскопки 60-90-х гг. XX в.).
45. Гробница Лачин-бека XI в. (раскопки 2004 г.).
46. Фрагмент стены XI-XII вв. (раскопки 2004 г.).
47. Фрагмент стены XI-XII вв. (раскопки 2004 г.).
48. Зимняя баня для ритуальных омовений 30-х годов XV в. (раскопки 2004 г.).

до больших археологических работ в Шахи-Зинде в 60–70-е годы XX в., в начале 50-х витало представление, что Улугбековский портал XV в. выходил в рабад. В начале исследований вопрос о границах рабада не ставился, был расхожим штамп – портал XV в. был обращен к рабаду. Первые археологические работы были ориентированы на эту априорную идею и фактический материал интерпретировался в соответствии с ней.

Возникла даже версия о воротах в крепостной стене на оси ансамбля Шахи-Зинда для населения рабада². При последующих исследованиях эта версия отпала, как и многие другие, которые появлялись и исчезали с получением новых археологических данных. Шел естественный процесс изучения стратиграфически сложного многовекового памятника.

Рабочая гипотеза о «воротах» в крепостной стене Афрасиаба на оси ансамбля Шахи-Зинда, которые якобы связывали «машад Кусам» с рабадом, появилась при первых археологических исследованиях ансамбля Шахи-Зинда в начале 50-х годов. На этом этапе изучения Шахи-Зинды была популярная и другая идея. Из одной публикации в другую (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, Б.Н. Засыпкин, В.А. Булатова (Булатова, 1965. С. 257-258)) как штамп кочевало утверждение, что монголы якобы разрушили крепостную стену и Шахи-Зинду XI–XII вв. при взятии города. В историографии того периода многое приписывалось монгольскому нашествию. Вне внимания при этом оставались письменные данные Ибн Баттуты (30-е годы XIV в.), сообщающие о том, что монголы не только не тронули Шахи-Зинду, но севверные завоеватели почитали мусульманскую святыню и приносили туда дирхемы, динары и коров (Путешествия Ибн Баттуты, С. 278).

Путь изучения Шахи-Зинды был длительным и трудоемким, раскопки на тесно застроенном и действующем памятнике ограничивались небольшими шурфами, артефакты собирались годами по крупицам, долго не было общей картины сложения ансамбля Караханидов и последующего — тимуро-тимуридского некрополя. Только к 70-м годам XX в., после систематических археологических работ, выстроилась общая картина этапов сложения Шахи-Зинды и стратиграфии юга Афрасиаба (Немцева, 1972).

Многолетние исследования городища Афрасиаб в районе Шахи-Зинды в 60-70-е годы показали, что рабада перед порталом XV в. никогда не было, крайние его границы в северо-

восточной части находились чуть ниже современной дорожной развилки у мечети Хазрети-Хызр. Напротив портала XV в. во все времена был пустырь, который зафиксирован топосъемкой Афрасиаба и его окружи на карте 1895–97 гг., выполненной военным ведомством Российской Империи. Дорога перед порталом XV в. всегда была загородной, как и в наше время.

Версия о рабаде перед порталом XV в. окончательно отпала после земляных работ в 2004 г. Перед порталом для организации автостоянки бульдозером вскрывался чистый материк. Было установлено, что территория перед порталом никогда не обживалась. До реконструкции 2004 г. напротив портала можно было видеть остатки ступеней на верхнюю площадку лесопарка, а на его территории оплывы хауза, зафиксированного на карте 1897 г. Возможно, это также следы благоустройства при Улугбеке (?).

Даже в советское время напротив портала XV в. был пустырь, на заднем плане которого появились типовые четырехэтажки, а на загородной дороге юго-восточнее Шахи-Зинды на водах Оби-Машада был выстроен кожзавод.

В недавней краткой публикации А. Атаходжаева, реанимируется давно устаревшая версия о городских воротах на оси Шахи-Зинды с названием Новые (Атаходжаев, 2007. С. 267–270). Название «Новые ворота» взяты из неверного перевода вакфа XI в. французским востоковедом М. Хадром, где южные ворота из-за отсутствия диакритики в списке ошибочно названы Новыми (Баб аль Джадид (Khadr. P. 330–333)). Это же слово другими востоковедами читается «Баб аль Хадид» - Железные (А.А. Семенов, Дж. Буниятов, Т. Гасанов, О.Д. Чехович). Идея же ворот взята из устаревшей рабочей гипотезы начала 50-х годов (Булатова, 1970. С. 194 и сл.). Никаких новых данных для доказательства ворот при работах 2004 г. получено не было.

Надо сказать, что на первом этапе изучения Афрасиаба была путаница с названием ворот, восходящая еще к X в. Арабские географы X в. при описании ворот Самарканда, перечисляя Китайские, Наубехарские, Бухарские и Кешские (южные), Железных ворот не упоминают (Истахри, 316; Хаукаль, 493; Мукаддаси, 278). Только Ибн-Факих, автор начала X в. ошибочно Наубехарские ворота Самарканда назвал Железными. Ошибка Ибн Факиха (Наубехарские — Железные), была повторена В.В. Бартольдом, затем В.Л. Вяткиным³ и уже в середине XX в. явилась причиной неправильной лока-

лизации медресе Кусамийа у Наубехарских ворот О.Г. Большаковым (Большаков, С. 172; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1978. С. 229), видимо, по ассоциации Нау – Новые.

В последующих переводах вакфа XI в. Дж. Буниятовым, Т.Б. Гасановым (Буниятов, Гасанов, 1994. С. 48-62), а еще раньше А.А. Семеновым, южные ворота правильно названы Железными (Семенов, 1951. С. 26). Этот сюжет с путаным названием самаркандских ворот уже более тридцати с лишним лет подробно рассмотрен в моей публикации (Немцева, вып. III. С. 128–129, прим. 41) и в критическом замечании Е. А. Давидович (Давидович, 1978. С. 114).

Никаких данных о воротах в крепостной стене на оси Шахи-Зинда после работ 2004 г. не появилось (Атаходжаев, 2006. С. 40–46), и представление, что подход к Шахи-Зинде с юго-востока был наиболее удобным в XI в. для населения Самарканда (Атаходжаев, 2007. С. 268–270), не соответствует действительности.

Как известно, «Машад Кусамы» XI в., являясь внутригородской «святыней». Населению шахристана (Афрасиаб) не было нужды в «Новых воротах». Это была городская «святыня», которая функционировала с начала XI в. до монгольского нашествия в 20-е годы XIII в. на территории «живого» города. Придуманные «Новые ворота» для населения домонгольского Самарканда бессмысленны. Горожанам пришлось бы выйти из медины через Кешские южные ворота, обогнуть крепостную стену со рвом (если ров еще сохранялся?) снаружи, прошагав примерно полкилометра на восток по загородной дороге и подняться на крутой склон городища с юго-востока (ни террас XV в., ни одномаршевой лестницы ХУШ-Х1Х вв., как известно, еще не существовало), чтобы войти в Шахи-Зинду через мифические «Новые ворота».

Что касается населения рабата, то оно направлялось к «святыне» со стороны южных Железных ворот, как сказано в Малой Кандийи (Малая Кандийа, 1906. С. 260) и в вакфе XI в. (в чтении АА. Семенова, Дж. Буниятова и Т.Гасанова, О.Д. Чехович), а не через придуманные «Новые ворота» К ним надо было бы также проделать кружной путь по загородной дороге и подняться по крутому склону к воротам на крепостной стене. «Новые ворота» в крепостной стене Афрасиаба на оси Шахи-Зинды и для населения пригорода Самарканда были также бессмысленны.

«Пандус» в основании теперешней одно-

маршевой лестницы, который автор «Новых ворот» приводит, как аргумент, является обыкновенной земляной насыпью с неоднородной массой под существующую лестницу (в ХУ в. насыпь была необходима для организации террас) без которой лестница повисла бы в воздухе. Эта насыпь была исследована в середине XX в. при перекладке лестницы (Немцева, Шваб. С.140).

Заклучая, должна задать главный вопрос — зачем и кому были нужны ворота в крепостной стене города на оси Шахи-Зинды в X в. (по датировке автора «Новых ворот»), и куда делись придуманные «Новые ворота» в XIV–XV вв.?

Остался, к сожалению, на уровне предположений важный вопрос о дороге-улице IX–X вв., мощеной чупанатинским сланцем, которая явилась основой планировочной композиции ансамбля Шахи-Зинда и связана с проблемой ворот на оси Шахи-Зинды.

В 60-е годы XX в. под современной вымосткой коридора Шахи-Зинды (60–80 см) в двух местах (у мавзолея Безымянный-2 и перед порталом мавзолея Шади-Мульк-ака (Немцева, 1979. С. 158-59)) обнаружена каменная отмостка улицы периода обживания юга городища в IX–X вв. Эта же вымостка в 2004 г. вторично была расчищена напротив мавзолея Безымянный-2, но уже на всю ширину в 5,5 м. Самый близкий к городской стене участок ее зафиксирован у портала мавзолея Шади-Мульк-ака. Куда вела мощеная улица, как она была связана (или не связана?) с крепостной стеной города, к сожалению, осталось неясным, в 2004 г. при больших земляных работах в Шахи-Зинде была упущена возможность это установить.

Обнаруженная под коридором Шахи-Зинды мощеная камнем дорога-улица, упомянутая в вакфе XI в. вполне могла быть тупиковой. В градостроительной практике средневековой Средней Азии тупики в планировке улиц частое явление, как это следует из письменных данных (такие тупики даже запирались на ночь (Воронина, 1959. С. 104)). В наше время тупиковые улицы наблюдаются в сохранившихся старо-городских частях Самарканда, Ташкента, Бухары и др. городов. Однако вопрос о связи мощеной улицы IX–X вв., подстилающей ансамбль Шахи-Зинда с крепостной стеной города на юге домонгольского Самарканда окончательно может быть решен только путем возможных археологических исследований в будущем.

Примечания

¹ По мнению М. Исамиддинова (Ширинов, Исамиддинов, 2007. С. 109), в седловине крепостной стены Афрасиаба, восточнее Шахи-Зинды могли быть ворота для груженого транспорта, что маловероятно, судя по крутому внешнему абрису восточной стороны городища.

² Небольшой фрагмент стенки из типично караханидского кирпича прямоугольного формата, характерного для Самарканда XI–XII вв., вскрытой между мавзолеями Ширинбек-ака и Туглу-Текин, был принят за фрагмент городских ворот в крепостной стене (Булатова, 1965. С. 270)

³ Вопрос о воротах рассмотрен в статье (Немцева. С. 128–129, пр. 41)

⁴ Принятая в книге система обозначений основана на хронологическом принципе, но с различным подходом к памятникам существующим и постройкам, вскрытых в процессе археологических работ: первые обозначены в порядке их строительства, вторые обозначены в порядке их обнаружения и введения в научный оборот. Многослойные памятники обозначены двумя цифрами: первая указывает более раннюю постройку, вторая – более позднюю.

Использованная литература

- Атаходжаев А.* К исторической топографии домонгольского Самарканда // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Атаходжаев А.* Работы Шахи-зиндинского отряда в 2004 г. // Археологические исследования в Узбекистане — 2004–2005 годы. Вып. 5. Ташкент, 2006.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии // Древность и средневековые народы Средней Азии (История и культура). М., 1978.
- Бетгер Е.К.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абуль Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. IV. Новая серия. В. CXI, Ташкент.
- Большаков О.Г.* Два вакфа...
- Булатова В.А.* Истории сложения ансамбля Шахи-Зинда в XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965.
- Булатова В.А., Ноткин И.И.* Мавзолей Туглу-текин (Эмира Хусейна) // Зодчество Узбекистана. Вып.2. Ташкент, 1970.
- Бунятов Дж.З., Гасанов Т.Б.* Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.
- Воронина В.Л.* Средневековый город Средней Азии // СА. № 1. М., 1959.
- Давидович Е.А.* Дискуссионные вопросы / А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии // Древность и средневековые народы Средней Азии (История и культура). М., 1978.
- Исамиддинов М.Х.* Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Истахри*, BGA., 1. 316; Хаукаль, BGA, 11, 493; Мукаддаси, BGA, III, 278 (Перевод с арабского из BGA сделан О.Д. Чехович).
- Малая Кандийа* (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО, вып. 7. Самарканд, 1906.
- Насреддинов Ш.Н.* Баня XV в. у ансамбля Шахи-Зинда // Археологические исследования в Узбекистане 2004–2005 гг. Ташкент, 2006.
- Немцева Н.Б.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI–XII вв. // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1979.
- Немцева Н.Б.* Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ. Вып.5. Ташкент, 1964.
- Немцева Н.Б.* Медресе Тамгач Богра-хана... // Афрасиаб. Вып. III.
- Немцева Н.Б.* Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1972.
- Немцева Н.Б., Шваб Ю.З.* Ансамбль Шахи-Зинда.
- Путешествия Ибн Батутты.* С. 278.
- Семенов А.А.* К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды САГУ. Вып. XXII. Ташкент, 1951.
- Ширинов Т.Ш., Исамиддинов М.Х.* Археология древнего Самарканда. Самарканд-Ташкент, 2007.
- Шишкина Г.В.* Бухарские ворота средневекового Самарканда // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
- Khadr M.* Deux actes de wafj d'un Qarahanide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen // Journal Asiatique, t. CCLV, Paris, 1967.

А.Э. Бердимуратов, А.Х. Атаходжаев, С. Мантелини

КАФИРКАЛИНСКИЙ КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ 2-ОЙ ПОЛ. VII - НАЧ. IX В.

Приобретенная Узбекистаном Независимость сыграла огромную положительную роль в развитии археологической науки в Республике. Благодаря Независимости, узбекские археологи имеют возможность работать совместно с зарубежными коллегами. На базе Института археологии АН РУз были созданы несколько совместных международных экспедиций.

Одна из них - Узбекистано-Итальянская, базовым объектом которой стало городище Кафиркала - начала исследовать археологические памятники Самаркандской области, .

Городище Кафиркала расположено на левом берегу древнего канала Даргом в Самаркандском районе Самаркандской области. Памятник состоит из трех частей: цитадели, шахристана и рабада. Он занимает площадь около 16 га и окружен крепостным валом.

Цитадель находится в восточной части городища (70x72 м) и возвышается над окружающей местностью почти на 20 м (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 12).

На цитадели Кафиркала впервые начаты раскопки отрядом Института археологии АН РУз под руководством А. Бердимуратова в 1990 г. В 1990-1992 гг. была раскопана единст-

венная угловая башня цитадели, расположенная в ее северо-западном углу, где и был обнаружен единственный вход в цитадель.

Раскопки на цитадели Кафиркала были возобновлены Узбекистано-Итальянской экспедиций в 2001 г.¹ В ходе проводимых исследований на полу вестибюля было обнаружено около 300 булл позднеантичного и раннесредневекового времени (Бердимуратов, Менги, Самибаев, 2003. С. 45-48; Бердимуратов, 2010. С. 156-162).

В ходе археологического сезона 2006 г. На этом городище был обнаружен клад серебряных куфических монет в количестве 132 единиц. Значение нумизматических данных, как уже давно стало общеизвестно и общепринято, неоспоримо, так как этот источник часто позволяет на документальной основе раскрыть различные аспекты истории. Но, если отдельную монету можно сравнить с отдельным листом книги, то клад монет, в своей совокупности, представляет собой целую книгу, изучение которой дает возможность глубже понять и лучше разобраться в исторических событиях и процессах прошлого. Каждый новый клад – новая летопись событий и поэтому научный

Таблица 1. Династийно-географическая статистика кафиркалинского клада

Регион	Монетный двор	Сасаниды	Умайады	Аббасиды	Всего
Сирия	Димашк		1		1
Ирак	аль-Басра			4	4
	Васит		1		1
	аль-Куфа			1	1
	Мадинат ас-Салам			23	23
Джибал	Мадинат Джайй			1	1
	Мухаммадиййа			39	39
	Таймура		1		1
Джурджан	Мадинат Джурджан			1	1
Кирман	Кирман			1	1
Сиджистан	Мадинат Зарандж	2		15	17
Хорасан	Мадинат Балх			35	35
	Мадинат Марв			2	2
Мавараннахр	Мадинат аш-Шаш			4	4
	Ма'дан Шаш			1	1
Итого:					132

доступ к новому кладовому комплексу ведет к дальнейшим достижениям в изучении истории.

Монеты были обнаружены внутри пахсовой суфы, тянущейся вдоль южной и западной стен центрального двора цитадели. Они составляли компактную группу, «спаянные» окислами в виде цилиндра, следов текстильной упаковки не выявлено, что наводит на мысль, что в роли последней могла быть использована бумага. Для изучения и хранения кладовый комплекс был доставлен в Институт археологии АН РУз.

Он состоял из 2 сасанидских драхм, 3 умайядских и 127 аббасидских дирхамов. Хронологический состав клада указывает на то, что он не являлся долговременно складывавшимся сокровищем, а был, по всей видимости, внезапно изъят из активного денежного обращения. Монеты отчеканены между 25 г.х./645-6 гг. и 190 г.х./805-6 гг. и большая часть монет произведена во второй половине VIII в.

В кладе широко представлена монетная продукция таких географических провинций, как Ирак, Джибаль, Сиджистан, Хорасан, отдельные экземпляры отчеканены в Дамаске, Кирмане, Джурджане, Шаше.

Представленное в статье описание клада организовано по династийно-хронологическому принципу; генеалогическая хронология умайядских и аббасидских халифов организована в соответствии с новейшими сведениями (Bosworth, 1996. P. 3-10).

Состав клада²

САСАНИДЫ:

Хосров IV (631-637 гг.)

1. Драхма Šd/g (?), Год 25, 1,9; 25 мм (рис. 1)

Йездегерд III

2. Драхма, монограмма Šd/g (?). Год 25
Фрагмент; 27 мм (рис. 2)

УМАЙАДЫ:

Абу ал-Валид ‘Абд ал-Малик б. Марван I (65-86 г.х.)

3. Димашк 79 (698-9). 2,3; 25 мм; край обломлен. Тизенгаузен, с. 34, no. 276; Walker, 352. (рис. 3).

Абу Аййуб Сулайман б. ‘Абд ал-Малик (96-99

Рис. 2

г.х.)

4. ат-Таймурра 96 (714-15). 2,45; 25 мм. Тизенгаузен, с. 45, no. 441; Zambaur, 94. (рис. 4).

Абу ал-Валид Хишам б. ‘Абд ал-Малик (105-125 г.х.)

5. Васит 120 (737-8). 2,7; 27/29 мм. Frahn, p. 33, no. 10; Тизенгаузен, с. 58, no. 601. (рис. 5)

‘АББАСИДЫ:

Абдаллах б. Мухаммад ал-Имам Абу Джафар Ал-Мансур (136-158 г.х.)

6. Басра 140 (757-8). 2,9; 25 мм. Тизенгаузен, с. 69, no. 708.

7. Басра 144 (761-2). 2,7; 26 мм. Обратная сторона, в поле س

Тизенгаузен, с.73, no. 730. (рис. 6)

8. Басра 145 (762-3). 2,55; 26 мм; обломлен.

Оборотная сторона, в поле س

и два кольца. Тизенгаузен, с.73, no. 739.

9. Басра 146 (762-3). 2,55; 23 мм. Обратная сторона: кольцо внизу. Tornberg, p. 16, no. 29; p.74, no. 749.

10. ал-Куфа 143 (760-1).

11. ал-Мухаммадийя 151 (768). 2,8; 26 мм.

12. То же. 2,85; 25 мм.

13. ал-Мухаммадийя 154 (770-71). 2,8; 26 мм.

14. ал-Мухаммадийя 155 (771-72). 2,65; 27 мм.

15. ал-Мухаммадийя 160 (776-77). 2,7; 25 мм.

16. ал-Мухаммадийя 161 (777-78). 2,85; 25 мм.

17. ал-Мухаммадийя 163 (779-80). 2,4; 25 мм.

18. ал-Мухаммадийя 167 (783-84). 2,8; 24 мм.

19. ал-Мухаммадийя 168 (784-85). 2,8; 24 мм.

Мухаммад б. ал-Мансур Абу Абдаллах Ал-Махди (158-169 г.х.)

20. Кирман 166 (). 2,9; 24 мм. (рис. 7)

Рис. 1

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 6

Рис. 5

Рис. 7

21. Мадинат ас-Салам 151 (768). Фрагмент
 22. То же. 2,3; 25 мм.
 23. Мадинат ас-Салам 153 (770). 2,6; 25 мм.
 24. То же. 2,4; 23 мм.
 25. Мадинат ас-Салам 154 (770-71). 2,6; 26 мм.
 26. Мадинат ас-Салам 155 (771-72). 2,58; 25 мм.
 27. То же. 2,77; 25 мм.
 28. То же. 2,9; 25 мм.
 29. То же. Фрагментирован; 25 мм.
 30. Мадинат ас-Салам 157 (). 2,9; 26 мм.
 31. То же. 2,7; 26 мм.
 32. Мадинат ас-Салам 158 (774-75). 2,6; 25 мм.
 33. То же. Фрагментирован; 25 мм.
 34. Мадинат ас-Салам 160 (776-77). 2,7; 26 мм.
 35. То же. 2,7; 25 мм.
 36. То же. 2,4; 25 мм.
 37. Мадинат ас-Салам 161 (777-78). 2,6; 25 мм.
 38. Мадинат ас-Салам 162 (778-79). 2,8; 24 мм.

39. То же. 2,4; 23 мм.
 40. Мадинат ас-Салам 163 (779-80). 2,55; 23 мм.
 41. Мадинат ас-Салам 164 (780-81). 2,5; 23 мм.
 42. Мадинат ас-Салам 165 (781-82). 2,65; 24 мм.
 43. Мадинат Джайй 162 (778-79). 2,75; 24 мм. (рис. 8).
 Муса б. ал-Махди Абу Мухаммад Ал-Хади (169-170 г.х.)
 44. Мадинат ас-Салам 179 (795-96). 2,6; 25 мм.
 45. ал-Мухаммадиййа 170 (786-87). 2,5; 24 мм.
 46. То же. 2,8; 24 мм.
 47. То же. 2,6; 24 мм.
 Харун б. ал-Махди, Абу Джафар ар-Рашид (170-193 г.х.)
 48. ал-Мухаммадиййа 172 (788-89). 3,82; 24 мм.
 49. ал-Мухаммадиййа 175 (791-792). 2,7; 25 мм.
 50. ал-Мухаммадиййа 177 (793-94). 2,6; 23 мм.
 51. ал-Мухаммадиййа 180 (796-97). 2,8; 25 мм.
 52. То же. 2,7; 25 мм.

Рис. 8

Рис. 10

Рис. 9

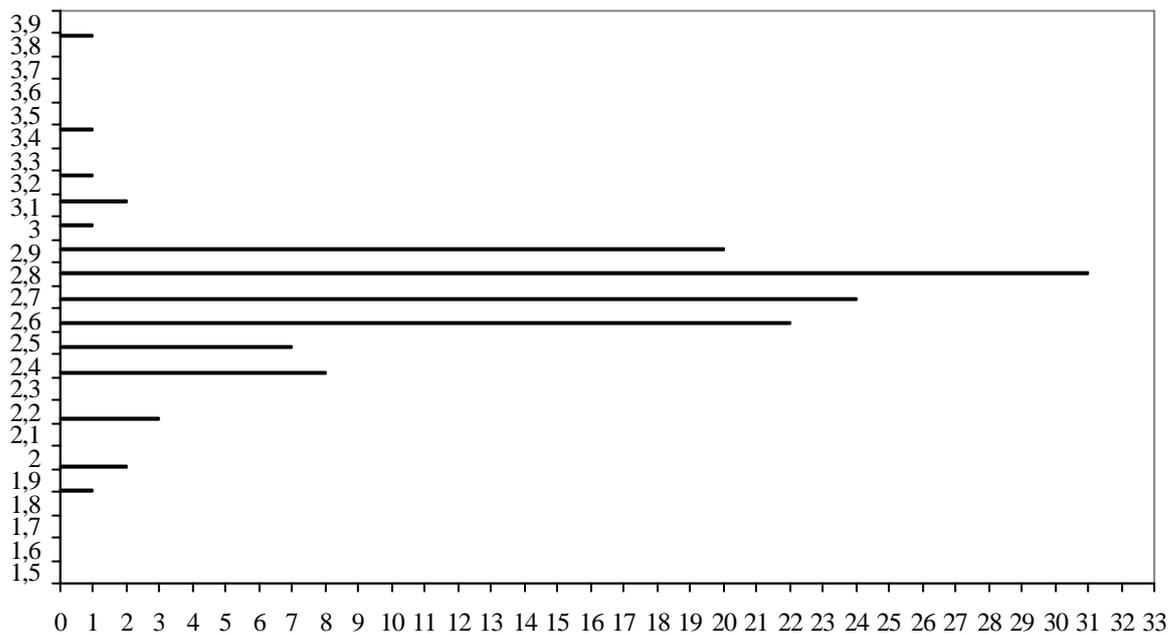

Рис. 11

53. То же. 2,7; 25 мм.
 54. ал-Мухаммадиййа 181 (797-98). 2,6; 25 мм.
 55. То же. 2,7; 25 мм.
 56. ал-Мухаммадиййа 182 (798-99). 2,7; 26 мм.
 57. То же. 1,9; 25 мм.
 58. То же. 2,9; 25 мм.
 59. То же. 2,7; 24 мм.
 60. То же. 2,9; 25 мм.
 61. То же. 2,7; 24 мм.
 62. То же. 2,8; 25 мм.
 63. ал-Мухаммадиййа 183 (799-800). 2,4; 27 мм. (рис. 9).
 64. То же. 2,6; 25 мм.
 65. То же. 2,9; 24 мм.
 66. То же. 2,75; 24 мм.
 67. То же. 2,47; 26 мм.
 68. То же. 2,3; 26 мм.
 69. ал-Мухаммадиййа 185 (801). 2,5; 25 мм.
 70. ал-Мухаммадиййа 186 (802). 3,15; 26 мм.
 71. То же. 3,35; 27 мм.
 72. То же. 2,7; 25 мм.
 73. Мадинаат Джурджан 187 (802-03). 2,8; 25 мм. Тизенгаузен, 1873, №1417.
 74. Мадинаат Зарандж 178 (794-95). 2,7; 24 мм.
 75. Мадинаат Зарандж 179 (795-96). 2,7; 25 мм.
 76. То же. 2,6; 26 мм.
 77. Мадинаат Зарандж 180 (796-97). 3,0; 25 мм.
 78. Мадинаат Зарандж 181 (797-98). 2,6; 25 мм.
 79. Мадинаат Зарандж 182 (798-99). 2,8; 26 мм.
 80. Мадинаат Зарандж 183 (799-800). 2,9; 27 мм.
 81. Мадинаат Зарандж 184 (800). 2,75; 27 мм.
 82. То же. 2,9; 25 мм.
 83. Мадинаат Зарандж 186 (802). 2,6; 26 мм.
 84. Мадинаат Зарандж 187 (802-803). фрагмент; 25 мм. (рис. 10).
 85. То же. 2,8; 25 мм.
 86. То же. 2,65; 27 мм.
 87. То же. 2,67; 26 мм.
 88. То же. 2,7; 27 мм.
 89. Мадинаат Балх 182 (798-99). 2,5; 24 мм.
 90. Мадинаат Балх 184 (800). 2,8; 26 мм.
 91. То же. 2,6; 25 мм.
 92. То же. 2,65; 24 мм.
 93. Мадинаат Балх 185 (801). 2,8; 23 мм.
 94. То же. 2,6; 24 мм.
 95. То же. 2,9; 25 мм.
 96. То же. 2,75; 24 мм.
 97. Мадинаат Балх 186 (802). 2,9; 24 мм.
 98. То же. 2,5; 25 мм.
 99. То же. 2,8; 25 мм.
 100. То же. 2,4; 24 мм.
 101. То же. 2,6; 25 мм.
 102. То же. 2,6; 25 мм.
 103. То же. 3,1; 25 мм.
 104. Мадинаат Балх 187 (802-03). 2,8; 25 мм.
 105. То же. 2,4; 25 мм.
 106. Мадинаат Балх 188 (803-04). 2,5; 23 мм.
 107. То же. 2,6; 25 мм.
 108. То же. 2,8; 25 мм.
 109. То же. 2,82; 23 мм.
 110. То же. 2,9; 25 мм.
 111. Мадинаат Балх 189 (804-05). 2,7; 25 мм.
 112. То же. 2,8; 25 мм.
 113. То же. 2,8; 27 мм.
 114. То же. 2,5; 26 мм.
 115. То же. 2,5; 25 мм.
 116. То же. 2,85; 26 мм.
 117. То же. 2,4; 26 мм.
 118. То же. 2,8; 26 мм.
 119. То же. 2,6; 27 мм.
 120. То же. 2,65; 25 мм.
 121. То же. 2,75; 27 мм.
 122. То же. 2,9; 25 мм.
 123. То же. 2,5; 27 мм.
 124. То же. 2,77; 27 мм.
 125. Мадинаат Марв 185 (801). 2,6; 25 мм.
 126. То же. 2,8; 26 мм.
 127. Мадинаат аш-Шаш 189 (804-05). 2,3; 26 мм.
 128. Мадинаат аш-Шаш 190 (805-06). 3,1; 25 мм.
 129. Ма'дан аш-Шаш 189 (804-05). 2,6; 25 мм. (рис. 11).
 130. То же. 2,75; 26 мм.
 131. Ма'дан аш-Шаш 190 (805-06). 2,7; 25 мм.
 132. Монетный двор -?. 2,7; 26 мм.

В нумизматическом плане данный комплекс представляет определенный интерес в плане анализа обращения куфического серебра на рубеже VIII–IX вв. По своему составу он близок к кладу, обнаруженному при сооружении Чиракчинского водохранилища (Алимов, 1990. С. 79-82). В упомянутом кладе доля дирхемов, произведенных в Мавераннахре несравнима с продукцией Джибала, Ирака и, частично, Хорасана. Следовательно, можно констатировать, что в данный период времени денежная масса в Мавераннахре обеспечивалась за счет привоза серебряных монет из центральных областей Халифата, что, по-видимому, находит отражение в малой вовлеченности Мавераннахра в экономику халифата. Ситуация меняется в первом десятилетии IX в. после прихода к власти нового халифа ал-Мамуна, при котором, как известно, происходит смена акцентов в администрировании восточных областей халифата и начинается их активное вовлечение в хозяйственную сферу. К середине этого столетия ситуация изменяется в пользу доминирования в серебряных кладах, найденных в Узбекистане и в Средней Азии в целом мавераннахрской

Таблица 2. Гистограмма веса монет Кафир-калинского клада

чеканки (Кочнев, 1996. С. 65-66).

Более интересен данный клад с исторической точки зрения. Как мы видим по составу монет, традиционного для халифатской чеканки в это время, окончательное сложение комплекса приходится на конец 80-х и начало 90-х гг. второго века хиджры. В этом плане уместно связать факт его выпадения из денежного обращения с началом определенных активных политических событий, начавшихся в Мавераннахре. Здесь мы имеем в виду т.н. восстание Рафи б. Лайса в 190 г.х. / 805-06 г., начатое в Самарканде и охватившее многие области Мавераннахра и подавленное военными усилиями центральной власти лишь в 194 г.х./809-10 г. (Табаті vol. 3, ed. M.J. de Goeje, Leiden, 1879-1880; Бартольд, 1963. С. 258-259). Учитывая тот факт, что наиболее поздние монеты клада произведены в годы, непосредственно предшествующие этим политическим коллизиям, можно допустить, что и верхние археологические слои Кафиркалы относятся к этому времени и, возможно, разрушение этого административного центра непосредственно связано с восстанием Рафи.

Здесь уместно сказать о назначении городища Кафиркалы. Арабские географы ал-Мукад-

даси и Ибн Хаукаль писали о том, что в рустаке Маймург есть известное место под названием Ривдад, которое было местом пребывания самаркандских правителей – ихшидов, т.е. загородная резиденция правителей (Бетгер, 1957. С. 16-18). Большинство ученых Ривдад отождествляют с памятником Тали Барзу, расположенном на правом берегу Даргома (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 226-229). Но результаты раскопок на Кафиркале и анализ письменных источников даёт основание полагать, что городище Кафиркалы и есть древний Ривдад (Berdimurodov, Gazzoli, Cereti, Mantellini, 2005. P. 107-164; Grenet, 2010. P. 271-273).

Когда пламя восстания Рафи б. Лайса охватило Самарканд, конечно же, загородная резиденция Самаркандских правителей Ривдад (Кафиркалы) тоже не могла остаться в стороне. После подавления восстания в 810 г. Ривдад (Кафиркалы) был разрушен.

Подводя итог, подчеркнем, что клад с Кафиркалы – новый ценный исторический документ, позволяющий развить вопросы изучения средневековой экономики и социально-политической истории Узбекистана в эпоху средневековья.

Примечания

¹ Работы на этом археологическом памятнике проводятся под совместным руководством к.и.н. А.Э. Бердимуродова (Институт археологии АН РУз) и д-ра Симоне Мантелини (Болонский Университет).

² Монеты данного кладового комплекса широко известны по основным публикациям куфического серебра и в этой связи в виде ссылки на конкретные публикации приводятся в случае коррекции опубликованных данных.

Использованная литература

- Berdimuradov A., Cazzoli S., Cereti C.G., Mantellini S.** New discoveries at Kafir Kala. Samarkand, Uzbekistan. In: *Ancien Civilizations from Scythia to Siberia - an International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 11, 1-2, Leiden: Brill, 2005.
- Berdimuradov A., Mantellini S.** Archaeological Explorations in the Sogdian Fortress of Kafir Kala (Samarkand Region, Republic of Uzbekistan), in: *Ancien Civilizations from Scythia to Siberia - an International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 11, 1-2.
- Bosworth, Clifford Edmund.** The new Islamic dynasties. A Chronological and Genealogical Manual. Edinburgh University Press, 1996, paperback edition, 2004.
- Frahn, Ch.M.** *Recensio Nummorum Mohammedanorum Petropolitani*, SpB, 1828.
- Grenet F.** A View from Samarkand: The Chionite and Kidarite Periods in the Archaeology of Sogdiana (fourth to fifth centuries A.D.) – in: *Coins, Art and Chronology II*. Viena, 2010.
- Tabarī** (1879–1880): *Abū Jarīr al-Tabarī, Ta'riḫ al-rusul wa'l-mulūk*, vol. 3, ed. M.J. de Goeje, Leiden, 1879-1880.
- Tornberg J.** *Numi Cufici Regii Numophylotii Holmiensis*, Uppsala, 1848.
- Walker J.** *A catalogue of the Arab-Sassanian coins*, London, 1941.
- Zambaur, Eduard von.** *Die Munzprägungen des Islams*. Wiesbaden, 1968.
- Алимов Г.** Нумизматика Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.
- Бердимуратов А.** Буллы Кафиркалы как источник изучения культуры раннесредневекового Согда // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд-Ташкент, 2010.
- Кочнев Б.Д.** Клады серебряных монет X в. из Узбекистана // 4-я Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1996.
- Тизенгаузен В.Г.** Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.** Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бердимуратов А.Э., Менги Э., Самибаев М.К.** Раскопки на Кафир-кале // Археологические раскопки в Узбекистане – 2002 г. Вып. 3. Ташкент, 2003.
- Бетгер Е.К.** Извлечения из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн Хаукаля // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Вып. IV. Ташкент, 1957.

Д.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султанова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАДИЦИОННОГО КЕРАМИЧЕСКОГО РЕМЕСЛА СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

Археологические исследования на городище древнего Самарканда продолжают уже более ста лет. Их результаты за последние десятилетия открыли значительный пласт не только его древнейшей и древней истории, но и материалы к взлёту культурогенеза в эпоху раннего и развитого средневековья домонгольского Афрасиаба.

Эти достижения во многом были основаны на обобщениях исследований памятника в течение длительного периода и, в том числе, на артефактах, переосмысление показаний которых способствовали новому подъёму археологических знаний.

В этом плане нам хотелось бы остановиться на материалах небольших раскопок прошлых лет с Центрального раскопа городища, где по верхнему уровню располагался керамический квартал X-XI вв.

Здесь, при исследованиях осенью 1966 г. в 20 м к юго-востоку от Центрального раскопа, у разрушенного подножия третьей городской стены, были выявлены остатки горна небольшой керамической печи. Ее основание было вскрыто при строительных работах по прокладке перенесенной затем автотрассы на аэропорт. Полученная по верхнему культурному горизонту, археологическая ситуация показала, что расстояние между Центральным раскопом со значительным средневековым керамическим производством (Ташходжаев, 1974. С. 8) и выявленным горном печи занимали бракованные отвалы поливной керамики, опускавшиеся вниз по склону раннесредневековых стен. Эти стены, в виду отсутствия необходимости, видимо, уже к X веку были сильно разрушены, на что указывают не только остатки выявленной печи, располагавшейся в её структуре, но и данные предшествующих исследователей, указывающих на обнаружение на ней ям X-XII вв. (Шишкин, 1969. С. 142).

Подобные процессы заброшенности не только внутренних стен шахристана, но и внешних стен города, присутствие здесь не только многочисленных остатков керамиче-

ских печей (Ртвеладзе, Ташходжаев, Фёдоров, 1974. С. 154), но и кирпичеобжигательных производств (Шорахимов, 1974. С. 84), а также разросшиеся вширь и вверх многоярусные мазары, включая погребально-мемориальные династийные мавзолеи (Брусенко, Бурякова, Филанович, 1975), отмеченные на севере и юге Афрасиаба становятся «своеобразной тенденцией, характерной для шахристана домонгольского периода: центр городской жизни перемещается в рабады, шахристан пустеет, устаревшие здания на территории шахристана продаются по дешевой цене гончарам, которые используют их под мастерские» (Ртвеладзе, Ташходжаев, Фёдоров, 1974. С. 154).

Прослеженные выше процессы по Афрасиабу фиксируются также на материалах стен внутреннего шахристана Бухары (Мирзаахмедов, 1999. С. 298) и внешних стен шахристана Пайкенда (Мирзаахмедов, 1998. С. 116). Безусловно, этому способствовала относительно спокойная политическая и социально-экономическая ситуация в государстве Саманидов, нашедшая отражение в крылатой фразе ее создателя Исмаила Самани в отношении оазисных стен Кампыр дувал: «Я—стена Бухары». В результате относительной безопасности и значительного демографического взрыва, разросшееся население из скученных городских кварталов переселяется в более обводненные, озелененные жилища с двориками в рабадах и пригородах. Пустеющие участки шахристанов и, прежде всего, их разрушающиеся широкие стены начинают интенсивно осваиваться керамистами, в производственной деятельности которых, видимо, широко использовался чистый лесс фактуры ранних стен городов. Даже частичное использование этого основного компонента производства, несомненно, должно было способствовать определенному удешевлению стоимости продукции.

Возвращаясь к остаткам самой печи, отметим, что диаметр сохранившейся ее части составлял 60 см, а высота 25-30 см. По круглому обожженному основанию остатков горна каких

-либо других конструктивных ее особенностей не отмечено. Из завала внутри печи был получен небольшой комплекс фрагментов поливной керамики от образцов столовой посуды малых форм, состоявший из шести блюдец и трех чашечек¹.

Блюдца имели дисковидно-вогнутые поддоны и полусферические стенки. При этом четыре из шести экземпляров представляли наиболее широко распространенный тип с зелено-желтой цветовой гаммой и гравированной растительно-цветочной орнаментацией по белому ангобу. Изделия покрыты прозрачной свинцовой, блестящей глазурью, вплоть до основания поддона. По внешней поверхности последних, кроме потёков белого ангоба и зелёной краски, какой-либо орнаментации практически не отмечено.

На первом экземпляре (д.в. - 11,5 см, д.д. - 4,7 см, высота - 3 см) к четырехлепестковой розетке и потекам зелено-желтой росписи добавлены коричневые пятна (рис. 1).

Два следующих блюдаца по цветовой гамме и размерам близки к первому, однако их орнаментация несколько упрощенна (рис. 2, 3).

Последний образец, имея близкие размеры (д.в.—12 см, д.д.—3,8 см, высота—3,4 см), отличается небольшим плоским поддоном и гравированной орнаментацией из сплошных пересекающихся линий, образующих ромбовидные мотивы, сочетающиеся с потёками, мазками и округлыми пятнами зелёной, жёлтой и коричневой красок (рис. 4). Характерно присутствие

стёкшей тёмно-зелёной глазури на изломе стенки, указывающей на то, что блюдце треснуло при обжиге и оказалось бракованным. Наличие небольшого плоского донца, а также несколько выбивающийся из серии предшествующих образцов характер орнаментации может свидетельствовать и о том, что его выполнил другой мастер (рис. 4). По этнографическим параллелям зелено-желтая гамма олицетворяла у населения символику жизни – солнце и зелень, а растекающиеся, в том числе по внешней поверхности потеки символизировали полную чашу, т.е. достаток.

Второй тип, состоящий из двух блюдец, представляют белфонные образцы. Они имеют такую же форму с дисковидно-вогнутым поддоном и полусферические стенки. Покрыты белым ангобом и прозрачной свинцовой, блестящей поливой, вплоть до основания днища.

На первом образце (рис. 5) всю внутреннюю плоскость стенок занимает эпиграфический декор, выполненный черной краской и изящное изображение побега красного цвета по центру, с заполнением резервов черным точечным мотивом, имитирующим металл (д.в.—12,5 см, д.д.—5,3 см, высота—3,8 см). В отличие от предшествующих образцов, по венчику внешней поверхности, оно имеет три парные насечки.

Второе блюдце близко по форме, размерам и цветовой гамме предшествующему, но основу его орнаментальной композиции составляют две взаимно перпендикулярные красные пере-

Рис.1

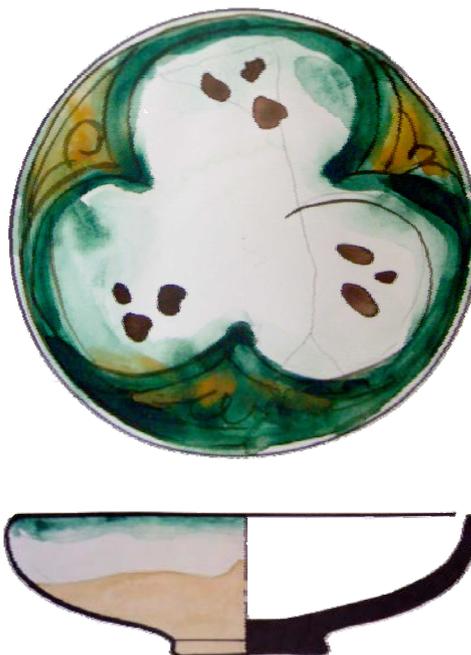

Рис.2

Рис.3

Рис.4

Рис.5

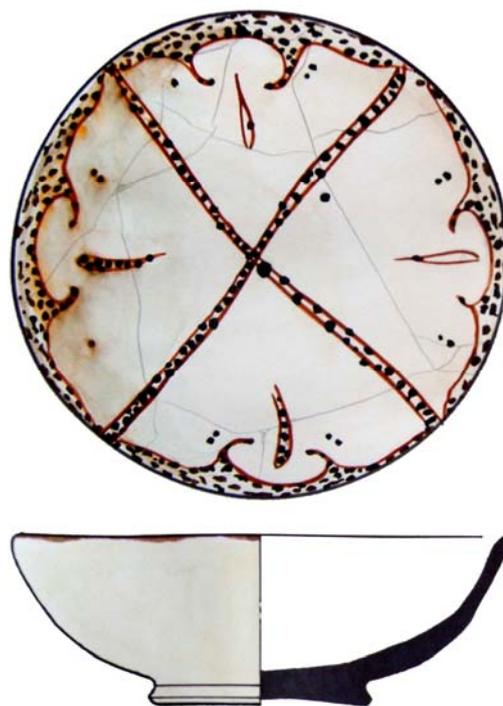

Рис.6

секающиеся накрест ленточные полосы, заполненные черными точками и имитирующие, по всей видимости, псевдоэпиграфику (рис. 6).

Чашечки (пиала) представлены тремя экземплярами и составляют вторую группу находок в комплексе афрасиабской печи. Как и блюда, они имеют дисковидно-вогнутые поддоны, на которые посажены усеченно-конические стеночки. Изделия покрыты белым ангобом и прозрачной, бесцветной, блестящей, свинцовой поливой, вплоть до основания поддона. По ха-

рактеру орнаментации их можно отнести к образцам посуды с эпиграфическими мотивами оформления, а по цветовой гамме к монохромам и полихромам.

На первом образце монохромной чаши (рис. 7) по белому фону, в свободной манере, почерком куфи, черной краской, нанесен эпиграфический декор составляющий единственное украшение посуды (д.в.—12 см, д.д.—5,5 см, высота—4 см).

Два следующих полихромных образца ча-

Рис. 7

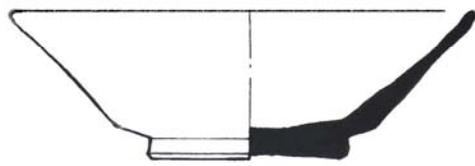

Рис. 8

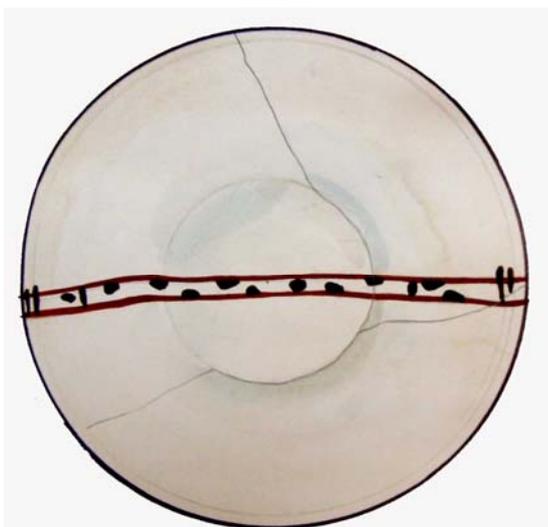

Рис. 9

Рис. 10

шечек по размерам близки первой. На второй чашечке к эпиграфическому декору добавлены точечные мотивы в красной окантовке в резервах и лепестковая розетка по центру (рис. 8). На последней, третьей чашечке орнаментация состоит из узкой ленточной полосы, делящей ее посередине на две части и заполненной точечными мотивами, имитирующими эпиграфику (рис. 9).

Таким образом, на основании полученных материалов можно отметить, что в ходе зачистки горна печи получен единовременный закрытый керамический комплекс производителя. Подтверждает это и специфика находок, состоявших только из посуды малых форм, близких размеров, очертания тулова и техники исполнения. Об этом единстве свидетельствуют и многочисленные параллели, датирующие комплекс серединой X века.

Небольшие размеры горна, а также типы посуды, изготавливавшейся в печи, безусловно, указывают на то, что уже к X веку в керамическом ремесле Самарканда наблюдалась четкая специализация мастеров, изготавливавших толь-

ко определенные виды изделий. На примере нашего комплекса можно отметить, что это касалось размеров керамики. При этом оставался широкий диапазон для творчества в сфере ее оформления. Так, здесь мы наблюдаем значительный спектр деятельности мастера по изготовлению дорогой парадной посуды с эпиграфической и псевдоэпиграфической орнаментикой, а также посуды более дешевой, обиходного назначения, с зелено-желтой гаммой росписи.

В дополнение к последнему подчеркнем, что на примере материалов выявленного горна керамической печи, специфика которой, видимо, во многом следовала характеру производственной деятельности более крупных мастерских, прослеживаются общие тенденции, соблюдавшиеся при выпуске производимой ими товарной продукции.

Следующий интересный факт, характеризующий отдельные аспекты традиций в керамическом ремесле средневекового Самарканда также был получен на материалах Центрального раскопа.

Осенью 1969 года при активной подготовке экспозиции Музея на Афрасиабе, в связи с 2500-летним юбилеем основания города Самарканда реставраторами института было спешно произведено закрепление и перенос для экспонирования одной из печей конца X - начала XI в., располагавшейся в восточной части Центрального раскопа. После переноса, на глубине около 10-15 см, в мягком горелом чистом грунте, под горном печи, нами были выявлены непотревоженные фрагменты абсолютно целого крупного блюда. Характер сколов ука-

зывал на то, что оно раскололось под весом самой печи, или при её возведении.

Блюдо имело массивную полусферическую форму, дисковидный поддон и было покрыто мутноватой ишкорной поливой (рис. 10). Орнаментальная композиция в зелено-голубоватой гамме, типичная для подобных образцов посуды, состояла из растекающейся небрежно выполненной эпиграфики по центру. На стенках располагались повторяющиеся крупные листовидные мотивы с включением стилизованных растительных и точечных сюжетов в резервах, имитируя подражания под металл. Судя по аналогиям, оно может быть датировано второй половиной IX - началом X в.

Безусловно, аккуратная укладка в мягкий грунт, под основание горна целого блюда с благопожелательной надписью нам показалось не случайной. Не случайным, по нашему мнению, является и расположение находки прямо по центру, в основании печи конца X - начала XI в., блюда уже архаического для указанной эпохи и, возможно, специально раздавленного, для исключения соблазна его повторного использования.

В связи с указанными выше данными нам представляется, что в керамическом ремесле Самарканда и, безусловно, значительно шире, существовали совершенно определённые понятия и традиции, соблюдавшиеся при закладке новых печей, пока не достаточно выявленных по материалам археологии. Эти традиции, несомненно, были связаны с пожеланиями берега, продуктивной и качественной работы печи, приносящей в семьи гончаров достаток и изобилие.

Примечание

1. В предварительной публикации этой статьи было ошибочно отмечено пять блюдец (Мирзаахмедов, Султанова, 2010).

Использованная литература:

- Таиходжаев Ш.С.** Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Шишкин В.А.** Кала и Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Шорахимов Ш.** Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Брусенко Л.Г., Бурякова Э.Ю., Филанович М.И.** К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
- Ртвеладзе Э.В., Таиходжаев Ш.С., Федоров М.Н.** Нумизматические этюды // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Мирзаахмедов Д.К.** Еще раз к вопросу о керамике с зеленой поливой из Пайкенда // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Мирзаахмедов Д.К.** Новые находки люстровой керамики из Бухары // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Мирзаахмедов Д.К., Султанова М.Н.** К отдельным аспектам производства средневековой глазурированной столовой посуды Афрасиаба // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология. История. Культура. (Материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию Г.В. Шишкиной). М., 2010.

М.-Ш. Кдырнийзов, О. Кдырнийзов

РЕМЕСЛЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО МИЗДАХКАНА

Средневековый Миздахкан локализован с известным городищем Гяур-кала в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан. Возникновение памятника относится к IV-III вв. до н.э., а упадок городской жизни к концу XV в. Древнейшая часть Миздахкана находится на западном холме, у основании крепости Гяур-кала и окружена с южной, западной и северной сторон сельхозугодьями. В настоящее время в восточной части памятника на возвышенности Мазлумхан-сулу расположен грандиозный некрополь с древними, средневековыми архитектурными сооружениями и погребальными памятниками (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 3-8). У основания этих холмов в эпоху Золотой Орды возникает неукрепленное поселение XIII-XIV вв.

Миздахкан, как и другие города средневекового Хорезма, с образованием государства Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097-1231) и Золотой Орды (1241-1348) быстро рос, развивался, и в хронологический период с XI до конца XIV в. превратился в крупный центр с развитыми ремеслами и торговлей. Здесь, на этом отрезке средневековой эпохи наблюдаются процессы концентрации ремесла с участками и кварталы различных производств. Различные виды ремесленных производств Миздахкана представлены археологическим материалом неравномерно, количество находок, за исключением керамических и металлических, сравнительно невелико. В то же время есть основания предполагать, что в городе развивались и такие виды ремесла, как ювелирное, косторезное, стекольное, строительное, мукомольное, винодельное и др. Однако, за исключением отдельных вопросов, ремесленное производство средневекового Миздахкана, до сих пор, не являлось объектом исследований. Сведений о ремесле Миздахкана не содержат и письменные источники. Это предполагает более конкретные и подробные исследования в археологическом плане по данному направлению. Они стали налаживаться с началом широких археологических исследований, которые продолжа-

ются и в последние годы (1985-2008). Исходя из этого, характер и уровень развития городского ремесленного производства средневекового города можно изучать на сегодняшний день по новым археологическим материалам. Исходя из этого статья посвящена главным образом анализу археологических данных о производственных комплексах средневекового Миздахкана золотоордынской эпохи.

Среди ремесленных производств по объему и занимаемой площади главное место занимает гончарное ремесло. Большие участки гончарного производства, где вскрывались цех-мастерские, находились в центральной части, юго-западных и южных кварталах неукрепленного города XIII-XIV вв. В центральной части («ЦК») за три сезона (1988-1990 гг.) М. Туребековым полностью вскрыт жилой массив №2. Он в плане прямоугольной формы: длина южной стороны 47 м, западной — 27 м, северной — 46 м и восточной — 5 м. Общая площадь составляет 1209 кв.м. Массив состоит из большого керамического цеха и восьми домовладений. Цех расположен в восточной части массива и включает в себя семь гончарных печей, три колодца, три ямы, два жилых помещения, кладовую и пять производственных помещений. Гончарные печи расположены вдоль стен большого двора площадью около 270 кв.м. В северо-восточном углу двора находятся печи №1 и №2, юго-восточном - №3, 4, 5, в северо-западном углу расположена печь №6, а в юго-западном находилась печь №7, т.е в углах двора находились по одной или группе гончарных печей. Здесь максимально использована площадь двора, свободное большое пространство которого содействовало организации рабочего процесса. Гончарные печи керамического цеха однотипные, двухкамерные. Нижние топочно-обжигательные камеры имеют округленно-эллипсоидную планировку. Диаметры малых камер от 0,9 до 1,2 м, больших - от 1,1 до 1,32 м. Топочно-обжигательные горны связаны с верхними обжигательными камерами от 11 до 20 продухами, расположенными радиально.

Диаметры их колеблются от восьми до двадцати сантиметров. Верхние обжигательные камеры круглые, в плане диаметрами от 1,5 до 2,65 м. Они имеют куполообразные перекрытия, а сбоку загрузочные отверстия, связанные с производственными помещениями или двором (Туребеков, 2003. С. 70). Перекрытия обжигательных камер в верхней части имеют вытяжные отверстия. Для постройки печей использованы сырцовые кирпичи размерами 20х20х4:23х23х5 см и глина. Поверхности стен и печей оштукатурены глиной с примесью самана.

При археологических работах, кроме печей, были открыты рабочие объекты. В частности, в средней части двора вскрыта корытообразная площадка для вымеса глины и изготовления керамических сосудов, выложенная жжеными кирпичами. Размер площадки 2,2х1,6 м (Туребеков, 2003. С. 77). В северной части двора находилось небольшое квадратное возвышение высотой 0,7 м, размерами 0,44х 0,44 м, сложенное из жженого кирпича 20х20х4; 22х22х5 см. Возможно, оно использовалось в качестве подставки для производственных целей. В ходе археологических раскопок керамического цеха были найдены рабочие инструменты и печные припасы, а также формы-кальпы для штамповки орнаментов на керамике. Например, из рабочей ямы во дворе извлечены несколько кальпов, сделанные из сероглиняной массы. Они были приспособлены для украшения носиков и гофрированных стенок сосудов. Также найдены четыре экземпляра кальпа для изготовления крышек-ручек, в виде шестигранника. Найдены также и другие инструменты мастера-гончара, в частности, круглые и многогранные ложила из камня талькохлорита. Отмечен инструмент мастера из талькохлорита в виде мастерка с ручкой для правки стен и формирования крупных сосудов. Раскопанный керамический цех в «ЦК» средневекового Миздахкана XIII-XIV вв. — пока единственный производственный комплекс такого рода. Подобные комплексы раньше не были открыты в городах Хорезма. Аналогичные по объему керамические мастерские, датированные золотоордынским временем, известны лишь по различным городам Нижнего Поволжья. На Селитренном городище в Астраханской области известным ученым Г.А. Федоров-Давыдовым и учеником Н.М. Булатовым открыта гончарная мастерская с девятью гончарными печами. По определению исследователей, эта мастерская была большим предприятием, работающим на ры-

нок. Она резко отличается от небольших индивидуальных мастерских, в которых работали мастера с двумя-тремя учениками (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 133-148). В мастерской Центральной части Миздахкана также работала группа мастеров с подмастерьями. Возможно, прав М. Туребеков, отметивший, что "...здесь работали один глава цеха, семь гончаров-мастеров с семьей учениками, двух гончаров, двух подсобных рабочих, два человека и торговцы со стороны" (Туребеков, 2003. С. 79). Таким образом, цех был, по сути, большим производственным объектом.

Наряду с этим, в Миздахкане в средние века работали гончары небольших индивидуальных мастерских. Такие гончарные печи открыты в Юго-западном ремесленном комплексе «ЮЗК» и Южном поселении «ЮП». «ЮЗК» расположен на окраине «ЦК» золотоордынского поселения. В «ЮЗК» неукрепленного поселения расположен торгово-ремесленный комплекс с производственными дворами с мастерскими-винодельнями, маслобойными приспособлениями и двумя гончарными печами (Кдырнийзов, 1999. С. 101). В южной части «ЮЗК» выявлены две гончарные печи со схожими конструкциями, они двухъярусные, расположены по одному горизонту, и следовательно, функционировали одновременно. Их нижняя камера заглублена на -0,35 м, верхняя частично разрушена. Сводчатый потолок нижней обжиговой камеры сложен из сырцовых кирпичей, которые были поставлены постелистыми рядами и опирались на боковые стены. К ним приделаны сквозные жаровыводящие отверстия овально-округлой формы. Высокая температура образовала на поверхности стен ноздреватые трещинки, каплеобразные потеки темно-зеленого и пепельного цвета. Стены обжиговой камеры сохранились на высоту от 1,40 м, (печь № 1) до 2,10 м (печь № 2), диаметр их имел соответственно от 2,30 до 2,55 м. Перекрытие верхней камеры также было сводчато-куполообразной формы и возвышалось над уровнем дневной поверхности. Заполнение печи состояло из пепла, песка и фрагментов сероглиняной крышки округлой формы. Интересно отметить, что рядом, в полукрытом дворе (помещение № 1) с выложенным жжеными кирпичами полом обнаружены лежащие почти в положении *in situ* разбитые красноглиняные кувшины с округлой ручкой. Возможно, дворик служил для сушки керамических изделий или для временного хранения готовой выгружающейся из печей продукции. Другая гончар-

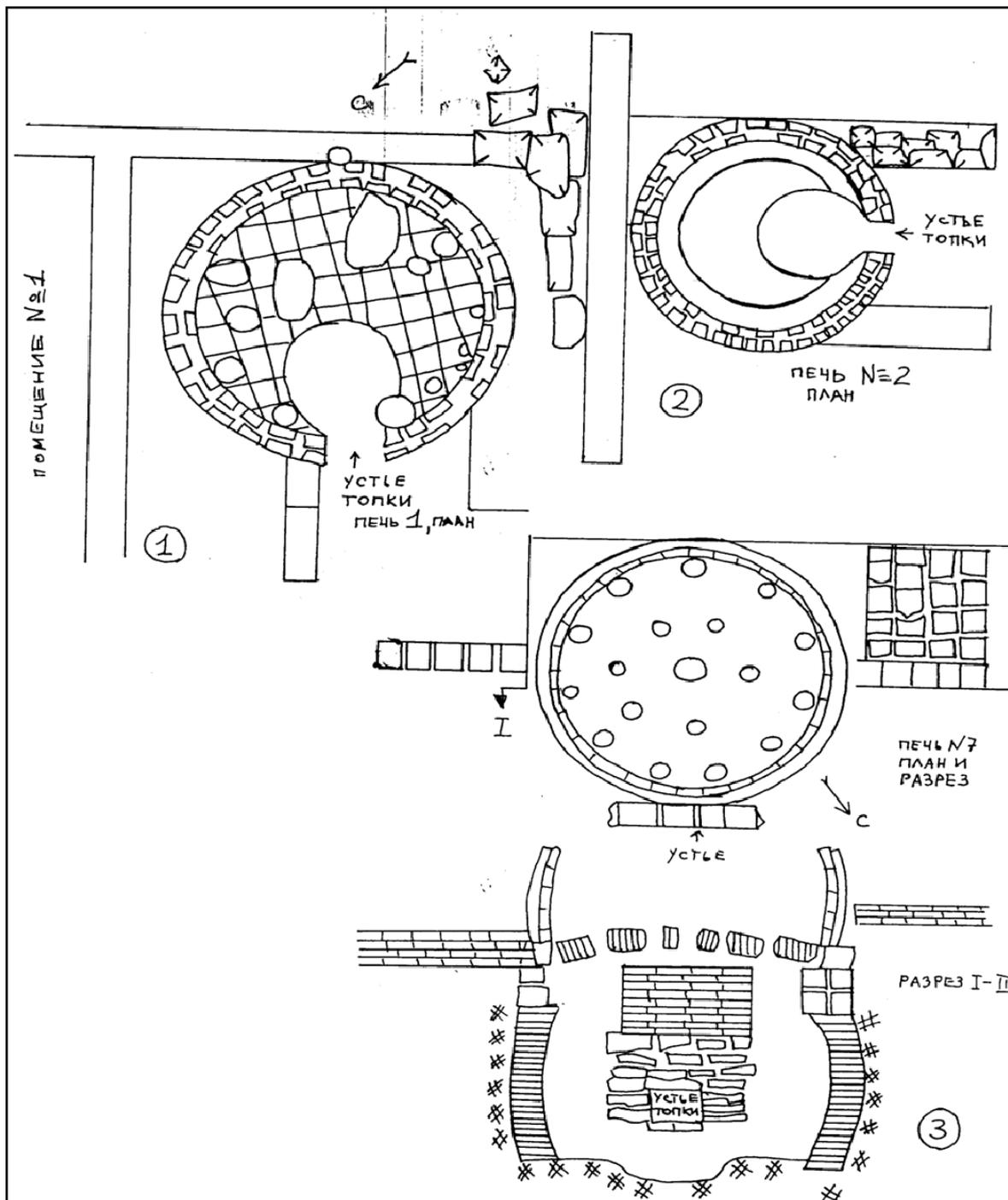

Рис. 1. Гончарные печи Миздахкана. Печь № 1-2 «ЮЗК», № 3 «ЮП».

ная печь (№ 3) обнаружена в южном поселении юго-восточной стороны холма Мазлумхан-Сулу. Печь также двухъярусная, округлая в плане. Высота стен топочной камеры - 1,60 м, диаметр серединной части - 2,10 м. Перекрытие камер сводчатое. Прямоугольное топочное устье сложено из жженных кирпичей и каменных плит, имеет высоту 0,55 м, ширина - 0,45 м. Сверху также имеет перекрытие двухрядной кладкой из каменных плит. В топочной камере найдены только фрагменты сероглиняных во-

доносных кувшинов, с округлой ручкой. Исходя из этого, здесь видимо обжигались объемные изделия — кувшины и миски. В комплексе городских жилищ «ЮП» в 2002-2003 гг. в четырех помещениях обнаружены гончарные печи хорошей сохранности (Рис. 1). В помещении №6, примыкая к середине западной стены, располагалась округлая в плане печь №4, диаметром с внешней стороны 1,35 м. Она была выложена обгоревшими в процессе использования сырцовыми кирпичами (24x24x4;

23x23x3,5 см). Верхняя камера на уровне дневной поверхности разрушена топочной камерой. Внутренний диаметр камеры 1,10 м, внешний диаметр печи 1,23 м, толщина стенок 0,13 м. Стены печи сложены из половинок сырцовых кирпичей. Контур стены печи имеет усеченно-цилиндрическую форму. Свод печи с жаровыводящими продухами частично провалился и упал на пол топочной камеры. Большая часть тыльной стенки печи была утоплена в широкую стену (0,80 м) помещения №8. Это способствовало упрочению стенок печи и усиливало теплоизоляцию. Однако печь №4 функционировала недолго, так как внутренние поверхности стен обожженные до зеленоватого цвета не имеют тех характерных для других печей ноздревато-каплеобразных потеков. Внутри топочная камера заполнена золой, в которой встречены крупные фрагменты хума хорезмшахского времени. Расположенная в помещении №10 гончарная печь (№5) также двухъярусная, округлая в плане. Нижняя часть, углубленная в землю, сохранилась полностью, верхняя — частично, до уровня дневной поверхности. Диаметр печи по внутреннему контуру 1,9 м. Ее внутренняя сторона обожжена от красновато-коричневого до серовато-болотного цветов с ноздревыми трещинами. Печь куполообразно-сводчатой формы. Топочная камера высотой 1,4 м, была заполнена золой с многочисленными фрагментами керамики. Гончарная печь №6 расположена к востоку от производственного двора (помещение №7). Она также округлой формы, топочное устье обращено на север. Ее внутренний диаметр по средней части составлял 3 м, по верхней - 2,6 м, высота обжигательной камеры 1,9 м. Устье топки оформлено в П-образной форме. Перекрытие топочной камеры сводчатое, имелись продухи, и по центру загрузочное окно-лаз диаметром 0,45 м. Камера для обжига была полностью заполнена остатками органики, пепла, костей и керамики. Устье топки горна в последний период функционирования печи было замуровано. При этом для закупорки вместе с сырцовыми кирпичами использовался большой сероглиняный кувшин. В отличие от других, печь №6 с южной и восточной сторон огорожена стенками. Пространство между ними шириной 0,3-0,7 м плотно заполнено песком, создавая теплоизоляционный слой.

В 2003 г. к западу от большого открытого двора (помещение №21) на Миздахкане была раскопана керамическая печь своеобразной конструкции. Она также круглая в плане

(диаметр обжигательной камеры - 2,10 м) была обнаружена под грунтовой дорогой, уходящей от городища в сторону сельскохозяйственных угодий, из-за чего обжигательная камера сохранилась на высоту 0,75 м. Обращает на себя внимание то, что пол обжигательной камеры с 18 продухами возведен над остатками кладки старой печи. При этом ее нижняя часть выложена напуском вовнутрь вертикально сложенной для нее конструкции шириной в три кирпича (размеры 20x20x4 см). Благодаря этому, обжигательная часть горна уменьшилась в диаметре, а затем перешла в глухое перекрытие. Внутренний диаметр топочной камеры составил 2,2 м, внешней 2,45 м. Печь сложена из половинок сырцовых кирпичей размерами 20x10(+10)x4 см и обмазана толстым слоем глиняной штукатурки. Устье устроенное в северной стороны сложено из жженого кирпича (22x22x4; 23x23x4 см) и каменных плит по основанию. Для обустройства производственного процесса с западной стороны печи устроена квадратная площадка, выстланная из жженных кирпичей (1,5x1,5 м). По своей конструкции такого рода гончарные печи позволяют работать достаточно продуктивно. В самой печи и вокруг нее выявлены фрагменты сероглиняной миски, водоносных кувшинов, крышки хума и неполивной красноглиняной керамики (Кдырниязов, Саипов, Искендерова, 2004. С. 103-105).

Заканчивая описание керамических печей Миздахкана, необходимо отметить, что они относятся к типу двухкамерных, с округлой в плане формой, топочная камера углублена в землю и имеет канал топочного устья, перекрытие печи осуществлялось в виде сводчатого купола. Устье топочной камеры имеет почти единую ориентацию на север и запад, т.е. по направлению, откуда чаще всего дует ветер. Все печи довольно хорошей сохранности и частично имеют сохранившуюся до определенной высоты обжигательную камеру. По своим размерам гончарные печи Миздахкана намного уступают античным печам Хорезма (Воробьева, 1959. С. 199, 214). Возможно, это связано с деятельностью индивидуального товаропроизводителя, стесненного трудностями восстановительного периода после нашествия монголов. Несомненно, они принадлежали к полусвободным ремесленникам, о наличии которых мы отмечаем в предшествующих работах (Кдырниязов, 2002. С. 74-75). Особо отметим парное расположение гончарных печей в "ЮЗК", наличие второй печи позволяло вести

обжиг керамики непрерывно, используя поочередно то одну, то другую печь (Воробьева, 1959. С. 212).

Следует также остановиться на холмах отвалов, содержавших отходы гончарного производства XIII-XIV вв. Целая их группа располагается к западу и северо-западу от Восточного холма (Мазлумхан-Сулу). Здесь слой золы выделяется своим серым цветом, в нем встречается масса битой керамики, куски гончарных шлаков, много фрагментов сероглиняной неполивной керамики, в том числе бракованных, а также найдены фрагменты стекольных изделий и их спекшиеся капельки. Ряд небольших холмов с отвалами золы, обожженными ошлакованными кирпичами, керамическими шлаками, скоплением фрагментов битой керамики зафиксированы и в южной части неукрепленного городища. Интересно, что бракованные изделия в основном состоят из сероглиняных изделий XIII-XIV вв. Это предполагает довольно широкое местное производство этого вида керамики. Совершенно однородную керамику дали и керамические печи. Весь этот материал перекликается с комплексами керамики из отвалов. Естественно, отсюда вытекает вывод о том, что в средние века мусор, золу и отходы городских мастерских XIII-XIV вв. вывозили в специально отведенные места города.

Таким образом, результаты изучения гончарных печей и отвалов бракованной керамики показали наличие на Миздахкане XIII-XIV вв. развитого гончарного производства, значительную площадь занимаемых им участков и большой ассортимент продукции. Мастера-керамисты выпускали следующие основные виды неполивных сосудов: кувшины, хумы, горшки, котлы, миски, чаши, в том числе сосуды со штампованной орнаментацией, сосуды с резным орнаментом на плечиках, крышки с резным и штампованным орнаментом, возможно и глазурованную керамику, хотя в незначительном объеме (Рис. 29). В целом, гончары Миздахкана освоили даже такие сложные и трудоемкие производства, как изготовление штампованной керамики и архитектурных деталей («бантики»-перемычки, сталактиты-мукарнае, фризы). Так, образцы штамповкальпов в керамическом цехе, фрагменты и целые формы штампованных кувшинов часто встречаются в слоях (Кдырниязов, 1989. С. 144. Рис. 6). Встречались и другие калыпы-формы. Например, в Восточном квартале II («ВК II»), в доме №87 (производственный двор) найдена целая алебастровая форма для

отливки архитектурных деталей (Кдырниязов, 1993. С. 97. Рис. 9, 1).

Возможно, гончарный центр Миздахкана снабжал продукцией не только сельскую округу, но и вывозил ее в соседние районы. В специализированных мастерских Миздахкана выпускался также отдельный вид сероглиняных чаш с чернолощенным орнаментом в виде цветов тюльпана. Часть этих изделий находила сбыт на территории Южного Хорезма (Джанпык-кала) и Золотой Орде (Сарайчик) (Кдырниязов, 2002. С. 86). На основании этих данных можно утверждать, что керамисты Миздахкана специализировались на производстве сероглиняной и лощеной красноглиняной неполивной керамики.

В исследуемый период одним из важных отраслей городского ремесла являлось металлоплавильное производство. Его наличие в Миздахкане подтверждают многочисленные находки металлического инвентаря. В ходе археологических работ в культурных слоях городища обнаружено несколько видов изделий из железа и меди. Из числа орудий труда отметим ножи, ножницы, топоры, тесла, серпы, оковки и гвозди. Отдельно следует отметить образцы оружия — наконечники стрел, копья, фрагменты кинжала. Из медных изделий встречены серьги, кольца, зеркала, цепочки, ручки сосудов, обрывки медной проволоки. При раскопках выявлено много ножей, как правило, однолезвийные с черенком. Так в помещении №11 в жилом массиве Центрального квартала найден однолезвийный железный нож с черенком для крепления к рукоятке с прямой спинкой. Длина лезвия 8,2 см, ширина 1,5 см. Вокруг участка между лезвием и черенком сохранилась костяная накладка (Туребеков, 2003. С. 77). Аналогичные ножи найдены на золотоордынском поселении урочища Дарьялык-куль (Неразик, 1976. С. 110-111). К другим формам железных ножей относятся - черенковые, серповидные, наподобие современных садовых. Последние маленького размера и, видимо, использовались для обработки шкур или садоводстве. Например, виноградарями. Арабские географы отмечают, что в окрестностях городов было много садов (Ургенч) и виноградников (Дарган) (МИГТ, 1939. С. 188, 419). Надо думать, что и в округе Миздахкана также было сильно развито виноградарство. Так в юго-западном квартале и на южном поселении были размещены хорошо оборудованные винодельни, в комплексе производственных дворов. Небезынтересно вспомнить сведения аль-Макдиси, что из

Хорезма вывозили в средние века сушеный изюм. Видимо, в появлении серповидных ножей, определенную роль мог сыграть тот факт, что земледелие в хозяйстве горожан хорезмийцев в рассматриваемое время являлось ведущей отраслью производства. По данным вакуфа 1349 г. Кутлук-Темура и Абулгази Бахадурхана (1603-1664) район Миздахкана был житницей Хорезма. В силу этого факта изготовлению орудий уборки или обработки (в том числе серпов и серповидных ножей) могло уделяться достаточное внимание. Из домашних бытовых предметов на Миздахкане встречаются шарнирные ножницы. Их длина от 17,5 до 21 см. По форме ручек ножницы делятся на 2 типа - в виде загнутых колец и в виде округлых колец. Их аналоги были найдены в каравансараях Талайхан-Ата (Вишневская, 1958. С. 135, рис. 82, 5, 7), Булак (Маньлов, 1982. С. 116. Рис. 8, 16) и в Джанпик-кале.

Хозяйственный и домашний инвентарь жителей Миздахкана многочисленен и состоит из таких предметов, как гвозди, железные скобы, кольца, кочерги, замков, ложек и других фрагментированных вещей. Остановимся на наиболее важных из них. Навесной замок представлен из помещения №4 жилого массива гончаров (Туребеков, 2003. С. 77). Кроме того, из этого же квартала извлечены фрагменты миниатюрного бронзового горшочка, бронзовый бубенчик с поперечным литейным швом, бронзовые зеркала без орнамента и с рельефным изображением аль-бораков, рыб и драконов (Туребеков, Кдырниязов, 1989. С. 464).

Из оружия дальнего боя представлены железные наконечники стрел. По форме насада все наконечники стрел из Миздахкана черешковые подтреугольно-ромбовидной формы. Эти типы наконечников принадлежат к одному из наиболее характерных типов стрел тюркского и монгольского времен, распространенных в Средней Азии (Пугаченкова, 1967. С. 254, рис. 1), Восточной Европе (Федоров-Давыдов, 1973, рис. 111. ВП) и в Сибири (Кызласов, 1969. Табл. 111, 74-77).

Таким образом, приведенный перечень железных изделий из Миздахкана весьма разнообразен, включая десятки разновидностей металлических орудий, инструментов и бытовых изделий. Однако у нас нет оснований для утверждения, что все перечисленные изделия местного производства. Как показывает анализ археологических источников, часть орудий труда, быта или косметики могла ввозиться из-за пределов Хорезма. Так, бронзовые зеркала

дальневосточного образца с изображениями рыб и драконов попадали из Золотой Орды или Китая (Кдырниязов, 2000. С. 70-71). А зеркала с изображением ал-бораков могли попасть из Ирана. Наряду с этим ряд хозяйственно-бытовых вещей могла изготавливаться в самом городе. Незначительные остатки кузнечного горна обнаружены в помещении №11 Восточного квартала I. В западной части помещения находилось горнообразное сооружение удлиненной формы, сложенное из битой глины. Его высота 1,2 м, а диаметр 1 м. В устье топки лежал спрессованный слой золы и угля. Возле горна найдены железные полуфабрикаты и крицы (Кдырниязов, 1989. С. 32). Из материалов, связанных с кузнечным ремеслом, следует отметить находки в юго-западном квартале города (жилище №7) - в алькообразной нише на полу вкопанной нижней половины сероглиняной хумчи, заполненной железными крицами с вкраплениями бронзы. Отличительной чертой помещения №7 являются обильные находки остатков железодельного производства - полуфабрикатов, криц. Здесь их насчитано до 80 шт. (Туребеков, Кдырниязов, 1992. С. 16).

Несомненно, в рассматриваемое время, как отрасль ремесла, развивалась и обработка цветных металлов (серебра, меди). Существование названной отрасли ремесленного производства подтверждают новые находки из городища. К ним следует отнести отходы производства (куски шлаков), чаще встречаются медные или бронзовые изделия, обломки медных и бронзовых пластин, проволок и цепей (рис. 5). Одним из наиболее сложных и трудоемких приемов ювелирного ремесла было литье. О литейном деле в Миздахкане свидетельствуют, прежде всего, находки медных шлаков и целых форм тиглей. Тигли из бронзы с ручкой и носиком для отлива имели приземисто-усеченную и сфероидальную форму. Они найдены в Центральном и Юго-Западном кварталах и ранее были обнаружены во время раскопок Куня-Ургенча в 1952 г. (Фонд ХАЭЭ, 1952; Кдырниязов, 1981. С. 126. Рис. 2, 2). Находки изделий из медной проволоки подтверждают развитие техники волочения в рассматриваемые время. Из проволоки изготавливались серьги, кольца и скрепки. Некоторые ювелирные изделия изготовлены из листовой меди, которую получали способомковки. Следует отметить, что перечисленные нами на основе материальных данных медные находки еще не исчерпаны. Необходимо упомянуть наличие пуговиц, бля-

шек, ручек и носиков чайников. Судя по этим находкам, можно предполагать, что медное дело в средневековом Миздахкане было одним из ведущих видов металлообрабатывающего ремесла.

Также часты находки стеклянных изделий при раскопках кварталов Миздахкана XIII-XIV вв. Их подавляющая часть сделана методом свободного выдувания или отливки в форме. Среди стеклянных изделий частой находкой на городище являются фрагменты и целые формы дисков с закраинами, прозрачные, с зеленоватым оттенком. Такое стекло предназначалось для стекления окон. В алебастровые решетки вставлялись целые диски. В доме ремесленника на Восточном квартале I найдена алебастровая решетка (Кдырниязов, 2002. С. 253, рис. 5,1). В Миздахкане стеклили не только жилища горожан, но и окна общественных зданий (купола Джума-мечети и культово-дворцового здания Мазлумхан-Сулу). В городе оконное стекло встречается и в составе кладов. На южной окраине Восточного квартала I на холме с керамическими отвалами был обнаружен вкопанный большой сероглиняный хум яйцевидной формы. Сосуд был прикрыт керамической крышечкой. Внутри оказалось тринадцать целых экземпляров оконного стекла округлой формы с умбоном (рис. 2) (Кдырниязов, Саипов, 2007. С. 27-33). Для стекления окон употреблялось и мозаичное цветное стекло. В ходе раскопок дома № 2 Восточного квартала I найдены фрагменты алебастровой панджары, с вставленными в нее кусочками цветного стекла (ультрамаринового и зеленоватого), вырезанные в виде небольших пластиночек различных форм (фонд КГУ, МО, ВК П.р.84). В средневековых городах Хорезма оконное стекло встречается как в домонгольских (Кават-кала, Бограхан), так и в золотоордынских слоях (Шехрлик, Шемаха-кала, Джанпык-кала). Фрагменты стеклянной посуды также частые находки в слоях Миздахкана. По собранным фрагментам можно отметить, что из стекла изготавливались в основном три формы посуды: «аламбик», кувшины и миниатюрные сосудики. Полностью восстановить формы стеклянной посуды невозможно, но некоторые предме-

ты конструируются. Среди них стеклянный «аламбик» из «ВК I» (Кдырниязов, 1989. Рис. 26, 1) и кувшинчики из некрополя Миздахкана (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 101, рис. 46). В Хорезме такие сосуды отмечены в слоях домонгольского и монгольского времени из караван-сарая Талайхан-Ата, городища Шах-Санем и сельских поселений западного Хорезма. Однако основную массу стеклянных изделий составляют фрагменты банкообразных сосудов, туваки, бокалы, флаконы и сумачи. Некоторые изделия орнаментировались наварными манжетами, стеклянными нитями и полосками, редко встречается инкрустация разноцветными стеклянными нитями. В целом, формы, типы и ассортимент стеклянных изделий обнаруживают свое близкое сходство с аналогичными изделиями из памятников Шах-Санем (Трудновская, 1958. С. 421-430), Шехрлик (Вактурская, 1963. С. 51) Шемаха (Вактурская, 1952. С. 181) и Джанпык-кала (Доспанов, 1991. С. 91). Основная масса собранного из этих памятников материала имела распространение в Хорезме XIII-XIV вв. Размеры ремесленного производства средневекового Миздахкана настолько значительны, что можно предполагать, что изготовлением стеклянных изделий могли заниматься здесь же, на месте. Стекло по своему составу напоминает раннюю стекловидную, так называемую поташную гамму, в качестве материала для которой использовали местное сырье. Здесь в керамических отвалах Миздахкана часто встречаются фрагменты стеклянных изделий, бракованные кусочки со стеклянными каплями и шлаками. В 2003 г. в ходе археолого-стратиграфических раскопок

Рис.2. Оконные стекла с умбоном из «клада» № 1

траншей в южной седловине холма Мазлумхан-Сулу были обнаружены остатки размытой мастерской стеклодела. Пол печи покрыт толстым слоем (8-11 см) стекольного шлака, видимо, представлявшего остатки стеклоплавильного процесса.* Исходя из этого, в целом, для Миздахкана XIII-XIV вв. характерно наличие собственного стекольного производства.

О других видах ремесленного производства на Миздахкане можно судить по собранным костяным бусам, накладкам, кольцу для натягивания лука, костяным трубочкам, рукояткам ножей и пряслицам (Кдырнийзов, 1989. Рис. 24, 2-3, 5, 6-8). При раскопках собрано много изделий из камня: жернова, гири, крышки ташнау, точильные бруски, и другие различные подделки. Все эти находки, наряду с другими данными о ткачестве, ювелирном ремесле, деревообработке требуют специального более углубленного исследования.

Таким образом, на основе анализа ремесленной продукции Миздахкана можно констатировать наличие специализированного ремесленного производства в городе в средние века. Это стало возможным благодаря развитию производительных сил в условиях создания государства Хорезмшахов (XI-XIII вв.). Однако не только специализация различного рода ремесел способствовала расширению феодальных отношений, значительную роль в этом процессе сыграли и основные направления хозяйственной деятельности населения Миздахкана и его округа, одним из которых являются земледелие. По данным письменных источников, вокруг некоторых средневековых городов Хорезма, в том числе и Миздахкана, имелись сады и большие сельскохозяйственные угодья, они же в большей степени способствовали экономическому развитию города и его округа. Так, в средневековых источниках встречаются сведения о виноградниках и винодельческом производстве. Аль-Макдиси (в X в.) пишет, что «Дарган» — самый большой город Хорезма после Джуржании... в нем 5000 виноградников, длина местности занята виноградниками в два фарсаха вдоль берега реки (Амударьи). Оттуда вывозится изюм (МИТТ, 1939. С. 188), прессы для давки винограда». Также особо подчеркивается, что «в Хорезме не прерываются жилища и сады», «в нем много деревьев и садов», «из него вывозится хороший виноград». Средневековые анналы подтверждаются археологическими исследованиями. При раскопках Миздахкана найдены остатки виноделен в юго-западном ремесленном комплексе (1991-1992

г.) и специально оборудованного двора с резервуарами для сула — на южном поселении (2002 г.) (Кдырнийзов, 1999. С. 100-101). В XIII-XIV вв. в «ЮЗК» Миздахкана существовали специальные мастерские по производству сельскохозяйственной продукции, среди которых находились и винодельни. Винодельня №1 представляет собой помещение квадратной формы (2,50x2,50 м). В нем ближе к северному углу находилась каменная давилня-тарапан. Диаметр ее чуть более 1 м, толщина 16 см. Давильня круглой формы с невысоким бортиком, с желобком по краю и со сливом, через который выжатый сок стекал в специальный сосуд, примыкавший к давилне с южной стороны. Он представлял собой сероглиняную широкогорлую хумчу (рис. 4). Такие винодавилни обнаружены в Восточном дворе «ЮЗК» и «ВК I». В Миздахкане встречаются также более объемные винодавилни, с тщательно отделанными площадками, на которых виноград давили ногами, и с последующим выжиманием мезги в мешке. Сок, с давилных площадок, через специальные сливы, поступал в крупные, специально вырытые, рядом с площадкой, керамические резервуары. В 2002 году, в южном пригороде Гяур-калы Миздахканской, был открыт специализированный производственный двор.

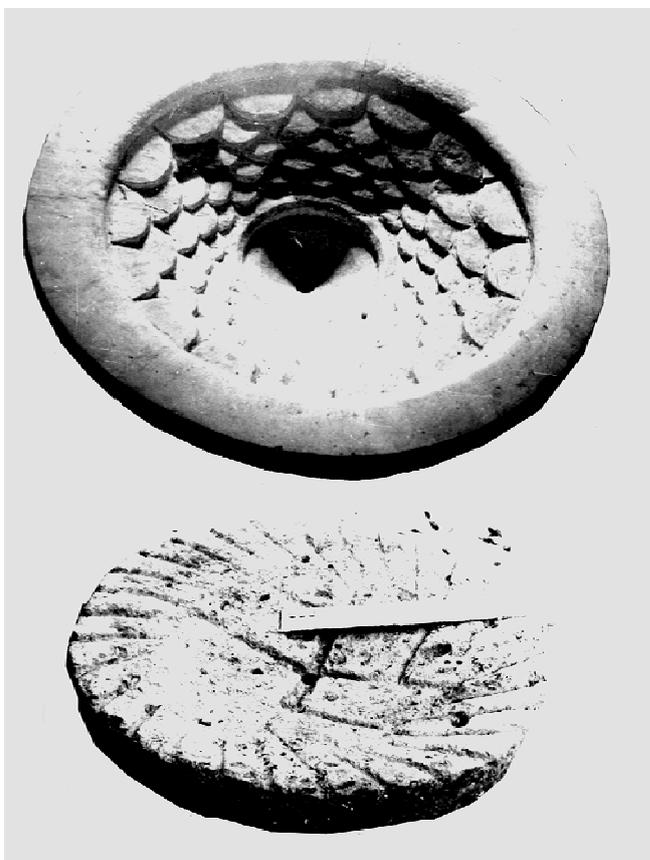

Рис. 3. Ташнау и хараз

Он занимал большую площадь размерами 5,5x13,6 м. Для него характерны признаки винодельческого производства. Стены двора имеют в нижней части фундамент высотой 0,9 м, из камня полигональной формы и из жженого кирпича, выше фундамента стены выкладывались из сырцовых кирпичей. Во дворе обнаружены шесть керамических резервуаров и один вкопанный в землю хум с подходящей к нему сверху керамической трубой. Диаметр резервуаров от 0,85—до 1 м, глубина 0,6-0,65 м, ширина дна 0,3 м, то есть стандартной формы. На бортиках резервуаров были сложены отшлифованные лекальные жженные кирпичи, плотно подогнанные друг к другу и цементированные алебастром. Они увеличивали глубину резервуаров. Пол вокруг резервуаров специально выложен каменными плитами, жжеными кирпичами и целыми плоскими керамическими крышками. Они имеют уклон к резервуарам и плотно подогнаны друг к другу. Такие площадки огорожены невысокой стенкой из жженого кирпича и могли быть использованы для выжимки или прессовки виноградного сока. Три резервуара расположены в северной половине двора. Пол этой части устроен также с уклоном и образуя свободный сток жидкости. Растекание суслу по плоскости способствовало его очищению или осветлению (Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А., 2002. С. 82-83). Таким образом, с давильных площадок через специальные сливы жидкость поступала в крупные глиняные сосуды. Из глубоких керамических резервуаров после заполнения суслу вино вычерпывалось и разливалось по другим сосудам. Следует отметить, что обнаруженные здесь в разные годы винодельни-мастерские, вместе со специально оборудованными резервуарами, свидетельствуют о товарном характере этого производства. Винодельни и связанные с виноделием культовые предметы в Хорезме известны с античной эпохи. В Аязкалинском поселении, относящемся к первым векам нашей эры, обнаружены несколько виноделен, а в усадьбе № 9 Джамбаскалинского поселения найдена терракотовая фигурка бога виноделия Диониса (Неразик, 1976. С. 31-39). Винодавильни-тарапаны обнаружены в Кяте и Алматышкан II, датируясь XIII-XIV

вв. (Маньолов, 1966. С. 55; Кдырниязов, 1989. С. 110, рис. 1, 8).

Кроме того, в Миздахкане значительная часть городского населения частично занималась сельским хозяйством. Это подтверждают письменные источники и данные археологических исследований. О развитии, в определенной степени, зернового хозяйства горожан Миздахкана свидетельствуют обнаруженные мукомольни, пекарни, маслобойные приспособления и многочисленные закрома (Кдырниязов, 1999. С. 82-86).

Большая часть территории хорезмского оазиса пригодна для земледелия, а многоводная Амударья способствовала искусственному орошению. Поэтому в средневековых источниках постоянно встречаются сведения о главных артериях искусственного орошения - о каналах. Каждый сельскохозяйственный микрооазис имел свои городские центры. Из таких округов в северном Хорезме известен Миздахкан, и не случайно в сведениях ал-Макдиси есть фраза "Миздахкан большой город, вокруг него 12 тысяч рустаков." Жителям миздахканских рустаков принадлежали плодородные земли на северо-западной части канала Кердар (вакф 1349 г.). Судя по данным источников и археологическим находкам в Миздахкане, как и в других средневековых городах (Кават-кала, Джанпык-кала) и в сельских поселениях, часть населения города занималась сельским хозяйством. Это предположение подтверждается и археологическими находками. При раскопках «ЦК» Миздахкана в 1985 г. на полу помещения

Рис.4 . Винодавильня-тарапан. «ЮЗК».
Производственный двор № 2

был обнаружен широкогорлый сероглиняный кувшин с зерном (просо). Находки косточек персика и урюка при раскопках свидетельствуют о наличии вокруг поселения садов. Собранные материалы из Миздахкана дают основание предполагать, что в средние века, особенно в XII-XIV вв. в городской экономике развивается товарное хозяйство. Это касается не только керамического ремесла и сельского хозяйства. При раскопках различных объектов Миздахкана найдено много ручных жерновов различных размеров, применявшихся для размолы муки в домашних условиях. Помимо ручных жерновов использовались и большие харазы – мельницы. Три экземпляра харазы найдены в производственном дворе дома ремесленника винодела в «ЮЗК» (рис. 3, 2). Мельницы состояли из двух жерновов округлой формы. Один верхний, тяжелый жернов диаметром 1,04 м, имел толщину 10 см. В нем наблюдаются сквозные отверстия конусовидной формы для засыпки зерна, через которое они попадали на поверхность нижнего жернова. Другая нижняя половина жернова имеет диаметр 0,90 и 0,95 м, толщина соответственно – 9 и 10 см. Верхняя поверхность нижнего жернова имела желобки. Тяжелый верхний жернов приводился в движение с помощью рычага, они враща-

лись вокруг укрепленного в центре деревянного стержня. Многочисленные жернова и мельницы – харазы свидетельствуют, что мучные продукты производились в гораздо большем масштабе, чем требовалось для одного хозяйства. При раскопках домонгольской и золотоордынской частей Миздахкана обнаружены следы мукомолен. Две мукомольни раскопаны в помещениях №1 и №10 в «ВК I». Другая находилась в хозяйственном комплексе соборной мечети Миздахкана (Кдырниязов, 1999. С. 82-83). Домашние мельницы или остатки харазов обнаружены и в некоторых сельских поселениях средневекового Хорезма. Все они, возможно, имели отношение к мукомольному делу (Неразик, 1976. С. 128).

Развитию этого вида производства способствовали большие запасы зерна. Так в городских жилищах рядом с домами или в специальных комнатах сооружались ячейки-закрома. В обследованных жилищах Миздахкана, кладовые амбары занимали 41% - в «ВК I», 19% - в «ВК II», 35,29% - в «ЮЗК» и 36,80% - в «СК» площадей домов. Следовательно, такие сооружения больше всего находились в домохозяйствах с остатками сооружений мукомольного дела (Кдырниязов, 1999. С. 84). В раскопанных жилищах или ремесленных мастерских Миз-

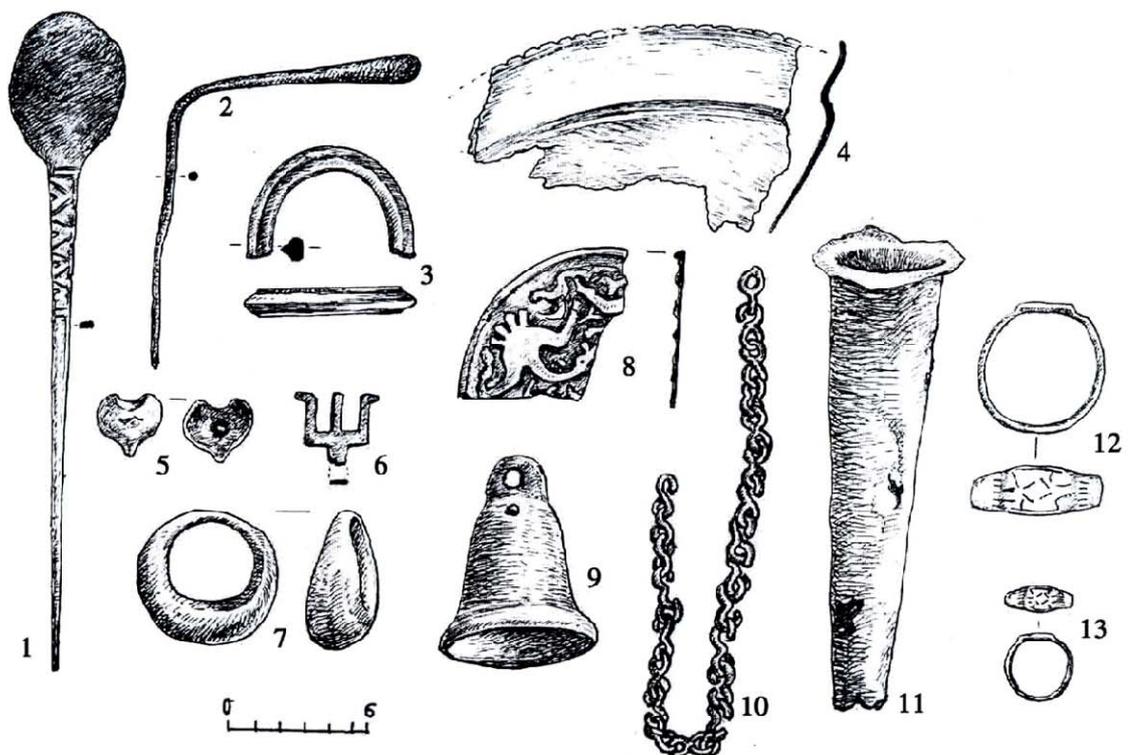

Рис. 5. Миздахкан. Бронзовые предметы. 1 - ложка, 2 - заколка, 3 - браслет, 4 - фрагмент посуды, 5 - заклепка, 6 - трезубец, 7 - серьги, 8 - фрагмент зеркала, 9 - колокольчик, 10 - цепочка, 11 - раструб, 12-13 - кольца

дахкана найдены серпы и садовые ножи (Кдырниязов, 1989. Рис. 13, 2-3; рис. 14, 10). Они свидетельствуют о том, что земледелие и связанное с ним аграрное ремесло играло большую роль в хозяйственной деятельности населения Миздахкана. Мукомольное дело, хотя и было индивидуальным производством самостоятельного товаропроизводителя, требовало запасов зерна при мельнице. Для этой цели в городских жилищах рядом с домами или в их комплексе сооружались подсобные помещения типа кладовых-амбаров.

Таким образом, на примере анализа производственных комплексов Миздахкана можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что средневековые города являлись ремесленно-торговыми центрами, все же носили заметный аграрный характер. Это не особо отличительный признак в деятельности горожан Миздахкана. В среднеазиатских городах заметно выраженный аграрный отпечаток не исчезал до конца средневековья, так как сельское хозяйство представляло собой широко распространенное дополнительное занятие городских жителей. Как показали результаты исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, вокруг средневековых городов Шах-Санем, Замахшар, Каваткала, Большой Кырккыз, Дэвкескен-Вазир и др. были большие агро-ирригационные планировки. Огородными культурами, бахчевыми и садами были заняты возделанные участки вокруг города. Далее располагались пахотные орошаемые земли, заня-

тые посевами зерновых культур. Здесь представляют интерес данные вакуфа Кутлук-Темура, где говорится о том, что земля, расположенная между Миздахканом и Багдадом, принадлежала шейху Мусави Хадади, что «та часть, которая находится близ Миздахкана, может дать 8000 хорезмских манов пшеницы» (Гулямов, 1959. С. 170). Занятию горожан отдельными видами сельскохозяйственного производства способствовали значительные размеры рабада города, окружающие их рустакки (12000 рустаков по ал-Макдиси), а также отсутствие общегородских стен, что соединяло город и село в единый экономический комплекс землепользования. Наш вывод подтверждается и другими данными письменных источников. Так, ал-Макдиси о Хорезме говорит: «Там (в Хорезме) не прерываются жилища, сады, множество прессов для давки винограда, пашен, деревьев, фруктов...» (МИТТ, 1939. С.185). Другой источник дополняет (Иакут ал Хамави): «...в нем (Хорезме) непрерывная возделанная полоса, с селениями, расположенными близко друг к другу» (МИТТ, 1939. С. 419). Такая скученность поселенческих построек также способствовала переплетению интересов горожан и населения сельскохозяйственной округи. Таким образом, выявленные в Миздахкане мукомольни, винодельческие мастерские, кладовые и амбары вкупе с данными письменных источников наглядно свидетельствуют о полуаграрном характере производственной деятельности населения Миздахкана.

Примечание

*Печь полностью еще не изучена из-за ограниченного периода полевых работ

Использованная литература

- Вактурская Н.Н.** О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала // Труды ХАЭЭ.—Т. I.—М., 1952.
- Вактурская Н.Н.** О средневековых городах Хорезма // МХЭ.- Вып. 7. —М., 1963.
- Вишневская О.А.** Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата // Труды ХАЭЭ. Т. II. —М., 1958.
- Воробьева М.Г.** Керамика Хорезма античного периода // Труды ХАЭЭ. Т. IV. —М., 1959.
- Доспанов О.Т.** О некоторых результатах раскопок Джанпык-калы в 1987-1989 гг. // Новые открытия в Приаралье. Вып. 2. М., 1991.
- Кдырниязов М.-Ш.** Ремесло Хорезма XIII-XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. - Ташкент, 1981.
- Кдырниязов М.-Ш., Саинов С., Искандерова А.** Гончарные печи средневекового Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. 2004. - № 6.
- Кдырниязов М.-Ш.** Об этническом и социальном составе городского населения Хорезма в конце XIII - начале XIV вв. // ОНУз. 2002. №3-4.
- Кдырниязов М.-Ш.** Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989.
- Кдырниязов М.-Ш.** Золотая Орда и культура Южного Приаралья. Нукус, 1993 (каракалп. яз).
- Кдырниязов М.-Ш.** Об аграрном характере производственной деятельности населения Миздахкана // ОНУз. № 4-5. Ташкент, 1999.
- Кдырниязов М.-Ш.** Мастерские-винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. 1999. - № 4-5.

- Кдырниязов М.-Ш.* Зеркала с изображением драконов из Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. №3. 2000.
- Кдырниязов М.-Ш.* Миздахкан—памятник золотоордынской эпохи // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002.
- Кдырниязов М.-Ш.* Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов А.* Раскопки средневековых жилищ в южной части Миздахкана // АИУ - 2002 год. Тошкент, 2003.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кдырниязов М.-Ш., Саипов С.* Клад бытовых вещей из Миздахкана // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований. Бишкек–Самарканд. № 4. 2007.
- Маньлов Ю.П.* К изучению городища Кят // Вестник КК ФАН РУз. №2. Нукус, 1966.
- Маньлов Ю.П.* Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982.
- Материалы* по истории туркмен и Туркмении (МИТТ) Т. 1. М.-Л., 1939.
- Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). М., 1976.
- Пугаченкова Г.А.* Погребение монгольского времени в Халчаяне // СА. 1967. №2.
- Трудниовская С.А.* Стекло с городища Шах-Санем // Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
- Туребеков М.* Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья.- Вып. VI. Нукус, 2003.
- Туребеков М., Кдырниязов М.-Ш.* Археологические раскопки в золотоордынском Миздахкане // АО. М., 1989.
- Туребеков М.Т., Кдырниязов М.-Ш.* Отчет о работах Миздахканского отряда 1991 и 1992 гг. Нукус, 1992 // Отчет хранится в Государственном краеведческом музее Республики Каракалпакстан.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Фонд* Хорезмской археолого-этнографической экспедиции ИАЭ РАН. Куня-Ургенч, 1952.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

М. Саидов

САМАРҚАНДНИНГ IX-XIII АСР БОШЛАРИДАГИ ТУРАР ЖОЙЛАРИНИ ЎРГАНИЛИШИ ВА УЛАР БИЛАН БОҒЛИҚ МУАММОЛАР

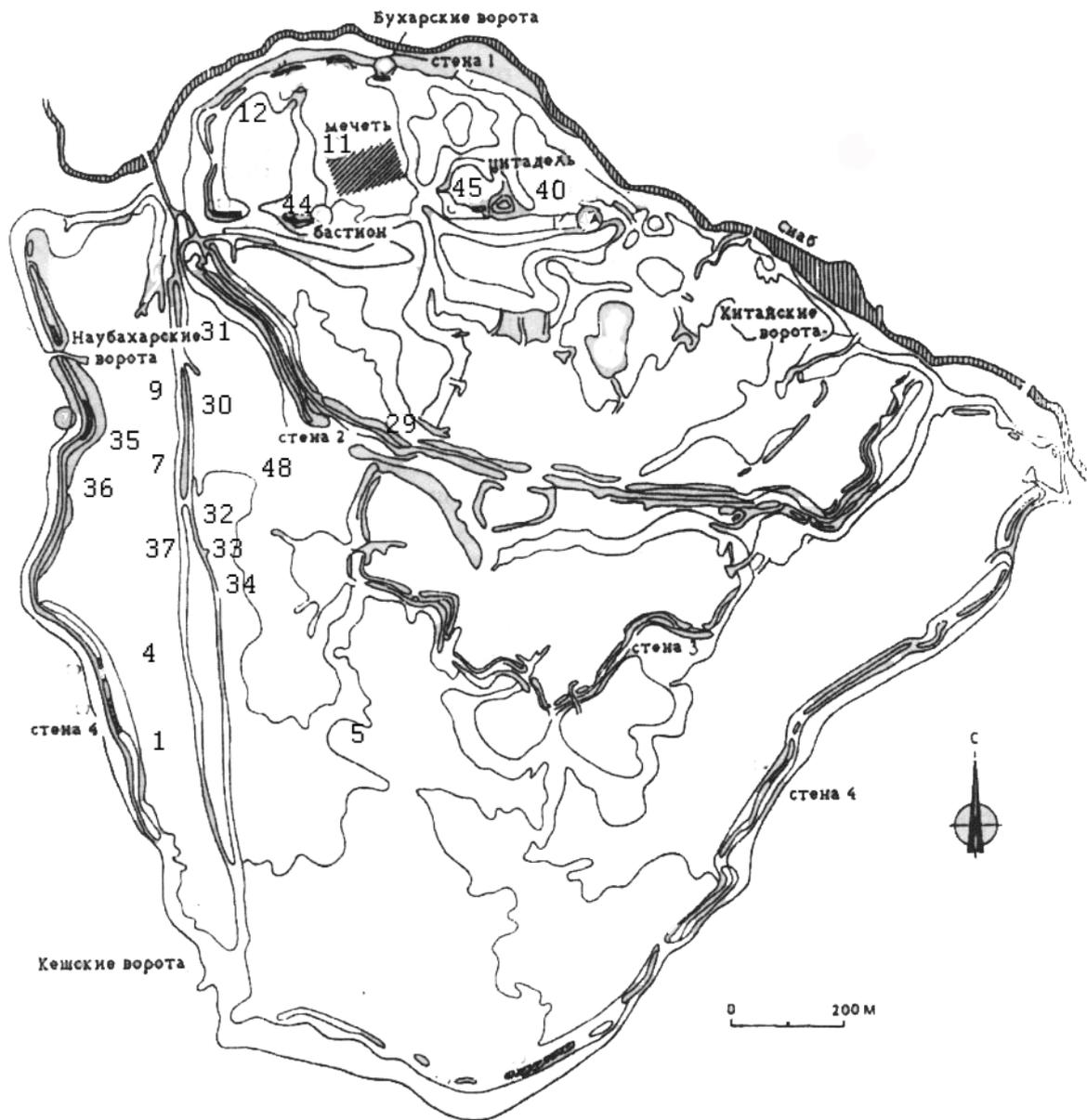
Турар жой - бу инсон учун биринчидан, бошпана бўлса, иккинчидан, оила кўним топган макон ҳисобланади. Оила эса жамиятнинг, давлатнинг асосидир. Шундай экан турар жойларни, айниқса шаҳар турар жойларини ўрганиш орқали ҳар бир тарихий даврдаги ижтимоий, иқтисодий мунособатлар тарихини яқиндан билиш ҳамда унга аниқлик киритиш мумкин. Айтиш мумкин Панжикент мисолида илк ўрта асрлар (V-VIII асрлар) турар жойларини ўрганган В.И. Распопова ҳам шаҳар турар жойларини умумлаштирган ҳолда ўрганиш Ўрта Осиё археологияси олдидан турган янги вазифалардан бири, деган фикрни билдирган эди (Распопова, 1990. С. 9).

Кейинги йилларда Панжикент мисолида илк ўрта асрлар турар жойларини ўрганиш орқали шаҳар турар жойларини тадқиқ этиш методикасини яратишга ҳаракат қилинди (Распопова, Беленицкий, Маршак, Воронина). Аммо, бу шаҳар ҳудудида мавжуд бўлган IX-XIII аср бошларига оид шаҳар турар жойлари, асосан йўл-йўлакай ва моддий маданият қолдиғи сифатида қайд этилган. Маълумки, VIII аср давомида юз берган сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ўзгаришлар шаҳар турар жойлари кўринишини, ички интерьерини ўзгаришига олиб келди. Ушбу даврда шаклланган турар жойлар кўринишлари баъзи бир қўшимчалар билан сўнги ўрта асрларгача давом этди.

Буни биз Афросиёбда очилган турар жойлар мисолида ҳам кўришимиз мумкин. Бу борада, ўтган XX аср бошларида В.Л. Вяткин томонидан қўлга киритилган материаллар диққатга сазовордир. В.Л. Вяткин қазишмалари натижасида ўрта асрларга оид турар жойлар ҳам очилган бўлиб, улар паҳса, хом ғишт ва ёғочдан қурилган. Шу билан бирга у уй қурилишида ганч ва сомон ишлатилганлигини ёзади, яъни, хоналарнинг ичи сомон қўшилган лой, баъзида алебастр билан сувалганлигини таъкидлайди (Вяткин, 1927. С. 17).

Кейинчалик, 1958 йилда Самарқанд археологик экспедицияси ташкил этилиб, унинг олдига шаҳарнинг пайдо бўлиши, шаклланиш ва

ривожланишини аниқлашдек долзарб муаммо қўйилади. Ушбу муаммодан келиб чиққан ҳолда олимлар олдига шаҳар фортификацияси, стратиграфияси, сув таъминоти, хунармандчилиги, ободончилиги ва шаҳарнинг атрофдаги қишлоқлар билан алоқаларини ўрганиш вазифаси қўйилади (Шишкин, 1969. С. 135-136). Қазишмалар давомида IX-XIII аср бошларига оид турар жой қолдиқлари очилади (1-расм). Хусусан, Афросиёбнинг ғарбий қисмидаги 9-қазишмада маҳаллалардан бирининг қолдиқлари очиб ўрганилиши натижасида хунармандлар маҳалласининг уч асрлик ҳаёти ҳақида маълумотлар қўлга киритилади. Бу ерда 5 та қурилиш даври аниқланган бўлиб, 1-чи қурилиш даври (VIII асрнинг 80 йиллари – IX аср бошлари) анча ёмон сақланган. Афсуски, қазишма даврида ва археологик материалларни таҳлил қилишда кўпроқ ишлаб чиқариш билан боғлиқ хоналарга катта эътибор қаратилганлиги учун маҳалланинг турар жой билан боғлиқ хоналари ҳақида маълумотлар кам. Ушбу, маҳалланинг жанубий қисмида қазишма ишини олиб борган Г.В. Шишкина томонидан 1-қурилиш даврига мансуб катта хона аниқланган бўлиб, у ҳақда фақат хонанинг ўлчами (7x45x3,30 м²) ва хонанинг қурилиш техникаси ҳақида маълумот бор. Девор юзасида қизил ранг бўёқ қолдиқлари аниқланган. Хонанинг ўлчами, жойлашиши, умуман ички кўриниши ундан турар жой сифатида фойдаланилган бўлиши мумкин, деган фикрни айтишга ундайди. Шунингдек объектнинг жанубий ғарбий бурчагида 3-чи қурилиш даврига оид сатҳи пишиқ ғишт билан қопланган ховли (№25) атрофида 10 дан зиёд хона борлиги, ундаги 6 та (№№ 30-32, 41, 42, 45) хонадан турар жой сифатида фойдаланилганлиги ҳақида маълумот бор (Шишкина, 1973. С. 124, 148). Аммо, хоналарнинг ички интерьерини ҳақида тўлиқ маълумот йўқ. Объектнинг шарқий қисмида С.К. Кабанов қазишмалар олиб бориб, бир неча хоналар очди. Улардан 2 таси (№63, №64) 1-қурилиш даврида турар жой вазифасини бажарган. 63-хонанинг (5,85x5,71 м) ғарбий бурчагида узок

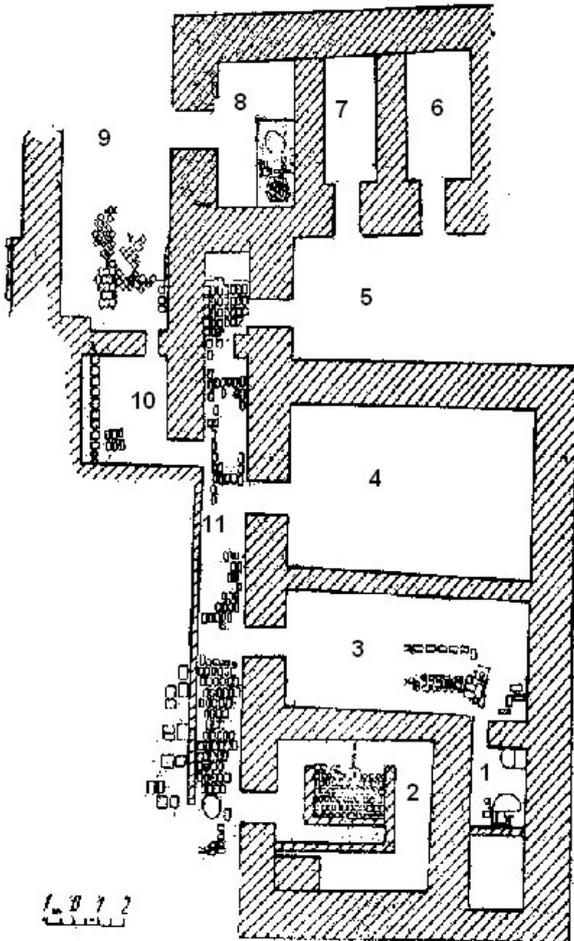

1-рasm

вакт ишлатилган унча катта бўлмаган ўчоқ ҳамда жанубий девор ёнида чикинди сув учун мўлжалланган ташнов қудуғи жойлашган. Хонанинг ғарбий деворида иккита тоқча мавжуд бўлиб, уларнинг бирида ҳижрий 280- (мил. 893-894) йилда Самарқандда зарб қилинган танга топилган. Топилмалар орасида овқат қолдиғи сақланган идиш ҳам бор. 63-хонанинг жанубий-шарқидида 64-хонага ўтиш учун эшик ўрни мавжуд. 64-хонанинг шимолий шарқий бурчагида тўғри бурчак шаклда ғишт билан терилган резервуар аниқланган (Кабанов, Филанович, Урманова, 1974. С. 65-68).

Ушбу объектнинг шимолий шарқий қисмида Я.Крикис олиб борган казишмалар натижасида 11 та хонадан иборат турар жой

комплекси очилади. Комплекс 3 та блокка бўлиниб, шундан 1 ва 2-блоклар турар жой характерига эга (2-рasm). Блоклар жанубдан шимол томонга йўналган дахлиз билан ўзаро боғланган. Дахлизнинг узунлиги 20 м, эни 1,75 м бўлиб, пол сатҳи пишиқ ғишт билан қопланиб, устидан ганч билан сувалган. Биринчи қурилиш даврида (IX аср боши - X аср ўртаси) 1 блок 4 та (1, 2, 3, 4) хонадан иборат бўлиб, улар дахлиз орқали бир бири билан туташган. 1-хона (5x2 м) бионинг шарқий бурчагида жойлашган. Хонанинг жанубида 15 см баландликда ганч билан сувалган суфа аниқланган. Хонанинг шимол томонида дастлаб ташнов жойлашган бўлиб, кейинчалик усти ёпилган ва лой билан сувалган. 2-хонанинг

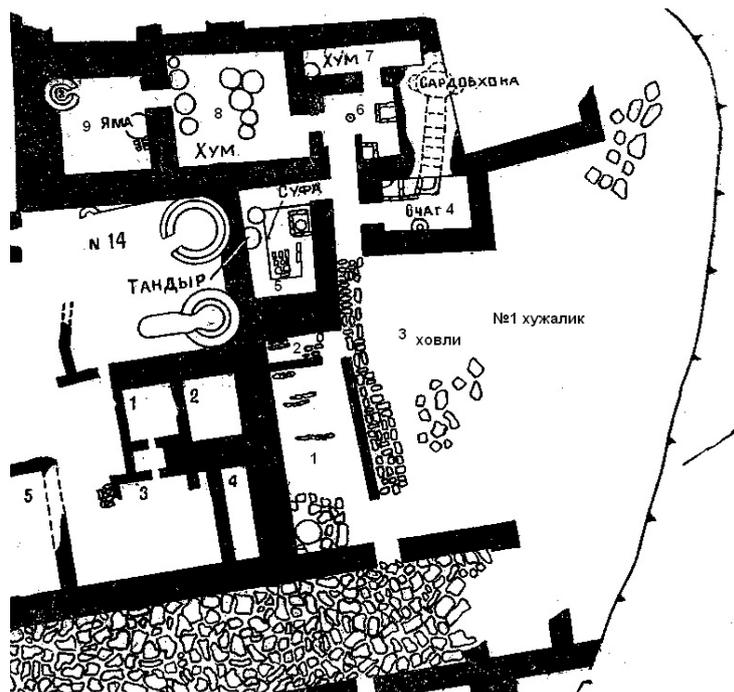
2-расм

(5x6 м) жануби-ғарбий қисмида суфа (1,8x1,1 м), марказида эса ташнов бўлиб, охиригини атрофи юпка девор билан ўраб олинган. Хона полига пишиқ ғишт (32x22x3,5 см) ётқизи-либ, усти ганч билан сувалган. 3-хона (9,8x4 м) шарқда йўлак, жанубда 2-хона билан тутшиб, унинг поли ҳам пишиқ ғишт қопланиб, усти ганч билан сувалган. Хонанинг шарқий бурчагида ташнов мавжуд. Унинг усти ўртасида тешиги бўлган 50x50x7 см сопол плита билан беркитилган. 4-хона (4,9x9,8 м) фақат дахлиз билан боғланган бўлиб, хонанинг жанубида ташнов, шимолида эса суфа жойлашган.

2-блок йўлакнинг шимолидаги эшик билан тутшиб 5 (айвон) ва 6,7-хоналардан иборат. 6 (2,5x4,25 м) ва 7 - (2x4,25 м) хоналар шимолдан жанубга йўналган (Крикис, Пачос, Ташходжаев, Федоров, 1963. С. 224-226;

Шишкина, 1973. С.119).

1961-1962 йилларда Ш. Ташходжаев томонидан Афросиёб марказида, 3 - мудофа девори ичида олиб борилган қазилмалар (23 қазилма) натижасида кулоллар маҳалласи аниқланади. Кейинчалик, 1965-1966 йилларда қазилма ишлари Л.Г. Брусенко томонидан, 1968-1971 йилларда Ш. Шораҳимов томонидан давом эттирилиб, маҳалланинг умумий қиёфаси тикланади. Қўлга киритилган материаллар асосида маҳалланинг 3 та қурилиш даври аниқланди: 1-қурилиш даври – VIII охири - IX аср; 2-қурилиш даври - IX - аср охири - X аср боши; 3-қурилиш даври - X аср - XI аср 1-чораги. Маҳалланинг 3-чи қурилиш даври яхши ўрганилган бўлиб, турар жой, хумдон ва ёрдамчи хоналардан иборат 14 та хўжалик аниқланади. Хусусан, 1-хўжаликдаги (3-расм) 1-хона турар жой вази-фасини бажарган. Хона 6x3 м ҳажмда, пахсадан қурилган бўлиб, унинг жанубий-шарқий бурчагида Чўпонота тошидан қурилган ташнов жойлашган. Унинг ғарбида юпка девор билан ажратилган дахлиз (3,40x1 м) жойлашган (№2). Дахлизнинг поли пишиқ ғишт билан қопланган. 1-хонадан шимолий-шарқда ҳовлига (№3), ғарбда дахлизга чиқилган. 4-хона хўжалик омбори вази-фасини бажариб, бу ерда ер ости хона-насига тушадиган йўл бўлган. 5-хона (4,15x3 м) ҳам пахсадан қурилган бўлиб, хона марказида суфа, уни ёнида ўчоқ жойлашган. Суфа ва шимолий девор ўртасида пишиқ ғишт билан қопланган чуқурлиги 30 см, 70x60 см ҳажмдаги резервуар аниқланган. Резервуар

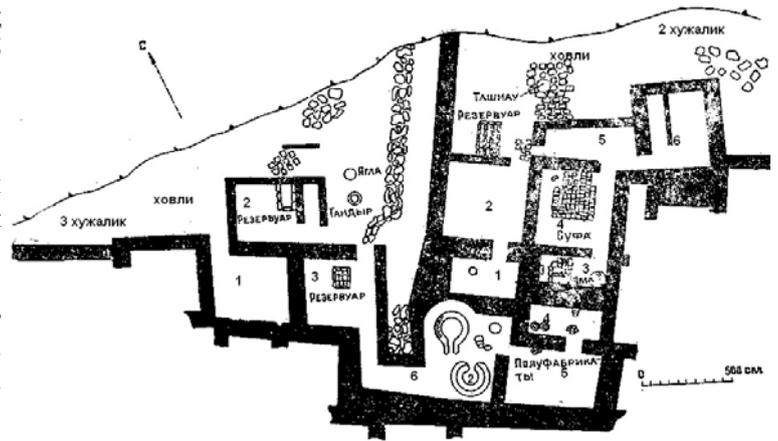
3-расм

ичида диаметри 36 см бўлган ёрғучок топилган. Қолган хоналар ишлаб чиқариш фаолияти билан боғлиқ.

Иккинчи хўжалик маҳалланинг шимолида жойлашиб, олти хона ва ҳовлидан иборат (4-расм). Тўртта хонадан (1, 2, 5, 6) ишлаб чиқариш ва хўжалик мақсадларида фойдаланилган бўлса, 3, 4-хоналар турар жой характериға эға. 3-хона 3,80x2 м ҳажмда бўлиб, унинг ғарбий қисмида ташнов жойлашган. 4-хона 4x3,80 м ҳажмда бўлиб, 3-хонанинг шимолида жойлашган. Хонада суфа ва ташнов аниқланган.

Учинчи хўжаликдаги (4-расм) 1-хонадан (4,80x3,80 м) турар жой сифатида фойдаланилган. Унинг деворларида лойға ўйилган ва унинг устидан сариқ ва жигарранг бўёқ билан бўялган безаклар мавжуд. Хона шимолда ҳовли билан туташган.

Тўртинчи хўжалик маҳалланинг шимолида жойлашиб, бешта хона ва ҳовлидан иборат (5-расм). Шундан 1, 4, 5-хоналардан ишлаб чиқариш 2, 3-хоналардан эса турар жой мақсадларида фойдаланилган. Хусусан, 3-хона (3,8x4,0 м) турар жой характерида бўлиб, деворлари хом ғиштдан. Хонанинг асосий қисмини суфа эгаллаган бўлиб, у полдан 35 см кўтарилган ва усти оқ алебастр билан сувалган. Суфа устида атрофи пишиқ ғишт билан қопланган сандалсимон чуқурлик мавжуд бўлиб, унинг ичидан кул ва кўйган ёғоч колдиклари топилган. Ушбу хонанинг жанубида 2-хона (3,80x1,60 м) жойлашиб, у дахлиз вазифасини бажарган. Хонанинг шарқий

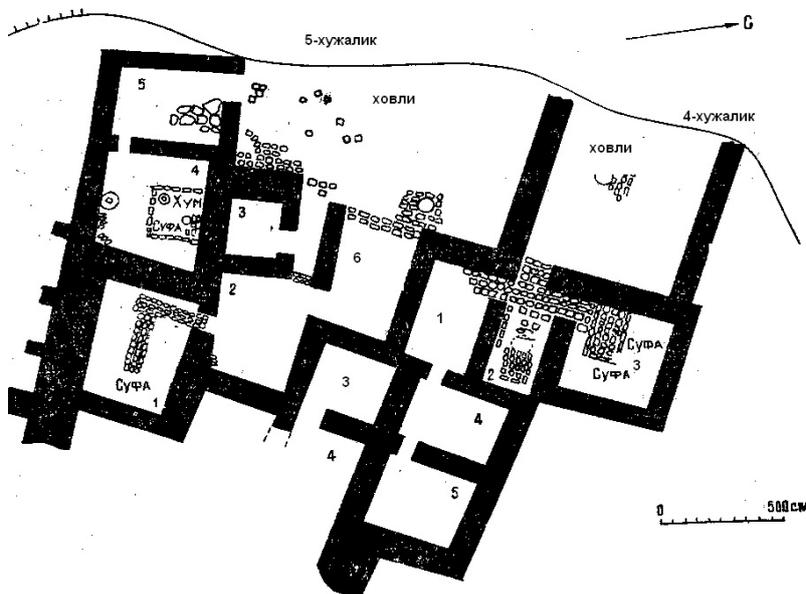

4-расм

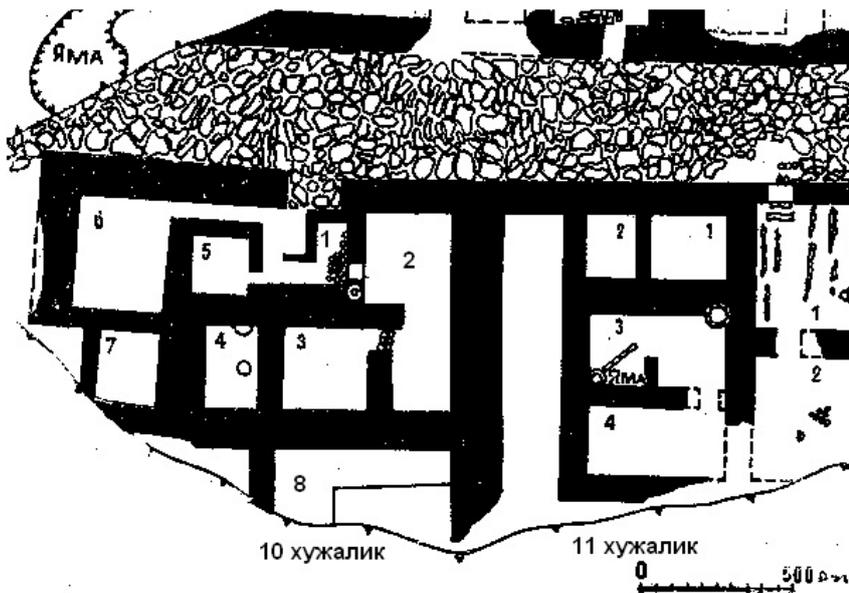
қисмида пишиқ ғиштдан (22x22x4 см) қурилган ташнов жойлашган. Ғарбий деворда (50x75 см) тоқча бор. Хона деворлари алебастр билан сувалган бўлиб, айрим жойларида кўк бўёқ излари ҳам сақланган. Хонанинг ғарбий деворида ҳовлиға чиқадиган эшик мавжуд. Ҳовли 36 м² майдонни эгаллаб, марказида ташнов, шарқий қисмида эса айвон жойлашган (Шарахимов, 1981. С. 76-80).

Учинчи хўжаликда 1, 2, 3, 6, 8-хоналар турар жой характериға эға (6-расм). 1-хона кўчаға қараган бўлиб, дарвозахона вазифасини бажарган. Унинг поли пишиқ ғишт (22x22x4 см) билан қопланган бўлиб, ўртасида ташнов жойлашган. 6-хонанинг жанубий қисми суфа билан банд бўлиб, унинг ёнидан учта сополдан ясалган ўчоқлар топилган. Қисман сақланган 8-хонанинг жанубий ғарбий қисмида ҳам суфа мавжуд бўлиб, хона деворларида қизил бўёқ излари, яъни деворий расм колдиклари бор (Брусенко, 1969. С. 209; Шарахимов, 1981. С.90-93).

Хулоса қилиб айтганда, турар жойлар аниқланган хўжаликлар (№№1, 2, 3, 10) ўзига тўқ, ўртаҳол хонармандлар маҳалласида жойлашган бўлиб, 5-8 та хона, 1-2 та хумдон, катта ҳовлиларға эға бўлган. Турар жой билан боғлиқ хоналарда ташнов ва суфалар мавжуд бўлиб, хона деворлари ва поллари лой ва алебастр билан сувалган. Айрим ҳолларда хона

5-расм

6-расм

деворлари ганчга ёки лойга ўйилган нақш (3-хўжалик 1-хона) ёки кизил, кўк, сарик, жигар-ранг рангли бўёқлар (3-хўжалик 1, 4-хоналар, 4-хўжалик 2-хона, 10-хўжалик 8-хона) билан безатилган. Хоналарни иситишда сандал (4-хўжалик, 3-хона) ёки сопол ўчоқлардан (10-хўжалик, 6-хона) фойдаланилган. Турар жойлар асосан бинонинг кириш қисмида жойлашган. Ишлаб чиқариш билан боғлиқ хоналар эса турар жойларнинг ён ёки орқа томонида жойлашганлар.

1966-1970 йилларда Афросиёбнинг жанубий шаркида амалга оширилган казишмалар (24-казишма) чоғида IX-XII асрларга оид 15 та хона ва икки ховлидан иборат катта турар жой комплекси казиб ўрганилади. Ўзига тўқ шаҳарликка тегишли, деб ҳисобланган ушбу турар жой икки қурилиш (IX-X; XI-XII асрлар) даврига оиддир. Ш.Ташходжаевнинг фикрича турар жой IX аср бошларида қурилган бўлиб, у VI-VII асрларда қурилган турар жой режасини такрорлайди. Яъни, VI-VII асрларда қурилган турар жой вайронага айлангач, маълум муддат ташлаб қўйилган ва VIII аср охири - IX аср бошларида қайта тикланган. Олдинги давр билан фарқ қилувчи элемент ташнов ҳисобланади (Ташходжаев, 1977. С. 99). Афсуски, мақолада турар жой режаси берилмаган, фақат умумий характеристика билан чекланилган. Хусусан, бино очиқ ховли, айвон, ошхона, меҳмонхона ва унинг атрофида жойлашган 5 та хонадан иборат бўлган. Меҳмонхона ва ховли пишиқ ғиштлар (20-22x20-22x3-3,5 см) билан қопланган. Кейинчалик унинг ғарб томонида

4 та хона, айвон, ошхона, ховли ва 1-чи биного борувчи йўлак қурилади. Ушбу бинонинг ховлиси ҳам пишиқ ғишт билан қопланиб, сатҳи айвон ховлига нисбатан 60 см кўтарилган. Турар жой қурилишида, асосан, пахса ва хом ғишт (46,5-47x23,5-24x7-11,5 см) фойдаланилган бўлиб, хоналар ўртасидаги деворлар қалинлиги 55-90 см. ни ташкил этади. Хона деворлари алебастр билан сувалиб, устидан қизил ёки кўк ранг билан безатилган. II-қурилиш даврида (XI асрнинг иккинчи ярми - XII аср бошлари) турар жой қолдиқлари яхши сақланмаган бўлиб, хона деворлари синчдан қурилганлиги қайд қилинади (Ташходжаев, 1977. С. 100-106).

Юқорида келтирилган материаллар асосида қуйидаги фикр ва мулоҳазаларни айтиш мумкин. Биринчидан, VIII асрнинг охири ва IX асрнинг биринчи ярмида қурилган турар жойлар баъзида аввалгиларга ўхшаш бўлган. Лекин, юқоридаги уйда, илк ўрта аср турар жойларидан фарқли ўларок, ховли мавжуд бўлиб, унинг сатҳи пишиқ ғишт билан қопланган. Иккинчидан, хоналарнинг жойлашишида ҳам ўзгариш бор, яъни, улар асосан, ховли атрофида жойлашган. Учинчидан, Ш. Ташходжаев айтганидек, ушбу турар жойнинг ички интерьерида ташнов янгилик ҳисобланади.

1967-1968 йилларда М. Жўрақулов ва Я. Крикислар томонидан Афросиёбнинг ғарбий қисмида, Самарқанд - Аэропорт йўлидан 30 метр шарқ томонда олиб борилган казишма натижасида икки қурилиш даврига оид (VIII асрнинг охири - IX аср; X-XI асрлар) 9 та турар жой ва ишлаб чиқариш билан боғлиқ хоналар, ер ости хонаси ва ховлидан иборат турар жой биноси казиб ўрганилади. Дастлаб, VIII асрнинг охири - IX асрларда, яъни, биринчи қурилиш даврида бино олтига турар жой хоналаридан иборат бўлиб, хона деворлари пахса блоклар (87x87 x100 см.дан то 90x100x115 см. гача) ва хом ғиштлардан (50x7x8 см) қурилган бўлса, ховли атрофини жануби-ғарбий томондан ўраб турган девор эса 50x50 ҳажмдаги блоклардан бунёд этилган. Ховли томондан 2-хона остида жойлашган ер ости хонасига тушадиган эни 0,70 м, бўйи 1,65 м бўлган йўлак

очилган. 1-хона (7,60x3,45 м) ва 2-хоналарнинг (6,30x3,50 м) жанубий ғарбий бурчагида кудук жойлашган. 6-хонанинг ғарбий ва шарқий деворларида ганч билан безатилган токчалар ва хона полидан нақшлар билан безатилган, ганчдан қилинган бордюр ва карниз қолдиқлари топилган. Барча хоналарнинг деворлари ва поллари лой билан, фақатгина 6-хонанинг (7,40x4 м) ғарбий ва шарқий деворлари ганч билан сувалган.

Иккинчи қурилиш даврида (X-XI асрлар) уйнинг ички тузилишида ўзгаришлар рўй бериб, 2-хонада баландлиги 35 см, узунлиги 5,50 м, эни 70 см бўлган суфа қурилади. Суфа жанубдан шимолга чўзилган, унинг атрофида еттита ўчоқ топилган. Хонанинг ғарбидаги 4-хонага борадиган эшик ёпилиб, токчага айлантирилади. Ер ости хонаси ҳам беш қатор хом ғишт билан (45x22x8 см) ёпилади. 5-хонада диаметри 1,15x0,70 м, чуқурлиги 50 см бўлган резервуар бўлиб унинг поли ва деворлари пишиқ ғишт (21x21x4,5 см) билан қопланган. 3-хонанинг шарқида ташнов қурилган. 1 ва 4-хоналарда эса 1,60x1,30 м ва 1,35x1,05 м майдонни эгаллаган иккита ўчоқ мавжуд, хоналарнинг поллари пишиқ ғишт билан қопланган. 6-хонанинг шарқий томонида кулолчилик билан боғлиқ 7, 8, 9-хоналар ва хумдон қурилади. (Джуракулов, Крикис, 1969. С. 312-316; Джуракулов, Крикис, 1970. С. 32-44)

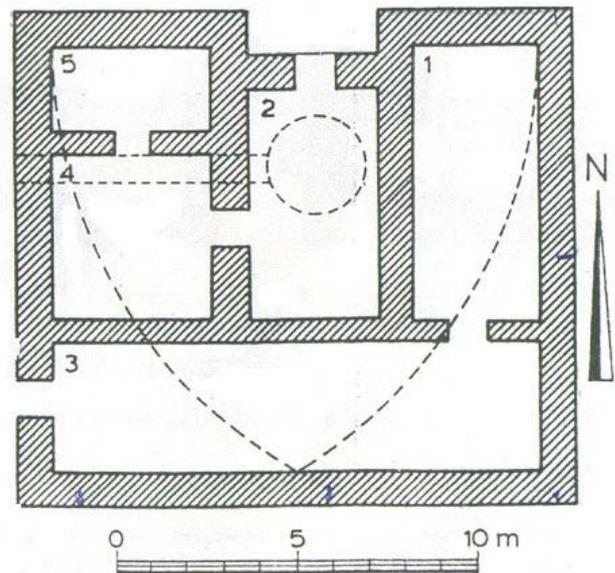
Муаллифларнинг фикрича иккинчи қурилиш даврида амалга оширилган ички конструктив ўзгаришлар туфайли турар жойлар майдони қисқарган эмас. Лекин, 2-хонадаги суфа устидаги ўчоқчалар, 1 ва 4-хоналардаги 1,60x1,30 м ва 1,35x1,05 м ҳажмли иккита ўчоқлар ушбу хоналарни бевосита ишлаб чиқариш билан боғлиқ эканлигидан далолат беради. Демак, иккинчи қурилиш даврида бинонинг асосий қисми ишлаб чиқариш билан боғлиқ бўлган, деган фикр айтиш мумкин.

С.Г.Хмельницкийнинг фикрича биринчи қурилиш даврида (VIII аср охири - IX аср) 2-хона (6,30x3,50 м) дарвозахона вазифасини бажарган, унинг ғарбида жойлашган бир бирига эшик билан туташ 4-хона (4,50x4,50 м) ва 5-хона (4,50x2,30 м) эса турар жой вазифасини бажарган бўлиши мумкин. Бир-бири билан туташган 1-3-хоналар бошқа хоналардан (4, 5-хоналар) алоҳида жойлашганлиги туфайли, омборхона ёки хўжалик мақсадларида, 2-хона остида жойлашган ер ости хонаси (диаметри 2,40 м) эса ёзги иссиқдан сақланиш мақсадларида фойдаланилган, деган фикрни билдиради (Хмельницкий, 1992. С. 259).

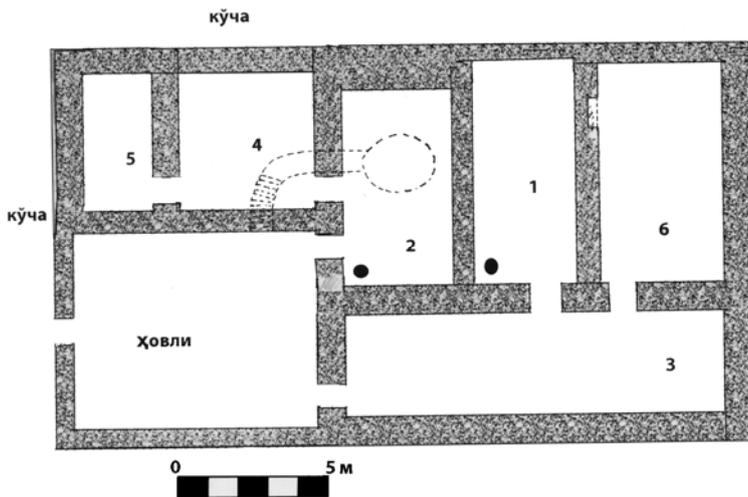
Фикримизча, тадқиқотчининг бу фикрида бир қатор ноаниқликлар мавжуд. Жумладан, С.Г. Хмельницкий, М. Жўракулов ва Я. Крикисларнинг фақат 1967-йилги қазिशмалари натижалари асосида ушбу хулосага келган. 1968-йилги қазिशмалар натижаларидан фойдаланмаган, яъни, 1968-йилдаги қазिशмалар жараёнида 6-хонанинг очилиши натижасида биринчи қурилиш даврида бино олти хона ва ҳовлидан иборат яхлит меъморий комплекс эканлиги аниқланган.

Шу билан бирга, С.Г. Хмельницкий археологларнинг 1967-йилги мақоласи асосида уй режасини реконструкция қилишда ҳам хатоликга йўл қўяди (7-расм). М. Жўракулов ва Я. Крикислар томонидан 5-хона 4-хонанинг ғарбида жойлашганлиги қайд қилинишига қарамай, С.Г. Хмельницкий тузган режасида 5-хона 4-хонанинг шимолида жойлаштириб, уйнинг тўғрибурчак контурига тенг томонли учбурчак пропорцияси тўғри келишини ва бу нарса ўша даврнинг ўзига хос хусусияти эканлигини таъкидлайди. Шу асосда у турар жой ўзининг тўғрибурчак режасига кўра, Варахша уйларига яқин, деган фикрни билдиради. Лекин тадқиқотчиларнинг 1967-1968 йиллардаги қазिशмаларнинг тавсифи ва қазилма қолдиқларини кузатиш жараёнида турар жой режаси реконструкция қилиниши жараёнида турар жой режаси С.Г. Хмельницкий тузган режадан фарқ қилиши аниқланди (8-расм).

Бундан ташқари, С.Г. Хмельницкий ер ости хонасидан ёзги иссиқдан сақланиш мақсадларида фойдаланилганлигини айтиб ўтади. Лекин, бундай ер ости хоналаридан омборхона сифатида фойдаланилган бўлиб, хонанинг ки-

7-расм

8-расм

чиклиги (баландлиги 1,5 м, диаметри 2,40 м) ва вентиляция тизимининг йўқлиги ёзнинг иссиқ кунларида ундан фойдаланиш имконини бермайди. Бундай ер ости хоналар Афросиёб ва Ахсиқентдан кўп топилган бўлиб, улардан фақат омборхона сифатида фойдаланилган. (Анарбаев, 2005. С. 229).

Юқоридаги маълумотлардан келиб чиққан ҳолда бу борада қуйидаги фикрларни билдириш мумкин. VIII аср охири - IX асрларда, яъни, биринчи қурилиш даврида турар жой комплекси олти хонадан иборат бўлиб, унинг жануби-ғарбий томонида ҳовли жойлашган. Ўзаро эшиклар билан боғланган 2, 4, 5 ва 1, 3, 6-хоналар алоҳида блокни ташкил этиб, ҳар бир блокнинг чиқиш эшиги ҳовлига қараган. Ҳар бир блокда (1 ва 3-хоналарни жануби-ғарбида) чуқурлиги 4-5 м бўлган қудуқ бор. Таҳлилий тадқиқотларга асосланиб, бу ерда бир бирига қондош икки оила истиқомат қилган бўлса керак, деган фикрни айтиш мумкин. Зеро, XIX-XX аср бошларига оид ўзбек халқ турар жойларини ўрганган Р.Р. Абдурасулов бу даврда оилада патриархал турмуш тарзи мавжуд бўлиб, аксарият ҳолларда уйланган ўғилларни алоҳида қилиб чиқаришга интилишмаган, деган фикрни билдиради (Абдурасулов, 1960. С. 7).

Иккинчи қурилиш даврида эса, яъни, X-XI асрларда бинонинг турар жой билан боғлиқ майдони қисқариб, 1, 2 ва 4-хоналардан ишлаб чиқариш мақсадларида фойдаланила бошланди. Бундан ташқари кулолчилик ишлаб чиқариши билан боғлиқ янги 7, 8, 9-хоналар қурилган. Бу даврда фақатгина 3 ва 6-хоналар турар жой вазифасини бажарган бўлиши мумкин.

1960-йилларнинг охирида ҳам бир қатор

турар жойлар қазиб ўрганилсада, қўлга киритилган натижаларнинг аксарияти чоп этилмаган. Хусусан, 1967-1968-йилларда Афросиёбнинг ғарбий қисмидаги қазилмалар жараёнида иккита уй аниқланган бўлиб, улар ҳақида фақат умумий маълумотлар берилган. Яъни, биринчи уй паҳсадан қурилган бешта турар жой ва хўжалик хоналаридан ҳамда заргарлик устахонасидан иборат бўлиб, хона деворлари ганч билан сувалган. Айрим хоналар деворлари қизил ва кўк ранг билан ҳам бўялган.

Иккинчи уйда меҳмонхонанинг полига пишиқ ғишт қопланган бўлиб, деворида ганч безаклари ва кўк ранг ишлатилган (Гулямов, Буяков, 1969. С. 272). 1970-1972 йилларда 31/XVII қазилмада ҳам IX-XI асрларга оид турар жойлар аниқланган бўлсада, натижалари чоп этилмаган (Буяков, Ташходжаев, 1974. С.84).

Кейинги йилларда Ўзбек-Франция қўшма экспедицияси томонидан Афросиёбнинг биринчи девори ичида, қалъа ёнида XII асрнинг иккинчи ярмига мансуб Қорахонийлар саройи очилган. Хусусан, олиб борилган қазилмалар натижасида бир-бири билан боғлиқ бўлган бир нечта ҳовлилар аниқланган, уларнинг ҳар бири турар жой ва хўжалик хоналаридан иборат бўлган. Турар жойлар асосан синчдан бунёд этилган (Карев, 2009. С. 27, 39).

Юқоридаги мавжуд маълумотларни умумлаштирадиган бўлсак, IX-X асрларда турар жойлар, асосан, паҳса, хом ғиштдан бунёд этилган. Паҳсанинг қалинлиги 55-90 см.ни ташкил этса, паҳса блоklar ҳажми 67x69x90 см, 80x80x100 см, 90x100x115 см оралиғида бўлган. Хом ғишtlар, асосан, 1:2 ўлчамда (40x20x4 см; 47x24x7-8 см; 42x24x3,5 см) бўлиб, илк ўрта асрларда қўлланилган ғишtlарга (50x25x10 см) яқин. Хона поллари, асосан, сомонли лой билан сувалган. Баъзида хоналар, ва ҳовлиларнинг поллари квадрат шаклидаги (20-28x20-28x3-5 см; 48-50x48-50x4 см) ёки 1:2 ўлчамли (40x20x8 см; 46x28x8 см;) пишиқ ғишtlар билан қопланган. Бошқа бир ҳолатларда хоналар ганч билан ҳам сувалган. Хона деворини безашда қизил, кўк, сариқ ранглардан ҳамда лойга ва ганчга ўйилган нақшли безаклардан фойдаланилган. Хона интерьерида суфа билан бирга янги элемент - ташнов пайдо бўлади. Ташновлар, асосан, VIII аср иккинчи

ярмидан пайдо бўлиб, уларнинг қолдиқлари дастлаб, Варахша, Қува ва Панжикентда топиб ўрганилган (Анарбаев, 1974. С. 132). Ташновлар, нафақат турар жойларда, балки хўжалик ва ишлаб чиқариш билан боғлиқ хоналарда ҳам мавжуд бўлган. Бундан ташқари илк ўрта асрлар уйларини ядроси ҳисобланган заллар ўрнини VIII асрнинг 70-йилларидан бошлаб очиқ ҳовлилар эгаллай бошлайди. Ҳовлилар хўжалик ҳамда ишлаб чиқариш мақсадларида фойдаланилган. Очиқ ҳовлилар Панжикент худудида ҳам учрасада (XXI, XXIII, XXV объектлар – VIII аср ўрталари) улар хўжалик ёки ишлаб чиқариш мақсадларида эмас, балки катта байрам ёки тантаналарда меҳмонларни кутиш учун фойдаланилган (Распопова, 1990. С. 161). Шуни ҳам алоҳида қайд этиш лозимки, очиқ ҳовлилар Ўрта Осиё, жумладан Суғд архитектурасида янгилик бўлмасдан, у антик давр турар жойларида ҳам учрайдилар. Очиқ ҳовлиларнинг қайта тикланиши Олд Осиё турар жойлари таъсири билан боғланади (Распопова, 1990. С. 195). IX-X асрларда ҳовлилар уйнинг ёни ёки олд томонида жойлашган. VIII аср охири - IX аср бошларидан бошлаб хўжалик мақсадларида, яъни, омборхона сифатида ер ости хоналари қурила бошланади.

X асрдан бошлаб ўтган асрдан фарқли равишда турар жойлар характерида маълум бир ўзгаришлар кузатилади. Яъни, VIII аср охири - IX асрда асосан турар жой вазифасини бажарган хоналарларнинг аксарияти X асрга келиб ишлаб чиқариш эҳтиёжлари учун ажратила бошлайдилар. Хусусан, М. Жўрақулов ва Я. Крикис томонидан ўрганилган уй биринчи қурилиш даврида 6 та турар жой хонасидан иборат бўлган бўлса, иккинчи қурилиш даврида (X-XI асрлар) бинонинг турар жой билан боғлиқ майдони қисқариб, фақатгина 3 ва 6-хоналар турар жой вазифасини бажарганлар. Қолган хоналар кулолчилик билан боғлиқ ишлаб чиқариш мақсадларида фойдаланила бошлаганлар. Худди шундай ҳолатни 23-қазишмада ўрганилган кулоллар маҳалласида ҳам кузатишимиз мумкин. Биринчи ва иккинчи қурилиш давларида маҳалла, асосан турар жой биноларидан иборат бўлса, учинчи қурилиш даврида (X аср—XI аср 1-чораги) бу ерда 14 та хўжаликдан иборат кулоллар маҳалласи шаклланади. Хар бир хўжаликда фақатгина бир иккита хона турар жой вазифасини бажариб, қолган хоналар ишлаб чиқариш учун ажратилган. Бундай ҳолатда иккита хона бир вақтнинг ўзида ошхона, ётоқхона,

меҳмонхона каби вазифаларни бажарган. X асрдаги турар жойлари характеридаги бундай ўзгариш Ўрта Осиёда марказлашган давлат-Сомонийлар давлатининг ташкил топиши, шаҳарларда хунармандчиликнинг янада ривожланиши билан боғлиқ. Шу даврдан бошлаб шаҳар аҳолисининг асосий қисмини ташкил этган хунармандлар давлатнинг иқтисодий ва маданий ҳаётида муҳим ўрин эгаллай бошлайди. Шаҳристон аввалгидек хунармандлар макони сифатида ўз фаолиятини давом эттиради.

XI-XII асрларда шаҳар меъморчилигида, жумладан, турар-жойлар қурилиш маданиятида маълум ўзгаришлар рўй беради. Бу даврда пахса ва хом ғишт билан бир қаторда ёғоч (синч) кенг қўлланила бошланади, яъни, синч уйлар пайдо бўлади. Синчнинг қўлланилиши хоналарни бўлиб турувчи деворларни қалинлигини юққалашишига, яъни, 25-30 см бўлишига олиб келди. Н.И.Крашениникова ва Ш.Пидаевларнинг фикрларича, синчли уйлар шаҳарнинг жанубий-ғарбий қисмларида кенг тарқалиб, улар асосан аҳолининг кам таъминланган қатламига тегишли бўлган (Крашениникова, Пидаев, 1981. С. 130-131). Бу фикрга қўшилиш қийин, чунки бизга маълумки, бу даврда ҳатто саройлар ҳам синч услубида қурила бошлаганлар. Масалан, Афросиёб аркининг шарқий қисмида қорахонийлар ҳукмдори Усмон саройи (XII асрнинг 2-чи ярми) синч услубида қурилган (Карев, 2009. С. 26). Айни пайтда бу даврда уйлар ички ва ташқи ҳовлига бўлиниб, хоналар уларнинг атрофида шаклландилар (Ташходжаев, 1974. С. 4). О.Г.Большаков тарихий манбалар асосида XI-XII асрлар шаҳарларида аксарият уйлар икки қаватли бўлиб, ёғочдан қурилган, иккинчи қавати кўчага бўртиб чиққан, бу даврга келиб пандус ўрнини ёғоч зиналар эгаллайди деган фикрни билдиради (Большаков, 1973. С. 262). Бунга, асосан, қурилишда ёғочнинг кенг қўлланилиши сабаб бўлган бўлса керак. Зеро, XI аср ўрталарига оид вақф ҳужжатида уй таркибига кирувчи, яшаш ва фойдаланиш учун керак бўлган жихозлар ичида занжир, мих, буюмлар, кул ва ўтин сақланадиган омбор, ташновлар билан бир қаторда зинапояларнинг ҳам қайд этилиши юқоридаги фикрни тасдиқлайди (Буниятов, Гасанов, 1994. С. 53).

Юқорида келтирилган материаллардан кўриниб турибдики, Афросиёб худудида IX-XIII аср бошларига оид шаҳар турар жойлари, асосан, йўл-йўлакай ва моддий маданият қолдиғи сифатида ўрганилган. Турар-жойларнинг шаҳар инфраструктурасида тутган ўрни, улар-

нинг қурилишида маҳаллий анъаналар, инновацион янгиликлар ва интеграция муаммолари махсус ўрганилмаган. Шу билан бирга, ушбу уйларда яшаган аҳолининг кундалик турмуш тарзи билан боғлиқ муаммоларга етарли даражада эътибор берилмаган. Шунингдек 9, 23-қазишмаларда хунармандлар маҳалласи тадқиқ этилган бўлсада, бунда асосан археологик материалларни таҳлил қилишда турар жойлар билан боғлиқ хоналар борасидаги маълумотлар кам берилган.

Хулоса сифатида шуни айтиш мумкинки, IX-XIII аср бошларига оид Афросиёб турар жойларига оид шу вақтга қадар қўлга киритилган материалларни умумлаштириш, археоло-

гик, этнографик ва тарихий нуқтаи назардан тадқиқ ва таҳлил қилиш жуда муҳим илмий аҳамияти касб этади. Зеро, бундай ёндашув нафақат турар жойлар архитектураси, ички структураси, қурилиш материаллари балки, унинг ички жиҳозлари ва улар билан боғлиқ бўлган расм-русумлар, урф-одатлар, диний эътиқодлар борасида ҳам янги маълумотларни қўлга киритиш имконини беради. Бу эса ўз навбатида IX-X ва XI-XII асрларда рўй берган сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ўзгаришларнинг турар жой маданиятига, унда истиқомат қилган инсонларнинг дунёқарашларига кўрсатган таъсирини ўрганиш имконини беради.

Фойдаланилган адабиётлар

- Абдурашулов Р.Р.** Архитектура народного жилища Узбекистана //Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Анарбаев А.А.** О применении кубуров в водоснабжении и канализации городов Средней Азии // ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974.
- Анарбаев А.А.** Средневековые жилища Ахсикента (XI-XII вв.) // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд, 2005.
- Анарбаев А.А.** Благоустройство средневекового города Средней Азии (V—начало XIII в). Ташкент, 1981.
- Большаков О.Г.** Город в конце VIII - нач. XIII в. // Средневековой город Средней Азии. Л., 1973.
- Брусенко Л.Г.** Раскопки квартала гончаров на городище Афрасиаб // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б.** Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994
- Буряков Ю.Ф., Таишходжаев Ш.С.** Археологические исследования на городище Афрасиаб в 1970-1972 гг. // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1974.
- Вяткин В.Л.** Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1927.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф.** Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Джуракулов М.Д., Крикис Я.К.** Раскопки здания IX-XII вв. на городище Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Кабанов С.К., Филанович М.И., Урманова М.Х.** Раскопки части жилого массива IX-XI вв. // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1974
- Карев Ю.В.** Открытие караханидской настенной живописи в Самарканде // Вестник истории литературы искусства. Т. VI. М., 2009
- Крашенинникова Н.И., Пидяев Ш.Р.** Северные пределы Шахизиндинского кладбища // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Крикис Я., Пачос М., Таишходжаев Ш., Федоров М.** Жилой комплекс X-XI вв. в западной части Афрасиаба // НРС. №7. Ташкент, 1963.
- Мухамеджанов А.Р. и др.** Городище Пайкент. Ташкент, 1988.
- Распопова В.И.** Жилища Пенжикента (Опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.
- Таишходжаев Ш.С.** Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Таишходжаев Ш.С.** Самаркандский жилой дом IX-X вв. // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
- Хмельницкий С.** Между арабами и тюрками // Архитектура Средней Азии в IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.
- Шарахимов Ш.** Квартал гончаров в X - начале XI в. // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Шишкин В.А.** Кал'а и Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
- Шишкина Г.В.** Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.

Х. Матякубов

АМУДАРЁ ҚУЙИ ҲАВЗАЛАРИНИНГ ҚАДИМГИ ТАБИЙ-ГЕОГРАФИК ҲОЛАТИ ВА АНТРОПОГЕН ЛАНДШАФТИНИНГ ШАКЛЛАНИШИ

Амударё Ўрта Осиё ва Оролбўйи минтақасининг табиий-иқлим шароитини белгилаб берувчи энг муҳим икки дарёсидан биридир. Унинг ҳар хил геологик даврлардаги сув режими ва динамикаси ҳудуднинг тарихий-географик харитасини вужудга келтирган.

Ўтган асрда Ўрта Осиёда чўллашиш жараёни кучайиб бораётганлиги хусусидаги фаразлар қатор тадқиқотчиларни Амударё сувининг тарихий динамикаси билан махсус шуғулланишга ундаган эди. Л. Берг, К. Марков, С.П. Толстовлар бу борада салмоқли ишларини амалга оширдилар. С.П. Толстов ва у раҳбарлик қилган Хоразм археологик этнографик экспедицияси ходимларининг геоморфолог олим А.С. Кесь билан ҳамкорликдаги тадқиқотлари натижасида қуйи Амударё ҳавзасининг турли геологик даврлардаги табиий-географик ҳолати ва антропоген ландшафтининг шаклланиши юзасидан илк бор фундаментал тадқиқот иши эълон қилинди (МХЭ, 1960. Вып. 3). Ҳудудда кейинги йилларда олиб борилган изланишлар В.Б. Андрианов томонидан умумлаштирилди (Андрианов, 1969).

Геоморфологик текширувларга кўра палеозой эрасида Ўрта Осиё ҳудудлари улкан Тетис денгизи остида бўлган. Ушбу эранинг герцин бурмаланиш циклида Султон Увайс, Қоратов, Юмуртов ва Қубатовлар вужудга кела бошлайди. Мезозой эраси давомида денгиз шарққа томон чекина бориб унинг ўрнида кенг текисликлар ҳосил бўлади. Бундан тахминан 12-5 миллион йил бурун Неоген (учламчи) даврининг Миоцен босқичида бутун Ўрта Осиёнинг ландшафтини белгилаб берувчи чўл (арид) иқлими қарор топади. Неоген даврининг охириги босқичи плиоценда (4-3 млн. йил аввал) ҳозирги Орол-Сариқамиш ботиғи ўрнида паст-текисликлар шаклланади. Аммо, таркиб топган арид иқлими барқарор бўлмай, даврий равишда қуруқ ва нам иқлим билан алмашиб турган. Қуёш ва иссиқликнинг мўллиги, қишнинг нисбатан илиқ ва қисқа давом этиши, йилнинг барча фаслларида доимий ўтлоқларнинг мавжуд бўлиши чўл зонасининг муҳим табиий хусу-

сияти ҳисобланади. Буларнинг бари инсоннинг яшаши учун қулайлик туғдиради. Аммо чўл зонасида сувсиз яшашнинг имкони йўқ. Демакки, одамнинг чўл минтақасида фаолияти у ёки бу сув манбаининг мавжудлиги билан бевосита боғлиқ эди.

Бугунги кунга қадар, Ўрта Осиё чўл зонасида инсон фаолияти билан боғлиқ манзилгоҳлар ва ибтидоий тош қуруллар жуда кўп топилган. Улар ҳозирда сув мавжуд бўлмаган ҳудудларда ҳам кенг тарқалган. Шунинг учун, ҳозирги Оролбўйи минтақаси ва унга қўшни бўлган ҳудудларга одамларнинг келиб жойлашиши хусусида тўхталишдан олдин Ўрта Осиё текисликларининг палеографик тараққиёти ва унинг босқичларини ўрганиш зарур.

Ўрта Осиё табиий ландшафтининг шаклланишида ҳудуддан турли йўналишда ҳаракатланган дарёлар ва шамолларнинг фаолияти ҳал қилувчи омил бўлган. Бунда, айниқса палео-Амударё, палео-Сирдарё ва палео-Зарафшон дарёларининг фаолияти муҳим ўрин тутган. Учламчи ва ундан кейинги плейстоцен даври мобайнида ушбу дарёлар ва уларнинг ўзгарувчан ирмоқлари денгиздан бўшаган текисликларни аллювиал ётқизиклар билан тўлдира борган. Қуриб қолган дарё ва кўл остидаги юмшоқ аллювиал чўкинди жинслар шамол таъсирига тушиб, ҳудуднинг кўп жойларида юмшоқ қум массивларини ҳосил қилган. Мана шу жараёнда неоген даврининг сўнгги босқичи плиоценда (4-3 млн. йил бурун) бугунги Унгузорти Қорақуми, Қоруқумнинг катта қисми юзага келди (Виноградов, Итина, Кесь, Мамедов, 1974. С. 290-291). Бунда қадимги Амударёнинг фаолияти айниқса аҳамиятли бўлган.

Помир тоғларининг баланд тизмаларидан бошланган Амударё текисликлар орқали оқар экан, бу ерларни миллион йиллар мобайнида ўзи билан олиб келган тоғ жинслари ва аллювиал ётқизиклар билан тўлдира борди.

Амударёнинг бутун геологик тарихини иккита асосий босқичга бўлиш мумкин: биринчиси, учламчи даврнинг плиоцен, тўртламчи даврнинг қуйи, ўрта плейстоцен босқичларга

бориб тақалувчи тарихий давргача бўлган давр, иккинчиси, юқори тўртламчи (плейстоцен) ва ҳозирги тарихий давр (голоцен).

Биринчи давр (плиоцен ва қуйи ва ўрта плейстоцен (тўртламчи даврнинг биринчи ярми)да Амударё, унинг қирғоқларида одамлар яшай бошлашларидан анча олдин баланд тоғлардан текисликка оқиб чиққач, ҳозирги Чоржуй атрофларида ғарбга томон бурилиб, Каспий денгизи томон оққан (Герасимов, 1937. С. 63; Низовья Амударё, 1960. С. 344). Бу даврда Амударё ўз йўналишини кўп маротаба ўзгартирган. Копетдоғнинг шимолий томони бўйлаб оқиб миллион йиллар мобайнида ўзи билан олиб келган аллювиал ётқизиклар билан ҳозирги Қорақум ва Унгузорти Қорақуми тепаликларини шакллантирган (МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 16-17).

Қуйи ва ўрта тўртламчи даврнинг палеогеографик харитасига эътибор берадиган бўлсак, худуднинг тузилиши ҳозиргидан анча фарқ қилганлигини кўрамиз. Музлик даврдан олдинги даврларда Амударё Хоразм томонга қараб оқмаган. Бу пайтда Орол денгизи ҳам, Сарикамиш кўли ҳам мавжуд эмасди. Орол, Сарикамиш, Асакавдон ва бошқа пасттекистикларнинг ўрни сувсиз саҳролардан иборат бўлган (Герасимов, Марков, 1939. С. 270-271). Орол денгизи ўрнидаги ботикдан жанубда, Сарикамиш ботиғидан шарқ томонда Султон Увайс тоғининг бутун жануби бўйлаб, шарқда Қизилқум, жанубда Унгузорти Қорақуми саҳроларига туташган катта Хоразм кўли мавжуд эди. Хоразм кўли унга шимолий шарқ томондан қуйиладиган Сирдарё, жанубий шарқ томондан эса Зарафшон дарёлари келтирган сувлар билан тўйиниб турган.

Юқори тўртламчи (илк хвалин) даврига келиб, Амударё ўзи оқизиб келган чўкинди жинслар билан ўзанини тўлдириб, ғарбга томон йўлини тўсади ва ўз йўналишини шимолга томон ўзгартиради. Амударё энди Унгузорти Қорақумини шарқ томондан айланиб ўтиб, Хоразм кўли томон оқа бошлайди ва ўз навбатида текисликларни аллювиал ётқизиклар билан тўлдира бошлайди. Мана шу даврдан бошлаб узоқ тарихий-геологик жараёнлар натижасида худуднинг табиий географик хусусиятларига мос равишда **Амударёнинг учта асосий ўзани: Ақчадарё, Сарикамишбўйи ва ҳозирги Оролбўйи дельталарининг таркиб топиш жараёни бошланади** (Толстов, Кесь, 1956. С. 327-336).

Тўртламчи даврнинг охирига келиб, аниқроғи қадимги тош даврининг сўнгги

босқичида Хоразм кўли ўзининг ғарбий чегараларини ўзгартирмаган ҳолда Амударё оқизиб келган чўкинди жинслар билан тўла бориши натижасида шарқ томондан ғарбга чекиниб, сувдан бўшаган кўл ўрнида текисликлар ҳосил бўлади.

Гидрографик тармоқларнинг ўзгариши натижасида айни пайтда Орол денгизи пайдо бўлади (Толстов, Кесь, 1939. С. 339). Геоморфологик тадқиқотларга кўра, Орол денгизи ўрнидаги чуқурликка дастлаб Амударёдан олдин Сирдарё қуйилишни бошлаган. Тўртламчи даврнинг охири (илк хвалин даври)да Сирдарё илгари сувсиз ётган Орол чуқурлиги томон йўл очган. А.С. Кесьнинг фикрича, Амударё сувлари Оролга узоғи билан бундан 22 минг йил бурун қуйила бошлаган. Оролга келадиган Амударё сувининг миқдори Сирдарёниқига нисбатан 3 баробар кўп бўлсада, Амударё қуйи оқимида ўзанини тез-тез ўзгартириб турганлиги сабабли, унинг денгизга қуйилиши барқарор бўлмаган. Бу эса денгиз сатҳининг доимий равишда бир маромда туришига монелик қилган ва унинг худуди гоҳ кенгайиб, гоҳ кичрайиб турган (Кесь, 1979. С. 19).

Амударё фақат Ақчадарё ва Сарикамиш дельталари шаклланиб бўлгач голоценнинг охирида Орол денгизига барқарор равишда қуйила бошлайди. Ўрта ва қуйи голоцен даврида Амударё Оролга жуда кам сув олиб келган. Бу жараён деярли мил. авв. II минг йилликка қадар давом этган. Мил. авв. II минг йилликдан бошлаб эса, Амударё асосан, Ақчадарё ўзани орқали Орол томон оққан. Аммо сувнинг қуйилиши вақт жиҳатидан ҳам, миқдор жиҳатидан ҳам ўзгариб турган. Чунки сувнинг бир қисми онда-сонда Сарикамиш дельтасига ҳам қуйилган. Тадқиқотларга кўра, Орол денгизининг трансгрессияси (максимал сувга тўлган вақти) мил. авв. 2,5–1 минг йиллик йилликларга тўғри келади (Кесь, 1979. С. 20).

Амударёнинг дастлабки пайдо бўлган дельтаси **Ақчадарё** ҳисобланади. Унинг шаклланиш жараёни илк хвалин (юқори тўртламчи) даврдан бошланган (МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 17). Ақчадарё ўзани ҳозирги Тўрткул шаҳри яқинидан бошланган. Унинг шимолга томон йўналган кўп сонли тармоқларидан ҳосил бўлган учбурчаксимон ҳавзаси ҳозирда ғарб томондан Амударё, шимолдан унча баланд бўлмаган Султон Увайс тоғи, шарқда дельтадан 20-30 м баланд бўлган Қизилқум барханлари билан чегараланган. Дельтанинг ушбу қисми Жанубий Ақчадарё деб юритилади. Султон Увайс тоғи билан Қизилқум саҳроси

оралигида жанубий дельтанинг кенглиги максимал даражага (90 км) етади. Бу кенглик меридионал йўналишда эса 70 км.га чўзилган. Жанубий дельта Ғарбий Ақчадарё, Ўрта Ақчадарё ва Шарқий Ақчадарё дельталаридан иборат бўлиб, улардан ўз навбатида бир неча майда ирмоқлар тармоқланиб кетган. Ғарбий Ақчадарё ўзани Султон Увайс тоғини жануб томондан айланиб ўтгач, шимолий-шарқий бурчақда Шарқий Ақчадарё дельтаси билан бирлашиб ягона катта ўзанни ҳосил қилган. Ушбу ўзан Қизилқум саҳросини шимолга томон ёриб ўтиб узунлиги 75 км келадиган Ақчадарё йўлагини ҳосил қилган. Ушбу ўзан шимолроқда яна бир неча ирмоқларга ажралиб Шимолий Ақчадарё дельтасини ҳосил қилган. Шимолий Ақчадарё дельтаси ҳам ўз навбатида Ғарбий, Марказий ва Шарқий тармоқларни ҳосил қилган. Шимолий Ақчадарё нисбатан кенроқ майдонни эгаллаб, шимолдан жанубга 110-120 км, ғарбдан шарққа томон 120 км га чўзилган. Унинг жанубий ва жанубий-шарқ томони Қизилқум саҳросига туташиб кетади.

Комплекс археоло-географик текширувлардан маъмум бўлишича, Ақчадарё ўзани асосан илк хвалин даврида шаклланиб бўлган. Қадимги тош даврининг ўрта босқичида Амударё сувининг асосий қисми Ақчадарё орқали оққан. Ақчадарё бу пайтда Султон Увайс тоғини шарқ томондан айланиб ўтиб Қизилқум саҳроси орқали Хоразм кўлининг шимолий-шарқий бурчақига, сувнинг бир қисми эса Белтов қирларини шимолий шарқий томондан айланиб ўтиб Орол денгизи ўрнидаги чуқурликка қуйилган (МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 35).

Музлик даврининг охирларига келганда Ақчадарё ўзанида сув оқими кескин камайиб кетади. Бу Амударёнинг иккинчи йирик Сарикамишбўйи ўзанининг таркиб топиши билан боғлиқ эди. Голоцен даврида аллювиал чўкиндилар билан тўлиб қолган Хоразм кўли ўрнида текислик ҳосил бўлиб, олдинги даврларда сувсиз ётган Сарикамиш ботиғи ўрнида эса катта кўл ҳосил бўлади. Шу пайтда Амударё сувининг асосий қисми Сарикамиш томонга оққан. Музлик давридан кейинги мезолит ва неолит даврларида Сарикамишбўйи дельтаси билан бир вақтда фаолиятда бўлган Ақчадарёда сув оқими мавжуд бўлган бўлсада, у илгариги даврлардагидек кўп миқдорда бўлмаган. Неолит даврида Амударёнинг сувлари Ақчадарё бўсағасидан шимолга ёриб ўтиш даражасида бўлмаган. Бу эса мил.авв. IV-III минг йилликларда жанубий Ақчадарё ҳавзасида сувнинг кўп миқдорда тўпланиб, бу ерда кўп сонли

кўллар ва ботқоқликларнинг ҳосил бўлишига олиб келган. Шимолий Ақчадарё ҳавзасида мил. авв. II минг йилликнинг биринчи ярми ва ундан олдинги даврларга оид манзилгоҳларнинг нисбатан кам топилганлиги бу ҳудудда сув оқимининг бўлмаганлиги билан асослаш мумкин. Жанубий Ақчадарё ҳавзасида эса сувнинг ҳаддан зиёд бўлганлиги туфайли неолит овчи-балиқчилар маконларининг аксарияти тепалик ва дўнгликлар устида қайд қилинади (Итина, 1998. С. 79-80).

Мил. авв. III минг йиллик охирида Сарикамишбўйи дельтасидаги ирмоқларнинг лойқа билан тўлиб қолиши натижасида, Ақчадарё ирмоқлари яна қайтадан жонланади. Ушбу давр Ақчадарёнинг энг фаоллашган даври ҳисобланади. Сувнинг кўп миқдорда бўлиши Шимолий Ақчадарё дельтасида ҳам сув оқимини вужудга келтиради. Ақчадарё ҳавзасида неолит манзилгоҳлари устида пайдо бўлган 1,5 м гача етадиган кумоқ чўкинди жинслар бундан далолат беради (Виноградов, 1968. С. 32).

Ақчадарё ирмоқларининг сув билан тўлишини ушбу ҳудудда II минг йилликка оид бронза даври манзилгоҳларининг кенг тарқалганлиги ҳам тасдиқлайди. Хоразм воҳаси бронза даврининг йирик мутахассиси М.А. Итина мил. авв. II минг йилликнинг иккинчи ярми I минг йиллик бошларида Ақчадарё ўзани ирмоқлари атрофларида аҳоли зич яшаганлигини қайд қилади (Итина, 1959. С. 52). Шундай қилиб, Амударё ўз йўналишини янгидан шарққа томон ўзгартириши туфайли Ақчадарё ўзани дастлаб доимий, мил. авв I минг йиллик бошларига қадар эса даврий равишда сув билан таъминланиб турган.

Ақчадарё ҳавзасига аҳоли манзилларининг кенг ёйилиши ўзаннинг иккинчи маротаба сувга тўлиши билан боғлиқ.

Мил. авв. I минг йилликдан бошлаб Ақчадарёда сув оқими кескин камайиб кета бошлаган. Антик даврга келиб эса у тамоман қуриб қолади (Толстов, 1962. С. 91-92).

Чап қирғоқ Хоразм воҳаси Қорақумдан шимолда, Устюрт ва Сарикамиш ботиғининг жануби ва шарқидаги кенг ҳудудларни ўз ичига олиб, географик атамашуносликда Сарикамишбўйи дельтаси деб юритилади.

Юқорида айтилганидек, сўнги хвалин даврига келиб Хоразм кўли Амударё оқизиб келган чўкинди жинслар билан тўла бориши натижасида, унинг ўрнида аллювиал ётқизиклар билан тўлган унумдор текислик ҳосил бўлади (МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 21). Амударёнинг

лойқали суви янги ҳосил бўлаётган Сарикамиш дельтасининг табиий-географик хусусиятларини вужудга келтира бошлайди.

Амударёнинг Сарикамишбўйи дельтаси пасттексисликдан иборат бўлиб, ер сатҳи бир томондан шимолга – Орол денгизи томон, иккинчи томондан ғарбга, Сарикамиш ботиғи томон ҳар километрда 0,2-0,4 м.га пасайиб боради. Худуднинг умумий майдони 1 млн. гектарни ташкил этиб, уни Амударёнинг Қанҳадарё, Тунидарё, Давдон, Дарёлик (Кўхнадарё) каби кўхна ирмоқлари кесиб ўтади (Андрианов, 1969. С. 146; МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 147-174).

Қадимги Сарикамиш дельтаси Амударё Туямўйин сиқиғидан ўтгандан сўнг бироз шимолроқда, Туйнукли деб аталувчи дарёнинг кечув жойи яқинидан бошланган.

Амударёнинг сўл соҳилдаги жанубий ва қадимий ўзанларидан энг катта ва аҳамиятлиси Давдон ва Дарёлик ҳисобланади. Давдон ҳозирги Хонқа ва Янги Урганч оралиғида, Дарёлик эса, Янги Урганчдан 15-18 км шимолроқда Амударёдан ажралиб чиққан. Улар бир-бирига нисбатан 20-30 км масофада параллел равишда ғарбга томон ҳаракатланган.

Чап соҳил Хоразми Давдон ва Дарёликдан ажралиб чиқадиган кўпдан-кўп ўзан ва тармоқлар кесиб ўтади. Бу ўзан ва тармоқларда жуда қадим замонлардан Амударё сувлари гоҳ ғарбга, гоҳ жанубий-ғарбга, гоҳ шимолга томон оқиб, дайдиб юрган кейинчалик эса куриб қолган.

Пасттексисликнинг ҳар ер-ҳар ерида қад кўтариб турган Бутентов, Манқир, Тузқир, Таримқоя, Қанғхақир, Зангибобо, Тойқир, Қалъалиқир, Кўзалиқир, Кубатов ва бошқалар ясси тоғ қирлари бўлиб, учламчи давр текислигининг қолдиқлари сифатида, атрофдаги жойлардан 20-40 м ва ундан ҳам баландроқ кўтарилиб туради. Мана шу асосий қолдиқлардан ташқари, барча худуднинг усти дарё ва кўлларнинг турли чўкинди қолдиқлари билан қопланган.

Мил. авв. 3-2 минг йилликларга келиб дельтанинг аксарият ирмоқлари аллювиал чўкиндилик билан тўлиб бўлиши натижасида Сарикамиш дельтаси шаклланиб бўлган эди.

Бу даврда Амударёнинг гидрографик тизимида туб ўзгаришлар содир бўлган ва дарё тўлиқ ғарб томонга оқа бошлаган Амударё сувларининг жуда катта қисми Сарикамиш ботиғи ва унинг атрофларидаги катта-кичик ботиқларни сув билан тўлдирган. Давдон музлик давридан кейинги ибтидоий даврда Амударёнинг

Сарикамишга оққан энг фаол тармоғи бўлган. Унинг суви ҳисобига Сарикамиш кўлининг сатҳи 58 м.гача кўтарилган. Йиғила борган катта сув массаси Унгузорти Қорақуми ва тепаликлар орасидаги ботиқлар оша йўл очиб, Устюртнинг жануби орқали жанубий-ғарбий йўналишда Каспий денгизининг шарқий кўрфази томон ҳаракатлаган. Шу тариқа узунлиги 550 км.га етадиган Узбой сув йўли шакллана бошлаган (МХЭ, 1960. Вып. 3. С. 21).

Голоцен даврига келиб Узбой ва Сарикамиш атрофларига ибтидоий одамлар келиб ўрнаша бошлайди. Умуман, эраиздан аввалги IV-III минг йилликларда Амударё сувлари Сарикамиш дельтасини тўлдириб, Каспий денгизигача етиб борган. Сувининг асосий қисми мил. авв. II минг йилликка қадар ғарбга – Сарикамишбўйи дельтаси томонга оққан.

Археологларнинг қайд қилишларича, Узбой ва Давдон оқимида қадимда калтаминорликларнинг жойлашиши учун барча шарт-шароитлар мавжуд эди. XX аср мобайнида ушбу худудда олиб борилган археологик қазималар жараёнида неолит даврига оид тош қуроллар намуналари топилган. Худди шундай манзара қадимги Давдоннинг куйи ҳавзаларида ҳам кузатилган (Толстов, 1953). Бу даставвал, Узбойнинг сув ҳавзаси сифатида фаолиятда бўлганидан ва унинг атрофларида сўнгги неолит даври овчилари яшаганлигидан далолат беради.

Бронза даврида (мил. авв. III-II минг йилликлар чегарасида) Узбойда сув оқими деярли тўхтаган. Милоддан аввалги II минг йиллик бошларидан эса Узбойда сув оқими бўлмаган (Итина, 1959. С. 52; Вайнберг, 1999. С. 22). Неолит давридагига нисбатан бронза даврига оид манзилгоҳларнинг кам учратилиши ҳам ана шу табиий омиллар билан боғлиқ деб ҳисобланади.

Амударёнинг энг ёш дельтаси **Оролбўйи дельтаси** ҳисобланади. Милоддан аввалги II-I минг йилликлар чегарасида Амударёнинг иккита асосий тармоғи ҳисобланган Сарикамиш ва Ақчадарё ўзанларининг лойқа ва чўкинди жинслар билан тўлиб қолиши натижасида, уларнинг юзаси кўтарилиб қолади. Амударё эса бу икки ўзанинг ўртасидаги пастликдан ўзига янги йўл очади. Амударё Нукус шаҳридан кейин Оқдарё, Инкардарё, Кўхнадарё, Толдикдарё, Қозоқдарё каби тармоқларга ажралиб Оролбўйи дельтасини вужудга келтиради. Милоддан аввалги I минг йилликнинг иккинчи ярмига келганда Амударё сувининг асосий қисми Оролбўйи дельтаси орқали Орол денги-

зига куйилган (Вайнберг, 1999. С. 217).

Шундай қилиб, тўртламчи даврининг охири ва голоцен даврида куйи Амударё хавзасида вужудга келган қулай географик ва табиий иқлим шароитлари бу ерда ибтидоий одамлар-

нинг кенг ёйилишини таъминлади. Жанубий Оролбўйи минтақасида Калтаминор, Сувёрган ва Тозабогёб маданиятининг юзлаб ёдгорликларини вужудга келтирди.

Фойдаланилган адабиётлар

Андреанов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. – М., 1969.

Берг Л.С. Климат и жизнь. – М., 1947.

Виноградов А.В., Итина М.А., Кесь Э.Д., Мамедов Э.Д. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма // МХЭ. Вып. 8. М., 1968.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Герасимов И.П. Основные черты развития современной поверхности Турана // ТИГ. Вып. 25. 1937.

Герасимов И.И., Марков К.К. Четвертичная геология. М., 1939.

Кесь А.С. Аральское море в голоцене // Археология и этнография Средней Азии. – М., 1979.

Марков К.К. Высыхает ли Средняя и Центральная Азия // Очерки по географии четвертичного периода. – М., 1955.

Итина М.А. Новые стоянки Тазабагыбской культуры (работы 1956 гг.) // МХЭ. Вып. 1. М., 1959.

Итина М.А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Толстов С.П., Кесь А.С. История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи // Сборник статей для XVIII Международного географического конгресса. – М.-Л., 1956.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Толстов С.П. Итоги работ ХАЭЭ АН СССР в 1953 г. // ВДИ. 1955. №3.

И. Жўраев

БРОНЗА ДАВРИ ЧОРВАДОР ҚАБИЛАЛАРИНИНГ ЭТНИК ҚАТЛАМИ ҲАҚИДА ҚАДИМГИ ЁЗМА МАНБАЛАР ВА УЛАРНИНГ АРХЕОЛОГИК МАТЕРИАЛЛАР АСОСИДАГИ ТАҲЛИЛИ

XX аср иккинчи ярмида кенг қўламда олиб борилган археологик ва антропологик илмий изланишлар натижаларига караганда, Ўрта Осиёнинг қадимги аҳолиси бир томондан жанубий минтақаларнинг қадимги Шарқ цивилизацияси марказлари билан, иккинчи томондан эса, Қозоғистон даштлари, Жанубий Сибир, Тоғли Олтой ва жанубий-шарқий Ўрол орти худудларининг кўчманчи чорвадор аҳолиси билан бевосита яқин алоқада бўлган. Ўрта Осиё худудлари бу икки маданий хўжалик дунёсининг учрашув минтақаси ролини ўйнаган.

Қадимги юнон муаллифларининг берган маълумотларига кўра, антик даврда қуйи Сирдарё хавзасининг шарқий соҳиллари кўчманчи чорвадор қабилалар кенг тарқалган худудлар ҳисобланиб, сакларнинг Яксарт (Сирдарё) орти уруғ-аймоқларини суғдийлардан Яксарт дарёси ажратиб турган (Страбон, 1964). Бироқ, ҳозирги давр фани тараққиётининг (айниқса археология ва антропология фанлари) ютуқлари асосида, уларнинг ҳар иккисини моддий маданияти, иқтисодий хўжалик асоси, кундалик турмуш тарзи ва антропологик типи масаласида аниқ тегишли тасаввурларга эга бўлсакда, аммо, уларнинг тили масаласида фанда қарашлар турлича эди.

Масалан, совет тарихшунослигида Тоғли Олтойга қадимдан туркий тилли қабилалар ватани сифатида қаралган. Унга туташ худудлар, яъни бутун жанубий Сибир даштлари, Байкалдан то Қора денгизнинг шимолий-шарқий соҳилларигача чўзилган дашт минтақалари қадимдан эроний тиллар кенг тарқалган минтақалар эди. Бу жойлар аҳолиси қадимда эроний тилларнинг турли лахжаларида гаплашганлар, деб келинди. Бундай қарашнинг пайдо бўлишида қадимий эроний тилларда битилган зардуштийларнинг муқаддас китоби Авестонинг лингвистик таҳлили асосий ёзма манба бўлиб хизмат қилди. Ҳозирги замон Европа халқлари тилларидаги баъзи бир атамаларнинг Авесто матнларида учраши ва уларнинг Европа олимлари томонидан евроцентризм назарияси руҳида олиб борган талқини ва таҳлили

фанда шундай тасаввурларни туғилишига олиб келган.

Аммо, бу худудларнинг моддий маданиятида энеолит ва бронза, илк темир ва антик давр материалларида айнан ўхшашликлар ва ягона тарихий илдиз борлиги яққол кўзга ташланади. Бу илмий ҳақиқат археологик адабиётларда кўп бор тақидланган (Барроу, 1976; Кузьмина, 1974. С. 42-45; 1994; Абаев, 1972; Акишев, 1973; Дьяконов, 1956. С. 124-125; Грантовский, 1970. С. 358-360; Гафуров, 1972. С. 27-33; Бонгард-Левин, Ильин, 1969. С. 121-124).

Шўролар даври тарихшунослиги ва тарихий лингвистикасида Евроосиё дашт аҳолисининг ўша давр тилини ўрганишдаги қадимги Хитой ёзма манбалари тўлиқ жалб қилинмаган эди. Чунки, Европа илмий адабиёти қадимги Хитой ёзма манбаларининг Н.Я. Бичурин таржималарига асосланган холос (Бичурин, 1950).

Қадимги Хитой манбалари устида кейинги йилларда олиб борилган тадқиқотлар Евроосиё даштларининг қадимги аҳолиси ҳақида Н.Я. Бичурин маълумотлари етарли даражада эмаслигини тасдиқлайди. Шунингдек, қадимги Хитой ёзма манбаларининг археологик манбалар билан қиёсий таҳлили Евроосиё дашт қабилалари энеолит ва бронза даврида туркий тилларда сўзлашганликларидан далолат беради (Хўжаев, 2003. 176, 179 бетлар).

Марказий Осиё чорвадор қабилаларининг маданиятлари, уларга тегишли археологик ёдгорликлар собиқ иттифоқ даврида кенг ўрганилган. Улар махсус илмий адабиётларда кенг ёритилган (Кузьмина, 1986; Аскарлов, 1962. С. 29; Грязнов, 1956; Зданович, 1988; Итина, 1977; Сальников, 1967; Сорокин, 1972; Черников, 1960). Чорвачилик хўжалигининг пайдо бўлиш тарихий илдизлари, унинг тадрижий ривожланиш босқичлари бой археологик манбалар асосида ёритилган (Грязнов, 1955. С.19-29; 1957. С. 21-28) ва ушбу ёдгорликлар бир тизимга солиниб, илмий таҳлилий хулосалар асосида умумлаштирилган (Кузьмина, 1994). Шу сабабли, улар ҳақида батафсил маълумотларни келтириб ўтмасдан, улардан

келиб чиқарилган хулосалар ҳақида қисқача тўхташни маъкул деб ҳисоблаймиз.

Дарҳақиқат, ушбу мавзунинг ёритишга асос бўлган моддий маданият манбалари асосан Марказий Осиё даштларидан кўп йиллар давомида топиб ўрганилган археологик объектлар ва қадимги Хитой ёзма манбаларининг қиёсий тахлилига асосланган бўлиб, уларни илмий муомалага киритишда совет даври тарихшунослигида бир ёқламалик ҳукм суриб келди, яъни юқорида таъкидлаганимиздек, панэронистик ғоялар Евроосиё дашт аҳолиси қадимги тарихини ёритишда бош ролни ўйнади. Бу биринчидан, Иккинчидан, тарих фанида жанубий-шарқий Ўрол орти минтақаларидан Россия археологлари томонидан бронза даврига оид Синташта ва Аркаим каби археологик ёдгорликлар комплексларини очиб ўрганишларига қадар Евроосиёда кўчманчи чорвачиликнинг пайдо бўлишини илк темир даври билан боғлаб келинди. Учинчидан, Авесто маълумотларига асосланиб, Евроосиё даштлари чорвадорларининг милоддан аввалги II-минг йиллик ўрталаридан жанубга миграцияси туфайли, Эрон ва шимолий Ҳиндистон вилоятларига эроний тиллар кириб келиб, маҳаллий аҳолининг тилига айланди деб эътироф этилди. Тўртинчидан, кейинчалик у тил ворислари келиб ўрнашиб қолган жойлар Ариана номини олган. Эрон атамаси эса Ариана сўзининг янги шакли сифатида талқин этила бошланди.

Қадимги тарихнинг Ариана термини нафақат ҳозирги Эрон ҳудуди, балки қадимги эроний тиллар тарқалган географик кенглик маъносида тушунила бошланди. Қадимги Хитой ёзма манбаларининг бронза даври археологик материаллари билан қиёсий тахлили Авесто эронийларининг келиб чиқиш тарихий илдизлари туркий тилли бўлганлигидан далолат беради. Дарҳақиқат, археологик материаллар ва қадимги Хитой ёзма манбаларининг янгича қарашлар ва ёндашувларга асосидаги илмий тахлили ва талқинига асосланган академик А.Аскаронинг фикрига кўра, «Орий термини дастлаб ижтимоий маънода, кейинроқ эса чорвадор орийлар маҳаллий аҳоли билан қоришиб кетгач, янги этник мазмун ва маъно касб эта бошлади. Улардан сон жиҳатидан бир неча марта кўп бўлган маҳаллий аҳоли тили таъсирида секин-аста ўз туркий тилини унутиб, эронийлашиб кетадилар».

Тарихий тилшуносликка кўра, қадимда Ўрта Шарқ минтақасида орийларнинг бу заминга келгунига қадар яшаб келган маҳаллий хуррит ва элам жамоалари каби қадимги Форс-

да эроний дарий тили мавжуд бўлиши эҳтимолдан узоқ эмас. У Эроннинг жанубида форс жамоаларининг она тили сифатида мавжуд эканлигига шубҳа қилмаса ҳам бўлади. Чорвадор дашт орийлари дастлаб бу заминга келиб жойлашгач, улар маҳаллий форс жамоалари устидан ўз сиёсий ҳокимиятини ўрнатадилар. Бу ҳокимият қадҳудот Аҳмоний авлодлари Чишпиш давридан бошлаб, нафақат иқтисодий, балки сиёсий-маъмурий бошқарув тизимини таркиб топишига олиб келган, яъни жанубий Эрон доирасида маҳаллий ҳокимлик Форсда шаклланади. Аҳмоний Кир II ва Доро I даврида бу подшолик империя даражасига кўтарилади. Форс тилининг давлат тили сифатида мавқе ва нуфузи, ёйилиш доираси кенгаяди.

Шундай қилиб, милоддан аввалги II минг йилликнинг иккинчи ярми ва I минг йилликнинг ўрталаригача юз берган тарихий жараёнларнинг мантикий хулосаси шуки, аҳмоний подшоларининг келиб чиқиш тарихий илдизлари туркийгўй орийлари билан боғлиқ, эди. Улар кўп ўтмай маҳаллий аҳолининг кўп сонли бўлганлиги учун, шу тил муҳити ва маданияти таъсирида эронийлашдилар. Шунинг учун ҳам Кир II ва Доро I қоятошлардаги битикларида ўзларини “ҳақиқий орий” эканликларини алоҳида таъкидлайдилар. Нафақат улар, ҳатто қушон подшолари Рабатак битигига кўра, ўзларини асли зоти орий, яъни туркий эканлигига ишора қилади (Аскарон, 2005, 76-77 б.). Шунинг учун ҳам Форс подшолари Аҳмонийлар ўзларининг келиб чиқиш илдизларини орийлар билан боғлайдилар (Дьяконов, 1961. С. 67).

Бронза даври чорвадор қабилалари маданиятини Амударё қуйи ҳавзалари ёдгорликлари мисолида кенг ўрганган С.П. Толстов ва М.А. Итиналар Тозабоғёб маданиятининг аҳолиси маҳаллий Сувёрган маданиятидан фарқли ўлароқ ўзга этник гуруҳларга тегишли эканликларини айтиб ўтадилар (Толстов, 1948. С. 67; 1962. С. 59; Итина, 1977. С. 43-44). Улар Тозабоғёб маданиятининг тарихий илдизлари бронза даврида Қозоғистон чўллари, Жанубий Сибир, Тоғли Олтой даштларида яшаган Андронова қабилалари билан қон-қариндош эканликларини илмий исботлаганлар. Бу фикрга биз ҳам тўлиқ қўшилган, ҳолда такидлаймизки, улар тил жиҳатидан аввалги тасаввуларга зидли ўлароқ, Хитой ёзма манбалари тахлилига кўра, туркийда сўзлашган бўлишлари мумкин.

Демак, милоддан аввалги II минг йилликнинг ўрталарида бу заминга Ўрта Осиёнинг

шимолий-шарқий худудларидан кириб келган Тозабог'ёб қабилалари аслида туркий тилли Андронова маданияти жамоаларидан бўлган, деган хулосага келиш мумкин. Милоддан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярми давомида улар Ўрта Осиёнинг чўл ва даштларига гуруҳ-гуруҳ бўлиб кириб келиб жойлашадилар. Дастлаб улар маҳаллий аҳоли эгалламаган худудларни эгаллайдилар, сўнгра эса, секин-аста уларга яқинлашиб, улар билан ўзаро алоқаларни ривожлантирадилар, кўп ҳолларда улар билан араллашиб яшай бошлаганликлари ҳақида археологик материаллар гувоҳлик беради (Жарқўтон, Тегузак, Конгурттут). Охир оқибатда, улар бир-бирлари билан қон-

қариндошлашиб, сўнги антик даврига келганда икки тил соҳибларининг чегара худудлари бўлиб келган Сирдарёнинг қуйи ҳавзалари туркий тилли қабилаларнинг ҳар жиҳатдан устунлигини таъминлаган минтақага айланади. Илк ўрта асрларга келганда эса, нафақат шимолий-шарқий, балки шимолий-ғарбий ва марказий худудларни ҳам қамраб олган турк-суғд этносиёсий майдонининг шаклланишига олиб келади. Қадимги Турон ўлкасида жадал кечган этногенетик жараёнлар туфайли Жанубий Туроннинг кўпчилиги аҳолиси туркий тилли қавмлардан ташкил топган Туркистон ўлкасига айланади.

Фойдаланилган адабиётлар

- Абаев В.И.** К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
- Акишев К.А.** Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Аскарлов А.** Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962.
- Аскарлов А.** Ориилар муаммоси: янгича қарашлар ва ёндашувлар // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. Тошкент, 2005.
- Барроу Т.** Санскрит. М., 1976.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.** Древняя Индия. М., 1969.
- Гафуров Б.Г.** Таджики. М., 1972.
- Грантовский Э.А.** Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ, 24. М., 1955.
- Грязнов М.П.** Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы // Очерки истории СССР. М., 1956.
- Грязнов М.П.** Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ, вып. 26. М., 1957.
- Дьяконов М. М.** Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дьяконов И.М.** История Мидии. М.-Л., 1956.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- Итина М.А.** История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
- Кузьмина Е.Е.** Сложение скотоводческого хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
- Кузьмина Е.Е.** Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? // Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоарийцев. М., 1994.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сорокин В.С.** Могильник бронзовой эпохи Тасти-Бутак. М., 1972.
- Страбон.** География в 17 книгах. Кн. XI. М., 1964.
- Толстов С.П.** Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П.** По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960.
- Хўжаев А.** Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар // Ўзбекистон тарихи ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тошкент, 2003.

Д.О. Каримова

ШИМОЛИЙ БАКТРИЯ ДАВЛАТЧИЛИК АСОСЛАРИНИНГ ШАКЛЛАНИШИДА ЖАРҚЎТОН ИБОДАТХОНАСИ КОМПЛЕКСИНИНГ ТУТГАН ЎРНИ

Шимолий Бактрия ўзбек давлатчилиги тарихида ўзининг бутун ривожланиш босқичлари давомида буюк юксалиш, гуллаб-яшнаш даврларини бошидан кечирди. Унинг худудида ўрганилган Жарқўтон ёдгорлиги ва у ердан топилган олов ибодатхонаси бу масала ечимида муҳим илмий аҳамият касб этади.

Жарқўтондан топилган ашъвий далиллар уни мил.авв. II минг йилликнинг ўрталарига тааллуқли эканлигини тасдиқлайди. Шу даврга оид ўнлаб ёдгорликлар бутун Сурхондарё бўйлаб ва Тожикистоннинг унга туташ худудларидан топиб ўрганилди. Улар орасида майдони ва ички топографик таркиби жиҳатидан шаҳар талабига жавоб бериши мумкин бўлган ёдгорлик Жарқўтон бўлиб, уни ўз даврининг нафақат йирик шаҳри, балки Шимолий Бактрия худудида биринчи бор ташкил топган илк давлат – Қадимги Бактрия подшолигининг бош шаҳри сифатида эътироф этиш мумкин (Асқаров, 2000. 24-28 б.).

Жарқўтон ёдгорлигида кўп йиллар илмий изланишлар олиб борган А. Асқаров Жарқўтон Қадимги Шарқ цивилизациясига хос илк деҳқончилик маданияти ёдгорлиги, деб илк хулосани берган бўлса (Асқаров, 1977), ёдгорликда олиб борилган кейинги тадқиқот ишлари натижасида, Т.Ш. Ширинов Жарқўтонни илк шаҳар (Ширинов, 1993. С. 21) сифатида изоҳлайди.

Ёдгорликнинг энг баланд қисмини б-тепалик эгаллаган. Бу тепалик ёдгорликнинг марказий қисмида жойлашган. А. Асқаров ва Т. Шириновлар томонидан ушбу тепаликда Жарқўтон олов ибодатхонасининг очиб ўрганилиши юртимиз тарихини, эътиқодини тадқиқ қилишда, шу жумладан, шаҳарсозлик ва давлатчилик масалаларини ёритишда кўплаб янгиликларни тарихга киритиш имконини берди.

Зардуштийлик динининг пайдо бўлиши масаласи, унинг Ўрта Осиё халқлари, шу жумладан ўзбек давлатчилиги тарихи илдизлари билан боғлиқлиги, археологик ашёларнинг таҳлилига кўра, илк зардуштийлик динининг куртаклари

мил. авв. II минг йилликнинг иккинчи ярмига тегишли деб айтишга имкон бермоқда. Зардуштийлик динининг шаклланиши билан боғлиқ махсус монументал оташпарастлик ибодатхоналари ва оташгоҳлар бронза даврида қадимги деҳқон жамоаларининг илк шаҳарлар таркибида қад кўтаргани, бу дин ўзбек халқи илк давлатчилигининг мафкуравий асосини ташкил этганлигини кўрсатмоқда. Зардуштийлик динининг муқаддас китоби ҳисобланган “Авесто” да акс эттирилган жамиятнинг ижтимоий таркиби ва рамзий белгилари бронза даври ибодатхоналарида, айнан Жарқўтон ибодатхонасида ва шу давр дафн маросимлари билан боғлиқ удумларда яққол ўз аксини топган.

Тадқиқотларнинг кўрсатишича зардуштийлик дини муайян тартиб-қоидалар, удумлар асосида муайян бир даврда шаклланди. Диннинг пайдо бўлиши, унинг махсус тизим асосида шаклланиши жамиятда инсонларнинг ишонч-эътиқодини қозонишига ва мафкуравий-сиёсий ҳокимиятни мустақамлаши учун зарур восита ҳисобланади (Эсанов, 2007. 52 б.).

Ўрта Осиёнинг қадимги халқлари ҳақида маълумот берувчи илк ёзма манба “Авесто” китобида жамиятнинг тузилиши ва унинг таркиби ҳақида ҳам маълумот берилган.

“Авесто”нинг энг қадимги қисмлари Гатлар деб аталиб, унда Заратуштранинг бешлик мадҳиялари, олий эзгулик худоси Аҳурамазда ва унинг маъбудалари ҳақидаги олқишлари батафсил келтирилган (“Авесто”А. Маҳкам тар. 42 б.). Гатларда кўтарилган ғоялар бронза даври жамияти муносабатларини Қадимги Бактрия ва Марғиёнада илк давлат тузилмалари ташкил топиш арафасида бўлган даврда ёритилган (Эсанов, 2007. 42 б.). Чунки, Қадимги Бактрия ва Марғиёна бронза даври аҳолиси зоолатрик диний қарашларидаги тотемлар тасвири, гатларда мадҳ этилган худо ва маъбудаларнинг диний-рухий оламидан моддийликка кўчган кўриниши бўлиб, “Авесто” жамиятининг илк белгилари шакллана бошлаганлигидан далолат беради (Эсанов, 2007. 92-97 б.).

“Авесто” жамиятининг ижтимоий-таркибий

тузилиши ҳақида А. Аскарлов, А. Сагдуллаев, Ш. Шайдуллаев ўз ишларида изоҳлаб ўтадилар. Бунга кўра, улар “Авесто” жамиятини тўрт қатламга ажратиб кўрсатадилар. Булар – катта патриархал оила – “нмана”, уруғ – “вис”, қабила – “занту”, мамлакат – “дахью” ларга бўлинади. Бу ижтимоий тузилишнинг биринчи, иккинчи ва учинчиси Сополли маданияти материалларида бевосита кузатилади (Аскарлов, 1994. 31-35 б.; Сагдуллаев, 2002. 22-25 б.; Шайдуллаев, 2004. 3-12 б.).

Археологик белгиларни кузатар эканмиз, Сополлитепа қалъа-қўрғони 8 та кварталдан иборат бўлса, шу кварталларнинг ҳар бири, биттадан нманани ташкил қилади. Вис – бу нафақат қабила, балки бутун қишлоқ жамоаси маъносини англатиб, Сополлитепа қишлоғини “Вис”га киёслаб кўрсатиш мақсадга мувофиқ бўлади.

Демак, Сополлитепа нманалардан ташкил топган Виснинг қароргоҳидир (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 119). Қишлоқ жамоаси тепасида уруғ оқсоқоли Виспати турган бўлиб, бутун сополлитепаликлар Виспати назорати остида бўлганлар (Эсанов, 2007. 48 б.). Давлатчилигимизнинг энг дастлабки бўғинини ана шу вислар, яъни қишлоқ жамоалари ташкил қилган (Аскарлов, 2010. 10 б.).

“Авесто”нинг қадимги қисмида акс этган давлатчилик атамасининг яна бир кўриниши – занту бўлиб, у қабилавий уюшмани англатади. Қабила уюшмаси бир неча висларнинг уюшмаси бўлиб, у бир неча уруғ жамоалари устидан назорат қилиб турувчи бошқарув органи ҳисобланган. Жарқўтон ҳудудида жойлашган арк ва шаҳар ибодатхонаси ушбу илк шаҳар-давлатнинг бошқарув органи бўлиб, бошқарув тизимида диний раҳнамоларнинг ўрни катта бўлган. Қабилалар жамоаси зантуни бошқаришда диний-мафкуравий жиҳатдан Жарқўтон шаҳар ибодатхонаси муҳим роль ўйнаган. Ҳар бир уруғга юқори обрўга эга, ўз ишининг устаси бўлган кишилар раҳнамолик қилганлар (Эсанов, 2007. 48 б.).

Сополли маданиятининг Жарқўтондек ноёб ёдгорлиги мисолида ўзбек давлатчилигининг илк илдишлари кузатилади экан, ушбу ёдгорликдан топилган ашъвий далилларнинг улмий таҳлилига кўра, Сополли маданиятида пайғамбар Зардушт ислохотига қадар оловга топиниш, уни эътикод даражасига кўтариб эъзозлашган. Зардуштийлик дини эътиқоди билан боғлиқ бўлган диний маросим ва байрамларда муқаддас ичимлик сифатида истеъмол қилинган хаомани илоҳийлаштириш кучли бўлган.

Унинг далили сифатида Жарқўтон ибодатхонаси таркибида бўлган хаома ичимлигини тайёрловчи ошхонанинг очилиши ва ўрганилишини кўрсатиш мумкин.

Сўнгги йилларда ибодатхона жойлашган ушбу тепаликда Ўзбек-Олмон экспедицияси ҳамкорлигида, немис археологи Д. Хуфф қазишма ишларини олиб бориб, ибодатхона қурилишига қадар ҳам бу тепаликда маҳобатли иншоот бўлганлигини аниқлади (Шайдуллаев, 2009. 23 б.).

6–тепаликнинг энг қуйи қатламида жойлашган ушбу бино қайта қурилиб, унинг асосида олов ибодатхонаси қад кўтарган. Ўрганилган бино тўғри тўрт бурчак шаклида бўлиб, 0,90 м қалинликдаги девор билан ўралган. Ушбу бино ичида томонлари 7 метрдан иборат бўлган квадрат шаклидаги хона, атрофида эса, йўлаксимон хоналардан иборат бўлган мажмуа очилди. Мажмуа деворлари ва поллари гипс билан сувалган бўлиб, у бевосита “оқ сарой”ни эслатади (Шайдуллаев, 2009. 23 б.).

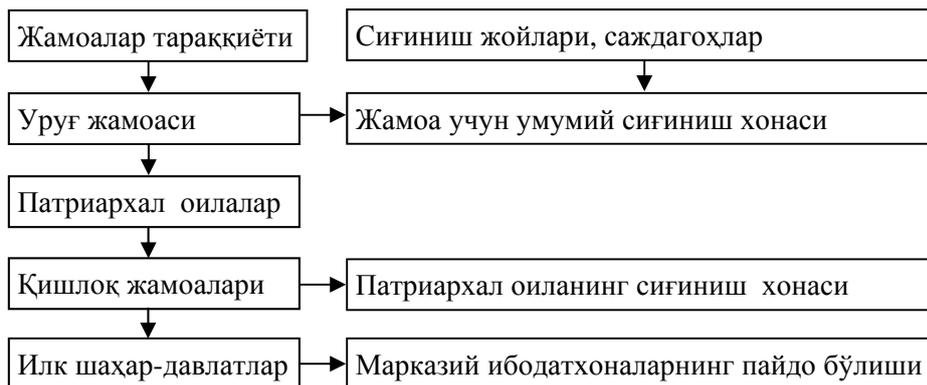
Тадқиқотчилар томонидан 6–тепаликда жами тўртта қурилиш даври кузатилган бўлиб, унинг энг қуйи қатлами юқорида айтиб ўтилган “оқ сарой” ҳисобланади, ибодатхонанинг қолган юқоридаги учта қурилиш даври ибодатхонага тегишлидир (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 63).

Ш. Шайдуллаев ўз тадқиқотларида Жарқўтон шаҳар-давлатининг асосий бошқаруви “Жарқўтон олов ибодатхонаси”дир, деб эътироф этади (Шайдуллаев, 2009. 23 б.). Бизнингча ҳам 6–тепаликда жойлашган ушбу маҳобатли иншоот Кўзали босқичида нафақат ибодатхона, балки сарой-ибодатхона вазифасини ҳам ўтаган. Тадқиқотчи сўнгги йилларда олиб борган изланишлар натижасида, ибодатхонада аввал тўғри тўрт бурчак шаклдаги монументал бино бунёд этилгани ва бу бинони ишонч билан сарой деб аташ мумкин, деган илмий хулосага келади (Шайдуллаев, 2009. 24 б.). Муаллиф бу иншоотни изоҳлар экан, унда 7х7 метрли қабулхона, унинг атрофида йўлаксимон хоналар қурилиб, оқ гипс билан сувалишидан ташқари, деворларга от тасвири ифодаланган терракот ҳайкалчаларнинг ёпиштирилиши саройларга хос бўлган безак усули эканлигини таъкидлайди. Бу белгилар эса, Жарқўтон ибодатхонаси ўрнида ибодатхона қурилишидан аввал, яъни Кўзали босқичига жамият бошқарув идорасига ўхшаш махсус бино бўлиб, кейинги даврлардан (Кўзали, Мўллали) динга эътибор, диннинг илк марказлашув жараёнлари бошланган даврларда, жамият бошқаруви тепа-

сида турган шахслар диний раҳнамоликни ҳам ўз қўл остига олган бўлишлари табиий ҳолдир. Шу сабабли, бу жой кейинги босқичларда жамиятдаги инсонларни эътиқод орқали бир жойга тўпловчи масканга айланган.

Тарихдан маълумки, бу даврларда оташпараст мубодларнинг жамиятдаги мавқеи анча юқори бўлган. Ибодатхона инсонларнинг ишонч, эътиқод масканига айланган ва муқаддас саждагоҳ сифатида улуғланиб, бу ерда турли хил диний маросимлар ўтказилган. Бу эса, ибодатхонанинг инсонларни эътиқод орқали, ишонч билан бирлаштирувчи марказга айланганлигидан далолат беради. Албатта, бу маросим ва тадбирларда мубодлар асосий ўринни эгаллаганлар. Зардуштийликнинг энг муқаддас тимсоли – олов бронза давридан эътиборан илк шаҳар-давлатнинг диний бошқаруви мубодлар қўлида бўлганлигини ва улар илк шаҳар-давлатнинг маънавий-илохий ҳукмдори эканлигини англатиб туради. Ибодатхона инсонлар учун муқаддас масканга айлангач, унинг тасарруфидаги унумдор ерларни кўпайиб, уларни бошқариш ҳам мубодларнинг назорати остида бўлган. Ана шу ер захиралари келажакда вағназе мулкани ташкил топишида асос бўлган. Мубодлар орасидан ўсиб чиққан раҳнаомолар секин-аста нафақат диний, балки дунёвий ишларни бошқарувчи илк сиёсий уюшма, шаҳар-давлатларнинг дунёвий ва ҳарбий сардорларига айланиб борган. Бундай учлик соҳа бошқарувчи сардорлар деҳқон жамоаларида кавиларни таркиб топишидан далолат беради. Демак, қадимги деҳқончилик маданияти жамоаларида кави бошқарув тизими бронза давридан шакллана бошлаган. Ш. Шайдуллаев диний қарашларнинг жамоалар ҳамда илк давлатларнинг ривожланиши билан ҳамоҳанглигини қуйидагича изоҳлаб кўрсатади (Шайдуллаев, 2009. 16 б.).

Жамиятда дин катта рол ўйнай бошлайди. Давлат ва жамиятда диний ғоялар асосан унинг кучли ва мустақкам бўлинишини таъминлайди.

Қаердаки диний тизим кучсиз бўлса, ўша давлат, ҳокимият жуда тез парокандаликка учрайди (Васильев, 1981. С. 14).

Ўрта Осиё археологиясида шаҳарлар ва давлатлар ўртасидаги муносабат етарлича ўрганилмаган. Шаҳарларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши борасида олимлар ўртасидаги илмий мунозараларнинг асосий сабаби, шаҳар ва давлатларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиши масалаларини алоҳида муаммо сифатида ўрганилишидир.

Йирик дарёларнинг қуйи ҳавзаларида, сертармоқ ўзанлари бўйлаб ташкил топган “вис”лар протошаҳар ёки йирик шаҳармонанд қишлоқларни ташкил этса, уларнинг сиёсий – маъмурий ва диний бошқарув жиҳатдан бирлаштирган бир неча микроҳоаларнинг бош шаҳри, шаҳар – давлат мақомида бўлган (Асқаров, 2010. 11 б.).

Жарқўтон ёдгорлигида олиб борилган тадқиқот ишлари натижасида, бу ерда илк шаҳарга хос бўлган омиллар, яъни ҳукмдор саройи, мудофаа иншоотлари, ибодатхона, ихтисослашган ҳунармандчилик, уруғ-жамоа ва қабила муҳрлари топилган. Жарқўтон ёдгорлигини илк шаҳар тимсоли сифатида ўрганган ва уни моддий маданият намуналари орқали илмий таҳлил қилган тадқиқотчи ушбу ёдгорлик мисолида Ўрта Осиё бронза даври шаҳри деб аталиши керак бўлган маданиятнинг археологик белгиларини қуйидагича изоҳлайди:

1. Жамоа сардорлари ёки ҳукмдорлар истиқомат қиладиган саройларнинг бўлиши;
2. Диний марказ, маҳобатли ибодатхонанинг бўлиши;
3. Мудофаа девори билан ўралган арк худудида сарой аҳолиси яшайдиган уйларнинг жойлашиши;
4. Кенг худудда шаҳар аҳолиси яшайдиган иморатларнинг бўлиши, умумжамоа учун хизмат қиладиган иншоотларнинг жойлашиши, ўша худудда ишлаб чиқариш кучлари – ҳунармандчилик устахоналари ва дастгоҳларнинг жамланиши;
5. Юқори даражада ривожланган ҳунармандчилик (кулоллик, чилангарлик, тўқимачилик қурилиш, тош ва терига ишлов бериш) маҳаллаларининг бўлиши;

6. Муҳр ёки қимматбаҳо буюмлар учрайдиган “бой”ларнинг қабрлари бўлиши;

7. Шаҳар аҳолисининг иерархиясини кўрсатувчи аҳоли истиқомат қиладиган уйларнинг бир-бирдан фарқланиши. Аҳоли истиқомат қиладиган уйлардан фарқли монументал иншоот сарой, ибодатхонанинг мавжудлиги;

8. Савдонинг ривожланишини кўрсатувчи, бошқа маданиятларга хос бўлган ашёларнинг топилиши, яъни ушбу маданиятга хос бўлмаган, сопол буюмлар, суякдан, тошдан, металлдан ва қимматбаҳо тошлардан ишланган буюмларнинг топилиши;

9. Глиптика, эпиграфика ва ибтидоий ёзув кўринишларининг учраши (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 20).

Бу юқорида санаб ўтилган археологик белгилар Жарқўтон ёдгорлигида ўзининг тўлиқ аксини топган. Шундай экан, бу маданият айрим тадқиқотчилар айтганидек, сўнгги бронза даври илк шаҳар ёдгорликлари “бронза даврининг урбанизациялашган кишлоқлари” ёки “шаҳармонанд” (протогород) иншоотлар эмас, балки тарихий далиллар, моддий маданият намуналари асосида сўнгги бронза даври илк шаҳар ёдгорликлари дейишга ҳақли тарзда имкон беради.

Шимолий Бактрия худудида кўп йиллардан бери изланиш олиб бораётган Ш.Шайдуллаев шаҳар ва давлатларни алоҳида ўрганилишини тарихий методологик жиҳатдан нотўғри эканлигини таъкидлаб, “илк шаҳар давлатларнинг маркази сифатида пайдо бўлади ва уларнинг ривожланиб бориши ҳам ўзаро бир-бирига боғлиқдир” дейди (Шайдуллаев, 2009. 61 б.). У шаҳар ва давлатларнинг пайдо бўлиши ва ривожланишини қуйидагича бўлиб кўрсатади:

1. Дехқончилик ўлкалари доирасидаги “ном” типидagi ҳокимликлар маркази (шаҳар-давлатлар). Бу давр шаҳарлари мил авв. II минг йилликда ташкил топган.

2. Худудий давлат маркази ролини бажарган шаҳарлар. Бу давр шаҳарлари асосан мил. авв. I минг йиллик бошларида ташкил топган.

3. Марказлашган давлатлар, империялар даври шаҳарлари.

Демак, ушбу кўрсаткич бўйича изоҳланганда, тадқиқ этилаётган Жарқўтон ёдгорлигини биринчи бўлинишга киритиш мумкин. Қадимги Бактрия худудида ўрганилган Жарқўтон (Жанубий Ўзбекистон), Даштли I (Шимолий Афғонистон) каби ёдгорликлар мил. авв. II минг йилликда вужудга келган шаҳар-

давлатлар бўлиб, уларнинг ўзаро муносабатларини, бир-бирлари билан алоқадорлигини, узвийлигини топилган моддий маданият намуналари орқали ҳам кузатиш мумкин.

Аммо, ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида дастлаб, жамоанинг бошқарув тизимида диний – илоҳий қудрат катта нуфузга эга бўлганлиги туфайли, маҳкамачилик ишлари шаҳар бош ибодатхонаси қошида мужассамлашган. Шунинг учун ҳам илк шаҳарларнинг бош ибодатхоналари монументал характерга эга бўлиб, шаҳарнинг бош оташгоҳи ибодатхона комплексини ташкил этган, шу билан бирга жамиятни бошқариш ҳам ибодатхона билан боғлиқ бўлган. Бош оташқада қоҳинларнинг илк давлатчилик жараёнларида фаол қатнашиб, диний-дунёвий ҳокимият эгалари бўлганлигига ишора қилади. Чунки, муқаддас кулхонада бош оташқада кулларининг сақланиши, ибодатхона саждагоҳининг бош ибодат маркази эканлиги, диний маросим, культлар билан боғлиқ удумларнинг ибодатхона бошқарувида ўтказилиши, оташпарастларнинг муқаддас ичимлиги хаома ибодатхона қошидаги “цех”ларда, “оқ хона”ларда тайёрланиб, шахсан мубодлар назоратида бўлганлиги буни исботлайди (Эсанов, 2007. 71 б.).

Шундай қилиб, археологик ёдгорликлар ва уларнинг тарихий таҳлилига кўра, Шимолий Бактрия, жумладан, ўзбек давлатчилигининг тарихий илдизлари бронза даврига бориб тақалади. Айнан шу даврдан бошлаб, мулкчиликнинг ерга ва чорвага эгалик қилишнинг хусусий шакли пайдо бўла бошлайди. Ерга эгалик қилиш, жуфт оилаларнинг пайдо бўлиши ва уларни катта патриархал оила доирасида ривожланиши кузатилади. Давлатчиликнинг дастлабки, илк куртаклари патриархал оилалардан бошланиб, уларни мужассамлаштирган кишлоқ жамоалари – вислар даражасидаги кўриниши илк давлатчиликнинг тарихий илдизларини ташкил этади. Вислар илк давлатчилик куртаги ҳисобланса, “Авесто” жамиятининг занту босқичида вислардан ташкил топган илк шаҳар – шаҳар давлатчилигининг асосини ташкил этган. Шаҳар – давлат амалда бир неча микровоҳа доирасидаги висларни диний ва сиёсий жиҳатдан бирлаштирган “воҳа давлатчилиги” нинг бош шахри, сиёсий ва диний қароргоҳидир. Шундай экан, Жарқўтон нафақат шаҳар – давлат, балки Шимолий Бактрия доирасидаги илк давлатчиликнинг диний бошқарув маркази ҳамдир.

Фойдаланилган адабиётлар

- Асқаров А.* Тарихимизнинг уч муаммоси ва унинг ечими хақида янгича мулоҳазалар // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. №5, Тошкент, 2000.
- Асқаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
“Авесто” Асқар Маҳкам таржимаси. 2001.
- Асқаров А.* Ўрта Осиё қадимги дунёсининг асосий хусусиятлари // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар. 1994, № 6.
- Асқаров А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Асқаров А.* Ўзбек давлатчилигининг тарихий илдизлари // Давлатчиликнинг илк босқичларида – Ўзбекистон. Республика илмий-амалий конференцияси материаллари. Тошкент, 2010.
- Васильев Л.С.* История религий Востока. М., 1981.
- Сагдуллаев А.* Қадимги Ўзбекистон илк ёзма манбаларда. Тошкент, 2002.
- Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии // Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1993.
- Шайдуллаев Ш.* “Авесто” ва моддий маданият // Ўзбекистон тарихи. 2004. №3.
- Эсанов М.* “Авесто” жамиятининг археологик материалларда акс этиши (Қадимги Бактрия ва Марғиёнанинг бронза даври моддий маданият ёдгорликлари мисолида). Т.ф.н. дисс. Тошкент, 2007.

З.Б. Одинаева

ЗАРАФШОН ВОҲАСИ КОНЧИЛИК ИШЛАРИ САҲИФАСИДАН

Инсониятнинг ибтидоий жамоа тузуми давридан дарак берувчи манбалар турли-тумандир. Одамзод ўз фаолияти даврида атроф-муҳитга таъсир кўрсатиб, кундалик ҳаётда ўзига зарур бўладиган меҳнат қуроллари ясаган, яшаш учун маконлар танлаган, кейинчалик эса бошпаналар қурганлар. Ўз навбатида металлнинг ҳаётга кириб келиши натижасида хунармандчилик, деҳқончилик янги асосда ривожланиб, инсон фаолиятига таъсир ўтказган. Худди шу даврдан бошлаб уларнинг ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётларида улкан ўзгаришлар содир бўла бошлайди.

Қадимги ибтидоий одамлар 2,5–3 миллион йиллар давомида (палеолит, мезолит, неолит даврлари) фақат тошдан, ёғочдан ва суякдан ясалган қурооллардан кенг фойдаланганлар. Одамларни ҳар хил минераллар ва тоғ жинслари билан танишлиги ва улардан фойдаланганлиги тош давридан бошланган [Сагдуллаев, Эшов, 1997. С. 26]. Тошдан ясалган меҳнат қуроолларининг тарихий манба сифатидаги аҳамияти шундан иборатки, улар маълум давр маҳсули сифатида шу давр турмуш шароитини акс эттиради. Фақат буюмлар эмас, балки турар жой қолдиқлари, ғор-маконлар ва қоятош суратлари ҳам тарихий ёдгорликлар ҳисобланади.

Аждодларимиз кўҳна тарихидан гувоҳлик берувчи бир қанча археологик ёдгорликлардан **Фарғона вилояти** Селунғур ғори, **Тошкент вилоятидаги** Обираҳмат ғори, Ангрен шаҳридаги Кўлбулоқ ёдгорлиги, **Сурхондарё вилоятидаги** Сополлитепа ва Жарқўтон (асосан ҳоким нишонлари, асо қисмлари, муҳрлар, заргарлик ва кулолчилик буюмлари, ов ва меҳнат қурооллари, металл буюмлар) ёдгорлиги, **Навоий** вилоятидаги Лавандоғ кўрғони (бронза ва темирдан қилич, ханжар), **Бухоро** вилоятидаги Бешбулоқ, Лавлакон (мисдан ясалган игналар, мунчоқлар) **Қашқадарё** вилоятидаги Ерқўрғондан ашёлар топилгани аждодларимизнинг неча минг йиллар давомида босиб ўтган турмуш тарзи ҳақида ҳикоя қилинади. Ўрта Осиёдаги энг қадимги халқларнинг моддий мада-

нияти жумладан кон-металлургия тарихини ўрганиш учун 1937 йилдан 1951 йилгача **Хоразм** вилоятида ўтказилган қазилар [Массон, 1953. С. 29-33] ишларининг каттагина илмий натижа берганлиги, шунингдек, **Самарқанд** вилояти Ургут тумани худудидаги Тўқайли-тепа Самарқанд Давлат университети таниқли олимлари томонидан текширилганда бу воҳанинг металлургия маркази бўлганлигини аниқладилар.

Ўзбекистон худудида биринчи тош конларининг ўчоқларидан бири - Зарафшон воҳасидаги Учтут мавзесидир. Бу ерда мил.авв. VI-IV минг йилликларда тош қазиб чиқариш йўлга қўйилган. Зарафшон воҳасидаги ҳамда Қизилқум жанубидаги аҳоли бир неча асрлар давомида Учтут тош конларидан фойдаланганлар. Учтут тош конлари тўғрисидаги маълумотларни археолог олимлар Т. Мирсоатов, М. Қосимов ва А. Муҳаммаджоновларнинг илмий асарларида ҳам кўриш мумкин [Мирсаатов, 1973. С. 71]. Қадимги Учтут тош конларида ўтказилган археологик тадқиқотлар ва кузатишлар натижасида маълум бўлишича, Зарафшон водийсининг ўрта қисмида аҳоли ўрта тош даври - мустье (мил. авв.100-40 минг йй.) босқичида яшаб келган. Тадқиқотлар натижасига кўра, Сармишсой ва Биронсойда овчи ва подачиларни яшаш манзилгоҳлари бўлиб, улар тош конларидан ўзлари учун меҳнат қурооллари яшаш мақсадида тош қазиб олганлар. Шу билан бирга, Сармишсойдаги петроглифларда ҳайвон тасвирлари, қуроолланган овчилар, камон отаётган овчи, ўқ-ёй, узун қилич, ханжар, қопкон каби нарсалар тасвирлари ҳам туширилган. Расмларда акс эттирилган меҳнат қурооллари хилма-хил бўлиб, камон ўқининг учлари металллардан ясалган [Мирзаахмедов, Хужаназаров, 2001. С. 93]. Шунингдек, қуроолланган овчилар албатта жез ёки темирдан фойдаланишган. Буларни яшаш учун хом ашё шу яқин атрофдан қазиб олинган бўлиши мумкин. Археолог олимлар томонидан тош асри ишлаб чиқаришнинг асосий хом ашёси чакмоқтош қатламлар, Учтутда тош даврига оид шахталар,

кадимги кончилар макони ҳамда устахоналарни топиб, тадқиқ этилиши билан Қизилқумда ҳозиргача нодир археологик ёдгорликлар кашф этилди. Бу ибтидий кончилик қолдиқларидан топилган турли хил кўпдан-кўп ашёвий топилмалар ҳозирги кунда 5-7 минг йил муқаддам Ўрта Осиёда илк бор кончилик саноатига асос солинганини кўрсатади [Шалатонин, 1997. С. 134].

Учтут устахонасининг ер сатҳида очик ҳолда ётган 844 та чакмоқтош қурошлар топилган, шулардан 26 тасини мукамал қурошлар ҳисобланган нусхалар, тарошланган ва найсимон қурошларни ташкил этади. Ҳозиргача Учтут чакмоқтош қонидан 35 хил тош ва ҳайвон шохидан ясалган қурошлар топилган (1-расм). Булар қадимги одамларнинг қондан узоқ муддат хом-ашё манбаи сифатида фойдаланиб келганини кўрсатади. Қизиғи шундаки, янги тош даврига қадар хом-ашё асосан тоғ юзасига чиқиб қолган чакмоқтош қатламларидан синдириб олинган бўлса, неолит даврига келиб, ер остидан кавлаб олинган. Археологик тадқиқотлардан маълум бўлишича, тоғнинг остки қатламларидаги асрий чакмоқтошлар очик майдон бетига чиқиб қолган қатламлардаги чакмоқтош жинсларига нисбатан сифат жиҳатдан юқори бўлган. Улардан исталган шаклда ниҳоятда кескир тош қурошлар ясалган. Шунинг учун ҳам қадимги кончилар ўз даврининг моҳир сангтарошлари бўлиб, чакмоқтошларнинг сифатли навларини ахтариб топиб, уларни тоғларнинг қаеридан ва қандай усулда кавлаб олишни яхши билганлар. Учтут усталарининг қазув технологияси ҳақида М. Жўракулов “Кончилар аввал ўт ёқиб, тошни киздирганлар ва сўнгра сув сепиб портлатганлар” [Жўракулов, 1983. С. 47].

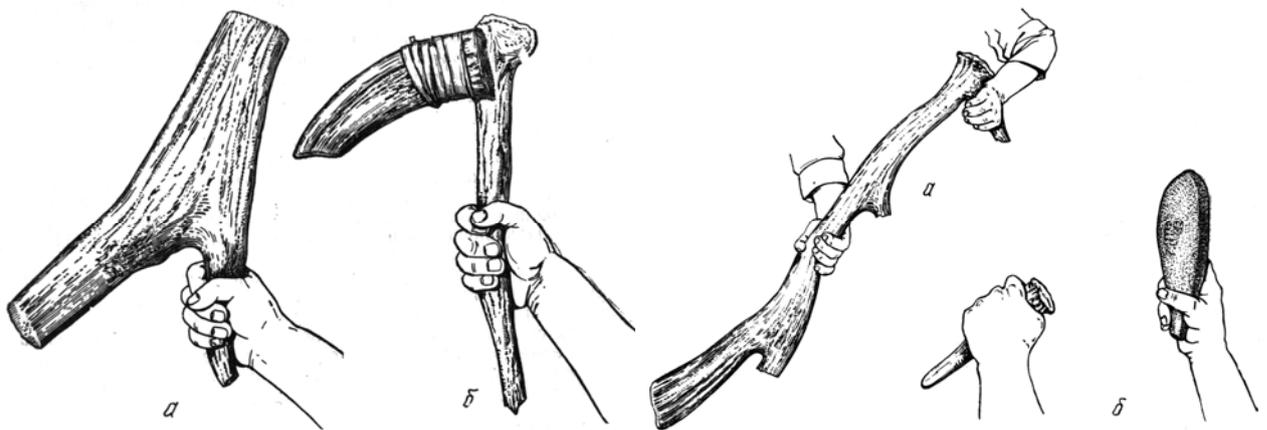
Бу ерларда 1959 йили Ижанд қишлоғидан узоқ бўлмаган жойда А.П. Окладников томони-

дан маҳаллий кремнийдан буюмлар ясаيدиган қадимги устахона топилган. Бу устахона ўн минг йиллар мобайнида ишлаб турганлиги тадқиқотларда қайд этилган.

Қадимги кончиларга тоғ, узун ён томондаги йўлақларда ишлаш жуда мушкул бўлган. Бу ерларда оҳақтошлар ичида ўткир тошлар, мисранглар, оғир болғалар билан қадимги кончилар тоғ жинслари орасидан кремнийнинг ядроларини чиқариб олганлар. Қазиб олинган кремний шахтадан чиқариб олиниб, уни бўлақларга бўлиб хом-ашё тайёрлаганлар. Ушбу хом-ашёдан ҳар-хил турдаги пластиналарни ажратиб олиш мумкин бўлган. Олимларнинг фикрича, Учтут кремнийси ибтидий одам томонидан Навоий, Бухоро ва Самарқанд ва ундан узоқларга олиб кетилган.

Учтут қазилма қони узоқ ўтмишда, кўп минг йиллар мобайнида Ўзбекистон ҳудудининг кўпгина минтақаларини кремний саноати учун хом-ашё билан таъминлаб турган. Учтут қадимий шахталари мажмуининг топилиши ва тадқиқ этилиши ўлкамизда аввал маълум бўлмаган қадимги кончилик саноати тарихидаги маълумотларни аниқлашга имкон яратди. Бу тадқиқотлар ибтидий одамларнинг қандай қилиб тоғ-қон ишларига ўрганганликларини, бу ҳунарни ўзлаштирганлиги ва бора-бора тақомиллаштириб борганлигидан гувоҳлик беради.

Тош ва бронза даврлари ўртасида мис даври бўлганлиги металлдан ясалган энг қадимги меҳнат қурошлари тадқиқотлар натижасида бу қурошларнинг барчаси бронзадан қилинмай, соф мисдан ясалганлиги маълум бўлган. Мис қурошлар дастлаб ердан соф ҳолда топилган мисдан ясалган. Бу қурошлардан энг қадимгилари металл эритилмасдан, совуқ ҳолда уриб ясалган, ўша даврда одамлар мисни тошни бир тури деб билганлар. Мил. авв. IV минг йиллик-

1-расм. Ибтидий кончилар қурошларининг реконструкцияси (Т. Мирсоатовдан)

ларда қабилалар металл билан танишадилар. Бу даврга келиб металлнинг ғоят қимматли хусусиятларини – кучли оловда суюқликка айланишини ва ҳар хил шаклга кириб, совугандан кейин шу шаклни сақлаб қолишини билиб олганлар.

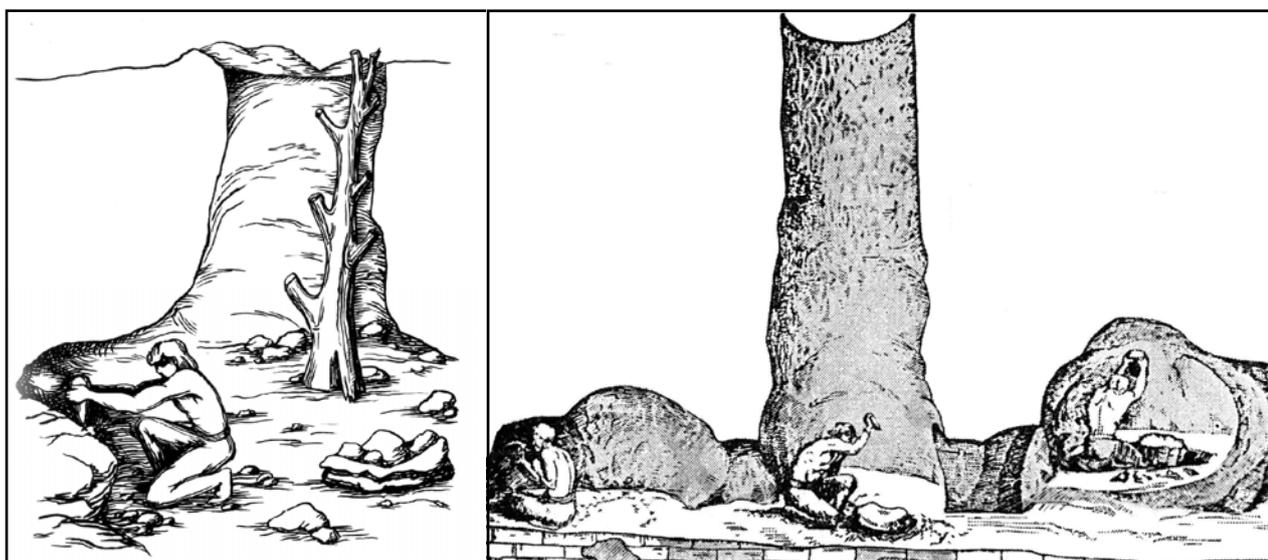
Металлсозликнинг кашф этилиши ва хўжаликда мис қуроқларининг жорий қилиниши бир неча аср давомида содир бўлган. Одамлар ўз меҳнат қуроқларини яшаш учун ҳар хил мустаҳкам тошлар қидириш жараёнида табиий мисга дуч келадилар. Дастлабки металл қуроқлар ердан соф ҳолда топилган мисдан ясалган, кейинчалик мис эритилиб турли шакллар берилган.

Секин–аста меҳнат қуроқлари такомиллаштирилиб, рудали металллар, мис, қалай, кумуш, олтинни ихтиро қилганлар ва уларни эритиш, куйиш, улардан фойдаланиш йулларини ўрганганлар. Марказий Осиё ва Қозоғистонда очик руда конлари ва улар атрофидаги металл эритиш устахоналари ҳамда печлари топилган.

Юқори **Зарафшон воҳасининг** тоғларга яқин жойлашган аҳолиси ҳаётида металл ишлаши муҳим аҳамият касб этган. Дастлабки металл даврида мис жуда қимматли хом ашё бўлган ва соф мис (руда) фақат айрим жойларда учраган. Дехқончилик қабилаларининг узок худудларга тарқалиши янги ерларни ўзлаштиришдан ташқари қазилма бойликлар, металл рудаси конларини қидириш билан боғлиқ бўлган. Ўрта Осиёнинг аҳоли яшаган баъзи бир жойларидан кейинги вақтларда топилган уй-хайвонлари суяги, тош ёрғучоқ колдиқлари ва мисдан ясалган баъзи буюмлар эрамиздан аввалги III-II минг йилликларда чорвачилик, дехқончилик хунармандчилик ҳамда металлургия-

нинг дастлаб куртақлари пайдо бўлганлигидан дарак беради. Жумладан, таниқли археолог олим М. Жўрақуловнинг таъкидлашича: «Ўрта Осиёда дастлаб металлдан фойдаланиш милoddан аввалги V минг йилликда маълум эди, IV минг йилликда эса маҳаллий маъданлардан фойдаланиб, III минг йиллик охири, II минг йиллик бошларида маҳаллий усталар металлдан буюмлар яшашга киришдилар. Бу даврда Евросиё микёсида Ўрта Осиё, Зарафшон воҳаси металлургияси алоҳида ўрин тутган. Металлургия жамият иқтисодий, ижтимоий тараққиётини ларзага келтирди...» [Жўрақулов, 2004. С. 14-16]. Сўнгги 30-35 йил ичида ўлкада катта тадқиқот ишлари бажарилди ва кон-металлургия саноати тарихи қатор муаммолари ойдинлаштирилди. Олимнинг илмий, таҳлилий фикрларига асосланадиган бўлсак, авваллари фанда Зарафшон воҳасида ўтроқ кончилик маданияти йўқ ўлка ҳисобланиб келинган бўлса, айни вақтда олим томонидан жойларда энеолит ва бронза даврига доир металлургия манзилгоҳлари ўрганилиб, бу маданият маҳаллий негизда ривожланганлигини кўрсатади. Демак, кончи аجدодларимиз маданияти бошқа худудлардан келган эмас, туб асосда ривожланганлиги аниқланди.

Жуда қадим замонларда металлургия секинлик билан ривожланган. Шу сабабли мисдан ясалган қуроқ-яроғларнинг шакли узок вақтгача тош қуроқ-яроғлар шаклида бўлган. Бир оз кейинроқ бронза пайдо бўлган. Қизилқумда геологлар ва археологлар томонидан бронза ва темир эритишга мўлжалланган ибтидоий қозон ўчоқлар ҳам топилган [Бураков, 2003. С. 40; Темиров, Одинаева, 2007. С. 37]. Бу топилмалар эрамизгача бўлган иккинчи ва биринчи

2-расм. Учтут тош устахонаси: А- шахтани сиртида; Б-шахтани ичида

минг йилликларга тегишлидир. Бу одамларнинг яхшигина металсоз бўлганлиги ҳақида ҳам бизда талай маълумотлар бор. Улар ер ости бойликлари ҳақида етарлича хабардор бўлиб, кончилик иши бўйича зарур кўникмага эга эдилар. Шу боис, ўзларига керак бўлган металлни қазиб олиш тажрибасини ўзлаштирган эдилар. Бронзани эритиб ундан ҳар хил ашёлар ясаш техникаси анча ривожланган.

Қадимий манбаларда “Орол денгизидан Нурота тоғларигича бўлган масофада темир, кумуш кам, олтин ва мис ниҳоятда кўп”, Страбон эса “уларнинг мамлакатада кумуш йўк, темир оз, аммо мис ва олтин ниҳоятда кўп”, деб, Марказий Осиё ҳақида маълумот бериб, ўз рисолаларида темир озлигидан от, улов, асбоб-анжомларнинг аксар кўп қисми олтин ва кумушдан ясалганлиги ҳақида ёзиб қолдирганлар [Ҳошимов, 1998, 2-сон].

Мил. авв. I минг йилликнинг бошларига келиб Ўрта Осиё аҳолиси темир билан танишади. Ҳозирги Ўзбекистон ҳудудида 4 та қадимги тарихий-маданий вилоятда илк темир даврига оид археологик мажмуалар аниқланган бўлиб, улар Шимолий Бактрияда, Суғд ҳудудларида, Фарғона водийсида ва Тошкент воҳасида жойлашган. Археологик ҳужжатларнинг гувоҳлик беришича, ўтмиш аждодларимиз мил. авв. I минг йиллик бошларида темирни кашф этдилар. Бу пайтга келиб ибтидоий жамоа одамлари биринчи бор темирдан хом ашё сифатида меҳнат қуроллари ишлаб чиқаришда фойдаланганлар. Темир ибтидоий жамоа тарихида буюк техник инқилобга сабаб бўлди. У деҳқончилик ва ҳунармандчиликни ривожланишига катта

таъсир кўрсатди. Темир туфайли одамзотнинг барча жабҳадаги ишлари юришиб кетди. Бир ойда бажариладиган иш темир туфайли тезлашди. У ибтидоий жамоа тузумини бузиб юборди ва хўжалик табақалашуви тезлашувига олиб келди. Натижада бозор вужудга келди, кенг қўламда мол айрибошлаш кучайди. Қурол-яроғ, ўк-камон, пичоқ, қилич ва қалқонлар темирдан ясалди. Ўша пайтларда мис, олтин, қалай, кўрғошин ҳам қазиб олинган.

Кармана яқинида қурилган шахристондан ҳам VI асрга доир бўлган моддий ашёлар, айниқса, сопол идишлар, металл буюмлар, мис-кумуш тангалар топилган [Тўхтиев, 1989. С. 76]. Топилган тангалар турк хоқонлигига тегишли бўлиб, турклар саррожлик, руда қазиб олиш ва ундан қурол-яроғ ясашда айниқса моҳир эдилар. Турклар ясаган қурол-яроғи, зебу-зийнат буюмлари хилма-хиллиги, пишиқлиги билан ажралиб турган. Кончилик фаолияти шу пайтда анча ривожланган. Олтин, темир, кумуш, мис, тузнинг бир неча хили, қимматбаҳо тошлар, турли маъданлар Суғд, Шош, Фарғона, Қашғар, Тохристон каби вилоятларида қазиб олинганлиги манбаларда аниқ кўрсатилган.

Шунга кўра, Ўрта Осиё кончилигини такомиллаштириш асослари жуда қадим-қадим даврларданок бошланган десак, муболага бўлмайди. Ўрта Осиё – қадим кончилик тарихини ҳозирги замон давр талаби билан ўрганиш долзарб аҳамиятга эга. Бешубҳа бу соҳага доир далиллар ва ишларни чуқур таҳлил этиш, Ўзбекистон кончилик ишлари тарихига янги саҳифалар киритади.

Фойдаланилган адабиётлар

- Асқаров А.А., Жўрақулов М.* Энеолит ва бронза даврида Ўрта Осиё. Самарқанд, 1984.
- Буряков Ю.Ф.* Из истории горного дела и металлургии древнего Согда // Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции. М., 2003.
- Жўрақулов М.* Ўрта Осиё палеолити. Самарқанд, 1983.
- Жўрақулов М.* Зарафшон воҳаси тамаддуни илк илдизлари саҳифасидан // ИМКУ. №34, Самарқанд, 2004.
- Массон М.Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
- Мирсоатов Т.* Древние шахты Учтута. Ташкент, 1973.
- Муҳаммаджонов А.* Қадимги Бухоро. Тошкент, 1991.
- Мирзахмедов Д.Ж., Хўжаназаров М.* Кармана. Историко-археологическая информация // «Зарафшон воҳаси ва унинг тарихдаги ўрни» мавзусидаги илмий конференция материаллари. Самарқанд, 2001.
- Сигдуллаев А., Эшов Б.* Ўзбекистон тарихи. 1- қисм. Тошкент, 1997.
- Темиров Ғ.Т., Одинаева З.Б., Ҳасанов А.С.* Қизилқумда кончилик саноати. Тошкент, 2007.
- Тўхтиев И.* Тангалар тилга кирганда. Тошкент, 1989.
- Ҳошимов С.* Туркистоннинг дипломатик алоқалари тарихидан // Фан ва турмуш. 2-сон. 1998.
- Хўжаназаров М., Сайфуллаев Б.* Новые палеолитические памятники Кизилкума // Суғд Марказий Осиёнинг маданий тизимида мавзусидаги конференция материаллари. Самарқанд, 1999.
- Шалатонин Б.С.* Қизилқумнинг мингдан бир мўъжизаси. Навоий, 1997.

ТОШНАЗАР ОМОНЖУЛОВ

Бешафқат, ногоҳоний ўлим ЎЗР ФА Я. Ғуломов номидаги Археология институтининг собиқ илмий ходими, Ўрта Осиё палеолит даври археологиясининг таниқли тадқиқотчиси, истеъдодли педагог олим, Гулистон Давлат Университети “Умумий тарих” кафедраси мудир, тарих фанлари номзоди, доцент Тошназар Омонжуловни 2011 йил 12 июнда орамиздан олиб кетди.

Тошназар Омонжулов 1950 йил 22 июнда Жиззах вилояти (ўша пайтда Самарқанд), Фориш тумани, Гараша қишлоғида касби дурадгор ва бинокор қурувчи бўлган Омонжул уста хонадониди дунёга келади. У 1956 йил Гараша қишлоғидаги В. Маяковский номи ўрта мактабнинг биринчи синфига боради ва 1966 йил ўн йиллик ўқишни аъло баҳоларга битириб етуқлик аттестатини олади.

Мустақил ҳаёт остонасига қадам қўйган ёш Тошназар ўз иш фаолиятини 1966 йилда тумандаги К. Маркс номи совхознинг чорва фермасида оддий ишчи вазифасидан бошлайди. 1967 йил у Сирдарё вилояти Андижон совхозида маҳаллий клуб кассири, 1967-1968 йилларда Ўзбекистон ФА зоология ва паразитология ҳамда тарих ва археология институтларида лаборант вазифасида фаолият кўрсатади. Экспедициянинг дала қидирув – казув тадқиқотларида қатнашиш Тошназар Омонжуловнинг касб танлашда ниҳоят бир тўхтамга келишга сабаб бўлади. 1986 йили у Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институтининг тарих факультетига ҳужжат топширади ва имтиҳонлардан муваффақият билан ўтиб талабалikka қабул қилинади.

Тошназар Омонжуловда талабаликнинг дастлабки даврлариданоқ юртимизнинг қадим тарихига, айниқса, инсониятнинг ниҳоятда сирли – синоатли ибтидоий даври, тош асрига, уни ўрганишга қизиқиш кучли бўлади. Шу сабабли, машҳур археолог олим, академик Яҳё Ғуломовдан қўшимча равишда археология фани, унинг палеолит даври сирларини ўргана бошлайди. Институтда ўз устозларидан олган назарий билимларини амалда қўллаб археология мутахассиси кўникмаларига эга бўлиш учун талабалик давридаёқ Т. Худойкулов, М. Қосимов, Т. Мирсоатов, Р. Сулаймонов, Ю. Буряков, А. Кабиров, Т. Ходжайов, М. Исоқов каби ўзбек археология мактабининг ўша пайтдаги тўнғич вакиллари билан археологик экспедицияларда ҳам фаол қатнашади. Ушбу омиллар туфайли Тошназар Омонжулов 1973 йил институтни муваффақиятли битириш арафасида шаклланишга улгурган, истеъдодли, келажак порлоқ, ёш мутахассис сифатида, академик Яҳё Ғуломовнинг назарига тушади ва домланинг шахсан таклифи билан Археология институтига ишга юборилади, шу йилдан у катта лаборант вазифасига ишга қабул қилинади.

1973-1974 йилларда Тошназар ака бир йиллик ҳарбий хизматга сафарбар қилинади. 1975-1976 йилларда Тошназар Омонжулов ўша пайтлардаги СССР ФА Археология институтининг Ленинград бўлимига стажёр – тадқиқотчи сифатида малака ошириш таҳсилига юборилади. ЎЗР ФА Археология институти раҳбарияти уни 1977-1979 йилларда Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институтининг аспирантурасига ўқишга юборади. Бу йилларда Тошназар Омонжулов Ўрта Осиё, хусусан, Ўзбекистон ҳудудидаги палеолит даври ёдгорликларида ўтказилаётган археологик излашларда фаол қатнашади. Тошкент воҳасидаги Кўлбулоқ, Оби-Раҳмат, Бўзсув, Палтов, Хўжакент, Чотқол, Фарғона водийсидаги Сел-унгур, Обишир ва Зарафшон ҳавзасидаги бир қатор палеолитнинг

турли даврларига, хусусан мустье босқичига оид ёдгорликларда ўтказилган кенг қамровли изланишлар, кейинчалик унинг илмий иши учун манбавий асос бўлиб хизмат қилади.

Ўтказилган кўп йиллик тадқиқотлар ўз самарасини беради. 1984 йил у Ленинградда тарих фанлари доктори, профессор П.И. Борисковский раҳбарлигида “Мустьерские памятники Ташкентского оазиса (техничко – типологическое исследование)” (“Тошкент воҳасининг мустье даври ёдгорликлари: техник – типологик тадқиқот”) мавзусидаги номзодлик ишини муваффақият билан ёқлайди. Диссертация расмий оппонентлар, соҳанинг таниқли археологлари проф, Г.Ф. Коробкова ва проф. В.И. Беляева томонидан муносиб баҳоланади.

Тошназар аканинг 5 та бобдан иборат мазкур илмий тадқиқотида Тошкент воҳаси мустье даври ёдгорликларининг асосий хусусиятлари, уларнинг тоифалари (ғор ёдгорликлар, очик осмон остидаги ёдгорликлар, маданий қатламлари бузилган ёдгорликлар), ушбу даврга оид ёдгорликлар “тош индустрия”сининг техник – типологик таснифи, уларнинг ўзаро ўхшашлиги ва фарқлиниши каби бир қатор масалалар ечими ҳал қилинган. Шу боисдан ҳам мазкур изланиш натижасида олинган илмий хулосалар ханузга қадар соҳа мутахассислари томонидан эътироф этилиб келинмоқда.

1988 йил Тошназар Омонжулов оилавий шароитга кўра, хонадон аҳли билан Гулистон шаҳрига кўчиб ўтади ва Гулистон ДУ нинг тарих факультетида ўз иш фаолиятини давом эттиради. Тошназар ака ўзидаги юксак маданият, камтарлик, одамохунлик ҳалоллик ва меҳнатқашлик, айниқса, юқори илмий салоҳият туфайли, тез орада янги жамоа орасида кўзга ташланади ва ўзига муносиб обрў, хурматга сазовор бўлади. Шу сабабли, уни университет раҳбарияти масъул ишларга тайинлайди. У 1994-2001 йилда “Умумий тарих” кафедраси мудири, 2001-2002 йилларда Жиззах Давлат педагогика институти “Ўзбекистон тарихи” кафедраси мудири, 2002-2003 йилларда Сирдарё вилоят ўқитувчилар малакасини ошириш институти катта илмий ходими, 2003-2004 йилларда Гулистон ДУ “Умумий тарих” кафедраси доценти, 2004 йилдан умрининг охиригача шу кафедра мудири сифатида фаолият кўрсатди.

Таниқли археолог, истеъдодли тарихчи ва меҳрибон устоз Тошназар Омонжулов ўзининг бутун илмий ва педагогик иш фаолиятини Ўзбекистоннинг энг қадимги даврлари тарихи муаммоларини ўрганишга, халқимизнинг бой моддий ва маънавий маданият меросини талабаларга замон талаблари, янги педагогик технологиялар асосида етказишга бағишлади. У Марказий ва Олд Осиё халқларининг ибтидоий маданияти бўйича ўтказилган фундаментал тадқиқотларда қатнашиб, ушбу илмий муаммолар бўйича 1975-1987 йилларда ташкил қилинган Украина, Кавказ ва Кавказ орти, Жанубий Сибир ҳамда Ўзбекистондаги Кўлбулоқ ва Сел-унгур экспедицияларининг фаол қатнашчиси ва тадқиқотчиси бўлди. Тошназар Омонжулов Россия, Украина, Арманистон, Грузия, Озарбайжон, Тожикистон ҳамда ватанимизда ўтказилган бир неча халқаро ва 40 дан ортиқ республика илмий – амалий анжуманларида маърузалар билан иштирок этди. Унинг умумий эълон қилган илмий ишлари 100 дан ортиқ бўлиб, ОЎЮ талабалари учун “Марказий Осиё халқлари тарихи” (2004 йил), номли укув қўлланмаси “Археология”, “Фан тарихи”, “Жаҳон цивилизациялари тарихи”, “Ибтидоий маданият тарихи”, каби фанлар бўйича тайёрлаган ўқув – услубий мажмуаларидан олий ўқув жараёнида ҳозирга қадар кенг фойдаланилмоқда.

Табиатан босиқ, хушмуомала, тўғрисиўз Тошназар ака оилада ҳам меҳрибон ота, аёлига ва фарзандларига ғамхўр валинеъмат эди. У киши рафиқалари Шафоат опа билан икки ўғил, уч қиз фарзандни тарбиялаб вояга етказган, барчасини олий маълумотли мутахассис қилиб жой жойига қўйган пиру – бадавлат ота, бир қатор набираларнинг сеvimли бобоси эди. Бугунги кунда Тошназар аканинг қизлари-Озода Сирдарё вилоят маданият ва спорт ишлари бошқармасида бўлим бошлиғи, Шаҳло Навоий шаҳридаги 5 – умум таълим мактабида ўқитувчи, Наргиз Гулистон шаҳридаги 15 – умумтаълим мактабида ўқитувчи, ўғиллари Исмоил “Гулистон янгиликлари” газетасида редактор ўринбосари, Икром вилоят Камолот Ё.И.Х. ёшлар қаноти бўлими бошлиғи бўлиб фаолият кўрсатмоқда. Тошназар аканинг ҳаёти, илмий, ижодий ва педагогик фаолияти унинг оиласи, фарзандлари тимсолида давом этмоқда. Ўрта асрда яшаб ўтган аллома Ҳасан Басрий “олимлар юлдузларга ўхшайди, агар улар кўриниб турса, зулматда қолган одамлар улар орқали йўл топишади. Агар улар йўқолиб, кўринмай қолсалар, қаёққа юришларини билмай танг аҳволда қолишади”- деган сўзлари муболағасиз таниқли олим Тошназар Омонжуловга ҳам тегишлидир.

Тошназар ака юксак қобилиятли археолог, маҳоратли педагог, устоз, содиқ дўст, ва яхши инсон сифатида барча ҳамкасблар дўстлари ва шогирдлари хотирасида абадий қолади.

Институт жамоаси

СОДЕРЖАНИЕ

А.Э. Бердимуродов, М.Х. Пардаев Мустикаллик йилларида ўзбек археологиясининг тараққиёти	7
А.Г. Мухаммадиев Додекатым II и Кульбулак – идея о микролитизации и ранней геометризации.....	13
Б.К. Сайфуллаев, О.Т. Эргашев, Н.О. Хушваков, М. Бердикулов Бифасы листовидной формы Кукаязских (1-8) мастерских	26
А.Р. Ботиров, Н.У. Холматов Очилғор макони ва унинг фаунаси	35
В.Д. Рузанов Химико-металлургическая характеристика металла могильника Муминабад.....	39
Б.М. Абдуллаев Древнейшая фортификация Ферганы в свете новых исследований в Синьцзяне (поздняя бронза и раннежелезный век).....	45
М. Хўжаназаров, А. Холматов Қорақиясой қоятош ёдгорлиги тадқиқотларидан	53
Ж. Люилье, М. Исамиддинов, К. Рапэн Раннежелезный век северного Согда: характеристика и предварительная типологическая хронология	57
Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов, М. Хасанов Изучение краниологического материала из Сангиртепа	67
К. Абдуллаев Бактрийский катафрактарий (к вопросу о конном и пешем воинстве Бактрии в античную эпоху). 74	
Е.И. Баданова Текстиль и особенности костюмного комплекса жителей Ферганской долины в эпоху раннего средневековья (по материалам могильника Мунчактепа).....	92
Ш.Т. Адылов Из политической истории Западного Согда (в свете проблемы «тирании Аброя» и тюрко-сасанидского конфликта)	102
Г.И. Богомолов Оссуарий из Бешкапа (Тойтепа) и его интерпретация.....	113
А.Э. Бердимуродов, Г.И. Богомолов Новая находка шахматной фигуры из Самаркандского Согда	123
М.М. Мамбетуллаев Раннесредневековый некрополь Куюккала.....	130
А.А. Раимкулов, А.П. Асланов Ўрта асрлар Самарқанд воҳаси рустоклари локализацияси масалалари	152
Н.Б. Немцева Южные ворота Самарканда	157
А.Э. Бердимуродов, А.Х. Атаходжаев, С. Мантелини Кафиркалинский клад серебряных монет 2-ой пол. VII - нач. IX вв.	164
Д.К. Мирзаахмедов, М.Н. Султанова О некоторых особенностях традиционного керамического ремесла средневекового Самарканда	170
М.-Ш. Кдырнийзов, О. Кдырнийзов Ремесленно-производственные комплексы Золотоордынского Миздахкана.....	175
М. Саидов Самарқанднинг IX-XIII аср бошларидаги турар жойларини ўрганилиши ва улар билан боғлиқ муаммолар.	187
Х. Матякубов Амударё куйи ҳавзаларининг қадимги табиий-географик ҳолати ва антропоген ландшафтининг шаклланиши	196
И. Жўраев Бронза даври чорвадор қабилаларининг этник қатлами ҳақида қадимги ёзма манбалар ва уларнинг археологик материаллар асосидаги таҳлили.....	201

Д.О. Каримова	
Шимолий Бақтрия давлатчилиқ асосларининг шаклланишида Жарқўтон ибодатхонаси комплексининг тутган ўрни	204
З.Б. Одинаева	
Зарафшон воҳаси қончилик ишлари саҳифасидан.....	209
Тошназар Омонжулов	213

Коллектив авторов

**История материальной культуры Узбекистана
Выпуск 37**

Рецензенты:

Д.и.н., профессор Р.Х. Сулейманов
К.и.н. А.А. Анарбаев

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

Редактор

М.Х. Пардаев

Технический редактор:

Т.Х. Очилов

Корректоры:

Д.К. Мирзаахмедов, А.А. Раимкулов

Набор

М.В. Кондрикова

Сдано в набор 12.12.2011 г. Подписано к печати 25.02.2012
Заказ 301. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист. 17. Уч.изд.л 17,5.
Бумага офисная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
140151, г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева, 3.

Издание осуществлено при поддержке
Узбекско-Французской
археологической экспедиции